ФОНД
поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности
«УНИВЕРСИТЕТ»

АССОЦИАЦИЯ ФИЛОСОФИИ ПРАВА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

МОЛОДЕЖНАЯ АССОЦИАЦИЯ “ФИЛОСОФИИ ПРАВА”

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77 – 40503

Журнал аккредитован в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ)

Подписной индекс по каталогу Агентства «Роспечать» – 71079

Электронная копия издания размещена в фондах Президентской библиотеки

Юридическая наука: история и современность

2017, № 3

Санкт-Петербург
2017

FOUNDATION
FOR SUPPORT OF SCIENCE AND EDUCATION IN THE AREA OF LAW
ENFORCEMENT ACTIVITIES
“UNIVERSITY”

ASSOCIATION OF THE PHILOSOPHY OF LAW SAINT-PETERSBURG

YOUTH ASSOCIATION PHILOSOPHY OF LAW

Journal is registered by Federal Service for Supervision in the Sphere
of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor).
Print publication registration certificate No. ФС 77 – 40503

Journal is accredited in the Russian Science Citation Index (RSCI)

Subscription index according to the catalog of Rospechat Agency – 71079

An electronic copy of publications available in the holdings of the Presidential Library

Legal science: history and the presence

2017, № 3

Saint-Petersburg
2017

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Сальников В.П., главный редактор журнала «Юридическая наука: история и современность», доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)

Антонов И.А., начальник кафедры уголовного процесса Краснодарского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор (г. Краснодар, Россия)

Арзамаскин Н.Н., заведующий кафедрой теории и истории государства и права Ульяновского государственного университета, доктор юридических наук, профессор (г. Ульяновск, Россия)

Бекки Колер да Круз, доцент кафедры уголовного правосудия, координатор программы магистратуры в области уголовного правосудия, координатор программы «Закон & Общество». Армстронг Атлантик Университет Штата доктор права, доктор философии (США)

Боброва Н.А., профессор кафедры государственного и административного права Самарского государственного аэрокосмического университета им. С.П. Королева (Национального исследовательского университета), доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Самара, Россия)

Боер В.М., декан юридического факультета Государственного университета аэрокосмического приборостроения, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации

Варыгин А.Н., профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии, доктор юридических наук, профессор (г. Саратов, Россия)

Егоршин В.М., профессор кафедры оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)

Захарцев С.И., профессор кафедры теории и истории государства и права Московского государственного университета технологии управления им. К.Г. Разумовского, доктор юридических наук (г. Москва, Россия)

Лукьянов В.В., начальник Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Санкт-Петербургу, заведующий кафедрой уголовного права Санкт-Петербургского государственного университета, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Майдар Батаев, доктор философии в юриспруденции «PhD», профессор Университета МВД Монголии (г. Улан-Батор, Монголия)

Рахимов М.З., директор Национального центра по законодательству при Президенте Республики Таджикистан, доктор юридических наук, профессор (г. Душанбе, Республика Таджикистан)

Стивен Хугланд, доктор, доцент уголовного правосудия Байнбридж колледж, Джорджия (США)

Томас Джурканин, доктор, доцент департамента уголовного правосудия, Университет штата Среднего Теннесси (США)

Хейонг Лим, доктор, доцент департамента уголовного правосудия, Университет штата Алабама в Бирмингеме (США)

Шутак И.Д., профессор кафедры теории и истории государства и права Ивано-Франковского университета права имени короля Данилы Галицкого (Украина), руководитель лаборатории академических исследований правового регулирования и юридической техники, доктор юридических наук, профессор (г. Ивано-Франковск, Украина)

Щендригин Е.Н., заведующий кафедрой конституционного и избирательного права Орловского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Орел, Россия)

Адрес редакции: 198261, Санкт-Петербург, пр. Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б.

Ответственность за достоверность сведений в опубликованных статьях несут авторы. Полная или частичная перепечатка материалов и использование их в любой форме, в том числе в электронных СМИ, допускается только с письменного разрешения редакции журнала.

© Юридическая наука: история и современность, 2017

© Фонд поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет», 2017

EDITORIAL TEAM

Sal'nikov V.P., Editor-in-Chief of the journal "Legal science: history and the present", Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia)

Antonov I.A., Chief of the Criminal Procedure Department of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Doctor of Legal Sciences, Professor (Krasnodar, Russia)

Arzamaskin N.N., Head of the Department of Theory and History of State and Law of Ulyanovsk State University, Doctor of Legal Sciences, Professor (Ulyanovsk, Russia)

Becky Kohler da Cruz, Associate Professor of Criminal Justice Department, Program Coordinator, Master of Science in Criminal Justice, Program Coordinator «Law & Society». Armstrong Atlantic State University, Doctor of Law, PhD (USA)

Bobrova N.A., Professor of the Department of State and Administrative Law of the Samara State Aerospace University named after S.P. Queen (National Research University), Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (Samara, Russia)

Boer V.M., Dean of the Department of Law of Saint-Petersburg State University of aerospace instrumentations, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Jurist of the Russian Federation

Varygin A.N., Professor of the Department of Criminal and Criminal Executive Law of Saratov State Academy of Law, Doctor of Legal Sciences, Professor (Saratov, Russia)

Egorshin V.M., Professor of the Department of operational-investigative activity of internal affairs of the St. Petersburg University of the Ministry of Interior of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia)

Zakhartsev S. I., Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the K.G. Razumovsky Moscow State University of Technology management, Doctor of Legal Sciences (Moskow, Russia)

Lukyanov V. V., Chief of Saint Petersburg Head Office of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Head of the Criminal Law Department of St. Petersburg State University, Doctor of Legal Sciences, Professor (Saint Petersburg, Russia)

Maidar Batayev, PhD in Law, Professor of the University of the Ministry of Internal Affairs of Mongolia (Ulan Bator, Mongolia)

Rakhimov M. Z., Director of the National Legislation Centre under the President of the Republic of Tajikistan, Doctor of Legal Sciences, Professor (Dushanbe, Republic of Tajikistan)

Steven Hougland, Doctor, Assistant Professor of Criminal Justice of Bainbridge College, Georgia (USA)

Thomas Jurkanin, Doctor, Assistant Professor of Criminal Justice Department, Middle Tennessee State University (USA)

Hyeyoung Lim, Doctor, Assistant Professor of the Department of Justice Sciences, University of Alabama at Birmingham (USA)

Shutak I. D., Professor of the Department of Theory and History of State and Law of Ivano-Frankivsk University of Law named after the King Daniel of Galicia (Ukraine), Head of the Laboratory of academic researches in the area of legal regulation and legal technique, Doctor of Legal Sciences, Professor (Ivano-Frankivsk, Ukraine)

Schendrigin E. N., Head of the Department of Constitutional and Electoral Law of Orel State University, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Jurist of the Russian Federation (Orel, Russia)

Editorial office address: 114, bldg. 1, Letter Б, Veteranov Ave., 198261, Saint Petersburg.

The authors are responsible for accuracy and reliability of the information in the published articles. Full or partial reprinting of materials and use of them in any form, including electronic media, is allowed only with the written permission of the editorial office of the journal.

© Legal science: history and the presence, 2017

© Foundation for support of science and education in the area of law enforcement activities «University», 2017

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Сальников В.П., председатель редакционного совета журнала «Юридическая наука: история и современность», доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)

Александров А.И., первый заместитель председателя Комитета Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству; член бюро Президиума Ассоциации юристов России; заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Алекс-дель-Кармен, доктор, заведующий кафедрой и профессор департамента криминологии и уголовного правосудия, Университет Техаса в Арлингтоне (США)

Баранов В.М., помощник начальника Нижегородской академии МВД России по инновационному развитию научной деятельности; главный редактор ВАКовского журнала “Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России»; председатель докторского диссертационного совета Д-203.009.01 по специальностям 12.00.01, 12.00.08, 12.00.09 по присуждению ученой степени доктора юридических наук, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Нижний Новгород, Россия)

Бондарь Н.С., Судья Конституционного Суда Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)

Василевич Г.А., заведующий кафедрой конституционного права Белорусского государственного университета; председатель Конституционного суда Республики Беларусь (1997-2008 гг.); Генеральный прокурор Республики Беларусь (2008-2011 гг.); доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист республики Беларусь (Минск, Республика Беларусь)

Исмагилов Р.Ф., депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации первого созыва; вице-губернатор Ленинградской области; Президент и Председатель Совета Ленинградской Торгово-промышленной палаты (1997-2014 гг.), доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)

Карташов В.Н., заведующий кафедрой теории и истории государства и права Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (г. Ярославль, Россия)

Козюбра Н.И., заведующий кафедрой общетеоретических и государственно-правовых наук Национального университета «Киево-Могилянская Академия»; судья Конституционного Суда Украины (1996-2003 г.г.), доктор юридических наук, профессор, академик, Заслуженный юрист Украины (г. Киев, Украина)

Майкл Болтон, доктор, профессор уголовного правосудия, Мэримаунт университет, Арлингтон, Вирджиния (США)

Молдабаев С.С., начальник Академии финансовой полиции Республики Казахстан, доктор юридических наук, профессор (г. Астана, Республика Казахстан)

Романовская В.Б., заведующая кафедрой теории и истории государства и права Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, доктор юридических наук, профессор (г. Нижний Новгород, Россия)

Рональд Свон, доктор философии в юриспруденции «PhD», член редколлегии журнала «Западное уголовное правосудие»; член редколлегии журнала «Форум руководящих работников правоохранения» (США)

Степашин С.В., сопредседатель Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России»; председатель наблюдательного совета государственной корпорации – Фонда содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства; народный депутат РСФСР, Председатель Комитета Верховного Совета Российской Федерации по вопросам обороны и безопасности (1990 – 1993 гг.); первый заместитель Министра безопасности, Директор Федеральной службы контрразведки, Директор Федеральной службы безопасности, Министр юстиции, Министр внутренних дел России (1993 – 1998 гг.); Первый заместитель Председателя Правительства Российской Федерации – Министр внутренних дел, Председатель Правительства Российской Федерации (1999 год); депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, председатель Комиссии по борьбе с коррупцией (1999 г.); Председатель Счетной палаты Российской Федерации (2000-2013 гг.), доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, Почетный доктор Дипломатической Академии МИД (г. Москва, Россия)

Хабибулин А.Г., заведующий кафедрой финансовых и экономических расследований, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Экимов А.И., заведующий кафедрой теории и истории государства и права Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, профессор кафедры теории и истории государства и права РУДН (Российский университет дружбы народов), доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Москва, Россия)

EDITORIAL BOARD

Sal'nikov V.P., Chairman of the editorial team of the journal "Legal science: history and the present", Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia)

Aleksandrov A.I., Deputy Chairman of the Committee of The Council of Federation of the Federal Assembly of the Russian Federation for constitutional legislation, legal and judicial issues, development of civil society, Head of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of St. Petersburg State University, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Jurist of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Alex del Carmen, Doctor, Head of a chair an Professor of the Department of Criminology and Criminal Justice, The University of Texas at Arlington (USA)

Baranov V.M., Assistant Chief of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for innovative development of research activities; Editor-in-Chief of the journal of the State Commission for Academic Degrees and Titles «Legal science and practice. Bulletin of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation»; Chairman of Doctoral Dissertation Council Д-203.009.01 for disciplines 12.00.01, 12.00.08, 12.00.09 on award of the degree of Doctor of Legal Sciences, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation (Nizhny Novgorod, Russia)

Bondar' N.S., Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Jurist of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia)

Vasilevich G.A., Head of the Constitutional Law Department of the Belarusian State University; Chairman of the Constitutional Court of the Republic of Belarus (1997-2008); Prosecutor General of the Republic of Belarus (2008-2011); Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Jurist of the Republic of Belarus (Minsk, Republic of Belarus)

Ismagilov R.F., Member of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation of the first convocation; Vice-Governor of the Leningrad Region; President and Chairman of the Leningrad Chamber of Commerce (1997-2014), Doctor of Legal sciences, Professor (Saint Petersburg, Russia)

Kartashov V.N., Head of the Department of Theory and History of State and Law of Yaroslavl Demidov State University, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Yaroslavl, Russia)

Kozyubra N.I., Head of the Department of General-Theoretical and State-Legal sciences of the National University of «Kyiv Mohyla Academy»; judge of the Constitutional Court of Ukraine (1996-2003), Doctor of Legal Sciences, Professor, Academician, Honored Jurist of Ukraine (Kyiv, Ukraine)

Michael Bolton, Doctor, Professor of Criminal Justice, Marymount University, Arlington, Virginia (USA)

Moldabayev S.S., Chief of the Academy of Financial Police of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Legal Sciences, Professor (Astana, Republic of Kazakhstan)

Romanovskaya V.B., Head of chair of the theory and history of state and law of N.I. Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Doctor of Legal sciences, Professor (Nizhny Novgorod, Russia)

Ronald Swan, PhD in Law, member of the editorial team of the journal «Western criminal justice»; member of the editorial team of the journal «Law Enforcement Executive Forum» (USA)

Stepashin S.V., Co-Chairman of the All-Russian public organization «Association of Lawyers of Russia»; Chairman of the supervisory board of the state-owned corporation – Support Fund for the Reform of the Housing and Utilities Sector; People's Deputy of the RSFSR, Chairman of the Committee of the Supreme Soviet of the Russian Federation for the Issues of Defence and Security (1990 – 1993); First Deputy Minister of Security, Director of Federal Counterintelligence Service, Director of Federal Security Service, Minister of Justice, Minister of Internal Affairs of Russia (1993 – 1998); First Deputy Chairman of the Government of the Russian Federation – Minister of Internal Affairs, Chairman of the Government of the Russian Federation (1999); Deputy of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, Chairman of Anti-Corruption Commission (1999); Chairman of the Accounts Chamber of the Russian Federation (2000-2013), Doctor of Legal Sciences, Candidate of Historical Sciences, Professor, Honorary Doctor of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Khabibulin A.G., Head of the Department of Financial and Economic Investigations, Professor of the Department of Theory of State and Law and Political Science of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University, Doctor of Legal Sciences, Professor (Moscow, Russia)

Ekimov A.I., Head of the Department of Theory and History of State and Law of Plekhanov Russian University of Economics, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Peoples' Friendship University of Russia, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Jurist of the Russian Federation (Moscow, Russia)

ОГЛАВЛЕНИЕ

Покровский И.Ф., Сальников В.П., Боер В.М., Гельдибаев М.Х., Глущенко П.П., Городинец Ф.М., Журавлев В.А., Кузнецов Э.В., Ромашов Р.А., Лойт Х.Х., Сафин Ф.Ю., Цмай В.В., Числов А.И. — Славный юбилей доктора юридических наук, профессора Рашида Борисовича Булатова 11

Захарцев С.И., Сальников В.П., Хабибулин А.Г., Щендригин Е.Н. — Поздравляем Джурахона Маджидовича Зоирова с 60-летием! 21

Теория и история права и государства. История учений о праве и государстве

От редакции — О дискуссии, вызванной статьей-презентацией д.ю.н., проф. В.В. Лазарева «Право и революция» 27

Корнев А.В. — Правопонимание в эпоху революций 28

Булатов Р.Б. — О некоторых аспектах легитимности власти в России в период двоевластия 1917 г. 37

Сидоренко А.И., Ибрагимова Ю.Э., Залоило М.В. — Интегративное понимание права 43

Клименко О.А., Мирзоев А.К., Третьяков И.Л. — Государственный суверенитет как комплексная проблема современности 59

Конституционное и муниципальное право. Конституционный судебный процесс. Административное право и административная деятельность.

Жильский Н.Н., Шаряпова Э.А. — К вопросу о публичных слушаниях 66

Усманова Р.М. — Реализация муниципальных прав в Республике Башкортостан 72

Гражданское и семейное право. Предпринимательское и международное частное право. Гражданский и арбитражный процесс

Кремлёва О.К. — Новеллы Гражданского кодекса Российской Федерации о корпорациях 78

Хамроев Ш.С. — Роль Гражданского кодекса Таджикской ССР в регулировании договорных отношений 82

Трудовое право и право социального обеспечения. Земельное, природоресурсное и аграрное право. Экологическое право и охрана окружающей среды. Корпоративное и энергетическое право. Информационное право. Законодательная деятельность и правоприменительный процесс

Аманацкий Ю.В. — Современное отечественное образование в системе обеспечения национальной безопасности России 88

Уголовное право и криминология. Уголовно-исполнительное право. Уголовный процесс. Криминалистика, судебно-экспертная деятельность и оперативно-розыскная деятельность

Кондрат Е.Н., Сальников С.П., Борисов О.С., Петров П.А. — История создания и правовые основы деятельности Интерпола 96

Финансовое и бюджетное право. Банковское и валютное право. Налоговое право

Калашников Р.А., Ермохина Г.В. Прокурорский надзор за деятельностью органов местного самоуправления в сфере организации деятельности органов внешнего муниципального финансового контроля 105

Судебная и прокурорская деятельность. Правозащитная и правоохранительная деятельность. Адвокатура и нотариат

Лазарев В.В., Фурсов Д.А. Правосудие в международном пространстве: сравнительно–правовой срез 110

Брылева Е.А. Трудовая деятельность в воспитательных колониях России как важнейшее направление ресоциализации несовершеннолетних осужденных 126

Международные отношения и внешняя политика. Международное и европейское право. Иностранное право

Смирнова Л.Н., Хабибулин А.Г. Проект «Пояса и Пути»: политические, экономические и оборонные аспекты 133

Кухнина Л.Ю. О соотношении терминов «гибридная правовая система» и «правовая система гибридного типа» в правовой науке 146

Ананских И.А., Александрова А.А. Статус Палестины как непризнанного государства 149

Философия права. Правовая культура и правосознание. Социология права и юридическая психология

Бабаджанов И.Х., Сальников М.В., Трусова Е.А. Право на искусственное оплодотворение и имплантацию эмбриона: этико-юридические проблемы 157

Боруленков Ю.П. Методология юридического познания: от формальной (классической) к универсальной, практической или интуитивной логике 173

Денисов А.М., Исмагилов И.Р., Масленников Д.В. Гегель и Савиньи: становление идеи историзма в праве 181

Покровский И.Ф., Степашин С.В., Масленников Д.В. Идея справедливости как онтологическое основание права: новые исследования петербургских правоведов. Рецензия на монографию: Р.Ф. Исмагилов, В.П. Сальников «Право и справедливость: исторические традиции и современные модели» (Историко-правовой анализ теоретических исследований актуальных вопросов отношения идеи права и идеи справедливости в XX-XXI вв.). – СПб.: Фонд «Университет», 2017. – СПб., 2017. – 324 с. (Серия: «Наука и общество»). 186

Сальников В.П., Галиев Ф.Х., Захарцев С.И. К новым рубежам теории государства и права. К выходу монографии Ф.М. Раянова Философия права: дискурсивный анализ и новые выводы: Монография. – М.: Юрлитинформ, 2017. 264 с. 193

Информация для авторов 199

CONTENTS

Pokrovskiy I.F.
Sal'nikov V.P.
Boyer V.M., Gel'dibayev M.Kh.,
Glushchenko P.P., Gorodinets F.M., Zhuravlev V.A.,
Kuznetsov E.V., Romashov R.A., Loyt Kh.Kh.,
Safin F.Yu., Tsmay V.V., Chislov A.I.
Glorious anniversary of doctor of legal sciences, professor Rashid Borisovich Bulatov 11

Zakhartzev S.I.,
Sal'nikov V.P.,
Khabibulin A.G.,
Schendrigin E.N.
Congratulations to Jurakhon Majidovich Zoirov on his 60th birthday! 21

Theory and history of law and state. History of law and state doctrines

From the Editorial Board
About the discussion caused by the article-presentation of Doctor of Law, prof. V.V. Lazarev «Law and Revolution»

Kornev A.V.
Legal understanding in the era of revolutions 27

Bulatov R.B.
On some aspects of the legitimacy of power in Russia in the period of the two-first region of 1917. 37

Sidorenko A.I.,
Ibragimova Yu.E.,
Zaloilo M.V.
Integrative understanding of law 43

Klimenko O.A.,
Mirzoev A.K.,
Tretyakov I.L.
State sovereignty as a complex problem of our time 59

Constitutional and municipal law. Constitutional litigation. Administrative law and administrative activities

Zhilskiy N.N.,
Sharapova E.A.
Turning to the question of public hearings 66

Usmanova R.M.
The implementation of the municipal rights in the Republic of Bashkortostan 72

Civil and family law. Business and private international law. Civil and arbitration proceedings

Kremleva O.K.
Novels of the civil code of the Russian Federation on corporations 78

Khamroev Sh.S.
The role of the civil code of the Tajik SSR in the regulation of contractual relations 82

Labour relations law and law of social security. Land, natural resources and agrarian law. Environmental law and environment protection. Corporate and energy law. Information law. Legislation and enforcement process

Amanatskiy Yu.V.
The modern domestic education in the system of ensuring Russia's security. 88

Criminal law and criminology. Criminal executive law. Criminal procedure. Criminalistics, judicial expert and operational investigative activities

Kondrat E.N.,
Sal'nikov S.P.,
Borisov O.S.,
Petrov P.A.
History of creation and legal basis of Interpol 96

Finance and budget law. Banking and monetary law. Tax law

Kalashnikov R.A., Ermokhina G.V. Procuratorial supervision of the activity of local self-government bodies in the sphere of organization of activity of bodies of external municipal financial control 105

Judicial and procuracy activities. Human rights and law-enforcement activities. Advocacy and notary system

Lazarev V.V., Fursov D.A. Justice in the international space: legal comparative review 110

Bryleva E.A. Labor activity in educational colonies of Russia as the most important direction of resocialization of juvenile convicts 126

International relations and foreign policy. International and European law. Foreign law

Smirnova L.N., Khabibulin A.G. The Belt and the Way project: political, economic and defense aspects 133

Kukhnina L.Yu. About the relationship between the terms «hybrid legal system» and «legal system of a hybrid type» in the legal science 146

Ananskikh I.A,, Alexandrova A.A. The status of Palestine as an unrecognized state 149

Legal philosophy. Legal culture and legal consciousness. Sociology of law and legal psychology

Babadzanov I. Kh., Sal'nikov M.V., Trusova E.A. The right to artificial insemination and embryo implantation: ethical and legal problems 157

Borulenkov Yu.P. Methodology of legal cognition: from formal (classical) to universal, practical or intuitive logic 173

Denisov A.M., Ismagilov I.R., Maslennikov D.V. Hegel and Savigny: the formation of the idea of historicism in law 181

Pokrovsky I.F. Stepashin S.V. Maslennikov D.V. The idea of justice as the ontological foundation of law: new research by St. Petersburg jurists. Review of the monograph: R.F. Ismagilov, V.P. Salnikov: "Law and Justice: Historical Traditions and Modern Models" (Historical and legal analysis of theoretical studies of topical issues of the relationship between the idea of law and the idea of justice in the twentieth and twenty-first centuries). - St. Petersburg: Fund "University", 2017. - St. Petersburg, 2017. - 324 p. (Series: "Science and Society") 186

Sal'nikov V.P. Galiev F.Kh, Zakhartzev S.I. To new frontiers of the theory of state and law. To the output of the monograph F.M. Ryanov: Philosophy of law: discursive analysis and new conclusions: Monograph. - Moscow: Yurlitinform, 2017. 264 p. 193

Information for the authors .....

ПОКРОВСКИЙ Иван Федорович,
доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Заслуженный юрист Российской Федерации, Заслуженный работник культуры РСФСР, Почетный работник морского флота России, Почетный работник транспорта России

САЛЬНИКОВ Виктор Петрович,
доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

БОЕР Виктор Матвеевич,
доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

ГЕЛЬДИБАЕВ Мавлад Хасиевич,
доктор юридических наук, профессор;

ГЛУЩЕНКО Петр Петрович,
доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, Почетный адвокат России;

ГОРОДИНЕЦ Федор Михайлович,
доктор юридических наук, профессор

ЖУРАВЛЕВ Валерий Анатольевич,
доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор

КУЗНЕЦОВ Эдуард Вениаминович,
доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации;

РОМАШОВ Роман Анатольевич,
доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации

ЛОЙТ Хиллар Харриевич,
доктор юридических наук, профессор, Заслуженный работник Высшей школы Российской Федерации;

САФИН Фярит Юсупович,
доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

ЦМАЙ Василий Васильевич,
доктор юридических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.

ЧИСЛОВ Александр Иванович,
доктор юридических наук, профессор

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве.

СЛАВНЫЙ ЮБИЛЕЙ ДОКТОРА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРА РАШИДА БОРИСОВИЧА БУЛАТОВА

Аннотация. *Посвящается юбилею профессора кафедры государственного права Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, доктора юридических наук, профессор Р.Б. Булатова.*

Ключевые слова: *Булатов Р.Б.; Санкт-Петербург; муниципальная власть; правозащитная деятельность.*

POKROVSKIY I.F.
SAL'NIKOV V.P.
BOYER V.M.
GEL'DIBAYEV M.Kh.
GLUSHCHENKO P.P.
GORODINETS F.M.
ZHURAVLEV V.A.
KUZNETSOV E.V.
ROMASHOV R.A.
LOYT Kh.Kh.
SAFIN F.Yu.
TSMAY V.V.
CHISLOV A.I.

GLORIOUS ANNIVERSARY OF DOCTOR OF LEGAL SCIENCES, PROFESSOR RASHID BORISOVICH BULATOV

The summary. *Dedicated to the anniversary professor of the Department of State Law of the St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Doctor of Law, Professor R.B. Bulatov.*

Key words*: R.B. Bulatov; St. Petersburg; municipal authority; human rights activities.*

Булатов Рашид Борисович родился 28 марта 1957 г. в богатом историей городе Уральске (бывший Яицкий городок), который являлся одним из центров восстания крестьян под предводительством Емельяна Пугачева. В городе сохранился микрорайон под названием Курени, где проживают потомки тех самых яицких казаков, которые составляли передовые отряды восставших. Город расположен на берегу р.Урал (бывшая р.Яик), что в западной части Казахстана на границе четырех российских областей: Саратовской, Волгоградской, Самарской и Оренбургской. Город окружен «речным поясом». Детство юбиляра прошло на реках Урал, Чаган, Деркул, озере Челкар, бесконечно богатых рыбой и дичью.

К сожалению, в семилетнем возрасте он потерял отца. У мамы на руках остались еще два его брата: старший – Марат и младший – Равиль. С 1970 г., когда старший брат покинул родительский дом и уехал учиться в Ленинград, он остался за старшего в семье. Решал бытовые вопросы, а главное, – активно помогал маме в воспитании младшего брата, во многом повлияв на его становление и развитие, выбор жизненного пути, карьерный рост, о чем Равиль всегда с благодарностью вспоминает.

С 1964 по 1974 г.г. учился в средних школах № 14 и № 3 г. Уральска. С первых школьных лет проявилась тяга к гуманитарным предметам, чтению книг. Особенно легко и интересно давались история, литература, русский язык. В школе не блистал примерным поведением, о чем сейчас глубоко раскаивается. И учителя в «наказание» иногда неожиданно поднимали с места и заставляли продолжать выступление отвечающего у

доски ученика. К их глубокому разочарованию, учащийся Булатов каким-то чудом умел продолжить рассказ точно с того самого места, на котором остановился отвечающий и с блеском заканчивал ответ, еще и добавляя свой комментарий. Им ничего не оставалось, как ставить пятерку, а особо «обиженные» учителя могли позволить себе поставить «непоседе» оценку «четыре» (минус один балл за неудовлетворительное поведение). По диктантам, изложениям и сочинениям, особо не утруждая себя заучиванием правил правописания, получал пятерки. Был очень подвижным, озорным, юморным и находчивым. Помнится, что в седьмом классе заменил на новогодних утренниках в роли Деда Мороза заболевшего учителя. И прекрасно справился с ролью, получая в качестве благодарности после каждого представления вкусную плитку шоколада от строгого, но довольного директора школы. Был незаменимым организатором поздравления учителей на праздниках, волшебным образом доставая им в те времена дефицита очень интересные и неформальные подарки.

После окончания школы поступил на отделение истории и педагогики историко-филологического факультета Уральского педагогического института им. А.С. Пушкина. В то время эта специальность была самой популярной в институте и конкурс среди поступающих был огромный. После произнесения им приветственного слова от имени первокурсников, предложили заниматься общественной работой, был избран членом комитета комсомола института. По окончании вуза и присвоения квалификации учителя истории и обществоведения, методиста по воспитательной работе получил направление на работу воспитателем в городское среднее профессионально-техническое училище (ГПТУ) №78. Вскоре был избран освобожденным секретарем комитета комсомола училища и проработал на этой должности до призыва на действительную военную службу в апреле 1980 г.

Военную службу проходил в специальных моторизованных частях милиции в г. Алма-Ате. В 1980 г. участвовал в обеспечении охраны общественного порядка на XXII Олимпийских Играх в г.Москве, в военном параде, посвященном 60-летию Казахстана. Во время прохождения парадного расчета на трибуне присутствовали члены Политбюро ЦК КПСС во главе с Генеральным секретарем. В армии был избран секретарем комитета комсомола батальона, награжден знаками воинского отличия, Почетной грамотой ЦК ВЛКСМ.

После демобилизации из армии был направлен на службу в органы внутренних дел. Милицейскую службу проходил в подразделениях уголовного розыска Управления внутренних дел Уральского облисполкома на различных должностях, в том числе, – начальника отделения по борьбе с наркоманией Уральской области. Вспоминаются годы упорной и успешной работы, первые раскрытые преступления, быстрое продвижение по служебной лестнице, блестящие учителя и наставники полковники милиции Филиппов С.В., Куренной В.А., Шилов И.А., Ерышев В.Д., Еспанов Т.Е.; «друзья-однополчане» полковники милиции Пискунов Александр, Жаналиев Талгат, Дюсекенов Талгат, Пак Борис и многие – многие другие. Здесь вступил в КПСС. В 1985 г. в качестве командира сводного отряда милиции Уральской области участвовал в обеспечении общественного порядка на XII Всемирном фестивале молодежи и студентов в Москве. В эти же годы судьба могла связать его с Москвой, представился случай по службе. А дело было так. В 1986 г. в г. Уральск неожиданно прибыла группа проверяющих из ГУУР МВД СССР целенаправленно проверить организацию работы по борьбе с наркоманией в области. В эти годы, после объявления перестройки, только открывался «занавес» подобных проблем и, конечно же, недостатков в работе было много, так как работать по этой линии фактически только начинали и учились. Прибытие в провинциальный город проверяющих из центрального союзного аппарата было большой редкостью и одновременно «шоком» для всех и особенно для руководства управления внутренних дел. Решили, что ничего хорошего ожидать не стоит и надо быть готовым к самому худшему ... . А так как наш юбиляр, фактически, возглавлял эту линию работы по городу и области, то, в первую очередь, пришлось «отдуваться» ему и его подразделению. Работали день и ночь, приводили в порядок оперативные дела, служебную документацию, картотеки и т.д. Оказывается, не зря. По результатам проверки комиссия подготовила в целом положительную справку и признала работу удовлетворительной, о чем

и было отмечено в сводном обзоре ГУУР МВД СССР. Радость переполняла всех, а юбиляру прибавляла служебного «веса». Прошло некоторое время и начальник уголовного розыска Ерышев В.Д. признался в том, что он за спиной юбиляра, возможно, решил его «московскую» судьбу. Оказывается, что вскоре после проверки из МВД СССР пришла телеграмма с предложением откомандировать капитана милиции Булатова Р.Б. в Москву для включения в состав комиссии ГУУР МВД СССР с целью проверки работы по линии борьбы с наркоманией в Приморском крае. Руководство УВД понимало, что это прямой путь на перевод в распоряжение главного органа уголовного розыска страны и не пожелало отпускать перспективного сотрудника. А в Москву дали ответ о невозможности его командировки по надуманной причине. Обо всем этом он узнал гораздо позднее.

У Рашида Борисовича уже давно была сокровенная мечта, которую знали только самые близкие люди, – жить в Ленинграде! В городе, который он полюбил сразу и навсегда, когда впервые в 1970 г. приехал сюда из Уральска 13-летним школьником в общежитие к старшему брату, который в тот год поступил в Ленинградский кораблестроительный институт. Кстати, так получилось, что он добирался в Ленинград один, под Новый 1971 год, на поездах с пересадкой в Москве. Вот какое было спокойное и безопасное время! С 1984 г., более двух лет, он упорно искал вариант квартирного обмена на Ленинград, став самым узнаваемым клиентом городского бюро жилищного обмена. Мечта сбылась, нашелся удачный обмен. Он съездил в Ленинград, нашел место работы, договорился о запросе на перевод, прописался по новому месту жительства, вернулся на работу и стал ждать запроса личного дела. Все это проходило в глубокой тайне от руководства, так как он опасался возникновения каких-либо препятствий перевода по службе. Пришедший запрос на личное дело в связи с переводом в Ленинград, стал, очень мягко говоря, большой неожиданностью для руководства. Проводились беседы, пытались отговорить, но ... .

Но, тем не менее, в 1987 г. он вместе с мамой и младшим братом переехал на постоянное место жительства в Ленинград. На новом месте начал службу в Невском районе, фактически «с нуля», – оперуполномоченным уголовного розыска территориального отдела милиции, а далее, в течении трех лет, занимая поочередно должности старшего оперуполномоченного, заместителя начальника отдела милиции по оперативной работе, инспектора Организационно-инспекторского управления штаба ГУВД по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, был назначен на должность начальника 75 отдела милиции Невского РУВД, на которой проработал в течение 5 лет (с 1991 по 1996 г.г.). Невский район, один из самых крупных в городе, с населением пол-миллиона жителей, преимущественно промышленной зоной на территории, всегда был одним из самых сложных в оперативном плане, особенно в «лихие» 90-е годы. Несмотря на это, работалось легко, интересно, творчески. Возглавляемое им подразделение неоднократно лидировало среди других семи территориальных отделов милиции Невского района. Очень часто приходилось соперничать с 10 отделом милиции, которым руководил младший брат – Равиль Борисович Булатов. А по результатам радовались успехам друг друга. На совещаниях, чтобы не перепутать, братьев называли Булатов – «правобережный» (Рашид Борисович) и Булатов – «левобережный» (Равиль Борисович), то есть по берегам р. Невы , на которых расположен Невский район.

Наряду со службой юбиляр никогда не забывал о необходимости повышения образовательного уровня и в этом направлении тоже преуспел. В 1983 г., успешно пройдя испытательные экзамены, поступил во Всесоюзный юридический заочный институт (ныне Московская государственная юридическая академия им.О.Е.Кутафина). В связи с переездом в Ленинград, окончив три полных курса института, оформил перевод и продолжил обучение в Ленинградской высшей школе МВД СССР, которую окончил в 1991 г. по специальности «правоведение» с присвоением квалификации «юрист». А после этого открылся совершенно новый этап в жизни юбиляра, связанный с началом его научно-преподавательской деятельности. Здесь надо сделать отступление и сказать, что в Ленинград наш «герой» приехал, как раньше говорили, с «рекомендательным письмом», адресованным проживающему здесь авторитетному ученому, доктору юридических наук, профессору, Заслуженному юристу Российской Федерации, легендарному герою

Великой Отечественной войны, инвалиду первой группы, потерявшему в бою обе ноги, Якову Михайловичу Бельсону. Мэтр юридической науки, видимо, смог разглядеть потенциальные возможности подопечного, и в 1992 г. рекомендовал Булатова Р.Б., в то время начальника территориального отдела милиции, для поступления в заочную адъюнктуру первого набора, вновь образованного Санкт-Петербургского юридического института МВД России и стал научным руководителем по его кандидатской диссертации. Он же представил юбиляра доктору юридических наук, профессору, полковнику милиции Виктору Петровичу Сальникову, который только что был назначен на должность заместителя начальника этого института по научной работе. Он был учеником Я.М.Бельсона, впоследствии стал начальником Санкт-Петербургского университета МВД России, Заслуженным деятелем науки Российской Федерации, генерал-лейтенантом милиции и оказал огромное влияние на дальнейшую научно-педагогическую судьбу юбиляра[23].

С 1993 по 1995 г.г. – обучение в заочной адъюнктуре, работа над кандидатской диссертацией. В апреле 1995 г. состоялась успешная защита диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук на тему: «Культурные ценности: правовая регламентация и юридическая защита»[2]. Официальными оппонентами по диссертации выступили видные российские ученые-юристы: доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Заслуженный работник культуры РСФСР Покровский Иван Федорович (который с этого времени стал Учителем, наставником и старшим другом юбиляра) и профессор кафедры теории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета, доктор юридических наук, профессор Гревцов Юрий Иванович. Они дали положительную оценку проведенного диссертантом исследования. Забегая вперед, необходимо отметить, что по многим причинам диссертант не стал дальше развивать эту тему, однако через много лет он продолжил ее апробацию в студенческой аудитории, работая в должности профессора юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения (СПб ГУАП), когда ему было предложено преподавать новую учебную дисциплину «Правовая охрана культурных ценностей». Это выразилось в чтении лекций и проведении практических занятий, а также создании с «нуля» дисциплинарной учебно-методической базы.

После защиты кандидатской диссертации с 1996 по 2007 г.г. продолжил службу в Санкт-Петербургском юридическом институте МВД России (после реорганизации в 1997 г. – СПб Академии МВД России, с 1998 г. – СПб Университете МВД России). Сначала работал в должности старшего преподавателя на кафедре ОРД, преподавал учебную дисциплину административная деятельность в органах внутренних дел. При его участии был издан курс лекций по данному предмету. В 1997 г. был назначен на должность заместителя начальника кафедры конституционного права. Проявил организаторские способности, умение работать с коллективом, что позволило в 1998 г. выдвинуть его на должность начальника, впервые образованной в университете, кафедры муниципального права, на которой он проработал до проведения реорганизации в ВУЗе в 2000 г. За период деятельности кафедры была подготовлена учебно-методическая база, полностью укомплектован штат преподавателей, началась работа с адъюнктами и соискателями, занимающимися подготовкой исследований по проблемам муниципального права.

В 1999 г. Приказом Министра Внутренних Дел Российской Федерации ему было досрочно присвоено звание «полковник милиции». А в 2000 г. он был направлен руководством Санкт-Петербургского университета МВД России для дальнейшего прохождения службы и повышения научно-педагогического уровня в докторантуру Университета. За период обучения в докторантуре им была подготовлена диссертационная работа, посвященная разработке и исследованию конституционно-правовых проблем организации и осуществления муниципальной власти в Российской Федерации.

Параллельно с учебой в докторантуре, в 2000 г., он был избран депутатом Муниципального совета Муниципального образования № 53 Невского района Санкт-Петербурга и проработал на освобожденной должности в течение 5 лет. В Совете возглавлял постоянную комиссию по законности и правопорядку. Осуществляемая работа в муниципальном

округе, предоставила ему уникальную возможность применить теоретические разработки в практической муниципальной деятельности, позволила классически соединить теорию с практикой и успешно защитить в 2006 г. докторскую диссертацию на тему: Муниципальная власть и проблемы ее реализации в Российской Федерации (конституционно-правовой анализ) [3]. Диссертация явилась первым в России комплексным конституционно-правовым исследованием муниципальной власти, муниципального строя и механизма их осуществления, охраны и совершенствования.

В настоящее время он работает на кафедре государственного права СПб ГУАП (с 1998 г.) Начинал трудиться здесь по совместительству в должности доцента, а с 2007 г. является профессором кафедры. В разное время (с 1998 по 2016 г.г.) параллельно работал по совместительству в должности доцента (профессора) и в других вузах Санкт-Петербурга: Институте морского права (1998-2001 г.г.), Государственной морской академии им. адмирала С.О. Макарова (2005-2006 г.г.), Университете управления и экономики (1998-2000 г.г., 2012-2013 г.г.), Санкт-Петербургском филиале Академии Следственного комитета Российской Федерации (2015-2016 г.г.). Им читаются лекционные курсы и проводятся практические занятия по дисциплинам: конституционное право России, муниципальное право, конституционное право зарубежных стран, актуальные проблемы муниципального права, правовая охрана культурных ценностей.

Говоря о научных достижениях Р.Б. Булатова, необходимо особенно отметить, что им введен в научный оборот термин «муниципальный строй» и впервые путем историко-правового системного подхода раскрыто понятие и дано обоснование муниципального строя и составляющих его элементов [5; 7]. В науке конституционного и муниципального права до настоящего времени очень мало фундаментальных исследований, раскрывающих само понятие муниципальной власти, механизм ее функционирования, ее свойства и характеристики. Р.Б. Булатов и в этом направлении во многом является новатором [3; 10; 11]. Говоря о том, что любая власть не существует в «безвоздушном пространстве», а, наоборот, находится в связи с необходимыми институтами (например, государственная власть – производна от государства и функционирует от его имени), он доказывает, что в подобном ракурсе рассматривается и муниципальная власть, производно от муниципальных образований в территориальных пределах субъектов РФ осуществляющая деятельность от имени муниципальных образований [16; 20; 22]. Данная форма власти есть порождение власти населения муниципальных образований (муниципальных сообществ) и является относительно автономным институтом более широкого понятия – «муниципального строя» на территории конкретных субъектов РФ. Он утверждает, что муниципальная власть не существует сама по себе, а является продуктом более емкой и сложной системы – муниципального строя. Это не совокупно-конгломератная конструкция, т.е. механическое соединение неких разнородных элементов, а, наоборот, муниципальный строй (подобно земскому строю) есть относительно автономная система «регионального» многогранного свойства [8; 12; 13; 24]. Но, если в имперской российской организации общества земствам принадлежало особое место, то в сравнении с великовозрастным земским строем, муниципальный строй – просто «утробный младенец», пребывающий в стадии «зародыша», с претензией на становление и утверждение относительно автономного статуса конституционного строя субъектов РФ. Центральным институтом системы муниципального строя, его доминантой служат муниципальные образования, а непосредственной правовой основой муниципального строя являются уставы муниципальных образований, условно говоря, «малые муниципальные конституции» [5; 9].

Стаж научно-педагогической деятельности юбиляра составляет 25 лет. Он является автором 130 научных и учебно-методических работ, из них 28 статей в журналах, входящих в перечень зарегистрированных Высшей аттестационной комиссией Минобразования Российской Федерации (ВАК РФ), а также 3 научных монографии [4; 5; 25]. Регулярно публикуется в федеральных научных журналах. Так, только в 2015-2016 г.г. в этих изданиях им лично и в соавторстве было опубликовано 18 научных статей по различным проблемам осуществления муниципальной власти, правозащитной деятельности [6, 14; 15; 18; 21], миграционной политике государства, в том числе в таких изданиях,

зарегистрированных ВАК, как: «Юридический мир» [8; 18], «Конституционное и муниципальное право» [10; 17], «Миграционное право» [1; 19], «Мир юридической науки» [11; 13; 16]. В последнее время Р.Б. Булатов проявляет интерес, пожалуй, к самой актуальной теме современности, касающейся проблем развития миграционных процессов в мире, совершенствования государственной миграционной политики Российской Федерации, защиты прав вынужденных мигрантов. Это нашло отражение в научных исследованиях, опубликованных в ряде упомянутых юридических центральных научных изданий [1; 17; 19].

В 2001 г. он участвовал в работе рабочей группы Комиссии при Полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе по подготовке предложений о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления. За это был отмечен грамотой Полномочного представителя Президента РФ. В 2007 г. был принят в члены Российской академии юридических наук, регулярно участвует в ежегодной итоговой научной конференции, проводимой Академией, по результатам которой издается сборник научных трудов, зарегистрированный ВАК. С 2007 по 2013 г.г. являлся членом диссертационного совета по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора юридических наук Д.203.012.01, функционировавшего в Санкт-Петербургском университете МВД России. В связи с реформированием, в 2013 г. решением ВАК РФ деятельность совета была приостановлена. С 2015 г. включен в состав редколлегии федерального научного журнала «Мир юридической науки», зарегистрированного ВАК.

Был удостоен правительственных и ведомственных наград и поощрений. Среди них: две медали «За безупречную службу в органах внутренних дел» 3 и 2 степени, медаль Ветерана труда, знаки «За отличие в службе» 2 и 3 степени, медаль имени Ю.А. Гагарина, медаль имени М.В.Келдыша и др.

Рашид Борисович всегда подчеркивает, что его становление и развитие, как ученого и преподавателя, состоялось благодаря вниманию, помощи и поддержке известных российских ученых и прекрасных руководителей, чутких, отзывчивых, глубоко порядочных людей, таких как: Покровский И.Ф., Бельсон Я.М., Зиновьев А.В., Сальников В.П., Боер В.М., Гревцов Ю.И., Уткин Н.И., Ростов К.Т., Соболь И.А., Проценко Е.Д, Лойт Х.Х. и др.

Хотелось бы особо отметить участие в его судьбе мамы, Булатовой Розы Гильмановны. Конечно же, она – примерная женщина-мать, которая мужественно переносила жестокие удары судьбы, при этом оставаясь удивительно женственной, красивой, умной, чуткой, доброй и внимательной не только к своим детям, но и ко всем окружающим ее людям. Всей своей жизнью она заслужила любовь и глубокое уважение всех, кто ее знал. В начале 50-х годов она потеряла сначала отца, а вскоре и мать, а после внезапной кончины мужа в 1964 г., в возрасте 35 лет, осталась одна с тремя малолетними сыновьями, которым было 11, 7 и 4 года. Все жизненные трудности, от их начала и до своей кончины в 2008 г., с ней разделяла бабушка, Бичурина Айша Алимовна, которая жила с ними в одном доме. Несмотря ни на что, они сумели вырастить и воспитать детей достойными членами общества. Рашид Борисович до сих пор удивляется, вспоминая детские и юношеские годы, где и как мама находила время, силы и средства на воспитание и образование сыновей, работала учительницей и одновременно выполняла большую общественную работу, возглавляя партийную организацию коллектива и являясь секретарем участковой избирательной комиссии. И, тем не менее, она сумела так исполнить родительский долг, что каждый из ее сыновей не потерялся в жизни, а нашел свою общественную нишу. Все ее дети получили высшее образование в Советском Союзе, окончив по два высших учебных заведения. Старший брат, Булатов Марат Борисович, с отличием окончил среднюю школу, поступил в вуз и после окончания Ленинградского кораблестроительного института и Ленинградского технологического института холодильной промышленности, трудился на Ульяновском авиационном заводе в должности начальника отдела. К сожалению, он рано вышел на пенсию по инвалидности. Младший брат, Булатов Равиль Борисович, полковник милиции в отставке, кандидат юридических наук имеет высшее педагогическое и юридическое образование. Долгие годы работал в милиции Санкт-Петербурга, в

том числе в должности начальника 10 отдела милиции Невского РУВД, вышел в отставку с должности начальника УВД Химкинского района Московской области. В 1998-2003 г.г. он избирался депутатом Муниципального совета и был Главой Муниципального образования округа №49 Невского района Санкт-Петербурга.

Маме в этом году должно было исполниться 90 лет, но к глубокой скорби всех, кто ее знал, в конце 2016 года её не стало… И, хотя ее сопровождали многочисленные «болячки», она всегда жила интересом к жизни, вниманием к людям, заботами, радостями и проблемами своих детей, потому что не могла иначе. Ее радовали внуки, которых у нее было пять. Ее дети были воспитаны так, что для них семья, семейные ценности имеют первостепенное значение.

Не раз приходилось слышать от Рашида Борисовича, что он благодарен судьбе за то, что она подарила ему удивительную и необыкновенную маму, выдающихся учителей и наставников, замечательных друзей и, дорогих его сердцу, братьев, а также семью – надежный тыл – верную, любящую и любимую жену, Марину Анатольевну, и двух замечательных сыновей – Руслана и Тимура. Жена, кроме того, что она заботливая супруга и мать, во многом помогала ему в творческом росте. В частности, большая заслуга принадлежит ей в успешной защите им кандидатской и докторской диссертаций. Она взяла на себя техническую работу и, в первую очередь, печатание многочисленных текстов. Кстати, супругу он встретил в Ленинграде, в ее родном городе, когда, будучи оперуполномоченным уголовного розыска, проводил поквартирный обход в связи с тяжким преступлением, совершенным в доме, где она проживала с мамой и бабушкой. Можно сказать, нашел жену, «используя служебное положение».

В преддверии праздника Великой Победы нельзя не вспомнить еще одного близкого им человека. Это героическая бабушка его жены – Комартдинова Арифа Кариндатовна, которая с первого дня обороняла Ленинград во время блокады, была тяжело ранена, взорвавшимся фашистским снарядом. Ей ампутировали ногу и удалили глаз. Тогда ей было всего 25 лет. Она стала инвалидом Великой Отечественной войны I группы. Огромная сила духа, великая вера в победу, в светлое будущее, любовь к Родине, родным и близким помогали таким людям выжить в неимоверно трудных условиях. Ко всем бедам навалилась еще одна. Бабушка потеряла единственного ребенка, маму жены, Наталью Александровну, которую успела до ранения эвакуировать в тыл с чужими людьми. Но в пути транспорт, на котором перевозили детей, попал под бомбежку. Девочке было всего 4 года. Несколько лет бабушка безрезультатно искала свою дочь, но верила, что она жива. Ее горе было неописуемо. Но, видимо, «наверху» посчитали, что нельзя на одного человека сваливать столько бед и страданий. И вот бабушка дождалась подарка судьбы. Дочь нашлась, и они снова были вместе. Она выросла и вышла замуж. Вскоре родилась Марина, будущая жена юбиляра. Ее мама много работала, являясь руководителем в торговой организации. Все заботы по воспитанию Марины взяла на себя ее бабушка. Она была мудрая, ласковая и добрая, строгая, но справедливая, беззаветно любящая свою единственную внучку.

Супруга Рашида Борисовича впитала и старается перенести бесценную науку бабушкиного воспитания на своих сыновей, которые на данный момент радуют родителей. Старший сын, Руслан, после окончания двух вузов, получил высшее юридическое и финансово-экономическое образование, работает в полиции Городского округа Химки Московской области, носит звание «капитан полиции». Младший сын, Тимур, успешно учится на первом курсе в вузе, нацелен получить диплом юриста и работать в правоохранительных органах. В течение трех лет, с 5-го по 7-й класс, он прошел обучение в Санкт-Петербургском Суворовском военном училище.

В их семье стало традицией, 9 мая, вспоминать героическую бабушку. В этот день они все вместе отправляются на кладбище, возлагают цветы к ее могиле. Взрослые и дети общаются с ней, как с живой, докладывают о своих успехах. Затем все приезжают домой и устраивают застолье. Наталья Александровна достает бабушкины боевые награды, 2 ордена и медали. Они смотрят на них с гордостью и волнением, вспоминая бабушку. Так будет и 9 мая 2017 г. Так будет всегда, пока жива наша память.

Дорогой Рашид Борисович! Мы, Ваши друзья, учителя, наставники, коллеги по совместной работе в вузах Санкт-Петербурга, а также службе в системе МВД России горячо и сердечно поздравляем Вас с замечательным Юбилеем – 60 лет со Дня рождения! Мы все знаем Вас как

исключительно порядочного, доброжелательного и чуткого человека. Вас отличают редкие личностные качества, отзывчивость, внимание и доброжелательное отношение к людям. Вы прекрасный семьянин, заботливый муж и отец.

Хотим особо отметить Ваши высокие деловые качества, такие как работоспособность, добросовестность, умение грамотно решать непростые профессиональные задачи. Отношение к службе в МВД СССР, России, где Вы прошли путь от рядового до полковника милиции, начальника территориального отдела МВД, доктора юридических наук, профессора, начальника кафедры Санкт-Петербургского университета МВД России позволяет нам говорить о Вас как о серьезном профессионале, настоящем патриоте Родины.

В этот прекрасный день искренне желаем Вам, дорогой Рашид Борисович, крепкого здоровья и благополучия! Пусть рядом с Вами всегда будут надежные друзья, а любовь родных и близких придает силы для новых свершений. Желаем счастья Вам и Вашим близким!

Список литературы

1. Андрейцо С.Ю., Булатов Р.Б., Орловский Е.А. О необходимости совершенствования миграционной политики России в целях защиты прав человека // Миграционное право. – 2016. – № 3. – С. 30-33.
2. Булатов Р.Б. Культурные ценности: правовая регламентация и юридическая защита: Дис. ... канд. юрид. наук. – СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт МВД России, 1995.
3. Булатов Р.Б. Муниципальная власть и проблемы ее реализации в Российской Федерации (конституционно-правовой анализ): Дис. ... докт. юрид. наук. – СПб: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2006.
4. Булатов Р.Б. Муниципальная демократия и механизм её осуществления: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2005. – 187 с.
5. Булатов Р.Б. Правовая охрана муниципального строя: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2006. – 196 с.
6. Булатов Р.Б., Каюмов Д.Р. Гражданин как высшая ценность конституционно-демократического, гражданского общества // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2006. – №2 (30). – С. 118-122.
7. Булатов Р.Б. О необходимости и путях укрепления налоговой базы муниципального строя // Налоги. – 2006. – № 1. – С. 12-15.
8. Булатов Р.Б. О некоторых проблемах природоресурсного потенциала муниципального строя // Юридический мир. – 2006. – № 4. – С. 49-53.
9. Булатов Р.Б. Социальные приоритеты муниципального строя России в рамках концепции национальной безопасности государства // Социальное и пенсионное право. – 2006. – № 1. – С. 46-48.
10. Булатов Р.Б. Концептуальные аспекты муниципальной власти в России // Конституционное и муниципальное право. – 2006. – №8. – С. 30-32.
11. Булатов Р.Б. К вопросу о взаимосвязи и проблемах правового регулирования муниципальной и государственной службы // Мир юридической науки». – 2012. – № 5. – С. 33-37.
12. Булатов Р.Б. Об основных тенденциях формирования и развития муниципальной власти в России // Вестник СПб университета МВД России. – 2012. – № 4(56). – С. 31-36.
13. Булатов Р.Б. Муниципальная власть: основные черты и особенности // Мир юридической науки. – 2013. – № 1-2. – С. 30-35.
14. Булатов Р.Б. Правовая основа государственно-организованного общества // Мир политики и социологии. – 2013. – № 9. – С. 38-43.
15. Булатов Р.Б. К вопросу о зарождении конституционализма в России // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 10. – С. 60-65.
16. Булатов Р.Б. Становление и развитие муниципальной власти в России // Мир юридической науки. – 2015. – № 5. – С. 37-42.
17. Булатов Р.Б., Андрейцо С.Ю. О проблемах российского законодательства в сфере правовой защиты вынужденных мигрантов // Конституционное и муниципальное право. – 2016. – № 9. – С. 35-39.
18. Булатов Р.Б., Орловский Е.А. К вопросу о подготовке кадров прокуратуры Российской Федерации в сфере обеспечения и защиты прав человека // Юридический мир. – 2016. – № 6(234). – С. 39-42.
19. Булатов Р.Б., Андрейцо С.Ю. Проблемы обеспечения и защиты прав иностранных граждан в России // Миграционное право. – 2016. – № 4. – С. 21-24.

20. Булатов Р.Б., Глущенко П.П., Орловский Е.А. Механизм правозащитной деятельности органов муниципальной власти: понятие, содержание и особенности // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 5. – С. 121-135.
21. Булатов Р.Б., Глущенко П.П., Орловский Е.А. Обеспечение реализации и защиты конституционных прав и свобод граждан органами государственной и муниципальной власти: правовые методы, средства и способы // Мир политики и социологии. – 2016. – № 5. – С. 100-116.
22. Булатов Р.Б., Глущенко П.П., Орловский Е.А. Муниципальная власть и правозащитная деятельность: актуальность проблемы и некоторые итоги размышлений // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 5. – С. 51-58.
23. Булатов Р.Б. Слово о выдающемся человеке В.П. Сальникове // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 6. – С. 17-27.
24. Булатов Р.Б., Глущенко П.П., Орловский Е.А. Конституционно-правовой статус органов государственной и муниципальной власти: понятие, содержание и особенности // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 9. – С. 36-46.
25. Булатов Р.Б., Глущенко П.П., Орловский Е.А. Муниципальная власть и правозащитная деятельность: Монография. - СПб., 2017.

ЗАХАРЦЕВ Сергей Иванович,
профессор кафедры теории и истории государства и права Московского государственного университета технологии управления им. К.Г. Разумовского, доктор юридических наук (г. Москва, Россия)
E-mail: Sergeyivz@yandex.ru

САЛЬНИКОВ Виктор Петрович,
главный редактор журнала «Юридическая наука: история и современность», доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: Fonduniver@bk.ru

ХАБИБУЛИН Алик Галимзянович,
Заведующий кафедрой экономических и финансовых расследований Высшей школы государственного аудита (факультета) МГУ им. М.В. Ломоносова, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)
E-mail: khabibulin-ag@mail.ru

ЩЕНДРИГИН Евгений Николаевич,
заведующий кафедрой организации правоохранительной деятельности Орловского государственного университета им. И.С. Тургенева, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Орел, Россия)
E-mail: orel.shchendrigin@yandex.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве.

ПОЗДРАВЛЯЕМ ДЖУРАХОНА МАДЖИДОВИЧА ЗОИРОВА С 60-ЛЕТИЕМ!

Аннотация. *Статья посвящена юбилею доктора юридических наук, профессора, Председателя Комитета по правопорядку, обороне и безопасности Парламента Республики Таджикистан, генерала Джурахона Маджидовича Зоирова.*

Ключевые слова: *Д.М. Зоиров; юриспруденция: юридические науки; парламент; милиция.*

ZAKHARTZEV S.I.
SAL'NIKOV V.P.
KHABIBULIN A.G.
SCHENDRIGIN E.N.

CONGRATULATIONS TO JURAKHON MAJIDOVICH ZOIROV ON HIS 60th BIRTHDAY!

The summary. *The article is dedicated to the jubilee of the Doctor of Juridical Sciences, Professor, Chairman of the Committee on the Rule of Law, Defense and Security of the Parliament of the Republic of Tajikistan, General Jurakhon Majidovich Zoirov.*

Key words: *D.M. Zoirov; jurisprudence: jurisprudence; parliament; the police.*

26 марта 2017 года известному ученому и государственному деятелю Республики Таджикистан, доктору юридических наук, профессору, академику международных и иностранных академий, Председателю Комитета по правопорядку, обороне и безопасности Парламента Республики Таджикистан, генералу милиции Джурахону Маджидовичу Зоирову исполняется 60 лет!

Жизнь юбиляра – яркий пример того, как ум, инициатива и трудолюбие приносят человеку успех и заслуженное уважение.

Джурахон Маджидович родился в 1957 году в деревне Яхчашма Муминабадского района Кулябской области Таджикистана. Как и все настоящие мужчины, служил в армии. По окончании службы закончил юридический факультет Таджикского государственного (теперь – национального) университета.

А дальше случилось то, о чем молодой Джурахон Зоиров мечтал всю жизнь – он поступил на службу в органы внутренних дел. Читателям, конечно, не надо объяснять то, что поступить в органы внутренних дел в то время (в 1983 году) было несравненно тяжелее, чем теперь. В МВД брали только лучших из молодежи. Причем обязательно умных, тренированных, имеющих безукоризненную репутацию «на гражданке». В МВД шли по призванию души, не для заработка, а для того, чтобы помогать людям.

При этом в элитное подразделение МВД – уголовный розыск – брали лучших из лучших! Именно туда – как талантливого, умного и яркого человека – пригласили служить Д. Зоирова. И не ошиблись. Зоиров быстро и заслуженно стал заметен, пошли повышения и награды. За этими, казалось бы, сухими словами таятся раскрытия особо тяжких преступлений, помощь нуждающимся, защита людей.

Как перспективного офицера Зоирова в 1991 году отправляют в Академию МВД России – одно из самых престижных ведомственных учебных заведений, которую он успешно закончил в 1993 году. В дальнейшем дипломированный специалист в области организации правоохранительной деятельности вернулся на Родину, в Таджикистан, где продолжил свою профессиональную деятельность.

Последующие годы службы для нашего юбиляра стали годами восхождения по служебной лестнице и работы на ответственных, руководящих должностях. И это не случайно. Умелый организатор, превосходный специалист, требовательный руководитель, умеющий ставить своим подчиненным конкретные задачи и добиваться их выполнения – именно такие люди нужны на разных уровнях государственных структур.

Именно поэтому, начиная с 2000 годов и на протяжении последующих 15 лет, Д.М. Зоиров решал сложные задачи, занимая ответственные государственные посты: Начальник Управления внутренних дел на транспорте МВД Республики Таджикистан, начальник Управления дознания МВД Республики Таджикистан, заместитель Директора Бюро по Координации борьбы с организованной преступностью стран СНГ, начальник Управления по борьбе с организованной преступностью МВД Республики Таджикистан – вот послужной список Джурахона Маджидовича в эти годы. Стоит отметить, что каждая перечисленная должность – это не просто очередная строка в его профессиональной деятельности, а прежде всего признание высочайшей компетентности, безупречной честности, неиссякаемой энергии и трудолюбия, отмеченной со стороны Президента Республики Таджикистан. И это дорогого стоит.

Помимо ответственной государственной службы, он, еще будучи слушателем Академии МВД, проявил интерес к научной работе, написал

ряд статей, посвященных изучению феномена преступности, побывал на конференциях в профильных вузах и принял решение продолжить научную работу. Однако, помимо Москвы, которая предоставила возможность получить высококлассное образование и Душанбе, где удалось успешно применить полученные знания на практике, для Джурахона Маджидовича уже надолго стал родным прекрасный город на Неве – Санкт-Петербург.

Впервые знакомство с городом произошло в 1995 году, когда он был направлен в Санкт-Петербург в качестве Председателя постоянной комиссии по правовым вопросам Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ, центр которой находился в историческом Таврическом дворце. Впоследствии, в стенах Санкт-Петербургской академии МВД России, в 1997 году состоялась защита его диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук на тему: «Преступность в Республике Таджикистан: этносоциальный аспект», посвященной актуальным уголовно-правовым и криминологическим проблемам этнической преступности [9]. Все это стало возможным благодаря неоценимой поддержке и реальной теоретической и практической помощи со стороны многих российских авторитетных криминалистов: Д.В. Ривмана, Н.А. Беляева, К.Т. Ростова, И.А. Возгрина, В.М. Егоршина, В.И. Рохлина, В.С. Бурдановой, Д.А. Шестакова и др. В последующие годы Джурахон Маджидович по роду своей парламентской и межпарламентской деятельности активно участвовал в различных научных и научно-практических конференциях, посвященных проблемам борьбы с организованной преступностью, писал научные монографии, регулярно оппонировал кандидатские диссертации молодых ученых, выступал на защитах в диссертационных советах.

Через несколько лет активной профессиональной деятельности накопился обширный материал, который лег в основу последующего научного труда. В 2004 году состоялась защита докторской диссертации в Санкт-Петербургском университете МВД России, который уже стал для автора своего рода «Alma Mater». И вновь научными рецензентами, содействовавшими успешной подготовке диссертации, были ведущие ученые милицейского университета: Я.М. Бельсон, А.И Экимов, А.И. Королев, Л.А. Николаева, А.В. Зиновьев, И.Ф. Покровский, В.Д. Сорокин, И.Е. Тарханов и др. Научная работа Джурахона Маджидовича, посвященная вопросу формирования и развития национальной государственности в странах Содружества Независимых Государств, представляет собой существенный вклад в правовые науки Таджикистана и России. Эта работа помогает раскрыть сложный путь становления суверенных государств на постсоветском пространстве [15].

Достижения в области научной деятельности Д.М. Зоирова приводят к тому, что в 2013 году он возглавляет Академию МВД Республики Таджикистан. В этот период значительное внимание уделялось подготовке молодых кадров для правоохранительной системы, а также укреплению связей с учебными заведениями системы МВД России.

Даже беглый обзор жизненного пути юбиляра дает наглядное представление о нем как о государственном деятеле и ученом. Он является автором и соавтором более 100 научных работ, в том числе 20 монографий, учебников, курсов лекций, учебных пособий [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 10; 11; 12; 13; 14; 16; 17; 18; 19; 20; 21; 22; 23; 24; 25; 26; 27; 28; 29; 30; 31; 32; 33; 34; 35; 36; 37; 38; 39; 40; 41; 42; 43; 44; 45; 46; 47; 48; 49; 50; 51; 52; 53]. Также хочется отметить, что в 2015 году за высокие достижения в научной работе и вклад в исследование проблем противодействию транснациональной преступности профессор Зоиров решением Президиума Академии наук Республики Таджикистан стал лауреатом премии имени академика М.С. Осими.

В настоящее время Джурахон Маджидович является Председателем Комитета по правопорядку, обороне и безопасности Парламента Республики Таджикистан. День своего юбилея он встречает в расцвете сил, как и прежде работая на благо государства. Он полон энергии, активно занимается научной деятельностью, принимает участие в конференциях с докладами, пишет книги, оппонирует, руководит диссертационными исследованиями и оказывает помощь молодым ученым. Помимо его профессиональных качеств, неоднократно отмеченных на самом высоком государственном уровне, он обладает важными личностными качествами, которые высоко ценят окружающие его люди. Все это абсолютно гармонично сочетается в одном человеке с высокой

степенью ответственности перед своим делом, перед своим народом и перед самим собой.

Высокий профессионализм и компетентность, чувство ответственности за порученное дело вызывают глубокое уважение у всех, кому довелось работать с Д.М. Зоировым.

Искренне желаем Вам, дорогой Джурахон Маджидович, крепкого здоровья, успехов в Вашей благородной деятельности и чтоб, как говорится, перо не тупилось!

Список литературы

1. Захарцев С.И., Зоиров Д.М., Сальников В.П., Шахматов А.В. Научная школа профессора А.В. Федорова и его политико-правовые исследования // Мир политики и социологии. – 2016. – № 1. – С. 11-23.
2. Зоиров Д. От межтаджикского конфликта к постконфликтному миру: общее и особенное в этнополитических конфликтах // Россия и мусульманский мир. – 2015. – № 3. – С. 88-114.
3. Зоиров Д.М. Введение в государствоведение: методология исследования государственности: Учебное пособие. – Душанбе: Российско-таджикский славянский университет, 2013. – 79 с.
4. Зоиров Д.М. Граф Алексей Алексеевич Бобринский и его произведение «Орнамент горных таджиков Дарваза» // Мир политики и социологии. – 2013. – № 11. – С. 11-21.
5. Зоиров Д.М. Истоки формирования этнической государственности в Средней Азии и Закавказье // История государства и права. – 2004. – № 1. – С 46-49.
6. Зоиров Д.М. Контролируемая поставка и совершенствование мер против незаконного оборота наркотиков // Оперативник (сыщик). – 2006. – № 3 (8). – С. 50-52.
7. Зоиров Д.М. Нововведения в законе Республики Таджикистан «Об оперативно-розыскной деятельности» // Оперативник (сыщик). – 2007. – № 1 (10). – С. 47-49.
8. Зоиров Д.М. Образование юридического лица – элемент оперативно-розыскной деятельности // Оперативник (сыщик). – 2006. – № 2 (7). – С. 51-52.
9. Зоиров Д.М. Преступность в Республике Таджикистан :Этносоциальный аспект: Дис. … канд. юрид. наук. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1997.
10. Зоиров Д.М. Преступность современного Таджикистана: предварительные подходы к исследованию // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 12. – С. 176-183.
11. Зоиров Д.М. Преступность: этносоциальные аспекты исследования // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 1. – С. 142-155.
12. Зоиров Д.М. Специальные войсковые группы и борьба с преступностью в Таджикистане // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 11. – С. 134-145.
13. Зоиров Д.М. Таджики. От государства Саманидов до суверенной государственности. (Историко-правовой анализ). – СПб.: Реноме, 2014. – 287 с.
14. Зоиров Д.М. Таджикистан: От государства Саманидов до суверенной государственности. – Душанбе: Деваштич, 2003. – 200 с.
15. Зоиров Д.М. Формирование и развитие национальной государственности в странах Содружества Независимых Государств (сравнительно-правовое исследование): Автореф. дис. … докт. юрид. наук. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2004.
16. Зоиров Д.М. Этносоциальные и криминологические аспекты преступности: теория и практика изучения с позиций логики (первоначальные подходы) // Мир политики и социологии. – 2016. – № 2. – С. 91-108.
17. Зоиров Д.М. Этносоциальные факторы и межтаджикский конфликт // Мир политики и социологии. – 2016. – № 4. – С. 152-161.
18. Зоиров Д.М. Этносоциальные факторы преступности: приемы исследования // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 2. – С. 119-127.
19. Зоиров Д.М., Бобоева Н.И. Особенности становления государственной власти при Тахиридах // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 8. – С. 177-189.
20. Зоиров Д.М., Завурбеков Ф.З. // Политико-правовой статус евнухов в Фатимидском Халифате (IX-XI вв.) // Мир политики и социологии. – 2016. – № 1. – С. 56-64.
21. Зоиров Д.М., Завурбеков Ф.З.Особенности становления и развития Фатимидского права // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 9. – С. 150-154.
22. Зоиров Д.М., Завурбеков Ф.З. Особенности эволюции некоторых видов экономической деятельности в Фатимидском Халифате // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 7. – С. 19-24.

23. Зоиров Д.М., Завурбеков Ф.З. Фатимидский халифат: особенности государственно-правового становления // Мир политики и социологии. – 2013. – № 12. – С. 135-138.
24. Зоиров Д.М., Колокольцев В.А. Организационно-правовой механизм обеспечения национальной и коллективной безопасности стран – участников СНГ // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2003. – № 1 (17). – С. 111-117.
25. Зоиров Д.М., Кудратбекова Ш.М. Легитимность Конституции Таджикской АССР 1929 года // Мир политики и социологии. – 2016. – № 3. – С. 143-154.
26. Зоиров Д.М., Кудратбекова Ш.М. Советы женщин в социальной жизни таджикского общества // Помогающие профессии: научное обоснование и инновационные технологии. – М.: Министерство образования и науки РФ; ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им.Н.И.Лобачевского»; Центр исследований социально-трудовой сферы Социологического института РАН; Межрегиональная общественная организация «Академия Гуманитарных Наук», 2016. – С. 611-613.
27. Зоиров Д.М., Кудратбекова Ш.М. Факторы преобразования Таджикской АССР в самостоятельную союзную республику // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 2. – С. 47-55.
28. Зоиров Д.М., Рахимов Р.Х. Противодействие незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ в Республике Таджикистан: Монография. – Душанбе: Ирфон, 2005.
29. Зоиров Д.М., Сальников М.В. Национальная политика СССР как фактор формирования постсоветского геополитического пространства // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2002. – № 3(15). – С. 80-85.
30. Зоиров Д.М., Сафаров Б.А. Государственность на постсоветском пространстве: предпосылки суверенитета // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 11. – С. 25-34.
31. Зоиров Д.М., Сафаров Б.А. Суверенная государственность на постсоветском пространстве: предпосылки и процесс формирования (на примере Республики Таджикистан): Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2012. – 336 с. – (Библиотека: «Философия государства и права»).
32. Зоиров Д.М., Шелепова М.А. Этносоциальные факторы и процесс национального примирения в Таджикистане // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 9. – С. 159-174.
33. Зоиров Д.М., Щендригин Е.Н. Смертная казнь и право на жизнь: юридическая теория и правоохранительная практика // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 10. – С. 158-162.
34. Зоиров Д.М., Бобоева Н.И., Шелепова М.А. Разделение властей в Саманидском государстве: методологические подходы и общая характеристика // Мир политики и социологии. – 2015. – № 10. – С. 96-104.
35. Зоиров Д.М., Бобоева Н.И., Шелепова М.А. Государственная власть Саманидов: некоторые факторы, способствующие ее развитию // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 10. – С. 52-65.
36. Зоиров Д.М., Гук А.И., Бобоева Н.И. Государственная власть и военный режим Саффаридов: становление, эволюция и уход с политической арены // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 8. – С. 62-75.
37. Зоиров Д.М., Гук А.И., Бобоева Н.И. Государственная власть Саффаридов: некоторые черты и особенности // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 9. – С. 69-80.
38. Зоиров Д.М., Гук А.И., Бобоева Н.И. Становление и развитие Газневидского и Караханидского государств после утраты Саманидами суверенитета // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 10. – С. 89-96.
39. Маджидзода Д.З. Порядок подготовки и проведения специальной операции по борьбе с терроризмом, экстремизмом и организованными преступными формированиями // Мир политики и социологии. – 2016. – № 6. – С. 136-144.
40. Маджидзода Д.З. Силы, средства и виды специальных операций, используемых при борьбе с терроризмом, экстремизмом и организованными преступными формированиями // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 3. – С. 158-170.
41. Маджидзода Д.З. Специальная профилактика преступлений: некоторые размышления об эффективности // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 4. – С. 176-182.
42. Маджидзода Д.З. Этносоциально-криминологическая обстановка в Республике Таджикистан в период 1995-2014 г.г. и проблемы борьбы с преступностью // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 5. – С. 136-149.
43. Маджидзода Д.З. Этносоциальные корни межтаджикского конфликта и национальное примирение в Таджикистане // Мир политики и социологии. – 2016. – № 5. – С. 155-165
44. Маджидзода Д.З. Этносоциальные факторы и преступность // Мир политики и социологии. – 2016. – № 7. – С. 154-166.
45. Маджидзода Д.З., Кудратбекова Ш.М. Развитие гражданского общества в современном Таджикистане // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 6. – С. 161-165.
46. Маджидзода Д.З., Бобоева Н.И., Гук А.И. Саманидское государство: некоторые вопросы организации государственной власти (даргох) и централизованного государственного управления (диваны) // Мир политики и социологии. – 2015. – № 11. – С. 65-81.

47. Маджидзода Д.З., Бобоева Н.И., Шелепова М.А. Государственно-правовые обычаи и традиции власти и их влияние на государственное управление XI-XIV вв. (на примере постсаманидских государственных образований) // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 11. – С. 79-84.
48. Маджидзода Д.З., Бобоева Н.И., Шелепова М.А. Местное управление в Саманидском государстве: некоторые общетеоретические аспекты // Мир политики и социологии. – 2015. – № 12. – С. 67-76.
49. Маджидзода Д.З., Сальников В.П., Солиев К.Х. Научная школа профессора С.И. Захарцева – ведущая в России школа изучения оперативно-розыскной деятельности // Известия Института философии, политологии и права им. А. Баховаддинова Академии наук Республики Таджикистан. – 2016. – № 4. – С. 151-160.
50. Потапов Ю.А., Стремоухов А.В., Зоиров Д.М. Цель международно-правовой защиты человека // Правовые и организационные вопросы совершенствования деятельности органов внутренних дел: Сб. трудов докторантов, адъюнктов и соискателей. – Санкт-Петербург, 1995. – С. 58-63.
51. Рахимзода В.Х., Маджидзода Д.М., Солиев К.Х. Оперативно-розыскная политика в контексте политики государства и оперативно-розыскной науки (Рецензия на книгу «Захарцев С.И., «Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке: Моногр. / С.И. Захарцев, Ю.Ю. Игнащенков, В.П. Сальников. М.: Норма, 2015. – 400 с.») // // Оперативник (сыщик). – 2016. – № 4(49). – С. 70-72.
52. Сальников С.П., Маджидзода Д.З., Кудратбекова Ш.М. Гражданское общество в Таджикистане: исторические особенности, проблемы и перспективы // Мир политики и социологии. – 2016. – № 6. – С. 94-101.
53. Страховое право: Лекции, схемы, тестовые задания / Артамонова Г.К., Горожанин А.В., Игошин Н.А., Игошина Е.А., Загускин Н.Н., Зоиров Д.М., Кондрат Е.Н., Реуф В.М., Третьяков И.Л.. – СПб.: Фонд «Университет», 2009. - 305 с.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА. ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

ОТ РЕДАКЦИИ.
О дискуссии, вызванной статьей-презентацией доктора юридических наук, профессора, Заслуженного деятеля науки Российской Федерации В.В. Лазарева «Право и революция»

Во втором номере нашего журнала была опубликована статья-презентация в художественных образах профессора В.В. Лазарева «Право и революция» [1].

Редакция высказала предложение о том, что статья может вызвать дискуссию по таким вопросам: совместима ли революция с правом; являлась ли «кончина» Российской Империи прогрессивным явлением; Майдан-1917 в Петрограде и Майдан-2014 в Киеве – идентичны ли они; возможно ли право без права и вне права; способны ли женщины в кастрюлях «сварить» право; каковы были причины, задачи, цели… и итоги февральской революции с позиции права; что такое принуждение к праву; все «по праву», но вне закона, и наоборот; ведет ли двоевластие и двоеправие к беззаконию… и др.

Мы не ошиблись. Уже в очередной, третий номер журнала поступило несколько статей авторитетных отечественных исследователей в контексте предложенной дискуссии. Мы ее начинаем со статьи заведующего кафедрой теории государства и права ведущего юридического вуза России – Московской государственной юридической академии (университета) (МГЮА (У)), доктора юридических наук, профессора А.В. Корнева.

Свой взгляд на рассматриваемые вопросы высказал также авторитетный петербургский ученый профессор Р.Б. Булатов.

Уверены, что дискуссия заинтересует и других специалистов в области философии и юриспруденции. Приглашаем принять в ней участие!

Список литературы

1. Лазарев В.В. Право и революция // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 2. – С. 48-60.

КОРНЕВ Аркадий Владимирович,
заведующий кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)
E-mail: yalazer@rambler.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

ПРАВОПОНИМАНИЕ В ЭПОХУ РЕВОЛЮЦИЙ

Аннотация. *Начинается дискуссия, вызванная статьей-презентацией проф. В.В. Лазарева "Право и революция", опубликованной в предыдущем номере журнала [9]. Рассматривается социально-экономическое положение Российской империи, имевшее место перед двумя революциями. Предпринимается попытка доказать неизбежность падения монархии. Освещается роль юристов как особой социальной группы, которая внесла заметный вклад в обоснование политических преобразований в России. Дается обзор различных типов правопонимания и закономерное формирование таких подходов к праву, которые в предреволюционный период позволяют подвергать сомнению легитимность существующей власти и её законов. Проводится определенная аналогия между событиями 1917 и 1993 годов в контексте конкуренции между различными юридическими школами, ориентированными на политические классы в их борьбе за власть.*

Ключевые слова: *кризис; революция; право; правопонимание; политический класс; реформы.*

KORNEV A.V.

LEGAL UNDERSTANDING IN THE ERA OF REVOLUTIONS

The summary. *A discussion is initiated, caused by the article-presentation of prof. V.V. Lazarev's "Law and Revolution" published in the previous issue of the magazine [9].The socio-economic situation of the Russian empire, which took place before the two revolutions, is considered. An attempt is made to prove the inevitability of the fall of the monarchy. The role of lawyers as a special social group, which made a significant contribution to the substantiation of political changes in Russia, is highlighted. An overview of various types of legal understanding and the lawful formation of such approaches to the law, which in the pre-revolutionary period allow you to question the legitimacy of the existing government and its laws. There is a certain analogy between the events of 1917 and 1993 in the context of competition between different legal schools, oriented towards political classes in their struggle for power.*

Key words: *crisis; revolution; right; legal understanding; political class; reform.*

2017 год – «юбилейный» для России. Страна по-разному будет отмечать годовщину двух революций. Отчетливо наметилась тенденция рассматривать февральскую и октябрьскую революции как звенья одной цепи, а оба этих события именовать в качестве Великой русской

революции. Прилагательное «великая», по моему мнению, следует применять только к событиям октября 1917 года и последующим развитием истории. Февральская революция вряд ли заслуживают такой оценки. Перестала существовать монархия. Её смерть, по всей вероятности, можно признать вполне естественной.

В начале двадцатого века Российская империя была по величине территории и населения самой крупной в Европе. Однако она сильно отставала от промышленно развитых стран. Соединенные Штаты Америки были в авангарде экономического развития. Второе место занимала Германия, третье и четвертое – Великобритания и Франция. Даже в крохотной Бельгии ВВП был больше российского. Правда, Россия обогнала Бельгию по количеству выплавленного черного металла. И это при том, что страна имела огромный потенциал, который существующая власть или не хотела, или не могла развивать и использовать.

В среде российских промышленников отчетливо сформировались два противоположных лагеря. С одной стороны, это так называемые московские «ситцевые капиталисты». Российская текстильная промышленность, берущая начало с крестьянских мануфактур, принадлежала в основном старообрядцам, развивалась за счет собственных средств вне влияния иностранных банков. Они не забыли гонений за веру и не питали никаких симпатий к монархии. Павел Рябушинский, например, считал правление Дома Романовых политическим трупом, которому осталось недолго жить. К слову сказать, позиции московских предпринимателей активно поддерживал выдающийся химик Д.И. Менделеев. Его политико-экономические взгляды напрочь закрыли ему дорогу к Нобелевской премии. Кандидатуру Менделеева поддерживали практически все европейские университеты и академии наук. В родной же стране к ученому относились иначе.

Но была и другая корпорация, которая сформировалась в космополитичном Петербурге. Преимущественно, костяк этой группы составляли не фабриканты, а финансисты, зарабатывающие биржевыми спекуляциями. Причем крупнейшие банки контролировались из-за рубежа: Международный банк и Русский банк для внешней торговли – немцами, Петербургский Частный банк, Русско-Азиатский, Азово-Донской – французами. К 1914 году 55% российских ценных бумаг принадлежало иностранному капиталу. Английский экономист Теодор Шанин характеризовал предвоенную Россию «полуколонией запада».

В крестьянской по своей сути стране так и не был решен главный вопрос – земельный. Реформы П.А. Столыпина были половинчатыми, не смотря на всю масштабность этой личности. Временное правительство такжеписал не стало его решать. Его деятельность вообще была малопродуктивной. В соответствии с первыми декретами Временного правительства были ликвидированы полиция и жандармерия. В отличие от армии эти два государственных института до конца сохраняли верность монархии. Была объявлена амнистия. Свободу получили не только политические заключенные, но и уголовники. Последних именовали «птенцами Керенского». В итоге страна погрузилась в разгул бандитизма. С позволения Временного правительства в некоторых национальных регионах страны стали возникать организации, претендующие на автономию.

Генералитет в массе своей предал последнего русского царя, нарушив присягу. М.В. Алексеев, начальник штаба Верховного главнокомандующего, был одной из главных фигур февраля. Лавр Корнилов, получив пост Верховного главнокомандующего, начал с того, что сдал Ригу, открыв фактически немцам дорогу на Петроград. Он же, на фронте (!) приступил к разделению армии на русскую и украинскую. Первым командующим украинским корпусом летом 1917 года Корнилов назначил генерала Скоропадского. На полях сражений Первой мировой войны русские солдаты, в своем абсолютном большинстве состоявшие из крестьян, не понимали, за что они воюют. Правящий класс начал войну на французские деньги, которые в скором времени закончились. Экономика России не была готова к этой войне. Но не все это понимали, особенно среди интеллигенции, которая также внесла свою лепту в две российские революции. В начале двадцатого века этот культурный слой состоял примерно из двухсот тысяч человек. Невероятные страдания крестьянской массы не находили порой отклика у интеллигентов.

Н.А. Бердяев, не знавший нужды ни в России, ни в эмиграции, писал: «Русская революция есть событие производное от мировой войны. Она есть эпизод мировой войны. И революция эта

имеет, прежде всего, один горестный и унизительный для русского народа смысл. Русский народ не выдержал великого испытания войны. Все народы приняли участие в мировой борьбе с тем духовным и материальным багажом, который накопился у него за долгую историю. Русский народ оказался банкротом. У него оказалось слабо развитым *чувство чести* (выделено мной – А.К.). Но не народная масса в том виновата, вина лежит глубже» [3, стр. 18]. Тайна души России и русского народа, разгадка всех наших болезней и страданий, по Бердяеву, лежит в ложном соотношении мужественного и женственного начала.

Размышления Н.А. Бердяева говорят о том, «как страшно далеки были от народа» те, кто хотел улучшить его жизнь, абсолютно не понимая его жизненных запросов.

«В русском способе мышления (говорю об интеллигенции), – *писал Л.А. Тихомиров,* – характеристичны две стороны: отсутствие вкуса и уважение к факту, и, наоборот, безграничное доверие к теории, к гипотезе, мало-мальски освящающей наши желания. Это должно происходить, очевидно, от малой способности мозга к напряженной умственной работе. Голова, слишком быстро устающая, не может справиться с мириадами фактов, наполняющих жизнь, и получает к ним нечто вроде отвращения. Гипотеза, напротив, ее радует, давая кажущееся понимание явлений без утомительного напряжения. Эти явления естественны в народе, так недавно начавшем учиться» [19, стр. 42].

Заметную роль в предреволюционной России играли юристы как особая социальная группа. После великих реформ профессия юриста стала невероятно популярной. Достаточно сказать, что в 1869 году число студентов юридических факультетов составляло 50,7 % всех обучавшихся в университетах России. На юридические факультеты шли люди, которые не просто хотели овладеть модной профессией, но и те, кто намеревался использовать возможности, которые она давала в борьбе с существующим политическим строем.

В этой связи представляет интерес признание С.Н. Булгакова: «В этом выборе я явился также жертвой интеллигентской стадности, пойдя вопреки собственному влечению. Меня влекла область филологии, литературы, я же попал на чуждый мне юридический факультет в известном смысле для того, чтобы тем спасать отечество от царской тирании, конечно, идейно» [4, стр. 7].

Вообще, либеральные юристы вызывали у охранителей много вопросов. По их мнению, они расшатывали российское общественное мнение, сеяли в массах, прежде всего студенческих, вредные идеи и мысли. В одной из своих передовиц М.Н. Катков утверждал, что юридический и историко-филологический факультеты посредством преподавания философии права, государственного права, уголовного права, истории литературы формируют воззрения и доктрины партий, с которыми ни русский народ, ни русская государственная власть не имеют ничего общего. Неужели, – задает вопрос Катков, – нашему правительству нужно, чтобы все мыслили, как, например профессор Градовский, или судили, как профессор Орест Миллер [11].

В словах Каткова есть доля правды. Дело в том, что многие русские юристы получали образование, стажировались, готовили свои диссертации за границей, в ведущих западных университетах. Отдельные из них, как, например, П.Г. Виноградов успешно там преподавали. Так или иначе, но они привозили в Россию идеи, которые были явно не по душе консерваторам. Не надо забывать, что живое слово, ценность которого сегодня тает на глазах, имело сильнейшую притягательную силу. П. А. Сорокин вспоминал, что лекции профессора Л.И. Петражицкого имели громадный успех, и на них приходили не только студенты.

Правопонимание в дореволюционной юридической науке представлено наличием различных теорий и школ. Иронию Канта по поводу «долгих поисков» юристами сущности права можно было бы принять, если бы оно не представляло из себя сложную и многогранную проблему. И надо признать, что любое определение права страдает тем, что оно подчеркивает какую-то одну сторону этого предмета, и не в силах обнять его подлинную сущность во всех ее многосложных проявлениях, ибо все в мире условно и относительно. «Чтобы верно судить о каком-либо праве, – *писал П.И. Новгородцев,* – нельзя останавливаться на отдельных его определениях, но следует восходить к принципиальному его пониманию» [14, стр. 38].

В России понимали право по-разному, но все-таки доминировали следующие школы права:

Государственно-организационная (государственно-повелительная) теория понимала под

правом то, что государство «приказывало» считать таковым. Современная российская доктрина именует такой подход нормативным. Наиболее ярким ее представителем являлся Г.Ф. Шершеневич;

Психологическая школа права (Л.И Петражицкий и др.) понимала право как совокупность императивно-атрибутивных душевных переживаний, которые путем психического взаимодействия членов какой-либо группы приобретают общее значение и объективируются в правовых нормах;

Социологическая теория (С.А. Муромцев, Б.А. Кистяковский) понимала право как совокупность осуществляющихся в жизни правовых предписаний, в которых вырабатываются и выкристаллизовываются правовые нормы.

Нормативная школа или нормативизм в праве, был, пожалуй, наиболее широко представлен в дореволюционной юриспруденции. Н.А. Алексеев писал, что следует различать нормативизм этический (П.И. Новгородцев); логический (И.А. Ильин); юридический (Г. Кельзен). Б.А. Кистяковский полагал, что нормы: а) устанавливают или разграничивают свободу (школа естественного права, немецкий философский идеализм); б) защищают интерес (Р. Иеринг); в) создают компромисс между различными группами (А. Меркель). Для самого Б.А. Кистяковского наиболее приемлемым являлся третий вариант. Конечно, относительно различных функций юридических норм этот перечень можно было бы и продолжить. П.И. Новгородцев, выразив свою позицию по вопросу о том, что именно следует считать правом, писал, что «право должно быть понято не только как факт социальной жизни, но также как норма и принцип личности». Именно так, говорит он, изучала его «старая философия права». «Новая» же философия, прежде всего Л.И. Петражицкий, пыталась освободить себя от гипноза со стороны положительного закона и практического оборота. Пока мы находимся в пределах психологических наблюдений, мы не выходим из области существующего. А чтобы быть регулятором, право должно переходить к этике, к учению о должном, и «только здесь совершается необходимое завершение понимания права как нормативного требования» [14, стр. 94]. Другой крупнейший представитель нормативной школы И.А. Ильин писал, что «норма есть суждение, устанавливающее известный порядок как должный... Это суть выраженное в словах правило лучшего» [7, стр. 5]. Прав был Б.А. Кистяковский, когда утверждал, что нельзя создать единого научного понятия права, ибо таких понятий несколько, поэтому невозможно отказаться от стремления иметь общую теорию права [8, стр. 327].

Каждая из этих школ, опровергая оппонентов, прибегала к различным аргументам доказательства своей правоты, но как бы это не выглядело парадоксально с логической точки, многие юристы признавали, что право в основе своей едино, хотя оно одновременно является и государственно-организационным, и социологическим, и психологическим, и нормативным явлением. По поводу того, что считать правом, юристы спорят много, но, как подчеркивал Б.А. Кистяковский, «ни один юрист не станет отрицать того, что право или состоит из норм, или, по крайней мере, получает одно из своих выражений в нормах» [8, стр. 356].

В предреволюционный период среди всех юридических школ особенно востребованными становятся естественно-правовая и социологическая. Эти правовые концепции идеально подходят для того, чтобы подвергнуть сомнению существующий политический режим и его законы. Тем не менее, дореволюционные юристы очень осторожно проводили различие между естественным и позитивным правом.

Н.И. Палиенко, Б.Н. Чичерин и некоторые другие видные юристы, признавали только положительное право, а естественному отводили роль идейной оценки существующего законодательства. Но вместе с тем необходимо понять следующее. Например, А.С. Ященко соглашался с В.С. Соловьевым, который считал естественным или рациональным правом общий разум и в этом видел смысл всякого права, как такового. Однако, по его мнению, теория естественного права есть философия действительного права, излагающего его принципы, постигаемые разумом. Таким образом, критика естественно-правовой теории в смысле философского рассмотрения положительного права остается в его пределах и не покидает его почвы. А если есть конфликт существующего права с тем, что написан в умах и сердцах людей, с их понятием справедливости, то это есть не что иное, как «указание на то, что данная норма права не осуществляет общей идеи

положительного права» [21, стр. 111].

Право естественное и право положительное суть лишь две различные точки зрения на один и тот же объект на – действительное право. Нет двух прав, утверждал проф. Ященко, а есть одно единое право. Можно различать лишь положительное право в узком смысле слова, как совокупность исторически действующих юридических норм, и естественное право как общую идею, как основной смысл всех действующих правовых предписаний. Но и эта основная идея принадлежит также к сфере положительного права, а не права вымышленного, «она, так сказать, естественно положительна» [21, стр. 107]. При этом правда, он предостерегает, во-первых, от смешения положительного права с позитивной философией, отрицающей метафизику, и, во-вторых, не следует ставить знака равенства между положительным правом в узком смысле слова с правом, исходящим от государственной власти.

В развитии этой темы проф. И.А. Покровский писал, что если всякое позитивное право есть некоторая социальная воля, то оно есть не просто воля, а воля к разумному и справедливому. По его мнению, не нужно отделять право позитивное от естественного «напротив, одно дано вместе с другим, дано со всей психологической неизбежностью: право положительное непременно хочет быть разумным правом, а «право разума» стремится стать положительным» [16, стр. 10]. А с точки зрения проф. П.Г. Виноградова, «существенно важные нормы имеют за собой двойное оправдание: они одновременно являются и приказаниями закона и положениями разума» [6, стр. 145]. Даже П.И. Новгородцев признавал, что нормативное рассмотрение всегда было скрытым предположением естественно-правовой школы. Когда последняя говорила о первобытном договоре и естественных правах человека, она скорее понимала под ними нормы долженствующего, чем законы существующего [15, стр. 156]. Несомненно, соглашался проф. Н.Н. Алексеев, теория естественного права уязвима с научной точки зрения, но все-таки можно без преувеличения сказать, что жизнь современного демократического государства есть реализованная теория естественного права [1, стр. 13].

Значение права в жизни государственно-организованного общества трудно переоценить. Право, писал Б.А. Кистяковский, по преимуществу социальная система и притом – единственно дисциплинирующая система. Социальная дисциплина создается только правом. Дисциплинированное общество и общество с развитым правовым порядком, заключает он, тождественные понятия. «Право потому и имеет такое огромное значение в человеческом общении, – *дополнял Н. Бердяев,* – что оно является охраной и гарантией минимума человеческой свободы... Свобода и независимость человека требуют того, чтобы в основу государства была положена не только любовь, но также принуждение и право. В этом и есть высшая правда» [2, стр. 71].

Положительно относился к естественно-правовой теории как к эталону и Г.Ф. Шершеневич. Казалось бы, трудно ожидать от столь последовательного сторонника юридического позитивизма уважительного отношения к идеям естественного права, но, тем не менее, это действительно так.

Совсем неожиданными выглядят мысли Л.А. Тихомирова о соотношении позитивного («юридического права») и естественного права. Юридическое право создается самим государством. Однако, в природе вещей есть нечто более высшее, чем юридическое право – это право естественное, прирожденное, самородное, которое порождает верховную власть, эту властительницу государства и творца юридического права. Право в юридическом смысле есть то дозволение, та возможность действия, которая вытекает из свода законов. Право же естественное есть та возможность, которая вытекает из природной необходимости, по законам психологии и социологии. Естественное право существовало задолго до государства, но оно не исчезает и с его появлением, поскольку есть некоторые как бы неизменные права, но появляются и другие. Например, право на образование долгое время считалось абсурдным, однако со временем полноценное участие в политической и общественной жизни, а в современных условиях образовательный ценз становится необходимым. Иными словами, то, что вытекает из необходимости, становится естественным. Естественное право есть то, что определяется разумом, разлитым по всему обществу. Естественное право можно рассматривать как совокупный результат внутреннего самоопределения личности применительно к внешним условиям. Саморождение

естественного права в обществе делает необходимой связь государства с обществом через посредство верховной власти. Оно определяется нравственным сознанием и в христианской монархии чуткое отношение к естественному праву еще более необходимо, поскольку в аристократиях и демократиях господствует юридическое понятие права в отличие от справедливости, свойственной монархическому началу. Так, через призму естественного права Тихомиров рассуждал о правах человека и его взаимоотношениях с государством.

Сергей Андреевич Муромцев – известный политический и общественный деятель. Первый председатель Государственной Думы. В дореволюционной юридической науке более всего известен как один из сторонников социологического подхода к праву, на основе которого в России сформировалась и получила некоторое распространение «идея свободного права». Ученик и последователь Иеринга, Муромцев, создавая социологическую теорию, вышел на проблему взаимоотношений суда и закона, и при этом не придерживался господствующих тогда воззрений [10].

По вполне понятным причинам социологическая школа права не смогла совершить переворот в правопонимании дореволюционной России, но вместе с тем, многие ученые не избежали искушения освободить «жизнь от гипноза положительного права». В своей основной работе «Определение и основное разделение права» С.А. Муромцев писал, что юридические нормы подкрепляются авторитетом власти, ее силой. Но сила эта, будучи всегда более или менее значительна, никогда не бывает абсолютна. Она действует рядом и совместно с другими силами, которые также оказывают влияние на образование правового порядка и могут расходиться с нею в своем направлении. В данном случае, Муромцев констатирует связанность права с другими социальными явлениями, которые не только преобразуются правом, но и оказывают на него заметное влияние. Однако, вся общетеоретическая система известного дореволюционного ученого сводится к тому, что «жизнь права» несравненно шире юридических норм и правоприменитель, прежде всего суд, не должен быть слепым орудием законов, часто очень несовершенных и противоречивых, а иногда и вовсе отрицающих право, понимаемое как высшую справедливость. Надо сказать, что эта точка зрения правдивая и опасная одновременно.

Подобный подход к пониманию природы применения закона очевидно можно объяснить правопониманием С.А. Муромцева. С его точки зрения, в основу понятия права должна быть положена не норма, исходящая от государства, а правоотношение. Из того факта, что население российской империи не руководствовалась в своих гражданских правоотношениях единым гражданским законом, он определял предмет гражданского права как то, что выражалось в гражданских законах в связи с примыкающей к ним судебной практикой [12, стр. 3-4]. Ученый полагал, что во все времена, кроме всего прочего, право ограничивается, дополняется и изменяется под влиянием нравственных воззрений и чувства справедливости тех лиц, которые применяют право. Таким образом, право Муромцев понимал довольно широко. Он включал в него не только нормы положительного закона, но и как мы видим, судебную практику. Но и они никогда не пребывают в неподвижности подобно египетскому сфинксу.

С именем С.А. Муромцева связана заметная попытка внести в теорию правоприменения, так называемые, внезаконные критерии – судебную практику, мнение судьи, общественное правосознание, справедливость и т.д. Ведь в России, как и во многих других странах континентальной Европы, правоприменительный процесс сводится к тому, что под общую норму закона подводят какой-либо частный случай и на основе этого делают вывод о правомерности или неправомерности или более шире, разрешают правовую ситуацию. Но ведь ясно, что единичный случай никогда во всех деталях не будет совпадать с нормой закона. Ученый полагал, что юристы не могут ограничиваться формальной стороной применения права, якобы обнимающие все средства, требуемые для законного, и значит правильного применения нормы. Наблюдение за жизнью, исторические экскурсы доказывают, что толкование закона явно или скрыто всегда предполагает его преобразование. Догма не вырабатывает критерия, необходимого на случай столкновения его с жизнью или несостоятельности. И указание на «дух» закона само по себе не более, как пустой звук [13, стр. 197].

Вопрос о правопонимании, тем более интегративном, удачно сочетается со столетним

юбилеем февральской революции. Как и прежде, она вызывает много вопросов. Даже профессиональный революционер Л.Д. Троцкий до конца своей жизни не смог ответить на вопрос: как и почему власть оказалась в руках либеральной буржуазии? В чем он, безусловно, прав, так это в том, что: «Оторванная от народа, связанная гораздо теснее с иностранным финансовым капиталом, чем с трудящимися массами собственной страны, враждебная революция, которая одержала победу, запоздалая русская буржуазия не могла от собственного имени найти ни одного довода в пользу своих претензий на власть» [20, стр. 311].

Л.Д. Троцкий утверждает, что буржуазия получила власть за спиной народа. Она не имела в трудящихся массах никакой опоры. Но вместе с властью она получила подобие опоры из вторых рук: меньшевики и эсеры, поднятые массой наверх, вручили уже от себя мандат доверия буржуазии. Если взглянуть на эту операцию в разрезе формальной демократии, то получится картина двухстепенных выборов, в которых меньшевики и эсеры выступают в технической роли среднего звена, то есть кадетских выборщиков. Если взять вопрос политически, то придется сказать, что соглашатели обманули доверие масс, призвав к власти тех, против кого сами были избраны» [20, стр. 306].

Троцкий пытается найти хотя бы какие-то правовые аргументы в пользу легитимности временщиков. Известный российский историк И.Я. Фроянов квалифицирует февральскую революции в качестве «верхушечного политического переворота». Да и другой историк, П.Н. Милюков, лидер крупнейшей кадетской партии, одна из знаковых фигур февральских событий, напишет позже о том, что наступил юридический, правовой разрыв между Россией самодержавной и той, какой она становилась в реальности.

Любая политическая революция формирует свое понимание права. Об этом очень хорошо написал П.Б. Струве «… строгое социологическое понятие революции немыслимо без отнесения этого понятия к другому основному социологическому понятию – права. Революция есть нарушение непрерывности правового развития общества, становящееся исходной точкой нового правоообразования. Революция ниспровергает одно право и воздвигает другое. Революция есть бунт, коему присущ умысел быть или стать правообразующим фактом, или еще короче: удачная или законченная революция есть бунт, ставший правом» [18, стр. 436].

Принято считать, что революции имеют свои причины и логику развития. Видимо, это в основном так. Вместе с тем, с этим сложно согласиться полностью. М. Вебер полагал, что социальное действие может быть ориентировано: 1) целерационально, т.е. посредством расчета на определенное поведение предметов внешнего мира и других людей..; 2) ценностно-рационально благодаря сознательное вере в безусловную этическую, эстетическую, религиозную или как угодно еще толкуемую самоценность определенного поведения чисто как такового независимо от его результата; 3) аффективно, в частности эмоционально, т.е. воздействием непосредственных аффектов и эмоциональных состояний; 4) традиционно, т.е. силой укоренившейся привычки [5, стр. 84].

Очевидно, что во время революции имеет место все четыре варианта социальных действий, если соглашаться с М.Вебером. Все зависит от фазы революции. Самые драматические события революции, пожалуй, связаны с так называемым аффективным поведением и в этих условиях возникает «право на революцию, на бунт».

П.А. Сорокин, очевидец событий, некоторое время бывший личным секретарем А.Ф. Керенского, в одной из своих книг «Социология революции» написал: «Непосредственной предпосылкой всякой революции всегда было увеличение подавленных базовых инстинктов большинства населения, а также невозможность даже минимального их удовлетворения» [17, стр. 272]. К числу таковых он относит голод, самосохранение, свободу и проч. По его мнению, к 1917 году имело место подавление всех базовых инстинктов подавляющего большинства населения империи.

Таким образом, февральская революция могла закончиться только социалистической революцией, и никакой другой. Обе революции были бескровными, даже октябрьская. К сожалению, они приблизили самую страшную катастрофу для любой страны – гражданскую войну. Почему это произошло – тема отдельного, сложного и обстоятельного разговора. Выдающийся русский мыслитель Лев Карсавин в эмиграции написал поразительные по своей глубине строки: «Если

считать, что русский народ подчинился большевикам только за страх, надо будет признать не русским народом погибших в Гражданской войне и защите России красноармейцев. Тогда не принадлежат к русскому народу ни крестьяне, предпочитавшие большевиков царским генералам, ни чиновники, среди которых далеко не все работают из-под палки, ни большинство рабочих. Ни те, которые, отрицая в принципе власть большевиков, все же считают её лучшею, чем власть иностранная или реставрационная» («Философия истории», Берлин. 1923).

Возьму на себя смелость утверждать, что никогда, кроме как перед революцией, во время неё и какое-то время после, не подвергаются беззастенчивой эксплуатации такие слова, как свобода, справедливость, законность, право. При любых подходах к революции, она имеет место тогда, когда делят власть и собственность. Собственно, революции и затеваются для того, чтобы с помощью властных механизмов перераспределить экономические ресурсы. Профессиональный революционер Л.Д. Троцкий полагал, что революция есть открытое соразмерение социальных сил в борьбе за власть. Но государство, власть не самоцель. Власть нужна для того, чтобы провести социальные преобразования, и в первую очередь, экономические. СССР хватило трех пятилеток, чтобы к 1937 году – страшному в истории нашей страны, то есть до массовых репрессий, стать одним из мировых лидеров по объему промышленной продукции, а по темпам индустриального роста он обогнал даже США.

Собственность – вот истинный дух законов, справедливо считал Ш.Л.-Монтескье.

Политический класс, чувствующий в себе силу противостоять существующей власти, чтобы затем взять ее в свои руки, начинает процесс по её дискредитации. Одновременно делается все для того, чтобы не выполнять и законы, которые она приняла и поддерживает силой легитимного принуждения. В этот переломный исторический момент возникает потребность и в соответствующих теориях, которые являются альтернативой «официальному» правопониманию. М. Робеспьер, воспитанник юридического факультета Сорбонны, сформировал несколько тезисов, представляющих интерес в русле проблематики статьи «Революция это война свободы против ее врагов»; «Революционное правление – это деспотизм свободы против тирании»; «Террор есть справедливость, следствие общего принципа демократии».

Без сомнения, одним из ключевых моментов истории России во второй половине XX века являются трагические события октября 1993 года. Октябрь 1917 и октябрь 1993, с точки зрения правопонимания одинаково интересны в том смысле, что являют собой опирающуюся на правовую доктрину попытку правящего класса обосновать свое право на власть. Причем, жертв в октябре 1993 года было значительно больше, чем в октябре 1917 года, то есть, по Ленину, во время переворота.

Непосредственно перед страшной развязкой оживились дискуссии относительно того, что считать правом. В публичном политико-правовом пространстве доминировали представители «широкого». В известном смысле к нему можно отнести и интегративное.

Своего рода апофеозом этой дискуссии стала статься С.С. Алексеева «Что есть право?», опубликованная 15 января 1993 года в «Независимой газете». В ней автор назвал позитивистское правопонимание тоталитарным. Расстрел из танков Верховного Совета многие посчитали проявлением «демократии». Так, внушительный отряд творческой интеллигенции в коллективном письме на имя президента Б.Н. Ельцина одобрил бойню. Не было возмущения и со стороны «коллективного демократического запада». Конечно, с точки зрения позитивизма, а самое главное – конституции, действовавшей на тот момент, события 1993 года следует однозначно квалифицировать, используя современную конституционную терминологию как «присвоение и захват власти», а в терминах политической теории как государственный переворот. Однако режим выдвинул на тот момент альтернативные точки зрения на право, прибегнув к помощи отдельных представителей юридической науки.

Победивший политический класс юридически оформил победу принятием Конституции 1993 года, и, наконец, приступил к главному, то есть стал распределять внутри себя заводы, месторождения, банковскую систему, СМИ. С этого момента всякие теории, а стало быть, и теоретики, становятся власти просто неинтересными. В относительно стабильные времена борьба различных доктрин обычно затихает. Прав поэт

«В нормальном государстве вне закона находятся два класса: уголовный и правящий. Во время революции они меняются местами; в чем по существу нет разницы» (М. Волошин).

Право, по своей природе, интегративно. Стало быть, его интегративная версия имеет все права на существование, как и любая другая. Вопрос в том, кто, когда и зачем будет ее использовать. Ибо сказано «Революция – это братание идеи со штыком» (Лоуренс Питер).

Список литературы

1. Алексеев Н.Н. Общее учение о праве. – Симферополь, 1919.
2. Бердяев Н.А. Философия неравенства. Письма к недругам по социальной философии. – Paris, 1970.
3. Бердяев Н.А. Философия неравенства: Письма к недругам по социальной философии. Письмо первое: О русской революции // Русское зарубежье. Власть и право. Из истории социальной и правовой мысли. – Л., 1991.
4. Булгаков С.Н. Христианский социализм. – Новосибирск, 1991.
5. Вебер Макс. Хозяйство и общество. Очерки понимающей социологии. В 4 т. Т.1 Социология. – М., 2016.
6. Виноградов П.Г. Очерки по теории права. – М., 1915.
7. Ильин И.А. Основы законоведения. Общее учение о праве и государстве и основные понятия русского государственного, гражданского и уголовного права. – М., 1915.
8. Кистяковский Б.А. Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права. – М., 1916.
9. Лазарев В.В. Право и революция // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 2. – С. 48-60.
10. Липень С.В. Идеи «свободного права» в юридической науке дореволюционной России: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 1994.
11. Московские ведомости. – 1884. – № 178.
12. Муромцев С.А. Из лекций по русскому гражданскому праву. – СПб., 1899.
13. Муромцев С.А. Очерки общей теории гражданского права. Т.1. – М., 1877.
14. Новгородцев П.И. Из лекций по общей теории права. Часть методологическая. – М., 1904.
15. Новгородцев П.И. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. Два типических построения в области философии. – М.,1901.
16. Покровский И.А. Право на честь. Маленькая иллюстрация к большому вопросу. – Петроград, 1918.
17. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. – М., 1992.
18. Струве П.Б. PATRIOTIKA. Политика, культура, религия, социализм. – М..1997.
19. Тихомиров Л. Критика демократии. – М., 1997.
20. Троцкий Л.Д. К истории русской революции. – М., 1990.
21. Ященко А.С. Теория Федерализма. Опыт синтетической теории права. – Юрьев, 1912.

БУЛАТОВ Рашид Борисович,
профессор кафедры государственного права Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: bulatovrash@mail.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ЛЕГИТИМНОСТИ ВЛАСТИ В РОССИИ В ПЕРИОД ДВОЕВЛАСТИЯ 1917 Г.

Аннотация. *В рамках дискуссии по презентации профессора В.В. Лазарева «Право и революция» раскрывается сущность двоевластия в России в период Февральской революции 1917 г. Рассматриваются проблемы легитимности властей в революционный период. Представлен анализ позитивной деятельности Временного правительства, в том числе мероприятий правового характера, в частности, разработки проекта российской конституции.*

Ключевые слова: *Февральская революция; двоевластие; Временное правительство; легитимность власти.*

BULATOV R.B.

ON SOME ASPECTS OF THE LEGITIMACY OF POWER IN RUSSIA IN THE PERIOD OF THE TWO-FIRST REGION OF 1917.

The summary. *Within the framework of the theme of the roundtable «Law and Revolution», the essence of dual power in Russia is revealed during the February Revolution of 1917. The problems of the legitimacy of the authorities during the revolutionary period are considered. An analysis of the positive activities of the Provisional Government, including legal measures, in particular, the drafting of the Russian constitution, is presented.*

Key words: *The February revolution; dual power; the Provisional Government; the legitimacy of power.*

Анализируя презентацию графических материалов прошедшего круглого стола, посвященного 100-летию Февральской буржуазной революции в России, выполненную доктором юридических наук, профессором Лазаревым В.В. под общим названием «Право и революция» [6, стр. 48-60], хотелось бы остановиться на такой проблеме февральской буржуазно-демократической революции 1917 года, как двоевластие. Оно стало, пожалуй, главной особенностью февральской революции и одной из главных причин ее перерастания в социалистическую.

Буржуазно-демократическая революция явилась итогом резко обострившихся экономических и социальных противоречий. Основным ее результатом было свержение царского самодержавия. В этой связи рассмотрим политические последствия падения царского трона. Итак, в результате Февральской революции в России было установлено двоевластие: с одной стороны, власть осуществляло Временное правительство,

а с другой – Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов. Обе власти действовали одновременно, представляя собой разнородные политические силы. Нам необходимо разобраться, что представляли оба органа и располагали ли они государственной властью.

Как известно, государственная власть есть концентрированное выражение воли и силы, мощи государства, воплощенное в государственных органах и учреждениях [11, стр. 134]. Любая власть может нормально функционировать только тогда, когда она легитимна, т.е. появилась законным путем, располагает государственным аппаратом и осуществляет правотворческую деятельность [4, стр. 143]. И самое главное, в обществе наблюдается социальное признание ее права на руководящую роль [9; 10, стр. 170-174]. По мнению профессора Е.А. Лукьяновой, которое мы разделяем, практически любое революционное переустройство общества нелегитимно с точки зрения права. Юристов именно из-за этого зачастую называют консерваторами. Потому что они воспитаны на формуле «dura lex sed lex» – закон суров, но это закон. С точки зрения права приговор над всякой революцией всегда обвинительный. Но в известных случаях сила приносит в жертву право, а решающим и окончательным остается приговор истории. В этом плане юристы раньше историков могут «поставить диагноз» событию, потому что историкам нужны архивные документы, а они появляются не сразу, особенно в переломные времена. Юристам проще, так как для них существуют только закон и его исполнение или неисполнение. Если же критическая масса нелегитимности слишком велика, то впору ставить вопрос о революции или перевороте. Выбор названия зависит от пристрастий каждого, но сути своей не меняет. Главное – смотреть правде в глаза, а не заниматься юридическими ухищрениями и угодливым обоснованием всяческой легитимности. Наполеон говорил, что сначала он завоюет Бельгию, а потом наймет роту юристов, которые его оправдают. К сожалению, как правило, такая рота всегда находится [7, стр. 14].

Попытаемся разобраться, обладали ли признаками легитимности власти Временное правительство и Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. 2 марта 1917 г. произошло отречение российского императора от престола. Тогда же Временным комитетом Государственной думы было сформировано Временное правительство. На следующий день оно обнародовало декларацию о своем составе и задачах [12, стр. 273]. Что же представляла собой система властных отношений в связи с появлением на политической арене Временного правительства? В этой связи обратимся к анализу партийного состава Временного правительства и руководящих органов Советов, проведенному профессором Н.А. Коваленко. Начнем с последних. Как известно, в июне на I Всероссийском съезде Советов в соответствии со строгими правилами партийного представительства был избран ВЦИК. И в нем из 320 мест 242, то есть примерно 76%, принадлежало представителям двух наиболее популярных партий – меньшевиков и эсеров. В составе первого коалиционного правительства, сформированного 5 мая, меньшевикам, эсерам и примыкавшим к ним партиям принадлежало 6 мест из 15 (40%). Абсолютное же большинство мест оказалось у партийной коалиции, которую образовали социалисты и кадеты (12 мест из 15). В целом такая же картина наблюдалась и в конце июля. Во втором коалиционном кабинете (24 июля) меньшевикам и эсерам принадлежало 8 мест из 15 (53%). Кроме того, данный партийный блок получил ключевой пост министра-председателя. Абсолютное же большинство мест оказалось у партийной коалиции, которую образовали социалисты и кадеты (13 мест из 15). В третьем коалиционном кабинете (25 сентября) у коалиции социалистов и кадетов – 10 мест из 17 (около 60%), а в Предпарламенте (2 октября) – 332 места из 555 (60%). Как видим, в период с мая по октябрь, власть в России принадлежала коалиции партий социалистов и кадетов. В основных органах государственной власти она имела устойчивое большинство, достаточное для принятия важнейших решений по вопросам внутренней и внешней политики. Однако анализ партийно-политической основы органов государственной власти в России в 1917 г. важен не только для аргументации данного вывода. Он позволяет по-иному посмотреть на сущность самой власти, которая представляла собой, как уже отмечалось, «двоевластие», заключающееся в противостоянии Временного правительства и руководящих органов Советов – альтернативных центров власти [5, стр. 20].

Из осуществленных Временным правительством мероприятий необходимо отметить, что оно провозгласило полную амнистию по политическим, религиозным и прочим преступлениям, демократические права и свободы граждан. Оно заявило о начале подготовки к созыву Учредительного собрания, которое должно было принять конституцию и сформировать постоянные органы власти и управления в стране. Им были ликвидированы министерство императорского двора и уделов, царская канцелярия, упразднены отдельный корпус жандармов, департамент полиции, вместо которой создается «народная милиция». Также ликвидированы посты генерал-губернаторов, губернаторов и градоначальников. Упраздненные должности заменялись комиссарами Временного правительства. На местах в противовес Советам буржуазия создавала Комитеты общественных организаций, сотрудничавшие с комиссарами. Образуются новые министерства: труда, продовольствия, министерство призрения. В августе был упразднен Синод и образовано министерство вероисповеданий. В целях выработки экономической политики были учреждены Экономический совет и Главный экономический комитет. Совет занимался разработкой экономической стратегии, а Комитет – регулированием текущей хозяйственной жизни страны. В их состав входили не только промышленники и министры, но и профсоюзные представители. Однако их деятельность оказалась слабо эффективной, экономика страны продолжала разрушаться. В связи с этим рейтинг Временного правительства неуклонно падал.

Необходимо сказать о возрастании роли местных земских и городских органов самоуправления, которые стали избираться на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования. Наряду с губерниями и уездами, теперь они учреждались и в волостях. Обязанности губернских комиссаров Временного правительства в губерниях временно возлагались на председателей губернских и уездных земских управ.

Нельзя не отметить деятельность Временного правительства, касающуюся непосредственно решения правовых вопросов. В марте 1917 г. оно учредило Юридическое совещание, состоящее из председателя и шести членов. Оно занималось обсуждением правовых вопросов по изменению государственного строя России, а также подготовкой предварительных заключений к правовым актам, принимаемым Временным правительством. В этом органе разрабатывались законопроекты по самым различным вопросам государственной политики страны. Временным правительством были отменены Основные государственные законы 1906 г., которые были своего рода зачатком конституции России, но уже не отвечали реалиям нового времени. В связи с этим представляется интересным упомянуть о малоизвестном факте рассматриваемого периода, а именно о том, что Временное правительство приступило к разработке проекта российской конституции. Этим занялась особая комиссия Юридического совещания, образованная в июле 1917 г. Ее возглавляли выдающиеся российские юристы-государствоведы: первоначально – председатель Юридического совещания профессор Н.И. Лазаревский, а затем – профессор В.М. Гессен. По проекту, подготовленному комиссией, Россия должна была стать республикой во главе с президентом, которого предполагалось избрать на Учредительном собрании путем тайного голосования. Президент наделялся широкими полномочиями: ему поручалось осуществлять исполнительную власть при содействии Совета Министров, он должен был назначать и увольнять председателя Совета Министров, министров, высших должностных лиц государства, председательствовать на заседаниях Совета Министров, представлять российское государство на международной арене, осуществлять верховное командование вооруженными силами. Ему принадлежало право законодательной инициативы, контроля за исполнением законов, издания соответствующих распоряжений [4, стр. 144-145]. Следовательно, в проекте речь шла о президентской республике. По поводу государственного устройства в нем было сказано, что российское государство едино и неделимо. Но наряду с этим в проекте говорилось об областной автономии, об образовании областных учреждений с правом принятия местных законов, не противоречивших законодательным актам, изданным центральной властью государства. К сожалению, подготовленный проект российской конституции не получил юридического закрепления, поскольку Учредительное собрание не было созвано большевиками [12, стр. 274-275].

Таким образом следует, что вся деятельность Временного правительства, проведенные им

мероприятия, практически во всех сферах жизнедеятельности российского общества, свидетельствуют, что Временное правительство являлось органом государственной власти. Опираясь на государственный аппарат, оно принимало законодательные и распорядительные акты.

Что касается Петроградского Совета. Его формирование произошло на выборной основе от промышленных предприятий города 24-25 февраля 1917 г. А уже 1 марта он пополнился представителями от гарнизона и стал называться Советом рабочих и солдатских депутатов. Он состоял из представителей революционной демократии: эсеров, меньшевиков и большевиков. Преобладали эсеры и меньшевики. Из 1500 членов Петроградского совета большевиков было только 40. В исполком из 15 человек было избрано 13 эсеров и меньшевиков и только 2 большевика (А.Г. Шляпников и П.А. Залуцкий). Председателем исполкома стал меньшевик Н.С. Чхеидзе, заместителями – меньшевик М.И. Скобелев и трудовик А.Ф. Керенский (затем он вошел в эсеровскую партию) [4, стр. 146]. Члены меньшевистской партии считали, что после буржуазно-демократической революции власть должна перейти к буржуазии, а общество – развиваться по капиталистическому пути. Они считали, что Россия пока ещё не созрела для революции социалистической. Поэтому они, а также эсеры не предполагали захватывать власть у буржуазии, а свою роль видели в содействии буржуазии к продвижению России по демократическому пути развития. Они рассматривали Советы не как орган государственной власти, а как профессиональные организации, посредством которых пролетариат смог бы упрочить свое экономическое положение при капитализме.

В своей книге воспоминаний «Россия на историческом повороте», А.Ф.Керенский положение о якобы существовавшем двоевластии в России после Февральской революции называл вымышленной легендой, не имевшей ничего общего с реальной действительностью [3, стр. 146]. Французский историк Никола Верт, известный специалист по советскому государству, отмечал, что отличие советов 1917 г. от советов 1905 г. заключалось в том, что советы 1917 г. находились под контролем политических активистов, считавших «всякое участие в управлении преждевременным и полагавших, что советам следует ограничиться надзором за действиями правительства, с тем, чтобы оно на деле проводило демократические реформы» [1, стр. 82]. Аналогичной позиции придерживаются и российские историки, например, авторы учебного пособия «История России. XX век» (отв. ред. В. Дмитренко): «Вернувшись в Россию в апреле 1917 года, Ленин разглядел в Советах их возможный потенциал как инструментов борьбы за власть в ходе углубления революции. В рамках этой гипотетической модели служебную роль играл тезис о двоевластии, якобы установившемся после Февраля. Положением о двоевластии (хотя Ленин одновременно констатировал, что Советы еще «неразвитое, слабое, зачаточное правительство») искусственно поднималась значимость Советов, которые фактически не являлись второй самостоятельной властью, а выполняли хотя и важную, но все-таки вспомогательную роль в общей системе демократических органов власти» [2, стр. 159-160].

Таким образом, анализ деятельности Петросовета и современные исследования ученых убеждают в недостоверности традиционного подхода к оценке государственной системы, сложившейся после Февральской революции в России. Советы находились в оппозиции к Временному правительству, но какой-либо государственной власти не имели. У них отсутствовал аппарат управления, и они не принимали законодательных актов общероссийского значения. Советы начинают претендовать на государственную власть лишь после их большевизации осенью 1917 г. [4, стр. 143-144]. По этой причине, Временное правительство сконцентрировало в своих руках не только исполнительную, но и законодательную власть, поскольку Государственная дума, распущенная на перерыв указом Николая II от 27 февраля 1917 г., фактически не собиралась, а действовал лишь Временный комитет Государственной думы. Не функционировал нормально и Государственный Совет, т.к. в мае 1917 г. были упразднены должности членов Госсовета по назначению. А 6 октября 1917 г. Временное правительство объявило о роспуске Государственной Думы и Государственного Совета в связи с назначением выборов в Учредительное собрание.

Напрашивается вопрос: какая же форма правления действовала в России в рассматриваемый период? Поскольку выборные представительные учреждения фактически не работали,

представляется не совсем точным называть форму правления, сложившуюся в России после Февральской революции, республиканской. Тем более, что Россия официально была провозглашена республикой только 1 сентября 1917 г. Причем данное провозглашение в значительной мере носило декларативный характер. Временное правительство заявило о своем намерении осенью 1917 г. созвать Учредительное собрание, которое должно было окончательно решить вопросы о форме правления и форме государственного устройства, но до октября 1917 г. оно не было созвано. На наш взгляд, в период между двумя революциями 1917 г. в России существовала переходная форма правления от монархии к республике [4, стр. 147].

Таким образом, Февральская революция, разрушив старую государственную структуру, не смогла создать новую, обеспеченную сильной и авторитетной властью. Хотя в июле 1917г. Временному правительству и удалось подчинить себе Советы, но это была кратковременная победа. В дальнейшем правительство стремительно теряло контроль над положением в стране. И уже не в состоянии было справиться с надвигающейся разрухой, крахом финансовой системы, развалом на фронте. Почему так случилось? Оказалось, что министры Временного правительства, хотя и были людьми высокообразованными и интеллигентными, блестящими ораторами, материально обеспеченными, однако оказались неважными политиками и администраторами, оторванными от реальной действительности и плохо знавшими русский народ, его чаяния, запросы и нужды.

По сути, двоевластие – это не простое разделение властей, а противостояние одной власти другой. Такое положение неизбежно приводит к конфликтам и стремлению одной власти свергнуть другую, противостоящую ей. И в конечном итоге наступает паралич власти и анархия. А это приводит к угрозе развала страны, тем более такой многонациональной, как Российское государство. С самого начала революции наблюдался правительственный кризис, поэтому за небольшое время, с марта по октябрь 1917 г., четыре раза менялся состав Временного правительства.

В истории российского государства такой ситуации, когда переплелись две власти, с одной стороны, буржуазии и помещиков, а с другой, – пролетариата и крестьянства, еще не было. Такое положение и не могло долго быть, поэтому к осени 1917 г. Временное правительство фактически утратило власть: декреты его игнорировались и не исполнялись. В стране фактически наступила анархия, Временное правительство потеряло своих сторонников. И поэтому оно легко было свергнуто большевиками, которые получили мощную поддержку народа, немедленно обнародовав важнейшие декреты – о земле и мире. В них излагались четкие, ясные, долгожданные и понятные массам социалистические идеи, которые и привлекли их к большевикам.

Список литературы

1. Верт Н. История советского государства. – М.: Инфра-М, 1994.
2. История России. XX век / Отв. ред. В. Дмитренко. – М.: АСТ, 1999.
3. Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте // Вопросы истории. – 1990. – № 12.
4. Климов И.П. К вопросу о двоевластии в России после Февральской революции 1917 г. // Академический вестник. Тюмень: Тюменская государственная академия мировой экономики, управления и права. – 2009. – № 2. – С. 143-147.
5. Коваленко Н.А. «Двоевластие» в России в 1917 году: новые подходы и взгляды // Научный вестник МГТУ ГА. – 2007. – № 113.
6. Лазарев В.В. Право и революция // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 2. – С. 48-60.
7. Лукьянова Е.А. Российская государственность и конституционное законодательство в России /1917-1993/ – М.: МГУ, 2000.
8. Проекты и протоколы Юридического совещания и Особой комиссии Временного правительства в сентябре-октябре 1917 г. ..., о будущей конституции, ... и пр. // Красный архив. Исторический журнал. Т. 3 (28). – 1928.- С. 107-141.
9. Сальников В.П., Сальников М.В. Правовая культура и политико-правовые традиции в контексте абсолютных

ценностей // Юридическая мысль. – 2014. – № 4(84). – С. 70-86.
10. Теория государства и права: Учебник / Под ред. Р.А. Ромашова, В.П. Сальникова. Изд. 2-е, доп., перераб. В 3-х т. Том 1. – СПб.: Фонд «Университет», 2010. – 216 с.
11. Теория государства и права. Учебник для вузов / Под ред. В.М. Корельского, В.Д. Перевалова. – М.: Норма. 2001.
12. Титов Ю.П. Хрестоматия по истории государства и права России. Изд. 2-е. – М.: Проспект. 2007.

СИДОРЕНКО Андрей Игоревич,
старший научный сотрудник отдела имплементации решений судебных органов в законодательство Российской Федерации Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, кандидат юридических наук (г. Москва, Россия)
E-mail: implement@izak.ru

ИБРАГИМОВА Юлия Эмировна,
младший научный сотрудник отдела имплементации решений судебных органов в законодательство Российской Федерации Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (г. Москва, Россия)
E-mail: implement@izak.ru

ЗАЛОИЛО Максим Викторович,
старший научный сотрудник отдела теории законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, кандидат юридических наук (г. Москва, Россия)
E-mail: implement@izak.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

ИНТЕГРАТИВНОЕ ПОНИМАНИЕ ПРАВА

Аннотация. *Представлен обзор выступлений на круглом столе на тему «Интегративное понимание права», приуроченном к столетию Февральской буржуазной революции в России, состоявшемся 13 февраля 2017 года в Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.*

Ключевые слова: *право; понимание права; интегративная концепция; компрехендная теория; законодательство; круглый стол.*

SIDORENKO A.I.
IBRAGIMOVA YU.E.
ZALOILO M.V.

INTEGRATIVE UNDERSTANDING OF LAW

The summary. *The review of speeches at the round table on the topic "Integrative understanding of law", timed to the centenary of the February bourgeois revolution in Russia, held February 13, 2017 in the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation.*

Key words: *law; understanding of law; Integrative concept; comprehensive theory; legislation; round table.*

13 февраля 2017 года в Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (далее – ИЗиСП, Институт) состоялся круглый стол на тему «Интегративное понимание права», приуроченный к столетию Февральской буржуазной революции в России.

Открыла заседание круглого стола директор ИЗиСП, вице-президент РАН, член Европейской комиссии за демократию через право (Венецианской комиссии), академик РАН, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ, член-корреспондент Международной академии права, Заслуженный юрист Республики Татарстан **Т.Я. Хабриева**. В приветственном слове Т.Я. Хабриева поделилась успешным опытом проведения Институтом в 2016 г. Международной научно-практической конференции «Современные проблемы толкования права», посвященной 150-летию со дня рождения профессора Е.В. Васьковского [3], отметила важность для юридической практики, в том числе законотворческой, теоретического осмысления проблемных аспектов известных правовых понятий. Т.Я. Хабриева напомнила также о летописях Института – страницах его истории, подготовленных к его 80-летию, 85-летию и 90-летию [15], где, помимо прочего, изложены дискуссии о правопонимании.

Заведующий отделом имплементации решений судебных органов в законодательство Российской Федерации ИЗиСП, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, академик РАЕН **В.В. Лазарев** обратил внимание присутствующих на предназначение интегративного восприятия права – среди множества подходов к праву и многообразия его определений сформулировать такое общее определение, которое бы давало возможность понимать явление в качестве правового независимого от времени его существования и авторских суждений о нем представителей разных правовых систем. Докладчик предложил следующее определение: право – это совокупность признаваемых в данном обществе и обеспечиваемых официальной защитой нормативов равенства и справедливости, регулирующих борьбу и согласование свободных воль в их взаимоотношении друг с другом. Такое определение прагматично, снимает противоречивость разных суждений о праве, позволяет достаточно определенно сказать, что представляет собой право в данном сообществе людей в данное время, претендует на то, чтобы служить интересам участников правовых отношений. Самоопределяющиеся воли свободных людей могут конфликтовать или, напротив, сотрудничать, тогда как право выступает мерилом справедливости в решении любой задачи.

В докладе было дано философское обоснование двух тезисов: 1) полнокровная интеграция права материализуется только в судебных решениях; 2) разные подходы к праву наиболее рельефно просматриваются через призму судебных решений. Так, в поиске общего определения права следует иметь в виду, что общее всегда присутствует в единичном, а поскольку единичное в известном смысле всегда богаче общего, именно через единичное следует выходить на общее. Ошибочно утверждать об истинности лишь одного взгляда на право. В судебных решениях воплощается и то, что называют правом легисты, и то, что считают правом психологи, а также естественное право, которое чаще всего отождествляется с воплощением справедливости. Употребление в законодательстве таких понятий, как «справедливость», «гуманизм», «человеческое достоинство», есть отражение естественно-правовой доктрины; понятия «общественно-полезная цель», «имущественное положение лица» исходят из социологического подхода к праву; понятия «внутреннее убеждение судьи», «психо-физиологические качества лица» тяготеют к психологическому подходу. Ряд понятий («общественная опасность», «риск», «уважительное отношение», «добросовестность», «разумность», «общие начала законодательства») требуют учитывать естественно-правовой, социологический и психологический аспекты одновременно. Таким образом, современный легистский подход вполне состыковывается с иными подходами к праву, и жизнь такому интегративному восприятию права дают конкретные судебные решения.

Правопониманию в эпоху революций был посвящен доклад заведующего кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктора юридических наук, профессора **А.В. Корнева.**

По мнению выступающего, перед революцией, во время нее и какое-то время после беззастенчиво эксплуатируются такие слова, как свобода,

справедливость, равенство, законность, право – все то, что так или иначе свойственно интегративному пониманию права. Право, государство и революция находятся в очень тесном единстве, и любая революция всегда является протестом против существующей власти и ее законов.

А.В. Корнев определил теоретическое, практическое и судьбоносное значение права. Последнее заключается в том, что в истории любого государства, любой цивилизации право играет главную роль смене режима государства и власти. Революция имеет место тогда, когда делят власть и собственность, а право есть порождение собственности. Государство, власть – не самоцель, власть нужна для того, чтобы провести социально-экономические преобразования. Революции затеваются как раз для того, чтобы с помощью властных механизмов перераспределить собственность. Политический класс, чувствующий в себе силу противостоять существующей власти, начинает кампанию по ее дискредитации. Одновременно делается все для того, чтобы не исполнять законы, которые она приняла и поддерживает силой легитимного принуждения. В этот переломный исторический момент возникает потребность в соответствующих теориях, которые являются альтернативой официальному правопониманию.

В докладе была обозначена роль права и юристов в преддверии и во время Февральской и Октябрьской революций 1917 г. Помимо этого, А.В. Корнев с позиций смены типа правопонимания осветил другой ключевой момент в истории России XX века – события октября 1993 г. В начале 1990-х гг. оживились дискуссии относительно того, что считать правом. В публичном политико-правовом пространстве доминировали представители «широкого», можно сказать, интегративного правопонимания. Своего рода апофеозом этой дискуссии стала статья С.С. Алексеева «Что есть право?», опубликованная 15 января 1993 г., где автор назвал позитивисткое правопонимание тоталитарным. По мнению выступающего, с точки зрения позитивизма и действовавшей на тот момент Конституции страны, события 1993 г. следует однозначно квалифицировать как государственный переворот. Однако власть задействовала тогда альтернативные точки зрения на право, прибегнув к помощи отдельных представителей юридической науки. Победивший политический класс юридически оформил победу принятием Конституции Российской Федерации 1993 г.

Подводя итоги своего выступления, А.В. Корнев отметил, что любая революция должна быть теоретически обоснована, и всякий раз, когда нужно совершить политическую революцию, прибегают к услугам юристов, готовым предложить свое понимание права, которое, с одной стороны, подвергает сомнению легитимность существующего права и существующей власти, с другой стороны, обосновывает претензии нового политического класса на то, чтобы занять их место.

Профессор кафедры теории государства и права Университета им. О.Е. Кутафина, доктор юридических наук, доцент **С.В. Липень** выступил с докладом на тему «100 лет в теории права: две эпохи правопонимания». Он сообщил о принципиальном различии правопонимания в 2017 и 1917 гг. Начало XX в. ознаменовалось конкуренцией правовых доктрин: юридического позитивизма, социологической юриспруденции, психологической теории права, «возрожденного» естественного права. Вопрос о понимании права дискутировался, как правило, в рамках общей полемики между представителями разных правовых школ наряду с вопросами о предмете и методах юридической науки, соотношении права и нравственности, различных источниках права, законности и усмотрении в правоприменении и т.д. Работ о собственно понимании права (как уточнил докладчик, в отечественной дореволюционной юридической литературе использовался термин «определение права») практически не было. Поскольку вопрос о правопонимании рассматривался не сам по себе, а его решение фактически вытекало из учения, системы взглядов, которых придерживался тот или иной автор, понимание права зависело от методологических оснований и политических ориентаций соответствующих доктрин.

В начале XX в. высказывались идеи о необходимости синтеза, конвергенции разных подходов, однако они не имели большого числа последователей, поскольку это был период острых дискуссий между представителями основных правовых школ. Интегративные концепции (Дж. Холл, Г.Дж. Берман и др.) начинают разрабатываться лишь со второй половины XX в., на объективные причины этого указано во многих публикациях [18].

Докладчик обозначил известные современной отечественной юриспруденции классические (позитивистский, социологический, естественно-правовой), а также новые подходы к пониманию права (либертарно-юридическая, коммуникативная, постклассическая и др. правовые теории). С начала 1990-х гг. интегративный подход к пониманию права получает «права гражданства» и в российской юриспруденции; определение права с характеристикой «интегративное» впервые в 1992 г. дает профессор В.В. Лазарев.

По мнению С.В. Липеня, теория права в начале XX в. может быть охарактеризована как эпоха конкурирующих доктрин и, соответственно, эпоха конкурирующих подходов к пониманию права. В начале XXI в., с учетом развития юридической науки и практики, можно вести речь об эпохе интегративных подходов в методологии познания права, в правопонимании. В первую эпоху было необходимым четкое выражение позиции одной из конкурирующих доктрин; во вторую чаще всего речь идет о том, в какой степени признаются те или иные элементы в восприятии права.

Завершая выступление, С.В. Липень подчеркнул, что с точки зрения общих тенденций развития правовой мысли спорно утверждать, что правовая наука не нуждается в интегративном подходе к праву [17].

Философские основания интегративного понимания права обозначил в своем выступлении заведующий кафедрой теории, истории государства и права и философии Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор **О.Ю. Рыбаков.** Докладчик отметил, что единое понимание права отсутствует, но каждый может предлагать свое понимание. Так, по мнению О.Ю. Рыбакова, право – это объективно обусловленные необходимостью существования человечества формы, принципы и способы согласования множества воль.

Ни одно из философских учений не может дать однозначный ответ на вопрос о том, как человеку следует организовать свою жизнь, чтобы право служило справедливости, упорядоченности жизни. Человек – это рационально-иррациональная конструкция, чье поведение не может находиться лишь в одной плоскости, однако он создает юридическую норму, которая предписывает определенный тип поведения. В этом заключается главный недостаток позитивного понимания права, поскольку для такого многопланового существа, как человек, невозможно дать однозначную, понятную, всеми принимаемую конструкцию понятия права. Этим обусловлен интерес к интегративному пониманию права.

С докладом о компрехендной теории права выступили главный редактор журнала «Юридическая наука: история и современность», доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, член-корреспондент РАРАН **В.П. Сальников** и профессор кафедры теории и истории государства и права Московского государственного университета технологии управления им. К.Г. Разумовского, доктор юридических наук **С.И. Захарцев**. Содокладчики рассказали, что около трех лет назад ими была сформулирована компрехендная теория познания права (от лат. comprehendo – всеохватывающий).

Компрехендная теория права – это в первую очередь философская и философско-правовая теория, учитывающая как юридические, так и философские подходы к праву. В соответствие с ней право есть сложное социальное явление, многоаспектное и противоречивое, которое надо рассматривать всеохватывающе, без идеализации и господства какой-либо отдельной концепции или теории [4; 5; 6; 7; 8]. Данная теория вызвала интерес и получила поддержку у многих известных философов и юристов, например, у основателя советской школы философии права Д.А. Керимова и других мыслителей [9; 11; 13; 14; 16].

Выступающие сравнили право с большим бриллиантом. Как известно, наиболее распространенная огранка бриллианта составляет 57 граней. Большинство людей видят ту или иную грань камня, подчас даже подробно рассматривают ее, при этом упуская из виду, что есть еще как минимум 56 граней этого же камня. То же происходит и с правом. Специалисты в настоящее время по одной грани этого феномена судят о нем как о целом. Очевидно, что получаемые таким образом теории со временем упираются в неразрешимые противоречия. Далее появляются новые мыслители, которые, иногда искренне полагая, что видят предмет целиком, заостряют взгляды на

одном из проявлений предмета. Их теории затем опровергаются другими концепциями, которые тоже далеки от совершенства.

Исследования содокладчиков позволили им сформулировать предположение, что пока не будет создано значительное количество самостоятельных концепций, объективно и полно раскрывающих конкретные грани права, не удастся создать единого и общего понятия. Но как только количество определений права достигнет критической массы, оно диалектически перерастет в качество, в результате чего мы получим понимание права на уже совершенно новом уровне, может быть даже удивительном для нас всех.

Предназначение компрехендной теории права видится выступающими не в навязывании или обосновании какой-либо одной теории права, чем часто «грешат» некоторые из ученых-юристов, а в комплексном изучении права с учетом всех имеющихся теорий. Компрехендная теория констатирует, что у права в зависимости от разных подходов (теорий) может быть выделена та или иная грань: психологическая, нормативистская, естественно-правовая, социологическая, религиозная, договорная, гуманная, антигуманная, нелогичная, абсурдная и т.д. При этом никакую из граней нельзя отвергать.

Представителям того или иного подхода к праву было свойственно несколько преувеличивать и ставить на первый план те грани права, которые подтверждали их доводы, и одновременно принижать, замалчивать, не придавать значения тем граням, которые не ложились в их представления. Задумываться о том, что в праве могут проявляться и нередко проявляются противоположные свойства, в целом не пытались. Право, помимо его позитивных граней, может быть нелогичным, абсурдным, неумным, но это тоже его грани.

Ведущий научный сотрудник сектора сравнительного права Института государства и права РАН, кандидат юридических наук, доцент **Н.В. Варламова** выступила с докладом на тему «Интегративное правопонимание и современные интеграционные процессы».

По мнению выступающей, стремление к интегративному правопониманию является неизбежным следствием плюрализма интерпретаций права. Различные трактовки права утверждают определенное его понимание, акцентируют сущностное отличие права от иных социальных явлений (иных систем социальной регуляции). Интегративное правопонимание, напротив, достигается за счет нивелирования специфики права, минимизации определяющих его признаков. Самыми распространенными вариантами интегративного понятия права оказываются социолого-позитивистские представления о праве как о совокупности реально действующих (воплощенных в отношениях между людьми) правил поведения, легитимированных в обществ). Эвристический потенциал таких интегративных конструкций невысок, поскольку не позволяет вычленить право из круга иных социальных норм.

Интегративное правопонимание обычно позиционируется как адекватное неклассической рациональности, утверждающейся в современном социогуманитарном знании, в том числе и юридическом. Базовые постулаты неклассической рациональности предполагают отказ от притязаний научного знания на аподиктичность, истинность, объективность, универсальность, способность постигать сущность изучаемого предмета. Цель научных исследований в таком случае заключается не в выявлении общих закономерностей и формулировании абстрактных понятий, а в описании отдельных явлений в их единичности, уникальности, исторической и социокультурной конкретности. При этом, поскольку познаваемый предмет не существует отдельно от познающего субъекта, а творится им в процессе познания, ни одно из описаний изучаемого явления не может претендовать не только на абсолютную истинность, но даже и на какие-либо преимущества по сравнению с описаниями, предлагаемыми другими исследователями. Такие эпистемологические установки открывают широкие возможности для интегративных интерпретаций права, но, будучи доведенными до логического конца, делают их бессмысленными.

Интегративное правопонимание, по мнению Н.В. Варламовой, адекватно современным интеграционным процессам, разворачивающимся в условиях глобализации. Все более тесное взаимопроникновение международного и национального правового регулирования, мультипликация субъектов правотворчества и разгосударствление правовых режимов, когда целый ряд отношений упорядочивается посредством самоорганизации и саморегулирования их участников, формирование на транснациональном уровне

разнообразных систем многосубъектного регулирования (multi-stakeholder regulation), осуществляемого совместно различными заинтересованными организациями (государствами, частными корпорациями, неправительственными организациями национального и международного уровня, отдельными экспертами), требуют отказа от традиционных сугубо этатистских представлений о праве как продукте деятельности государства. Потребность в согласовании регулирования, осуществляемого различными субъектами, на различных уровнях и в рамках различных сфер отношений, побуждает к подлинно интегративному пониманию права, т.е. достижению консенсуса в отношении его базовых, сущностных принципов. Напротив, утверждение о приемлемости различных контекстуально обусловленных интерпретаций права не позволяет обеспечить когерентность множества правопорядков, необходимость которой актуализирует глобализация.

Заведующий отделом теории и истории права и судебной власти Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки **В.М. Сырых** в своем докладе осветил интегративные основы материалистического понимания права. Выступающий обратил внимание участников круглого стола на то, что материализм, который в двадцатом веке был ведущей научной доктриной, создавшей многие серьезные направления, в настоящее время незаслуженно забыт.

По мнению докладчика, интегративная теория права в ее истинном понимании есть именно материалистическая теория права, потому что она объединяет в себе три основных компонента права: право, действующее в форме позитивного права; право, действующее в форме индивидуального права; конкретное право, т.е. то право, которым завершается движение от абстрактного к конкретному.

В.М. Сырых определил четыре приоритетных направления в развитии правопонимания. Во-первых, следует отказаться от фальсификации марксистского учения о том, что К. Маркс и Ф. Энгельс были позитивистами. Во-вторых, нынешнюю позитивистскую доктрину необходимо привести в существующие практики. Современная позитивистская теория по-прежнему трактует: если норма устарела, ее нужно исполнять до тех пор, пока сам правотворческий орган ее не отменит. Однако фактически Конституционный суд Российской Федерации, суды общей юрисдикции отменяют законы и иные нормативные правовые акты, принятые с нарушением компетенции органа, противоречащие Конституции Российской Федерации и федеральным законам. В-третьих, следует понять, как действует право, каким оно является в реальной жизни, что возможно сделать, проводя социально-правовые исследования. В-четвертых, следует учитывать достижения материалистической теории права.

Главный научный сотрудник Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор **В.М. Шафиров** выступил с докладом на тему «Жесткий позитивизм как причина недоразумения интегративного правопонимания».

По мнению В.М. Шафирова, интеграция знаний представляет собой общенаучную закономерность. Для интеграции правовых знаний есть теоретико-нормативные основания. Например, в Конституции Российской Федерации были использованы положения как юридического позитивизма, так и естественно-правовой теории. Конституция РФ закрепляет бинарную природу права: естественное начало (природа личности) и позитивное начало (политическая природа). Таким образом, конституционное понимание права имеет четко выраженный интегративный (естественно-позитивный) характер.

В продолжение выступления В.М. Шафиров вступил в полемику с А.Ф. Черданцевым, опубликовавшим свою статью «Интегративное недопонимание права» на страницах Журнала российского права в 2016 г. Так, выступающий опроверг замечание о невозможности интеграции вследствие неоднородности теорий естественного права и позитивизма, заключив, что синтезировать необходимо только те основополагающие идеи, которые прошли проверку временем, доказали свою состоятельность, переосмыслены с учетом современных условий, при этом они должны не исключать, а взаимодополнять друг друга.

Не соглашаясь с А.Ф. Черданцевым в том, что человеческое измерение – это не более чем красивые слова неопределенного содержания, докладчик заметил, что содержание данного критерия не только определено, но и нормативно закреплено в Конституции РФ (ст. 2, 18).

Кроме того, В.М. Шафиров не согласился с

А.Ф. Черданцевым в том, что право есть мера несвободы, а свобода может существовать и без права. Докладчик подчеркнул, что в государстве реальная свобода – это правовая свобода. Право есть сама свобода, ее форма, мера, гарантия. Правомерное ограничение свободы необходимо. Выражением правовой свободы являются права и свободы. Лишение прав ведет к полной утрате свободы. Одна из важнейших закономерностей права – баланс прав и обязанностей.

Отвечая на высказывание о том, что право – это не только форма равенства, но и форма неравенства, В.М. Шафиров заметил, что не нужно смешивать неравенство в рабовладельческом праве и современном праве. В древних государствах люди в силу объективных причин были не равны юридически. Сегодня правовое неравенство – одной из условий справедливости.

Завершая свое выступление, В.М. Шафиров отметил, что жесткий позитивизм затеняет положительные стороны самой позитивной теории. Он сформировал образ строгого, формального, чисто внешнего, ограничивающего свободу, обязательно-принудительного права, в котором личности отводится малозаметная роль. Данный образ принижает значение права в обществе, неблагоприятно сказывается на юридической практике, профессиональном и гражданском правовом образовании.

Заведующий кафедрой теории права Тверского государственного университета, доктор юридических наук, профессор **В.И. Крусс** выступил с докладом на тему об интегративном правопонимании как аконституционном правочувствовании.

Выступающий отметил, что затрагиваемая на круглом столе проблема интегративного правопонимания в научном плане была актуализирована в преддверии событий 1917 г. В связи с этим докладчик кратко обобщил идеи Б.А. Кистяковского о том, что сегодня позиционируется как интегративное правопонимание, изложенные в работе «Социология и философия права». Отголоском этих представлений в советское время стала дискуссия о широком и узком понимании права в советское время. В постсоветское время имело место возрождение идеи интегративного правопонимания.

В докладе прозвучали идеи о том, что тема различий правопонимания и особенностей интегративного правопонимания постоянно дискутируется в науке, однако практически не раскрывается потенциал конкретного типа правопонимания (в том числе интегративного) применительно к решению конкретной современной задачи, что позитивное правопонимание является предконституционным, в то время как интегративное правопонимание аконституционно.

Заведующий сектором истории права, государства и политических учений Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор **В.Г. Графский** полагает, что до сих пор нет законченной теории интегральной юриспруденции, но уже видны варианты построения этой концепции. Теория интегральной юриспруденции, по мнению выступающего, будет мостом, перекрывающим пропасть между юридическим концептуализмом (юридической догмой) и юридической социологией. Эта юриспруденция не есть порождение мира общеупотребительной дефиниции, она есть конструктивный набор основных идей, которые образуют относительно адекватную правовую философию. Интегральная юриспруденция есть синтез таких подразделений юриспруденции, как правовая аксиология (философия права), социология права, формальная (догматическая) юридическая наука, а также правовая онтология. По мнению В.Г. Графского, интегративная юриспруденция может быть представлена в двух вариантах ее восприятия и толкования – в узком и широком смыслах. Понимание в узком смысле означает признание интегральной функции правового знания и интегрирующей функции самого права (в виде правового обычаи или закона), а также аналогичную функцию просвещающего или практикующего правоведения как определенного способа упорядочения знаний и сведений о праве, законах и правовых обычаях. В широком смысле это называют синтезирующим правоведением, которое включает в себя пользование текстами законов, юридическими процедурами и принципиальными аксиомами правопонимания.

В деле построения теории интегральной юриспруденции нужно опираться на наработки юридической науки и имеющуюся правовую доктрину.

Выделяя атрибуты интегративной концепции, В.Г. Графский назвал следующие из них: законность, равенство, свобода, справедливость, разумность, иерархичность, общее и личное благо во всех возможных способах их ответственного практического использования для достижения

справедливости как ее конечного предназначения и оформления.

Декан юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета, кандидат юридических наук, доцент **Л.Т. Бакулина** в докладе на тему «Правовое регулирование в контексте интегративного подхода» отметила, что применение методологических приемов деятельностного подхода к исследованию правового регулирования ориентирует на телеологический анализ регулятивного воздействия права. Такой подход позволяет осмыслить взаимодействие субъективного и объективного в содержании целей правового регулирования, выделить абстрактные и конкретные цели праворегулятивной деятельности, объяснить несовпадение целей и результатов правового регулирования, раскрыть взаимоопределяемость целей и средств правового регулирования.

По мнению выступающей, при исследовании правового регулирования нередко остается незамеченным тот факт, что в центре этой деятельности стоит субъект, обладающий сознанием и волей и способный к целеполаганию. Правовое регулирование как деятельность субъекта сопровождается множеством внутренних регулятивов его сознания (потребностей, мотивов, установок, ценностей и пр.).

Любой деятельности как системному целому объективно присуща структурная иерархия. Односторонне-властному и автономному (договорному) уровням правового регулирования соответствует определенное качественное своеобразие субъектов, объектов средств и форм регулятивной активности. Между двумя уровнями праворегулятивной деятельности происходит постоянная циркуляция социально-правовой информации о моделях требуемого и дозволенного поведения, обеспечивающая согласованное функционирование и развитие всей системы правового регулирования. Это своеобразный механизм управления процессом деятельности, включающий различные по характеру межуровневые связи.

Л.Т. Бакулина сформулировала определение договорного правового регулирования – это: сознательно-волевое упорядочивающее воздействие на отношения сотрудничества юридически равных взаимозависимых субъектов права с помощью социально-правового инструментария, использование которого обеспечивает выработку и реализацию оптимальных моделей их совместного поведения.

Завершая выступление, Л.Т. Бакулина подчеркнула, что правовое регулирование как фундаментальная категория юриспруденции имеет отраслевую специфику (предмет и метод правового регулирования, субъектный состав), что с неизбежностью предполагает в рамках общей теории права выработку интегративной дефиниции, которая позволит не только раскрыть новые грани правового регулирования, но и решить практические задачи в сфере действия права.

Заведующая кафедрой конституционного и муниципального права Волгоградского государственного университета, доктор юридических наук, профессор **М.Л. Давыдова** в своем выступлении продемонстрировала дидактическую ценность интегративного правопонимания.

Признавая факт наличия плюрализма подходов к правопониманию и его объективные причины, а также наличие рациональных оснований у каждого из существующих типов правопонимания, выступающая поставила вопрос о возможности или невозможности интеграции различных концепций. Из этого вопроса следуют и иные, например о том, подлежат ли интегрированию основные типы правопонимания или концепции конкретных ученых, возможна ли внутренне цельная, а не суммативная интегративная дефиниция права, свидетельствует ли отсутствие такой дефиниции о необоснованности претензий интегративного подхода на существование, все ли подходы, объявляющие себя интегративными, на самом деле являются таковыми.

По мнению М.Л. Давыдовой, описанная форма освещения проблемы раскрывает не только сильные, но и слабые стороны интегративного подхода. Однако и они могут стать источником дополнительных возможностей. Докладчик привела пример неудачных попыток студентов сформулировать собственное интегративное определение права, которые наглядно показывают, что механическое сложение разнородных элементов не всегда приводит к полезным результатам, а для сложных проблем не всегда годятся простые решения. Это позволяет вернуться к вопросу о соотношении и взаимосвязи существующих подходов к правопониманию и о том, какова познавательная ценность каждого из них в отдельности. Многие проблемы теории права

по-разному звучат в контексте разных концепций правопонимания. Некоторые категории наиболее полно раскрываются с позиции какого-то одного конкретного подхода.

Подводя итог сказанному, М.Л. Давыдова отметила, что само интегративное правопонимание не является истиной, которую необходимо безоговорочно принять. Однако именно интегративный подход со всей его спорностью и неоднозначностью учит студента самостоятельно мыслить, ориентируя на поиск компромисса и научный диалог.

В выступлении заведующего кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидата юридических наук, доцента **С.А. Калинина** были обозначены критерии интеграции права. Докладчик предположил, что все теории правопонимания, особенно при их возникновении, можно считать интегративными, так как они стремятся охватить либо иначе осмыслить факторы, которые ранее не учитывались или недостаточно учитывались теориями-предшественницами.

В связи с этим актуализируется вопрос о критериях интеграции. При этом следует учитывать, что постсоветская юридическая наука находится в логике западной либеральной культуры, противопоставляющей право и иные социальные регуляторы, достаточно искусственно разделяющей государство и право. В незападных культурах право не существует как «вещь в себе», но интегрируется в комплекс социальных ценностей и норм. Право как феномен имеет несколько уровней измерения, из которых самым «примитивным» является его текстуальная форма, а самым глобальным – рассмотрение в качестве составного элемента социально-экономической формации (мир-системы). Поэтому, как утверждает С.А. Калинин, актуализация интегративного понимания возникает при повышении уровня осмысления объективной реальности, учете новых параметров и феноменов.

Профессор кафедры теории и истории государства и права Алтайского государственного университета, доктор юридических наук, профессор **В.В. Сорокин** говорил о достоинствах и недостатках интегративного понимания права. Подчеркнув негативную сторону разнообразия типов правопонимания и необходимость в связи с этим целостного восприятия права, докладчик перечислил достоинства интегративного понимания права, прежде всего, стремление его сторонников к компромиссу и открытость к диалогу.

Недостатком интегративного понимания права, по мнению докладчика, является попытка суммирования элементов различных типов правопонимания в одном общем определении на базе единых идеологических оснований. Однако синтез представлений о праве необходимо отличать от плюрализма мнений и конвергенции теорий, за которыми фактически скрывается навязывание декомпозиции, деструктивности и хаоса.

В массе разнообразных подходов к пониманию права истина всегда одна, даже если таковая не обнаружена ни одним из известных типов правопонимания.

Нынешние определения права не раскрывают сущности права как закона бытия, предопределяющего все качества правовой системы, ее цели, принципы, причины бытия и исторической судьбы. Формалистическое определение права, лишенное духовно-культурных оснований, обслуживает дальнейшую дифференциацию, специализацию и технизацию юридических профессий. При этом правовая реальность выстраивается по типу технократической системы, в которой юристу отводится весьма скромная роль. Технократическая система требует, чтобы юрист знал нормы писаного права и процедуры, с которыми непосредственно имеет дело. Чтобы соответствовать этим требованиям, юрист вынужден применять свои знания во все более узкой сфере практики, превращаться в заурядного технолога.

По мнению В.В. Сорокина, в определении понятия права должны сочетаться как содержательные, так и формальные признаки при условии, что все они будут субординированы под высшими духовно-культурными, морально-нравственными ценностями. И такое правопонимание не следует считать метатеорией, подходящей для всего человечества.

Доцент кафедры теории и истории права и государства ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет», кандидат юридических наук, доцент **Ю.А. Гаврилова** начала свое выступление с цитаты Мишеля Монтеня, писавшего ещё в XVI веке: «На такой запутанной дороге, как юриспруденция, где сталкиваются сотни авторитетов и мнений, где сам предмет исследования

столь произволен, разнобой суждений совершенно неизбежен». Таким образом, по мнению докладчика, наличие нескончаемых споров в российском правоведении о правопонимании предопределено самим предметом исследования. Также Ю.А. Гаврилова, сославшись на Н.Н. Вокуленко, отметила, что право в объективном смысле – это реальность в виде мифических текстов, в виде норм права, в виде принципов права, в виде определенных нормативных велений, образ которой формируется в процессе познания и практического применения.

Интегрировать можно только те явления, которые обладают свойством однородности на экологической и содержательной основе. Интеграция права и интегративное правопонимание возможно, учитывая право, как реальность, и право, как образ через символы, ассоциации сквозь призму справедливости юридической и социальной, учитывая особенности правового менталитета и правовой культуры России.

Судья Верховного Суда Российской Федерации в отставке, доктор юридических наук, доцент **Н.А. Колоколов** в своем выступлении поднял вопрос о практической значимости интегративной теории правопонимания, отметив, что в различных регионах России право может иметь отличия и будет их иметь ещё долго, даже в рамках укоренившейся европейской правовой традиции, которой многообразие цивилизаций права не исчерпывается. Право есть в первую очередь феномен, который у каждого в ощущении. Отдельные нюансы права каждого отдельного индивида описать затруднительно. Докладчик отметил, что если подходить к праву как к определенному набору правил поведения, обеспечиваемому государством, которые часто и иногда кардинально меняются, то можно приблизиться к понятию права, которое будет понятным судьям. Также, по замечанию Н.А. Колоколова, не следует прибиваться к какому-либо берегу понимания права, например английскому, где слово «право» и «закон» есть одно и то же слово, или германскому, где между законом и правом поводятся различия, но необходимо исходить из собственной исторической действительности. В России с древних времен происходит заимствование различных правовых концепций и в качестве некоего итога возможно привести Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 55 «О судебном приговоре», в общих положениях которого имеется ссылка на нормы международного права. Докладчик задался вопросом: неужели отечественная юриспруденция не могла предложить общие формулировки, аналогичные содержащимся в международно-правовых актах? Ответ на него: могла. Находили такие нормы отражение ещё в Правительствующем сенате Российской Империи, что можно установить из работ Г.Ф. Шершеневича по истории права.

В своем докладе доцент кафедры теории и истории государства и права Южно-Уральского государственного университета, кандидат юридических наук **А.А. Баукен** предложил проанализировать ситуации, когда различия в понимании права правоприменителями приводят к неодинаковым результатам, в том числе в ситуациях, когда при рассмотрении одного и того же дела суды разных инстанций в ходе толкования нормы делают не совпадающие друг с другом выводы. Разница в правовых позициях судов проявляется, по замечанию докладчика, обычно при рассмотрении сложных либо значимых для общества или государства дел, когда буквальное или системное толкование текста нормы не позволяет принять справедливое, по мнению правоприменителя, для конкретной ситуации решение. В качестве примера А.А. Баукен привел позиции Верховного Суда РФ [2] и Высшего Арбитражного Суда РФ [1] о сохранении прав залогодержателя на объект залога при перемене собственника заложенной вещи.

Ректор Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, Заслуженный деятель науки Российской Федерации **В.В. Ершов** посвятил свое выступление обоснованию позитивной роли интегративного понимания права, исходные положения которой во многом основаны на разграничении источников и форм права. Благодаря такому разграничению обеспечивается наивысшая степень защиты прав человека, а также баланса частных и публичных интересов, о чем свидетельствует ряд примеров. Так в Постановлении ЕСПЧ по делу «Шокман против России» был признан противоречащим Конвенции о защите прав человека и основных свобод отказ в иске господину Шокману о лишении его родительских прав в связи с тем, что он не является биологическим отцом ребенка. Отказ в данном

иске российскими судами был основан на требованиях отечественного законодательства, справедливость которого и была подвергнута критической оценке Европейским Судом. В качестве иных примеров В.В. Ершовым были приведены дела об уменьшении размера выплачиваемого увольняемому руководителю юридического лица «золотого парашюта», которое возможно если не согласно позитивным нормам отечественного права, то может быть произведено на основании норм права международного. Таким образом, судам следует учитывать, что правом в Российской Федерации, если рассматривать его интегративно, являются не только нормы законодательства, но и иные формы права национального и международного в единой системе. Целью же интегративного правопонимания, как следствие, является не ограничение власти государства принимать нормативные правовые акты, но выстраивание единой системы принципов и норм права и определение соответствующих приоритетов в данной иерархии. В этой связи докладчик отметил тот позитивный вклад, который мог бы быть привнесен принятием не только специального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации», разработанного в стенах Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, но акта о формах права национального и международного, с определением соответствующей иерархии. Данный документ мог бы стать инструментом правосудия, которого на сегодняшний день у судей нет.

Главный научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН, профессор Московского университета им. С.Ю. Витте, доктор юридических наук, профессор **С.Н. Бабурин** в своем докладе отметил важность интегративного правопонимания для реализации интеграционных проектов, таких как союзное государство России и Белоруссии, где имеется общее законодательство, но нет единого государства и права. Возражая профессору В.М. Сырых, докладчик отметил, что интегративный подход к праву не есть эклектика, под которой понимается часто произвольное сложение отдельных элементов. При интеграционном (интегральном) подходе существует синтез. В этой связи докладчик отметил правоту В.П. Сальникова о том, что, образно говоря, бриллиант характеризуют грани, а также О.Ю. Рыбакова в части невозможности перечисления всех этих граней в одном определении. Если воспринимать интегральность как неразрывную связанность, внутреннюю целостность, то именно такое правопонимание лежит в основе законодательства. С другой стороны, докладчик критически отнесся к возможности образования права без участия государственных органов, поскольку при отсутствии государственного принуждения теряется смысл права. Кроме того, С.Н. Бабурин заметил, что ценности вряд-ли являются непременным атрибутом правовых норм. Сегодня, с сожалением констатировал докладчик, многие нормы не имеют данного атрибута, что является не только российской трагедией, но трагедией современной эпохи.

Заведующий кафедрой теории и истории права НИУ «Высшая школа экономики», доктор юридических наук, профессор **В.Б. Исаков** провел мысленный эксперимент, заключающийся в формировании схемы наиболее близких друг к другу типов понимания права. В ходе эксперимента докладчик предложил нормативное правопонимание в качестве главенствующего, поскольку на нем базируется законотворческая и правоприменительная практика. Близко к нормативизму расположен вигизм, т.е. течение нормативизма, которое отождествляет право и закон. Следом идет социологическое понимание права, второй по значимости подход, поскольку он базируется на управлении и активно задействуется государственными служащими и другими управленцами, заинтересованными именно в социологических знаниях о праве. В переплетении с социологическим подходом находятся три течения: марксистское классово-волевое; историческое, которое, безусловно, может заслуживать и отдельного от социологического, исключительного статуса; и экономическое понимание права, которое на сегодняшний день развивается и разрабатывается. Отдельный крупный блок – метаюридическое понимание права, к которому можно условно привязать религиозное, естественно-правовое и либертарное понимание права. Такое объединение, по мнению В.Б. Исакова, объясняется обоснованием права исходя из других социальных реальностей, чем часто пользуются, например, правозащитники. Далее следует выделить ещё блок психологического понимания права, с которым переплетены социокультурный и антропологический подходы.

И последний подход, который следует выделить условно, – информационный, подразумевающий особое видение права и достойный дальнейшего анализа. В итоге докладчик предложил условно объединить все названные и не названные типы правопонимание в общее «облако трактовок», в котором каждому предложено поставить точку в зависимости от предпочтений в понимании права.

Заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор **Н.Н. Черногор** обратил внимание на распространенное заблуждение критиков интегративного правопонимания, которые нередко отождествляют его с интегративным подходом к пониманию права, по сути, отождествляя «результат» и «средство» познания. Вместе с тем интегративный подход познания права и государственно-правовой сферы позволяет воспринимать явление во всем многообразии его черт, сторон, граней и проявлений. Данный подход нельзя сводить к технике простой компиляции положений отдельных теоретических концепций, точно также как нельзя примитивно, трактовать интегративное правопонимание как сумму механически объединенных отдельных тезисов различных концепций понимания права. Именно недопонимание сути интегративного подхода и интегративного правопонимания, по мнению Н.Н. Черногора, во многом объясняет отдельную критику интегративного правопонимания.

Выступающий предложил взглянуть на право и проблему его доктринального понимания сквозь «призму» правового порядка, поскольку такой угол зрения позволяет наиболее рельефно увидеть, во-первых, узость односторонних подходов к познанию права и преимущества интегративного восприятия этого явления и, во-вторых, слабость аргументов его противников. Правовой порядок (его типы) демонстрирует имманентно присущую ему интегративность и многогранность права. Познание правопорядка ведет к необходимости интегративного восприятия права в единстве его сущности, содержания, формы и т.п. Именно в правовом порядке раскрывается смысл и потенциал интегративного правопонимания, развеиваются сомнения в его ценности и состоятельности. В заключение отмечалось, что правовой порядок является воплощением интегративного понимания права.

Заместитель заведующего кафедрой теории и истории права НИУ «Высшая школа экономики», доктор юридических наук, профессор **Ю.Г. Арзамасов** отметил, что процессы сближения различных правовых систем сегодня практически неизбежны. Определенная конвергенция наблюдается сейчас в сфере принятия управленческих решений посредством современных регуляторов в форме международных и внутригосударственных договоров, а также в использовании модельных законов. Процессы правовой конвергенции проявляются и в унификации применяемых юридических конструкций федеральных законов. Так, например, в России все чаще применяются юридические конструкции законов, составленных четко по американскому образцу, структура которых начинается с перечня, используемых в законе понятий. Ярким примером здесь может служить Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Между тем, для уяснения смысла таких актов субъекту правовых отношений необходимо сначала разобраться с содержанием целого ряда используемых в законе понятий, что неудобно для правоприменителей. Докладчик заметил, что минусы конвергенции разных правовых систем не свидетельствуют о ничтожности интегративного правопонимания. Например, многие нормы права, содержащиеся в судебных прецедентах Англии и США, законодатели этих стран сегодня часто переводят в законодательство.

Также Ю.Г. Арзамасов обратил внимание на актуальность для общей теории права и государства четкого определения идеологических основ интеграции. Докладчик полагает, что интеграцию следует осуществлять именно на основе нормативизма, который давно отбросил идею «чистого» от идеологических оттенков права. В современной России именно нормативизм должен стать идеологическим фундаментом для интегративного подхода к правопониманию, что обусловлено следующим:

- данная теория наиболее востребована юридической практикой, она прошла серьезную проверку временем. Российская система нормативных правовых актов, построена, за небольшим исключением (в ней не сказано об актах Президента) на

модели («пирамиде норм»), предложенной Г. Кельзеным;
- имеет свой разнообразный инструментальный набор для регулирования общественных отношений (нормы, нормативные правовые акты и договоры, акты применения права и т.д.);
- способствует единому пониманию права и правоприменительной практики, что положительно отражается на установлении режима законности в государстве.
- умело может сочетать правовые инструменты с идеями добра, справедливости, гуманизма, приоритета прав и свобод человека и гражданина, не умаляя при этом тот факт, что социальными регуляторами могут быть обычаи, традиции, ритуалы, обычаи делового оборота и что право может рождаться из реальных общественных отношений.
- нормативизм находит лучшее в других теориях права и умело имплементирует эти идеологемы в современном законодательстве, делая его прогрессивным, моральным и не противоречивым.

Старший научный сотрудник отдела имплементации решений судебных органов в законодательство Российской Федерации ИЗиСП, кандидат юридических наук **А.И. Сидоренко** выступил с докладом «Индикаторы полярных подходов к праву в решении суда», обратив внимание на лозунг, представленный на обложке программы круглого стола: «В борьбе обретешь ты право свое». Данный лозунг, как отметил выступающий, принадлежит партии эсеров, но правоведам он известен из работы Р. Иеринга «Борьба за право», где содержится вывод, что для государства, которое желает быть почитаемым извне, непоколебимым и твердым внутри, нет более драгоценного блага, чем народное правовое чувство.

Докладчик посчитал, что правовое чувство защищается российскими судами, приведя конкретный пример: если ранее суды отказывали в удовлетворении заявлений о признании ненормативных актов недействительными, решений и действий (бездействия) незаконными только в связи с невозможностью восстановления нарушенного права, то после принятия Верховным Судом РФ Определения от 28.01.2016 по делу № 301-ЭС15-12618 такие заявления начали удовлетворяться. По мнению докладчика, удовлетворение судом названных требований, даже без последующих правовых последствий, защищает правовое чувство заявителей, доказывает, что они правы, а нарушители закона – нет. Оговорившись, что подобных примеров можно привести много по другим категориям дел, докладчик завершил выступление цитатой Р. Иеринга: «Каждый должен считать своей обязанностью разбить голову гидры произвола и беззакония каждый раз, как только она осмеливается показаться».

Старший научный сотрудник отдела теории законодательства ИЗиСП, кандидат юридических наук **М.В. Залоило** обратил внимание на антиконфликтный потенциал интегративного правопонимания. Большинство существующих теорий правопонимания нацелены, прежде всего, на уяснение отдельных сторон права, которые абстрагируются от иных его сторон, что приводит к известной одномерности таких теорий, к несоразмерности возникшего или создаваемого образа права самому праву как сложному, многогранному общественному явлению. В целях отражения и познания права требуется не только появление новых теорий, рассматривающих и оценивающих отдельные грани права специфическим, особым образом (что часто приводит к разделению школ и направлений, дифференцирующих право по разным основаниях), но и использующих одновременно различные типы и направления правопонимания, с помощью которых можно осветить различные грани права как многоаспектного явления. Возникает задача поиска своего рода объединяющих начал в юридической науке, появляется новый подход в правопонимании – интегративный, который учитывает достижения имеющихся концепций правопонимания, снимает конфликтность или коллизионность между ними, воспринимает право разносторонне и комплексно, отражает общие правовые тенденции в контексте объективных интеграционных процессов.

Научный сотрудник отдела теории законодательства ИЗиСП, кандидат юридических наук **А.А. Головина** отметила, что в юридической науке не вполне востребованной остается категория «парадигма». Как известно, если естественные науки характеризуются сменяемостью парадигм (как гелиоцентрическая парадигма сменила геоцентрическую), то социальные

– конкуренцией.

В правоведении в качестве таких конкурирующих парадигм выступают типы правопонимания, поскольку именно они определяют подход ученого к восприятию всех иных правовых теорий среднего уровня (системы права, источников права, правосознания и т.д.). Такими конкурирующими парадигмами, полагает докладчик, являются две – нормативизм и метанормативизм (от греч. приставки «мета-» – «сверх-», подобно физике и метафизике). Друг от друга они четко отграничиваются, в зависимости от ответа на главный, «парадигмальный» вопрос: как соотносятся право и закон (в широком смысле)? Если нормативистская парадигма ответит на него «как содержание и форма», то метанормативизм допускает существование бессодержательной формы (неправовой закон) или бесформенного содержания. Парадигмальный вопрос не допускает промежуточного ответа, следовательно «золотой середины» в конкуренции правовых парадигм быть не может. Все основные концепции правопонимания довольно определенно попадают в поле притяжения либо нормативистской, либо метанормативистской правовых парадигм.

Исходя из изложенного, вопрос о правопонимании не есть вопрос о количестве граней у бриллианта. Скорее, это вопрос о том, в каком агрегатном состоянии находится бриллиант: твердом (право воплощено в четкой системе формально закрепленных норм) или газообразном (правовые нормы могут содержаться и в законе, и в судебном решении, и в абстрактных принципах свободы, равенства, справедливости и т.д.). Как видится, промежуточного ответа («газообразнотвердый бриллиант») быть не может. Следование постклассическому принципу «все концепции верны» есть с этой точки зрения, по сути, отказ от поиска научной истины (как если бы астрономы взялись утверждать, что верна и геоцентрическая, и гелиоцентрическая парадигма), что представляется не вполне продуктивным подходом в науке, в том числе юридической.

Выступая с докладом, преподаватель кафедры гражданского, арбитражного и административного процессуального права Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук **С.И. Князькин** констатировал, что совершенствование осуществления правосудия, включая деятельность по проверке судебных актов в гражданском, арбитражном и административном процессе, неразрывно связано с преобладающим в конкретный исторический период типом понимания права. Смена отечественных общественно-политической и экономической моделей закономерно повлекла поиски универсального типа правопонимания, максимально учитывающего предшествующий теоретический опыт. Интегративная теория правопонимания, представляется, обладает правом претендовать на роль такой универсальной модели, применяемой и в прикладных сферах юридической деятельности, к числу которых относится судопроизводство.

Докладчик согласился с В.В. Лазаревым в части необходимости поиска точек соприкосновения различных теорий правопонимания на основе диалектического метода, учитывающего конкретно-исторические условия. При всем многообразии направлений представляющих интегративную школу права, отметил С.И. Князькин, применительно к проверочной судебной деятельности представляются важными такие категории каждого из направлений, как справедливость и законность. Данные категории представляют собой олицетворение как противоборства, так и взаимного сближения естественно-правового и позитивистского подходов к праву. При этом, представляется, не следует проводить прямую связь между глобализацией и развитием интегративной юриспруденции как её прямым порождением: во-первых, в современный период имеют место явные признаки спада глобализационных процессов, а, во-вторых, безоглядное восприятие зарубежных и мировых тенденций в праве игнорирует отечественные традиции и опыт, что может иметь непредсказуемые последствия в отношении судопроизводства.

Близкой к комплексу проблем осуществления правосудия в целом и проверки судебных актов, – в частности, является, по мнению докладчика, либертарно-юридическая теория В.С. Нерсесянца, затрагивающая проблему соотношения права, правосудия и справедливости. Автор теории разумно отождествляет справедливость и правосудие, которое изначально призвано быть олицетворением справедливости [12]. В то же время, рассмотрение гражданских, административных и экономических дел предполагает постоянную реакцию суда на динамику меняющихся общественных отношений, в рамках

которых прежние подходы применения судами законодательства могут вступать в конфликт на предмет их справедливости в естественно-правовом понимании. По справедливому замечанию Г. В. Мальцева, право признаёт даже неправедный успех, если он формально не вступает в противоречие с юридическим нормами [10, стр. 393]. Одно дело – авторитет законодателя, и совсем другое дело – разумность, правильность, справедливость самого закона, несмотря на то, что он по своей природе, по крайней мере, призван быть правовым [10, стр. 7].

Переосмысление в рамках отечественной судебной практики соотношения законности и справедливости, восприятие верховенства права в качестве основного ориентира правосудия, с одной стороны, будет способствовать прорывному развитию отечественного законодательства и судебной практики, а, с другой стороны, позволит рассматривать правосудие как прямое и непосредственное олицетворение справедливости.

Магистр права, аспирант кафедры теории и истории права НИУ ВШЭ **Д.В. Шедов** в своем выступлении представил обоснование необходимости использования интегративного подхода к праву при проведении эмпирических исследований в правоведении. Соглашаясь с американским исследователем Л. Фридманом в том, что право не является объектом материального мира, докладчик отнес право к миру духовному, в котором понимание права главным образом зависит от целей его использования субъектами отношений. Альтернативой поиску единого определения права, по мнению Д.В. Шедова, является функциональное использование различных подходов и концепций правопонимания. В заключении докладчик подчеркнул, что правовые теории и концепции не являются застывшими во времени, они изменяются, развиваются, переплетаются между собой. Значимый опыт по интеграции естественно-правового и позитивистского подходов правопонимания в настоящее время может быть успешно использован для решения новых задач, встающих перед правоведами и социальными исследователями.

Список литературы

1. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 17 февраля 2011 г. № 10 «О некоторых вопросах применения законодательства о залоге». Пункт 25.// Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2011. – № 4.
2. Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 11 октября 2011 г. № 16-В11-19 // ИПП «ГАРАНТ: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/58103999/С6.
3. Залоило М.В., Ибрагимова Ю.Э. Современные проблемы толкования права // Журнал российского права. – 2016. – № 8. – С. 78-95.
4. Захарцев С.И., Сальников В.П. Знакомьтесь: компрехендная теория права // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2016. – № 5(28). – С. 375-379.
5. Захарцев С.И., Сальников В.П. Компрехендная теория права – новая теория познания правовой реальности // Вестник Таджикского национального университета. – 2016. – № 2/5(207. – С. 183-187.
6. Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия. Философия права. Юридическая наука. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 264 с.
7. Захарцев С.И., Сальников В.П. Что есть компрехендная теория права? // Юридическая наука. – 2016. – № 3. – С. 5-9.
8. Захарцев С.И., Сальников С.П. Размышляем о сущности права: компрехендный подход // Правовое государство: теория и практика. – 2017. – № 1(47). – С. 13-30.
9. Керимов Д.А. В развитие дискуссии о философии и праве. Рецензия на монографию С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука» – М.: Юрлитинформ, 2015. – 264 с. // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 1. – С. 68-75.
10. Мальцев Г.В. Понимание права. Походы и проблемы. – М., 1999.
11. Масленников Д.В., Степашин С.В. Философия права и компрехендная теория права. Рецензия на монографию С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука» // Юридическая наука. – 2016. – № 6. – С. 177-179.

12. Нерсесянц В.С. Философия права. Учебник для ВУЗов. – М., 1998.
13. Покровский И.Ф., Гук А.И. Когда философия и право снова вместе. Рецензия на монографию С.И. Захарцева «Некоторые проблемы теории и философии права» / Под ред. В.П. Сальникова. – М.: Норма, 2014. – 208 с. // Мир политики и социологии. – 2015. – № 7. – С. 184-190.
14. Покровский И.Ф., Исмагилов Р.Ф., Гук А.И. Действительно, философия и право снова вместе в исследовании современных научных мыслителей. Некоторые идеи по поводу рецензии Д.А. Керимова и монографии С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука». – М.: Юрлитинформ, 2015. – 264 с. // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 9. – С. 196-200.
15. Страницы истории и очерки о научных школах Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации / Е.А. Прянишников, Т.Я. Хабриева, В.И. Лафитский и др. 4-е изд., доп. и перераб. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2015.
16. Хабибулин А.Г., Мурсалимов К.Р. Рецензия на книгу С.И. Захарцева «Некоторые проблемы теории и философии права» / Под ред. В.П. Сальникова. – М.: Норма, 2014. – 208 с. // Мир политики и социологии. – 2015. – № 9. – С. 203-209.
17. Черданцев А.Ф. Интегративное недопонимание права // Журнал российского права. – 2016. – № 10. – С. 5-15.
18. Valery Lazarev. Integrative perception of law // Kazan University Law Review. Volume 1, Fall 2016, Number 1, p. 19-32.

КЛИМЕНКО Оксана Алексеевна,
сотрудник факультета подготовки следователей Орловского юридического института МВД России им. В.В. Лукьянова (г. Орел, Россия)
E-mail: oksikgol@mail.ru

МИРЗОЕВ Ашурали Кенджаевич,
научный сотрудник Научно-исследовательского института Таджикского национального университета, соискатель кафедры теории и истории государства и права Таджикского национального университета (г. Душанбе, Таджикистан)
E-mail: m.ashurali@mail.ru

ТРЕТЬЯКОВ Иван Львович,
профессор кафедры уголовного права и криминологии Санкт-Петербургского государственного политехнического университета, доктор юридических наук (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: mail@tretyakov.su

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ КАК КОМПЛЕКСНАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОСТИ

Аннотация. *Рассматриваются проблемы исследования суверенитета и истории его развития в России. Подчеркивается особая актуальность темы исследования, отмечается, что несмотря на значительное количество работ по данной тематике, многие принципиальные проблемы современного российского суверенитета остаются не раскрытыми и не решенными.*

Ключевые слова: *суверенитет; Российская Федерация; право; идеология; конституционализм.*

KLIMENKO O.A.
MIRZOEV A.K.
TRETYAKOV I.L.

STATE SOVEREIGNTY AS A COMPLEX PROBLEM OF OUR TIME

The summary. *The problems of the study of sovereignty and the history of its development in Russia are examined. It emphasizes the particular relevance of the research topic, it is noted that despite a significant amount of work on this topic, many fundamental problems of modern Russian sovereignty remain unresolved and unresolved.*

Key words: *sovereignty; Russian Federation; right; ideology; Constitutionalism.*

Проблема суверенитета – многоаспектная научная и практическая проблема. Ее наиболее существенные аспекты – методологический, социально-политический, конституционно и международно-правовой, прикладной. Эти аспекты требуют раскрыть: методологический – мировоззренческие, гносеологические, теоретико-познавательные и исторические основы суверенитета как социально-политического и государственно-правового явления и как научной категории; социально-политический – связь и обусловленность суверенитета экономическими, социально-политическими и естественноисторическими факторами общественного развития (экономикой, политикой, историей); конституционно- и международно-правовой – сущность, системообразующие признаки, место в системе смежных социологических и юридических наук, закономерности развития, функционирования, социальная роль, проблемы и перспективы развития института и учения о суверенитете; прикладной – состояние, противоречия и направления укрепления суверенитета современной России с учетом расстановки и соотношения внутренних и внешних (международных) социально-политических сил, внутреннего и внешнего положения Российской Федерации.

Указанные аспекты определяют **особую актуальность** темы исследования. В *методологическом* отношении проблема суверенитета современной России упирается в первую очередь в плюрализм идеологии, закрепленный в качестве одного из основополагающих принципов общественного и национально-государственного устройства нашей страны (ст. 13 Конституции Российской Федерации) [1] [5; 6; 19; 20; 27; 28; 30; 31; 32]. В принципе, допуская любые мировоззренческие и методологические подходы к пониманию и практике осуществления суверенитета, в современной российской и зарубежной реальности эти подходы изобилуют приоритетом субъективно-идеолистических воззрений на социальные процессы вообще и на проблемы общественного и национально-государственного устройства в частности. В публицистической и научной литературе нередкими являются крайние взгляды на сущность и закономерности становления, развития, функционирования и укрепления суверенитета России. От фактического отрицания самого понятия суверенитета и необходимости укрепления суверенитета СССР, РСФСР и РФ до превращения его в абсолют, вплоть до самоизоляции и тотальной милитаризации страны – таков разброс точек зрения на эту проблему. В работах, посвященных истории России и Великой Отечественной войне, некоторые авторы вполне нормальным считают сдачу Москвы, Ленинграда и даже страны в целом. Есть авторы, которые призывают превратить страну в «непреступный бастион», отгороженный от внешнего мира «китайской стеной». Националистические концепции суверенитета связывают его сущность со свойством отдельного этноса как полностью отчужденной от других народов социального и государственного образования, смешивая тем самым различные формы и виды суверенитета с самой сущностью этого явления и понятия [21, стр. 229].

Относительно самостоятельным идейно-теоретическим учением о суверенитете являются неопозитивистские воззрения на этот институт. Они сводятся к пониманию суверенитета как беспредельного господства власти или как признака, свойства унитарного государства, состоящего в верховенстве и независимости государства, не признающего над собой какой-либо высшей или конкурирующей власти [13, стр. 287; 26, стр. 11-15]. Наиболее видные зарубежные представители этого направления в конституционном праве считают несовместимым суверенитет федерации с суверенитетом его субъектов. По их мнению, в этом случае приходится признать, что «или федеративное государство не имеет суверенитета и не является настоящим государством, или государство члены не представляют государств, потому что не обладают суверенитетом» [12, стр. 190].

В *гносеологическом* (теоретико-познавательном) плане плюралистические подходы к изучению суверенитета не позволяют раскрыть диалектическую связь субъективных (идеологических) основ суверенитета с его объективными, естественноисторическими основами. Эти основы заключаются в признании действительной картины мира, в диалектическом единстве природы, общества и человеческого мышления. И они, эти основы, подчеркивают и акцентируют внимание на способности человеческого мышления, включая все формы и виды общественного сознания, в том числе идеологии, к отрыву мысли от действительности, превращению в абсолют отдельных, реальных сторон

мира (общественного бытия), во весь целостный мир, в реальное общественное бытие.

Указанные и им подобные субъективно-идеалистические взгляды на суверенитет отражают отдельные его стороны или признаки. Они характеризуют сложность и многообразие социальной структуры, общественного и национально-государственного устройства современного общества как в рамках конкретного государства, так и в рамках межгосударственных границ и всего человеческого сообщества. Но они не дают полной и диалектической картины суверенитета как самостоятельной социально-политической и правовой категории, а также самостоятельного института конституционного и международного права. На различные аспекты суверенитета мы обращали внимание в своих работах [3; 4; 22; 29].

Исторический аспект исследования суверенитета и истории его развития в России требует всестороннего и объективного изучения данного института как исторического социально-политического и правового явления. Сторонники субъективно-идеалистических подходов к исследованию процесса становления, утверждения и развития суверенитета России как государства и великой державы склонны разрывать историю нашей страны, употребляя такие термины, как «Россия», «советская империя», «эта страна» и т.п. Некоторые из них всячески открещиваются от СССР как многонационального и великодержавного государственного образования. Изображают Советский Союз как средоточие имперского насилия и международной изоляции. О могуществе СССР и его роли в мировой политике они предпочитают говорить преимущественно в уничижительном тоне. При этом фундаментальная правовая категория суверенитета России подменяется неким устаревшим и пережившим себя понятием. На свет вытаскиваются вырванные из контекста или нередко искаженные суждения и оценки государственного суверенитета, данные великими и видными государственными деятелями России и СССР.

Социально-политический аспект актуальности темы выражает закономерную связь суверенитета с экономическими, политическими и международными факторами общественной жизни. Для современного российского общества и государства характерны острые кризисные явления, которые охватывают все сферы общественной жизни, в том числе стабильность, территориальную целостность, независимость и суверенитет государства. Кризисные явления проявляются: в экономике – количественным и качественным спадом производства, резким снижением темпов развития производительных сил, разрушением экономических связей, нарушением функций управления народным хозяйством, огромным удельным весом теневой экономики; в социально-политической сфере – сменой социальной и политической систем и социальной структуры общества, резким усилением бюрократических тенденций, разбуханием государственного аппарата, корпоративизмом, ведомственной ограниченностью, отсутствием четкого взаимодействия и единого начала в его деятельности, обострением всех социальных противоречий; в идеологии – сменой общественного сознания, идеологии, обострением их противоречий, резкой сменой социальных ценностей и приоритетов, засильем аморальных проявлений, упадком духовной культуры.

Социальными последствиями кризисных проявлений в обществе и государстве являются: острые социальные противоречия, обособление государства и его органов от общества, разгул преступности и особенно таких ее форм, как организованная преступность, коррупция, изначально подрывающие доверие граждан к государству, власти, правоохранительным органам и в первую очередь к милиции. Указанные последствия непосредственно сказываются и на авторитете власти, всех её составляющих и государства в целом как внутри страны, так и на международной арене.

Изменились место и роль России в мировом сообществе. Вместо созданного после II мировой войны биполярного мира, в котором сохранялся относительный баланс противостоящих держав, в настоящее время усилиями прежде всего США и стран НАТО строится однополярный мир с полным превосходством Соединённых Штатов в мировой политике, в решении глобальных геополитических проблем. Разрушение Советского Союза, Варшавского Договора коренным образом изменило геополитическую карту мира, превратило Россию из “сверхдержавы” в государство, которое уже не играет той роли в мировой политике, которую играл Советский Союз. Страны НАТО с оговорками, но признают Россию как великую державу. На деле делают все, чтобы не

допустить ее былого влияния. В США и странах НАТО на вооружение взята концепция нового мирового порядка, сущность которой состоит в сохранении лидирующего положения в мире наиболее развитиях стран Запада во главе с США [9; 34].

Острой проблема суверенитета является *в конституционном и международном праве*. В современной отечественной и зарубежной научной литературе определились следующие основные подходы, определяющие сущность и отношение к суверенитету [7; 10; 33]. Такими подходами являются: конституционализм, институционализм, корпоративизм и диалектический детерминизм. Конституционализм подчеркивает, что конституция является единственным и универсальным источником власти, ее деятельности, включая суверенность власти и государства. Институционализм является одной из сторон конституционализма. Главный акцент он делает на незыблемость, неприкосновенность и непререкаемость конституционных установлений и институтов государства. Реальное состояние суверенитета они считают второстепенным и сугубо прикладным вопросом. На этот счёт разработана и активно распространяется концепция так называемого «мирового правительства» и «мирового государства» [23], фактически обосновывающая современное соотношение геополитических сил на мировой арене и признающая безусловный приоритет США и стран НАТО в международных отношениях и в мировой политике. Корпоративизм более склонен учитывать современные реалии. Он не отрицает сложную диалектику внутригосударственных и международных отношений. Однако он отдаёт приоритет в международных делах более развитым странам, то есть Соединённым Штатам и их союзникам.

Конституционализм и институционализм абсолютизируют принцип разделения властей и незыблемость конституционных государственных установлений и институтов тем, что:

- их сущность сводится к формально-нормативному смыслу создания системы «сдержек и противовесов», на практике означающих лишь *принципиальную возможность* влияния одной ветви власти на другую и подчас не имеющих никакого отношения к фактическим взаимоотношениям между этими ветвями;
- равенство властей на практике весьма условно и его реальное содержание весьма далеко от юридических постулатов и ожиданий;
- сущность разделения властей, их авторитет, как и суверенность государства не сводятся к формально-юридическим признакам. Они определяются единством и противоречиями, прежде всего объективных факторов общественного развития – экономическим базисом, социальной структурой, политической системой, соотношением внутренних и международных социально-политических сил.

Диалектический детерминизм исходит из причинной обусловленности политической надстройки, государства, включая органы и механизм власти, а также право и правовые институты, производными от экономического базиса, характера и исторического типа способа производства и производственных отношений. Проблему суверенитета государства он ставит в прямую зависимость от соотношения социально-политических сил внутри страны и на геополитическом уровне.

Прикладной аспект актуальности темы характеризуется наличием острых внутренних социальных противоречий и антагонизмов, социальной нестабильностью, значительным отчуждением общества от государства и народа, существенными внутренними и внешними угрозами России [2], центробежными тенденциями в отношениях между федеральным центром и субъектами Российской Федерации, внутренним и международным терроризмом [11], открытыми национальными и вооруженными конфликтами [18]. В Конституции РФ и конституциях ряда субъектов Федерации имеются существенные противоречия в разграничении предмета ведения, в правовом регулировании конституционно-правового статуса Федерации и её субъектов. Проблемы укрепления суверенитета РФ в них регулируются в основном схематично и недостаточно предметно. Широкое распространение получили крайний национализм, экстремизм и антироссийский, а также антирусский максимализм. Международное положение РФ, как указывалось, характеризуется значительным сокращением её территории, резким ослаблением экономического, политического, духовного и военного потенциалов, военной мощи. Существенно снизилась роль России в международных делах

и организациях. Многие внешнеполитические отношения РФ явно ориентированы на Запад и страны НАТО, особенно на США.

Научная разработка темы заключается в том, что, во-первых, обоснована общая теория и основные принципы формирования и укрепления суверенитета. В этом отношении особое значение имеют работы выдающихся представителей исторического материализма К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина, идеализма – Г.В.Ф. Гегеля, И. Канта, мыслителей Ж. Бодена, Ж.-Ж. Руссо, Т. Гоббса, Дж. Локка, Ш. Монтескье, и др. Во-вторых, имеется немало основательных работ по различным аспектам сущности, необходимости, истории, закономерностей формирования, развития, функционирования и укрепления суверенитета России и других стран. В этой связи следует отметить работы отечественных авторов прошлого – В.М. Гессена, М.М. Ковалевского, Н.М. Коркунова, С.А.Котляревского, Н.И. Полиенко, Б.Н. Чичерина, А.С. Ященко, зарубежных авторов – Л. Вильдхабера, Х. Дриера, Х. Ласки, Т. Маунца, Г. Навиаского, В. Острома, Р. Пайпса, Н. Политиса, М. Хуберта, Ф. Хинсли; настоящего – Г.Б. Агабекова, С.А. Авакьяна, Ж.И. Алферова, К. Айтхожина, В.В. Алешина, Г.В. Атаманчука, Г.В. Барабашева, А.А. Безуглова, И.П. Блищенко, Ю.П. Бровка, А.П. Бутенко, В.С. Шевцова, Г.Б. Агабекова, А.М. Васильева, В.С. Верещетина, Т. Габровски, П.П. Глущенко, Н.И. Грачева, В.Е. Гулиева, Г.С. Гурвича, Р.В. Деканозова, М.С. Джунусова, Ю.А. Дмитриева, К. Жиренчина, Г.П. Жукова, В.А. Зиновьева, Д.Л. Златопольского, Н.И. Игнатовича, В.Т. Кабышева, Б.М. Клименко, К.Д. Коркмасовой, В.Н. Кудрявцева, Э.Л. Кузьмина, Б.С.Крылова, М.И. Лазарева,. И.Д. Левина, А.И. Лепёшкина, И.В. Лукшина, Г.В. Мальцева, Б.Л. Манелиса, М.Н. Марченко, Н.А. Михалёвой, А.А. Мишина, Л.А. Моджоряна, В.С. Нерсесянца, С.А. Осипяна, В.А. Пертцика, В.П. Сальникова, В.И. Сапожникова, Ю.И. Скуратова, Б.А. Стародубского, И.П. Трайнина, Б.Н. Топорнина, Г.И. Тункина, Н.А, Ушакова, И.Е. Фарбера, Н.Н. Хорошего, Д.В. Шумкова и др.

В-третьих, несмотря на значительное количество работ по данной тематике, многие принципиальные проблемы современного Российского суверенитета остаются не раскрытыми и не решенными. До сих пор нет обоснованных ответов на вопросы о сущности суверенитета, его системообразующих признаках, видах, юридической базе и противоречиях правового регулирования, внутренних и внешних факторах формирования и укрепления. Явно недостаточно и фрагментарно исследованы закономерности взаимосвязи, взаимозависимости и взаимодействия суверенитета с фундаментальными факторами общественного развития – экономическим базисом, политической надстройкой и системой, историческими типами государства, общественного сознания, политикой, формами правления, политическим режимом, общественным сознанием, идеологией, конституционно-правовыми основами, правовой идеологией. Открытыми остаются многие практические аспекты укрепления суверенитета, особенно стратегия, тактика и направления его упрочения.

Требуется комплексное системное исследование сущности, закономерностей, теории и практики формирования и укрепления суверенитета современной Российской Федерации и других государств, образовавшихся на постсоветском пространстве [8; 14; 15; 16; 17; 24; 25], с учетом внутренних и внешних факторов их развития, выявление на этой основе имеющихся противоречий в правовом регулировании и конституционно-правовом механизме его укрепления, а также выработка предложений по устранению этих противоречий и совершенствованию указанного механизма.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации. – М., 2016.
2. Указ Президента РФ от 21 апреля 2000 г. № 706 «Об утверждении Военной доктрины Российской Федерации». Ст.ст. 1 – 5.// Собрание законодательства Российской Федерации. – 2000. – № 17. – Ст. 1852.
3. Абезгильдин Р.Р., Клименко О.А., Мирзоев А.К. Сетевые структуры в противодействии коррупции, экстремизму и посягательству на государственный суверенитет // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 1. – С. 47-58.

4. Абезгильдин Р.Р., Клименко О.А., Мирзоев А.К. Сетевые структуры, организованная преступность, синкретизм современной правовой культуры и государственный суверенитет // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 2. – С. 182-195.
5. Александров А.И. Государственно-правовая идеология и уголовная политика в Российской Федерации // Избранные лекции университета. Том выпуск 157. – СПб.: СПбГУ, 2014.
6. Александров А.И. Конституция Российской Федерации и идеология государства в России – одно и то же // Судья. – 2013. – № 12. – С. 30-32.
7. Артамонова Г.К., Шумков Д.В., Реуф В.М. Концепция государственного суверенитета: социально-политические и идейно-теоретические истоки // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 2. – С. 44-48.
8. Бабаджанов И.Х., Сальников М.В. Трансформация обычаев в праве на постсоветском пространстве // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 180-197.
9. Бжезинский Збигнев. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы / Перевод с англ. О.Ю. Уральской. – М.: Международные отношения, 1999.
10. Вихров А.А., Сальников М.В., Адамян Т.А., Биктасов О.В. Понятие и сущность суверенитета // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2005. – № 3(27). – С. 14-25.
11. Дикаев С.У. Терроризм и преступления террористического характера (опыт системного анализа). – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2004.
12. Дюги Л. Конституционное право. Общая теория государства. – М., 1908.
13. Еллинек Г. Общее учение о государстве. – СПб., 1903.
14. Зоиров Д.М. Формирование и развитие национальной государственности в странах Содружества Независимых Государств (сравнительно-правовое исследование): Дис. … докт. юрид. наук. – СПб., 2004.
15. Зоиров Д.М., Сальников М.В. Национальная политика СССР как фактор формирования постсоветского геополитического пространства // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2002. – № 3(15). – С. 80-85.
16. Зоиров Д.М., Сафаров Б.А. Государственность на постсоветском пространстве: предпосылки суверенитета // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 11. – С. 25-34.
17. Зоиров Д.М., Сафаров Б.А. Суверенная государственность на постсоветском пространстве: предпосылки и процесс формирования (на примере Республики Таджикистан): Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2012. – 336 с. – (Библиотека: «Философия государства и права»).
18. Исмагилов Р.Ф., Карагодов В.А, Сальников В.П. Межнациональный конфликт: понятие, динамика, механизм разрешения / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2003.
19. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П., Гер О.Е., Кайзер А.Г., Реуф В.М. Государственное телевидение как инструмент формирования идеологии // Мир политики и социологии. – 2013. – № 12. – С. 113-129.
20. Исмагилов Р.Ф., Сальников П.П., Гер О.Е., Кайзер А.Г., Реуф В.М. Советскую идеологию подвергли остракизму. А что взамен? (политико-правовой аспект) // Мир политики и социологии. – 2015. – № 7. – С. 57-75.
21. Карапетян Л.М. Федеративное устройство Российского государства. – М., 2001.
22. Клименко О.А., Мирзоев А.К. Развитие понятия суверенитета от Марсилия Падуанского до Гегеля // Юридическая наука. – 2016. – № 3. – С. 22-29.
23. Лазарев М.И., Кузьмин Э.Л. Мировое государство: иллюзии или реальность? (Критика буржуазных концепций суверенитета). – М.: Междунар. отношения, 1969. – 199 с. // Советский ежегодник международного права, 1970. – М.; Наука, 1972. – С . 283-285.
24. Михайлик А.Г., Сальников М.В. Геополитические и ресурсно-экономические детерминанты функционирования современного государства: политико-правовой анализ // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2002. – № 3(15). – С. 9-14.
25. Остроумов С.В., Остроумов Н.В., Романовская Л.Р., Нахимов А.П. Конституционные и религиозные нормы как основа межконфессионального диалога на постсоветском пространстве // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 9. – С. 148-158.
26. Проблемы суверенитета в Российской Федерации. – М., 1994.
27. Сальников В.П. Идеология – ключ к переменам // Бизнес и наше время. – 2014. – № 2(8). – С. 16-18.
28. Сальников В.П., Степашин С.В., Хабибулина Н.Г. Государственная идеология и язык закона / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 208 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»).
29. Сальников С.П., Клименко О.А., Мирзоев А.К., Третьяков И.Л. Жан-Жак Руссо и Джон Локк: некоторые идеи о суверенитете и естественном праве // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 5. – С. 173-179.
30. Хабибулин А.Г. Политическая субъектность и идеология как ценностные свойства государства // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 8. – С. 7-13.
31. Хабибулин А.Г., Рахимов Р.А. Государственная идеология: к вопросу о правомерности категорий //

Государство и право. – 1999. – № 3. – С. 11-20.
32. Хабибулин А.Г., Рахимов Р.А. Идеологическая деятельность государства и типология государственности. – СПб., 1998.
33. Шумков Д.В. Социально-правовые основания государственного суверенитета Российской Федерации (историко-теоретический анализ): Автореф. дис. … докт. юрид. наук. – СПб., 2002. – 47 с.
34. Congressional Research Service. The Library of Congress . U.S.-Russia Summit, October 23, 1995 // CRS Report for Congress, November 2, 1995 / By Jim Nichol. P. CRS-1 – CRS-6.

КОНСТИТУЦИОННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО. КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС. АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И АДМИНИСТРАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ.

ЖИЛЬСКИЙ Николай Николаевич,
профессор кафедры правового регулирования градостроительной деятельности Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: zhilskaya2011@yandex.ru

ШАРЯПОВА Эмма Алексеевна,
доцент кафедры правового регулирования градостроительной деятельности Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета, кандидат философских наук (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: sharyapova.emma@yandex.ru

Специальность 12.00.02 – Конституционное право, конституционный судебный процесс, муниципальное право

К ВОПРОСУ О ПУБЛИЧНЫХ СЛУШАНИЯХ

Аннотация. *Поднимаются вопросы публичных слушаний в градостроительной сфере, вскрываются причины актуальности публичных слушаний на современном этапе развития гражданского общества. Публичные слушания проводятся по важнейшим вопросам местного значения, которые непосредственно касаются прав и законных интересов граждан. Это вопросы генеральных планов поселений, планировки территории, земельных участков, видов разрешенного использования земли и др. Решение этих вопросов требует дальнейшего осмысления и законодательного совершенства.*

Ключевые слова: *публичные слушания; Градостроительный кодекс; генеральный план; земельный участок.*

ZHILSKIY N.N.
SHARAPOVA E.A.

TURNING TO THE QUESTION OF PUBLIC HEARINGS

The summary. *The article deals with a problem of public hearings in urban planning field, reveals the reasons of public hearings's relevance on a modern stage of society's development. Public hearings are held to solve the most important local questions, which concern human rights and legitimate interests of citizens. Those are questions of master plans of settlement, territory planning, land plots, kinds of legitimate use of land and etc. The solutions to these issues need further reflection and legislative perfection.*

Key words: *public hearings, urban development code, master plan, land plot.*

В процессе становления гражданского общества на сегодняшний момент немаловажное значение играют публичные слушания. Закрепленные как обязательный этап в процедуре принятия некоторых основных муниципальных документов публичные слушания являются реализацией конституционного права граждан участвовать в управлении делами государства непосредственно [1].

В аналитической, публицистической литературе, документов органов власти «публичные слушания» представляются и как форма участия населения в решении вопросов местного значения, и как собрание населения для осуждения проектов муниципальных правовых актов, и как форма непосредственного волеизъявления граждан.

Законодательно «публичные слушания» закреплены в таких нормативно – правовых актах как Градостроительный Кодекс РФ (ст.28), Федеральный закон № 131 (об общих принципах организации местного самоуправления в РФ) (ст.28). Примечательно, что ни в одном из указанных источников не дается определение публичным слушаниям. Понятие, признаки, особенности публичных слушаний пытаются систематизировать теоретики юриспруденции такие, как Н.А. Бусова, И.В. Захарова, С.С. Зенин, А.Ю. Звягольский, З.Г. Тамазов и др. [6, 7, 8, 9; 10] Цели публичных слушаний определены в градостроительном законодательстве. Это – благоприятные условия жизнедеятельности, права и законные интересы правообладателей земельных участков и объектов капитального строительства [2]. Широкий перечень предметов слушаний представлен в Федеральном законе № 131 от 06.10.2003 г. (в дальнейшем Закон) с изменениями, вступившими в силу 09.01.2017 г. Публичные слушания проводятся по принятию:

1) устава муниципального образования, а также муниципального правового акта о внесении изменений и дополнений в устав;
2) местного бюджета и отчета об исполнении бюджета;
3) планов и программ развития муниципального образования, правил землепользования и застройки, планировки территории, межевания территорий, правил благоустройства территории [3].

Также на публичные слушания выносятся вопросы предоставления разрешений на условно разрешенный вид использования земельных участков и объектов капитального строительства, отклонения от предельных параметров разрешения строительства, реконструкции объектов капитального строительства, изменения одного вида разрешенного использования земельного участка и объекта капитального строительства на другой вид, если правила землепользования и застройки не утверждены, и вопросы о преобразовании муниципального образования. Все перечисленные основания для проведения публичных слушаний говорят о дальнейшей демократизации общественной жизни в Российской Федерации.

Градостроительный кодекс РФ закрепляет обязательность проведения публичных слушаний, в то время как Закон предусматривает лишь возможность проведения таковых. Так в п.1 ст.28 указывается: «Для обсуждения проектов муниципальных правовых актов по вопросам местного значения с участием жителей муниципального образования представительным органом муниципального образования, главой муниципального образования могут проводиться публичные слушания». Причем в той же статье называются субъекты выдвижения инициативы:

1. население РФ;
2. представительный орган муниципального образования или глава муниципального образования.

По отношению к вопросам местного значения таким как: утверждение генеральных планов поселений, генеральных планов городских округов, правил землепользования и застройки, межевания, планировки территории, градостроительное законодательство находит закрепление в Градостроительном кодексе. Причем публичным слушаниям по проекту генеральных планов поселений, генеральных планов городских округов посвящается целая статья 28 ГрК, в которой предусмотрено проведение публичных слушаний и по внесению изменений в данные правовые акты. Однако при внесении изменений в правила землепользования и застройки, межевания, планировку территории Градостроительный кодекс не оговаривает обязательность публичных слушаний, что предусматривает возможность их непроведения.

В настоящее время активизируется гражданское общество в части участия в публичных слушаниях. Важно, чтобы они проводились в рамках действующего законодательства

[21]. В декабре 2016 года во многих районах города федерального значения Москва прокатилась волна публичных слушаний, повестками которых были: планировка территории, внесение изменений в планировку территории. Данные слушания проходили по инициативе органов местного самоуправления при полной наполненности конференц-залов. Население территориальных образований настолько было заинтересовано вопросами, предложенными к обсуждению, что вместимость арендованных органами власти конференц-залов не справлялась с количеством пришедших на публичные слушания. Так, в районе Тропарево – Никулино города Москвы устроители публичных слушаний вынуждены были организовать систему демонстративного показа процесса публичных слушаний в зале для собравшихся и не поместившихся у здания по экрану [13]. В феврале-марте 2017 г. – это время публичных слушаний в городе Санкт-Петербург. Тема публичных слушаний: изменения в проект планировки территории, изменения в Генеральный план Санкт-Петербурга. Об активности жителей города говорит количество участников публичных слушаний. Так в муниципальном округе МО Коломяги Приморского района СПб участников было 22 [14]. В сравнении с прошлым годом: участников было 3 человека. Проведение публичных слушаний в Санкт-Петербурге по районам объясняется предоставленным законодательством права делить территории населенного пункта на части в целях обеспечения равных возможностей для участия в публичных слушаниях населенного пункта всем заинтересованным лицам.

Процедура проведения публичных слушаний также закреплена в статье 28 ГрК РФ. Порядок организации и проведения публичных слушаний определяется уставом муниципального образования и (или) нормативными правовыми актами представительного органа муниципального образования. Информация о содержании проектов правовых документов должна быть донесена уполномоченными на проведение публичных слушаний органами местного самоуправления поселений в обязательном порядке через официальные сайты в информационно – телекоммуникационной сети «интернет», через печатные издания муниципального округа. Срок оповещения жителей муниципального образования о месте и времени проведений слушаний должен быть не менее 1 месяца, но не более 3 месяцев [2]. Используя современные информационные технологии органы местного самоуправления идут дальше: предоставляют на сайте администрации возможность участия в форуме обсуждения вопросов, вынесенных на повестку публичных слушаний. Тем самым у населения муниципального образования есть время на обсуждение вопросов между собой, определение значимости вопросов, выявление приоритета при возникновении разноречивых мнений на тот или иной вопрос. Данные проблемы вплетаются в ткань общих вопросов обеспечения прав и свобод граждан в сфере функционирования органов местного самоуправления [6; 7; 8; 9; 18; 19; 20; 22; 25].

Градостроительный Кодекс указывает и на результат публичных слушаний, которые может быть в двух формах:

1. глава местной администрации с учетом заключения о результатах публичных слушаний принимает решение о согласии с проектом правового акта и направлении его в представительный орган муниципального образования;
2. глава местной администрации с учетом заключения о результатах публичных слушаний принимает решение об отклонении проекта правового акта и о направлении его на доработку [2].

Представляется интересным тот факт, что законодатель посчитал необходимым лишь учет мнения населения при принятии таких важных правовых документов, как Генеральный план поселения, правила землепользования и застройки, межевание территории, планировка территории. Слова «с учетом заключения о результатах публичных слушаний» означают, что необходимый, закрепленный законодательно этап процедуры принятия правовых актов при решении вопросов местного значения носит рекомендательный характер. Таким образом, органы местного самоуправления при вынесении окончательного решения могут внести изменения в принимаемые правовые акты на основании протокола замечаний, предложений от населения муниципального образования, а могут не внести. Законодательство не предусматривает обязательность учета мнения населения, как и нет ответственности за неучитывание мнения населения. Из этого следует, что публичные

слушания как обязательный элемент процедуры решения вопросов местного значения зачастую носят формальный характер. Этим можно объяснить и имеющие место быть в современной действительности факты подтасовки результатов публичных слушаний. Так, например, в городе Москва, в районе Дорогомилово, по улице Большая Дорогомиловская в марте 2017 года население данного района заинтересовалось публичными слушаниями по вопросу переназначения объекта капитального строительства. На деле оказалось, что формально публичные слушания прошли, есть протокол публичных слушаний. Однако оповещения граждан не было и, зная, что при обнаружении отсутствия обнародования публичных слушаний, правовой документ может быть признан судом незаконным, органы местного самоуправления решили провести реальные публичные слушания. Но и во второй раз население муниципального образования столкнулось с тем, что многие присутствующие на публичном слушании были подставные лица [5].

Если рассматривать предмет публичных слушаний в рамках вопросов в сфере Градостроительного права, то повышенный интерес к вопросам, обсуждаемым на публичных слушаниях со стороны населения муниципального образования объясним. Во-первых, когда принимаются проект генерального плана поселения или городского округа или проект изменений в эти правовые акты, то поднимаются вопросы о:

1. положении о территориальном планировании;
2. карте планируемого размещения объектов местного значения поселения или городского округа;
3. карте границ населенного пункта, входящих в состав поселений или городского округа;
4. карте функциональных зон поселения или городского округа [2].

Перечисленные вопросы, особенно, размещение объектов местного значения поселения или городского округа, их функциональной зоны порой затрагивают собственников земельных участков и объектов капитального строительства на данных участках в пределах поселения. Градостроительный Кодекс предоставляет правообладателям земельных участков и объектов капитального строительства, если их законные права и интересы нарушаются или могут быть нарушены в результате утверждения генерального плана, право оспорить генеральный план в судебном порядке.

Во-вторых, когда принимаются правила землепользования и застройки, то определяются:

1. порядок применения и внесения изменений в правила землепользования и застройки;
2. карта градостроительного зонирования;
3. градостроительные регламенты [2].

Данные вопросы, особенно, вопросы, касающиеся градостроительного регламента, являются значимыми для населения, а также для лиц, решивших арендовать землю в данном муниципальном образовании. Это вопросы по определению правового режима земельных участков, равно как всего, что находится над и под поверхностью земельных участков.

В-третьих, когда поднимаются вопросы по проекту планировки территории, то на повестке публичных слушаний могут быть вопросы межевания территории и градостроительных планов земельных участков. Также как и по отношению к другим вопросам по развитию территории, вопросы планировки территории являются одними из тех, которые затрагивают законные интересы населения муниципального образования. Участники публичных слушаний в праве по этим вопросам представить в уполномоченные на проведение публичных слушаний орган местного самоуправления поселения или городского округа свои предложения или замечания, касающиеся проектов планировки территории или проектов межевания территории, для того, чтобы их включили в протокол публичных слушаний.

Именно тот факт, что вышеперечисленные вопросы непосредственно затрагивают права и законные интересы правообладателей земельных участков и объектов капитального строительства, органы местного самоуправления считают необходимыми и обязательными проведения публичных слушаний.

Публичные слушания целесообразно рассматривать как одну из форм развития гражданского общества. Несмотря на то, что по признакам гражданское общество не предполагает вмешательство государства, а представляет собой образованное по инициативе граждан [4; 11; 12; 24], позволим рассматривать публичные слушания, все-таки, как один

из видов проявления реализации гражданского общества. Во-первых, потому, что законодательство наделяет законодательной инициативой созыва публичных слушаний населения муниципального образования. Во-вторых, участниками публичных слушаний становятся исключительно по собственному желанию, и, в отличие от пассивного избирательного права, не закреплено нормативно-правовыми актами. В-третьих, населению не все равно, как будет развиваться муниципальное образования, в котором оно живет. Тем самым можно констатировать факт о растущем гражданском самосознании.

Нарастающая активность участия в публичных слушаниях объясняется, на наш взгляд, следующими причинами:

- Провозглашённые Конституцией РФ 1993 г. права и свободы становятся все более реально действующими. Граждане не только повышают правовую грамотность в рамках знаний своих прав и свобод, но и совершенствуются в способах защиты их. Обращение в суд давно не единственный способ, которому прибегают граждане. На сегодняшний день все больше обращений в прокуратуру, в орган власти соответствующей компетенции, к Уполномоченному по правам человека в РФ, к правозащитным организациям.
- Площадка, предназначенная для проведения публичных слушаний, является место, где гражданин имеет возможность высказаться по вопросам, вынесенным на слушания. Это – площадка непосредственного волеизъявления, на которой можно не только отдать свой голос, как на выборах и референдуме, но и может озвучить свой голос. Граждане хотят быть услышанными.
- Публичные слушания, подготовка и проведение их создают возможность населению повлиять на решение вопросов, непосредственно касающихся их жизнедеятельности. Прошедшие в марте публичные слушания по внесению изменений в генеральный план Санкт-Петербурга показали, что, преимущественно, участников интересуют вопросы дорог, транспорта, проезда [26]. Данный факт говорит, что для качества жизни транспортная доступность и удобство – вопросы первостепенного значения для населения муниципального образования.
- Наконец, причина растущего внимания к такой форме непосредственной демократии является законность процедуры публичных слушаний в градостроительной деятельности. Если для выражения собственного мнения граждане собираются на митинги, демонстрации, на проведение которых необходимо разрешение со стороны органов власти, то публичные слушания, зачастую, организуются самими органами государственной или местной власти, и разрешения на выражение собственного мнения не требуется.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации. – М., 2015.
2. Градостроительный кодекс Российской Федерации. – М., 2015.
3. Федеральный закон № 131-ФЗ от 6 октября 2003 г. «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003 – № 40. – Ст. 3822.
4. Бачинин В.А., Сальников В.П. Правовая реальность в контексте цивилизации и культуры. Методология причинного анализа: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2005. – 224 с. – (Серия «Наука и общество»).
5. Беспредел в Москве. Как москвичей лишают будущего // https://think-head.livejournal.com
6. Бондарь Н.С. Права человека и местное самоуправление в Российской Федерации. – Ростов-на-Дону: РостГУ, 1998. – 382 с.
7. Булатов Р.Б. Концептуальные аспекты муниципальной власти в России // Конституционное и муниципальное право. – 2006. – № 8. – С. 30-32.
8. Булатов Р.Б. Муниципальная власть и проблемы ее реализации в Российской Федерации

(конституционно-правовой анализ): Дис. … докт. юрид. наук. – СПб., 2006.
9. Булатов Р.Б., Глущенко П.П., Орловский Е.А. Муниципальная власть в зарубежных странах и в России: сравнительно-правовой анализ // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 4. – С. 155-161.
10. Бусова Н. А. Делиберативная демократия и политика интересов // Вопросы философии. – 2002. – № 5. – С. 44-54.
11. Гражданское общество в эпоху тотальной глобализации / Науч. ред. И.И. Кальной, А.В. Горбань. – Симферополь; Севастополь: АРЕАЛ, 2011. – 648 с.
12. Гражданское общество: истоки и современность / Науч. ред. И.И. Кальной, И.Н. Лопушанский. – 3-е изд., перераб. и доп. – СПб.: Юридический центр-Пресс, 2006. – 492 с.
13. Жители Тропарево – Никулино продолжают бороться за право «на солнце, воздух и безопасность» // https://red.msk.ru
14. Заключение о результатах публичных слушаний // https://spbdnevnik.ru
15. Захаров И.В. Публичные слушания в системе местного самоуправления // Российский юридический журнал. – 2006. – № 4. – С. 69-74.
16. Звяголъский А.Ю., Тамазов З.Г., Упоров И.В. Правовое регулирование института публичных слушаний и его реализация в муниципальных образованиях. Проблемы теории и практики. – М.: Юрлитинформ. 2008. 216 с.
17. Зенин С. С. Публичные слушания: понятие и признаки // Государственная власть и местное самоуправление. – 2008. – № 2. – С. 3-6.
18. Медведев С.М., Числов А.И. Местное самоуправление в России и человек как главная социальная ценность: актуальность проблемы и результаты исследования // Мир политики и социологии. – 2014. – № 10. – С. 43-52.
19. Медведев С.М., Числов А.И. Права, свободы, законные интересы граждан и органы местного самоуправления: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2013. – 232 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»).
20. Проблемы реализации полномочий местных органов власти / Валентей С.Д., Хабриева Т.Я., Александрова Е.И, Андриченко Л.В., Бухвальд Е.М, Васильев В.И., Лафитский В.И., Лыкова Л.Н., Одинцова А.В. // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2008 – № 2. – С. 60-73.
21. Прокофьев К.Г. Административная ответственность за нарушение законодательства о собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикети¬ровании: Научно-методическое пособие / Под общ. ред. В.П. Сальникова. Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности. – СПб.: Фонд «Университет», 2010. – 164 с. (Серия: «Безопасность человека и общества»).
22. Роженцев С.В., Числов А.И. Органы местного самоуправления и интересы малого и среднего бизнеса: проблемы юридической ответственности // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 9. – С. 104-119.
23. Тамазов З.Г. Публичные слушания как форма осуществления населением права на местное самоуправление: Автореф. дис. … канд. юрид. наук.
24. Точиев И.Б. Гражданское общество и муниципальное управление // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 9. – С. 38-53.
25. Хабриева Т.Я. Современная Конституция и местное самоуправление // Журнал российского права. – 2005. – № 4(100). – С. 10-18.
26. http://gov.spb.ru/gov/otrasl/architecture/news/107475/ – Официальный сайт администрации Санкт-Петербурга.

УСМАНОВА Резида Миняровна,
декан юридического факультета Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета, доктор юридических наук (г. Стерлитамак, Россия)
E-mail: rezidauzmanova@yandex.ru

Специальность 12.00.02 – Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право

РЕАЛИЗАЦИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ПРАВ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН

Аннотация. *О праве граждан осуществлять местное самоуправление можно говорить как о муниципальных правах граждан, потому что речь идет о правовых пределах тех возможностей, которыми обладают граждане в рамках муниципального образования. В соответствии с Конституцией Российской Федерации народ свою власть может осуществлять как непосредственно, так и через органы местного самоуправления. В свою очередь, органы местного самоуправления, образованные населением, должны решать вопросы местного значения в интересах населения. Однако в своей деятельности они нередко нарушают права лиц, проживающих на территории муниципального образования, превышают свои полномочия или же оставляют без должного внимания те или иные обращения граждан, игнорируя конституционные установки о правах и свободах граждан. Данная ситуация, как видно из анализа цифровых данных и изучения истребованных дел, обусловливает усиление активности органов прокуратуры по обращению в судебные органы в защиту нарушенных прав в системе местного самоуправления. В то же время, это требует и более тщательного соблюдения норм процессуального законодательства на всех стадиях судебного разбирательства и прокурорами и судами. В процессе осуществления своих полномочий в интересах народа органы местного самоуправления в своей деятельности не должны нарушать права человека, они обязаны содействовать гражданам в реализации их муниципальных прав.*

Ключевые слова: *конституция; народ; право; местное самоуправление; муниципальные права граждан; прокуратура; закон.*

USMANOVA R.M.

THE IMPLEMENTATION OF THE MUNICIPAL RIGHTS IN THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN

The summary. *On the right of citizens to exercise local self-government can be described as a municipal rights of citizens, because we are talking about the legal limits of the opportunities enjoyed by citizens within the municipality. In accordance with the Constitution of the Russian Federation, the people can exercise their power both directly and through bodies of local self-government. In turn, local governments, educated population, should address the issues of local importance in the public interest. However, in their work, they often violate the rights of persons residing in the territory of the municipality exceeds its authority or left without proper attention to certain complaints of citizens, ignoring the constitutional setup of the rights and freedoms of citizens. This situation, as can be seen from the analysis of the digital data and the study claimed cases, causes increased activity of pro-prosecutorial authorities for treatment in the courts to protect the violated rights of local self-government system. At the same time, it requires a more careful observance of procedural law at all stages of the trial and the prosecutors and the courts. In the course of exercising their powers in the*

interests of the people of the local authorities in their activities must not violate human rights, they are required to contribute to the implementation of the citizens in their municipal rights.

Key words: *constitution; people; law; local self-government; the municipal rights of citizens; prosecutors; law.*

В соответствии с Конституцией Российской Федерации Россия провозглашается демократическим государством. В ст. 3 указывается, что носителем суверенитета и единственным источником власти в РФ является ее многонациональный народ. Народ РФ осуществляет свою власть как непосредственно, так и через органы государственной власти и органы местного самоуправления.

Ст. 3 Европейской хартии местного самоуправления определяет местное самоуправление как право и реальную способность органов местного самоуправления регламентировать значительную часть государственных дел и управлять ими, действуя в рамках закона под свою ответственность и в интересах местного населения. Это право осуществляется не только выборными органами местного самоуправления, но и посредством форм прямого участия граждан в реализации функций местного самоуправления.

Участие граждан на осуществление местного самоуправления нашло свое закрепление в гл. 5 Федерального закона. В ст.ст. 22-32, перечислены такие формы участия как:

- местный референдум;
- муниципальные выборы;
- голосование по отзыву депутата, члена выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления, голосование по вопросам изменения границ муниципального образования, преобразования муниципального образования;
- правотворческая инициатива граждан;
- территориальное общественное самоуправление;
- сход граждан;
- собрание граждан;
- конференция граждан (собрание делегатов);
- опрос граждан;
- обращения граждан в органы местного самоуправления.

Однако, помимо данных форм, необходимо выделить и другие права, которыми обладают граждане, проживающие на территории муниципального образования.

К ним относятся право:

- получать равный доступ к муниципальной службе;
- получать полную и объективную информацию о деятельности органов местного самоуправления, что закреплено также ст.8 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006;
- защищать свои права на участие в местном самоуправлении в судебном и ином порядке.

Право граждан на осуществление местного самоуправления можно именовать муниципальными правами граждан, как совокупность возможностей, которыми обладают граждане в рамках того или иного муниципального образования [12, с. 298]. Муниципальные права граждан имеют ряд существенных признаков: 1) реализация этих прав предполагает связь с конкретным муниципальным образованием. Граждане осуществляют свое право на местное самоуправление в составе населения и вне муниципального образования, не находясь в составе населения, граждане свое право на местное самоуправление осуществить не могут, то есть, установлены пространственные пределы осуществления права на местное самоуправление, охватывается только город, сельское и городское поселение, где они проживают. В муниципальном районе имеется особенность осуществления местного самоуправления. Она заключается в том, что каждый житель района осуществляет право на местное самоуправление, так как проживает на территории района, и он также осуществляет свое право, являясь жителем поселения, входящим в район; 2) они являются элементом конституционного правового статуса

граждан и производны от него; 3) перечень этих прав устанавливается Конституцией Российской Федерации, Федеральным законом «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», законами субъектов Российской Федерации, уставами муниципальных образований [1; 8; 9; 11].

Право населения непосредственного осуществления местного самоуправления и участия в его осуществлении в Республике Башкортостан реализуется на основании Закона Республики Башкортостан «О местном самоуправлении в Республике Башкортостан», где в ст. 11 закреплены различные формы.

В различных муниципальных образованиях республики, население участвует в местном самоуправлении чаще всего посредством публичных слушаний. Например, в городском округе города Стерлитамак за 2015 год было проведено более 60 публичных слушаний. На них выносились такие вопросы как: строительство различных объектов; проект бюджета городского округа город Стерлитамак; проект планировки территории и проект межевания территории городского округа город Стерлитамак; внесение изменений и дополнений в Устав. Активно развито территориальное общественное самоуправление. В муниципальных образованиях приняты соответствующие положения о ТОС, определены границы. Также проводятся опросы. Так, среди населения города Стерлитамак был проведен опрос по вопросам качества предоставляемых услуг в сфере здравоохранения, образования, культуры и деятельности органов местного самоуправления на территории городского округа город Стерлитамак за 2016 год.

Несмотря на то, что среди форм непосредственного участия населения в местном самоуправлении особое место отведено референдуму, данная форма к сожалению не находит своего применения. В Республике Башкортостан местные референдумы были проведены в 2005 году.

На референдум был вынесен такой вопрос: Согласны ли Вы с тем, чтобы в соответствии с требованиями Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», инициированного Президентом Российской Федерации В.В. Путиным, была установлена следующая структура органов местного самоуправления муниципального образования: представительный орган муниципального образования (Совет), председателем которого является избираемый из его состава глава муниципального образования (Председатель Совета); местная администрация муниципального образования (Администрация) во главе с главой местной администрации (Глава Администрации)?

В результате в муниципальных районах и городских округах сложилась система, при которой главы местной администрации – контрактники. Население не столь активно приняло участие в этом мероприятии. Так, например, в городском округе города Стерлитамак приняли участие в референдуме 57,99 % живущих в город граждан.

Однако в Республике Башкортостан не всегда проводится референдум, тогда как вопрос обязательно должен быть вынесен на голосование. Так, главой администрации сельского поселения Сикиязовского сельского Совета Дуванского района Республики Башкортостан было принято распоряжение об установлении сбора в размере 50 рублей с человека для оплаты за электроэнергию уличного освещения; установку счетчиков и ремонт уличного освещения; благоустройство улиц и строительство заборов; отлов собак; ремонт изгороди центрального парка района. Тогда как ст. 56 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» вопросы введения и использования разовых платежей граждан решаются на местном референдуме (сходе граждан).

Муниципальные выборы в Республике Башкортостан в основном были проведены в 2016 году в целях избрания депутатов представительного органа местного самоуправления. В период предвыборной компании, нередко нарушаются права избирателей, в частности на получение полной и достоверной информации о кандидатах в депутаты.

Анализ работы органов местного самоуправления, показывает, что находит свою реализацию ст. 32 ФЗ № 131 о праве граждан на обращения. Обращаются граждане по вопросам выдачи копий нормативных правовых актов, с предложениями о внесении изменений в правила застройки и землепользования, течи кровли, благоустройства детской площадки во дворе многоэтажного дома, и т.д. Широкое распространение получают в последнее время обращения граждан по

информационным системам общего пользования, т.е. в электронно-цифровой форме [13, с. 106].

Народ свою власть может осуществлять через органы местного самоуправления. Органы местного самоуправления, образованные населением должны решать вопросы местного значения в интересах населения. Однако в своей деятельности они нередко нарушают права лиц, проживающих на территории муниципального образования, превышают свои полномочия или же оставляют без должного внимания те или иные обращения людей, игнорируя конституционные установки о правах и свободах граждан. Такая ситуация никак не способствует установлению общественного порядка, повышению правовой культуры общества, а наоборот, создает условия для усиления правового нигилизма, неверия в законность и справедливость действий руководящих органов. Тем не менее, как правило, «люди на своем опыте осваивают специфику правового обеспечения их жизнедеятельности, воспринимают правовые принципы и методы удовлетворения их интересов и, убедившись в рациональности правового решения проблем, начинают пользоваться правовыми возможностями» [6, с. 52].

Так, например, распоряжением главы администрации сельского поселения Озерский сельский Совет Дуванского района Республики Башкортостан были установлены тарифы на справки, выдаваемые населению, за справку о наличии подсобного хозяйства жители должны заплатить 20 рублей, о покупке у населения овощей и мяса иногородними гражданами 100 рублей, о выдаче архивной справки 15 рублей.

Между тем, в соответствии со ст. 8 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» – информация, затрагивающая права и установленные законодательством Российской Федерации обязанности заинтересованного лица, предоставляется органом местного самоуправления бесплатно.

Этим же советом, в нарушение указанного закона, было принято решение о приостановлении выдачи справок гражданам, имеющим задолженность по налогам и сборам. В нарушение ст.1 Федерального закона «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места жительства в пределах Российской Федерации» главой сельского поселения незаконно устанавливалась и регистрация граждан на территории поселения, только после прохождения флюорографического обследования.

Прокуратурой района на все указанные правовые акты глав администраций и Советов сельских поселений принесены протесты, которые удовлетворены, а незаконные решения отменены.

На другом примере видно, как органы местного самоуправления нарушают право граждан на получение информации. Учалинской межрайонной прокуратурой Республики Башкортостан проведена проверка исполнения законодательства об обеспечении доступа к информации о деятельности органов местного самоуправления. Установлено, что администрации сельских поселений района, в нарушение ст.ст. 9,10,13 Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления», информацию о своей деятельности в сети Интернет не размещали, не определили должностных лиц, уполномоченных для организации работы по обеспечению доступа к информации. На момент проверки не был утвержден перечень информации о деятельности органов местного самоуправления, размещаемой в сети Интернет, тем самым не обеспечен доступ граждан к информации о деятельности органов местной власти.

Или другой пример. Прокуратурой г. Октябрьского Республики Башкортостан проведена проверка в Совете городского округа город Октябрьский исполнения законодательства о своевременной публикации в средствах массовой информации нормативных и правовых актов данного представительного органа. Установлено, что должностными лицами Совета городского округа город Октябрьский, в нарушение ст. 47 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и статьи 29 Устава городского округа город Октябрьский, в соответствии с которым муниципальные правовые акты, подлежащие официальному опубликованию (обнародованию), направляются в официальное печатное средство массовой информации в течение 7 дней после дня их подписания, и только в случае невозможности их официального опубликования муниципальные правовые акты подлежат официальному

обнародованию в здании администрации в течение 7 дней после дня их подписания, нарушается установленный порядок опубликования нормативных правовых решений Совета, 20 нормативных правовых актов опубликованы с нарушенным 7-ми дневным сроком.

Так, п. 12 решения Совета городского округа г. Октябрьский от 24.12.2010 года № 361 «Об уточнении бюджета городского округа город Октябрьский на 2010 год» установлено, что оно подлежит опубликованию в газете «Октябрьский нефтяник», данное решение было опубликовано в газете лишь 20.01.2011 года

Как видно из указанных примеров, прокурор в соответствии со ст. ст. 26-28 Федерального закона от 17.01.1992 «О прокуратуре Российской Федерации» осуществляет надзор за соблюдение права и свобод человека и гражданина, вправе обращаться в суд в случае нарушения законодательства.

Также в соответствии со ст. 77 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» органы прокуратуры Российской Федерации осуществляют надзор за исполнением органами местного самоуправления и должностными лицами местного самоуправления Конституции Российской Федерации, федеральных конституционных законов, федеральных законов, конституций (уставов), законов субъектов Российской Федерации, уставов муниципальных образований, муниципальных правовых актов.

Заявляя требования о признании бездействия органов местного самоуправления незаконным, и предлагая устранить нарушения, прокурор в то же время иногда не конкретизирует, кто и какие действия должен совершить. Так прокурор Чишминского района Республики Башкортостан, обращаясь с заявлениями в порядке ст. 254 ГПК РФ о признании незаконным бездействия органов местного самоуправления (Енгалышевского, КараЯкуповского, Арслановского, Сафаровского сельсовета и т.д.), в просительной части предлагал «Признать бездействие органа местного самоуправления сельского поселения по непринятию мер по устранению нарушений законодательства о местном самоуправлении незаконным, нарушающим права неопределенного круга лиц. Обязать орган местного самоуправления сельского поселения устранить имеющиеся нарушения закона и привести положения Устава поселения в соответствие с требованиями действующего законодательства». По данному решению вынесен отказ, т.к. невозможно определить, какие положения Устава поселения не соответствуют закону, каким требованиям действующего законодательства они не соответствуют, каким образом следует устранить данные нарушения.

Нередко при обращении в суд с требованиями в защиту интересов государства, муниципальных образований, неопределенного круга лиц и граждан, не всегда указывается, в чьих интересах обращается прокурор, иногда неправильно определяется порядок рассмотрения требований, не соблюдается форма предъявляемого заявления [14, с. 99].

В частности прокурор Мишкинского района Республики Башкортостан, обращаясь с заявлением о признании недействующим п. 31 ч. 1 ст. 3 Устава Староарзаматовского сельского совета, указал лишь заинтересованное лицо Совет сельского поселения Староарзаматовский сельский совет Муниципального района Мишкинский район, а в чьих интересах предъявлены требования, из заявления установить невозможно.

В то же время, «если нормативная регламентация призвана обеспечить стабильность и необходимое единообразие в регулировании общественных отношений, ввести их в твердые рамки законности, то правоприменение – учет конкретной обстановки, своеобразие каждой юридической ситуации» [7, с. 506].

Анализ цифровых данных и изучение истребованных дел, позволяют сделать вывод о возросшей активности прокуроров по обращению в судебные органы в защиту нарушенных прав в системе местного самоуправления [15, с. 29]. Вместе с тем, это требует и более тщательного соблюдения норм действующего законодательства на всех стадиях судебного разбирательства и прокурорами и судами. Все это обусловливается необходимостью создания оптимального государства, нацеленного на защиту естественных прав и свобод человека и реального обеспечения этих прав, «а все остальное люди сделают сами. … Ведь Конституция, законы, а вслед за ними и государственные чиновники, призванные обеспечивать исполнение этих юридических установлений, необходимы для того, чтобы поднять жизненный уровень населения» [10, с. 162].

Как было отмечено выше, народ РФ осуществляет свою власть как непосредственно, так и через органы местного самоуправления. В своей деятельности органы местного самоуправления, реализуя свои полномочия в интересах народа, не должны нарушать права человека, напротив они обязаны содействовать гражданам в реализации их муниципальных прав [2; 3; 4; 5].

Список литературы

1. Бондарь Н.С. Права человека и местное самоуправление в Российской Федерации. – Ростов-на-Дону: РостГУ, 1998. – 382 с.
2. Булатов Р.Б., Глущенко П.П., Андрейцо С.Ю. Эффективность правозащитной функции органов муниципальной власти: пути обеспечения // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 4. – С. 79-90.
3. Булатов Р.Б., Глущенко П.П., Орловский Е.А. Механизм правозащитной деятельности органов муниципальной власти: понятие, содержание и особенности // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 5. – С. 121-135.
4. Булатов Р.Б., Глущенко П.П., Орловский Е.А. Муниципальная власть и правозащитная деятельность: актуальность проблемы и некоторые итоги размышлений // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 5. – С. 51-58.
5. Булатов Р.Б., Глущенко П.П., Орловский Е.А. Обеспечение реализации и защиты конституционных прав и свобод граждан органами государственной и муниципальной власти: правовые методы, средства и способы // Мир политики и социологии. – 2016. – № 5. – С. 100-116.
6. Галиев Ф.Х. Цифровые параметры правовой культуры // Евразийский юридический журнал. – 2012. – № 2(45). – С. 52-55.
7. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: Учебник. 4-е изд., испр. и доп. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015.
8. Медведев С.М., Числов А.И. Права, свободы, законные интересы граждан и органы местного самоуправления: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2013. – 232 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»).
9. Медведев С.М., Числов А.И., Местное самоуправление в России и человек как главная социальная ценность: актуальность проблемы и результаты исследования // Мир политики и социологии. – 2014. – № 10. – С. 43-52.
10. Раянов Ф.М. Трудный путь к правовому государству. – Уфа: Башкортостан, 1999.
11. Роженцев С.В., Числов А.И. Органы местного самоуправления и интересы малого и среднего бизнеса: проблемы юридической ответственности // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 9. – С. 104-119.
12. Усманова Р.М. Народовластие и местное самоуправление // Народовластие и права человека: Материалы IV Международной научно-практической конференции / Под ред. Н.В. Витрука и Л.А. Нудненко. – М., 2012. – С. 297-302.
13. Усманова Р.М. Общественный контроль в системе местного самоуправления как фактор развития гражданского общества // Правовое государство: теория и практика. – 2016. – № 3(45). – С. 104-110.
14. Усманова Р.М., Саитов Э.Р. К вопросу о прокурорском надзоре за соблюдением конституционных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации // Актуальные проблемы государства и права на современном этапе: Сборник научных статей по материалам V ежегодной научно-практической конференции, посвященной Дню юриста. – Стерлитамак, 2016. – С. 96-102.
15. Усманова Р.М., Саитов Э.Р. Роль актов прокурорского реагирования по надзору за защитой прав и свобод человека и гражданина // Государственная власть и местное самоуправление в современный период: Сборник научных статей по итогам работы за 2015 год методологического семинара преподавателей и студенческого научного кружка «Проблемы государственной власти и местного самоуправления». – Стерлитамак, 2016. – С. 28-32.

ГРАЖДАНСКОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО. ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО. ГРАЖДАНСКИЙ И АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

КРЕМЛЁВА Ольга Клавдиевна,
доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета, кандидат юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: dept.khozp@unecon.r

Специальность 12.00.03 – Гражданское право; жилищное право; семейное право; международное частное право

НОВЕЛЛЫ ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ О КОРПОРАЦИЯХ

Аннотация. *Предлагается обзор новейших изменений гражданского законодательства, затронувших наиболее существенные положения правовой регламентации корпоративных организаций.*

Ключевые слова: *Гражданский кодекс Российской Федерации; законодательство о юридических лицах; новые принципы классификации юридических лиц на публичные и непубличные, корпорации и учреждения; корпоративные договоры и акционерные соглашения.*

KREMLEVA O.K.

NOVELS OF THE CIVIL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION ON CORPORATIONS

The summary. *It offers an overview of the latest changes in civil legislation that have affected the most significant provisions of the legal regulation of corporate organizations.*

Key words: *Civil Code of Russian Federation, company legislation, new legalized principle of company classification, the division of legal entities in the public and non-public; lists the types of organizations: corporations and foundations, corporate contract and shareholders' agreement, corporate contract conditions.*

Изменения Гражданского кодекса столь масштабны, что ГК РФ в июльской редакции 2014 г. в широких кругах часто называют новым ГК. В наибольшей мере изменения Гражданского кодекса распространяются на подраздел «Лица» и нацелены на введение института корпораций в нормативное обеспечение. В доктринальном плане делений юридических лиц на корпорации и учреждения широко известно, однако в качестве легальной дефиниции, т.е. определения содержащегося в законе, появилось лишь в редакции 2014 года.

Значение данной новеллы состоит в том, что законодатель не только классифицировал организации, но и легализовал принцип этой классификации, а именно возвёл в принцип право, на котором создан тот либо иной тип юридического лица: «К юридическим лицам, в отношении которых их участники имеют корпоративные права, относятся корпоративные организации» [1, ст. 48]. Корпорациям противопоставляются учреждения, созданные на основе вещных прав учредителей [1, ст. 48]. Важнейшим моментом, остающимся в тени полемики о новеллах Гражданского кодекса, является точное указание законодателя на субъектов, иначе говоря, носителей указанных прав. В учреждении ими «пожизненно» остаются учредители, в корпорации их участники имеют корпоративные права. То есть для корпорации состав учредителей ни что иное, как исторический факт, с момента государственной регистрации корпорации воплотившийся в состав участников. Именно участники корпораций являются носителями корпоративных прав, что следует из ст.48 ГК РФ, дающей отсылку к ст.65.1: «Корпоративные и унитарные юридические лица». Смысл первой части данной статьи сводится, во первых, к уточнению понятия права участия, а, во-вторых, к перечислению юридических лиц, относимых к корпорациям. Законодатель отнюдь не случайно сформулировал именно таким образом положение о понятии корпорации, одно из основополагающих для всего гражданского оборота и связанных с ним правоотношений. Первым утверждением легализована концепция корпорации как организации, основанной на праве участия и управляемой её участниками. Законодателем прямо не указано какой характер имеет данное участие, а именно имущественный и (или) неимущественный. Зато следующим, вторящим предыдущему утверждением, вводится закрытый перечень организационно-правовых форм корпораций. Обозначим наиболее важные моменты. Законодатель ясно даёт понять, что в настоящее время не делает различий между коммерческими и некоммерческими организациями в плане регламентации правомочий. Более того, законодатель пока не связывает право на управление корпорациями с имущественным вкладом в них. Кроме того следует акцентировать внимание на том, что данный перечень следует рассматривать как закрытый (numerus clausus). Это означает, что перечислив виды организаций, отнесённых к корпорациям, законодатель императивно их ограничил: корпорации могут быть созданы в тех, и только в тех организационно-правовых формах, которые названы в пункте 1 статьи 65.3 Гражданского кодекса. В соответствии с действующей редакцией данной нормы к корпорациям отнесены хозяйственные товарищества и общества, крестьянские (фермерские) хозяйства, хозяйственные партнерства, производственные и потребительские кооперативы, общественные организации, общественные движения, ассоциации (союзы), товарищества собственников недвижимости, казачьи общества, внесенные в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации, а также общины коренных малочисленных народов Российской Федерации. Все перечисленные организации кроме хозяйственных товариществ и обществ названы непосредственно установленными законодательством наименованиями организационно-правовых форм. Состав хозяйственных товариществ и обществ возможно установить из содержания Гражданского кодекса и принятых в соответствии с ним Федеральных законов (ст.2 ГК РФ). Исходя из содержания указанных источников, товарищества могут быть полными и на вере (коммандитными), а общества в настоящее время могут быть следующих видов – непубличные, в том числе общества с ограниченной ответственностью (ООО) и акционерные общества (АО), а также публичные акционерные общества (ПАО).

Важнейшим нововведением является закрепление за участниками корпоративных юридических лиц в связи с участием в них корпоративные (членские) права и обязанности в отношении созданного ими юридического лица, за исключением случаев, предусмотренных Гражданским кодексом [1, ст. 65.1]. Потенциал правовых последствий данной новеллы зависит от широты понимания корпоративных прав. С одной стороны, корпоративные права противопоставляются имущественным, на которых основаны учреждения, а стало быть не предполагают покрытия убытков корпораций их участниками. С другой стороны, пределы расширенного толкования обязанностей участников корпораций. Действующее нормативное обеспечение позволяет значительно увеличить диапазон перевозложения ответственности за результаты

деятельности корпорации на её участников. Анализ существующего положения путём сопоставления наиболее важных организационно-правовых форм корпораций позволяет проследить последовательное применение принципа: «Объем правомочий участников хозяйственного общества определяется пропорционально их долям в уставном капитале общества» [1, ст. 66]. Однако, необходимо иметь ввиду новеллы, позволяющие заключать корпоративные договоры и акционерные соглашения: «Иной объем правомочий участников непубличного хозяйственного общества может быть предусмотрен уставом общества, а также корпоративным договором при условии внесения сведений о наличии такого договора и о предусмотренном им объеме правомочий участников общества в единый государственный реестр юридических лиц» [1, ст. 66].

Данное нововведение способно кардинально изменить расстановку сил на корпоративном фронте. Профсоюзам следует не просто иметь в виду потенциал корпоративных договоров, но активно применять их наряду с коллективным договором, а возможно и в приоритетном порядке как могущественный координационный ресурс.

Понятие корпоративного договора введено статьёй 67.2, введенной Федеральным законом от 05.05.2014 N 99-ФЗ [2]. Из содержания статьи следует, что синонимом корпоративного договора признаются договор об осуществлении прав участников общества с ограниченной ответственностью и акционерное соглашение. Договор об осуществлении прав участников общества с ограниченной ответственностью, безусловно, является видом корпоративного договора. В отношении термина «акционерное соглашение» следует заметить, что акционеры вид участников корпораций, а договор – вид соглашения. Иными словами словосочетание «акционерное соглашение» изначально представляет собою терминологический нонсенс по отношению к понятию «корпоративный договор»: акционерное уже корпоративного, а соглашение шире договора. Тем не менее, законодатель преподносит их как аналоги, и, руководствуясь лишь здравым смыслом, следует предположить, что акционерное соглашение заключается акционерами публичных и непубличных обществ, а договор об осуществлении прав участников общества с ограниченной ответственностью имеют право заключать участники ООО.

Участниками корпоративного договора вправе выступать участники хозяйственного общества или некоторые из них. Обладая акциями (долями) акционеры (участники) вправе заключить между собой корпоративный договор об осуществлении своих корпоративных прав (договор об осуществлении прав участников общества с ограниченной ответственностью, акционерное соглашение), в соответствии с которым они обязуются осуществлять эти права определенным образом или воздерживаться (отказаться) от их осуществления, в том числе голосовать определенным образом на общем собрании участников общества, согласованно осуществлять иные действия по управлению обществом, приобретать или отчуждать доли в его уставном капитале (акции) по определенной цене или при наступлении определенных обстоятельств либо воздерживаться от отчуждения долей (акций) до наступления определенных обстоятельств [1, ст. 67.2].

Следует помнить, что 5. Корпоративный договор не создает обязанностей для лиц, не участвующих в нем в качестве сторон [1, ст. 67.2].

Корпоративный договор обладает достаточной стабильностью: прекращение права одной из сторон корпоративного договора на долю в уставном капитале (акции) хозяйственного общества не влечет прекращения действия корпоративного договора в отношении остальных его сторон, если иное не предусмотрено этим договором [1, ст. 67.2].

В этой связи следует отметить, что новейший договорный инструментарий корпоративного права позволяет эффективно перераспределять функции управления. В частности, в случаях, если ниже перечисленные положения, не относятся к числу подлежащих обязательному включению в устав непубличного хозяйственного общества в соответствии с настоящим Гражданским кодексом или другими законами, они могут быть предусмотрены корпоративным договором, сторонами которого являются все участники этого общества [1, ст. 66.3]:

1. О передаче на рассмотрение коллегиального органа управления общества или коллегиального исполнительного органа общества вопросов, отнесенных законом к компетенции общего собрания участников хозяйственного общества, за исключением вопросов: 1) внесения изменений в устав хозяйственного общества, утверждения

устава в новой редакции; 2) реорганизации или ликвидации хозяйственного общества; 3) определения количественного состава коллегиального органа управления общества и коллегиального исполнительного органа (если его формирование отнесено к компетенции общего собрания участников хозяйственного общества), избрания их членов и досрочного прекращения их полномочий; 4) определения количества, номинальной стоимости, категории (типа) объявленных акций и прав, предоставляемых этими акциями; 5) увеличения уставного капитала общества с ограниченной ответственностью непропорционально долям его участников или за счет принятия третьего лица в состав участников такого общества; 6) утверждения не являющихся учредительными документами внутреннего регламента или иных внутренних документов хозяйственного общества.

2. О закреплении функций коллегиального исполнительного органа общества за коллегиальным органом управления общества полностью или в части либо об отказе от создания коллегиального исполнительного органа, если его функции осуществляются указанным коллегиальным органом управления.

3. О передаче единоличному исполнительному органу общества функций коллегиального исполнительного органа общества.

4. Об отсутствии в обществе ревизионной комиссии или о её создании исключительно в случаях, предусмотренных уставом общества.

5. О порядке, отличном от установленного законами и иными правовыми актами порядка созыва, подготовки и проведения общих собраний участников хозяйственного общества, принятия ими решений, при условии, что такие изменения не лишают его участников права на участие в общем собрании непубличного общества и на получение информации о нем.

6. О требованиях, отличных от установленных законами и иными правовыми актами требований к количественному составу, порядку формирования и проведения заседаний коллегиального органа управления общества или коллегиального исполнительного органа общества.

7. О порядке осуществления преимущественного права покупки доли или части доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью или преимущественного права приобретения размещаемых акционерным обществом акций либо ценных бумаг, конвертируемых в его акции, а также о максимальной доле участия одного участника общества с ограниченной ответственностью в уставном капитале общества.

8. Об отнесении к компетенции общего собрания акционеров вопросов, не относящихся к ней в соответствии с Гражданским кодексом или законом об акционерных обществах.

9. Иные положения в случаях, предусмотренных законами о хозяйственных обществах.

Весь ранее приведённый анализ изменений позволяет сделать следующие выводы:

1. Изменение ОПФ юридических лиц с одновременным изменением правовых конструкций корпораций, а также перераспределение ответственности между участниками корпораций, способно оказать сильное влияние на тенденции развития корпоративного оборота и явно нацелено на отделение функции менеджмента от права собственности.

2. Участники корпораций способны шире использовать возможности действующего законодательства о применении корпоративных соглашений для регламентации устойчивого развития.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. – М., 2016.
2. Федеральный закон от 5 мая 2014 г. № 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 19. – Ст. 2304.

ХАМРОЕВ Шухрат Садирович,
заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Российско-Таджикского (Славянского) университета, кандидат юридических наук, доцент (г. Душанбе, Таджикистан)

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

РОЛЬ ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА ТАДЖИКСКОЙ ССР В РЕГУЛИРОВАНИИ ДОГОВОРНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация. *Рассматривается роль и влияние введения в действие Гражданского кодекса Таджикской ССР в интересах расширения и модернизации механизма правового регулировании договорных отношений в советском Таджикистане.*

Ключевые слова: *договор; заключение договора; плановые задания; исполнение заказа; исполнение обязательств; классификация договора.*

KHAMROEV Sh.S.

THE ROLE OF THE CIVIL CODE OF THE TAJIK SSR IN THE REGULATION OF CONTRACTUAL RELATIONS

The summary. *The role and influence are considered the enactment of the Civil Code of the Tajik SSR in expanded and modernizing the mechanism of legal regulation of contractual relations in Soviet Tajikistan.*

Key words: *contract; conclusion of a contract; planned tasks; execution of the order; execution of obligations; classification of the contract.*

Основы гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик 1961 года сыграли важную роль в развитии имущественных и неимущественных отношений, в частности договорных. По сути,их называли главным источником гражданских кодексов союзных республик. С даты их принятия начинается новая фаза развития и совершенствование института договорных отношений в системе советского права. В целом, основы гражданского законодательства служили исходной базой всего гражданского законодательства: и общесоюзного, и республиканского [5, стр. 95]. Так на базе Основ гражданского законодательства в 1963–1964 гг. во всех союзных республиках были приняты гражданские и гражданско-процессуальные кодексы.

Гражданский кодекс Таджикской ССР был принят 28 декабря 1963 года. При разработке проекта Гражданского кодекса Таджикской ССР осуществлялся постоянный контроль со стороны ЦК Компартии Таджикистана [11, стр. 57, 65]. В этих целях при Президиуме Верховного Совета СССР была создана Консультационная комиссия по консультированию проектов гражданских кодексов союзных республик под председательством Д.Н. Генкина. В состав комиссии вошли видные ученые цивилисты (В.И. Серебровский, Е.А. Флейшиц и др.). В проекте Гражданского кодекса Таджикской ССР были установлены важнейшие нормы гражданского права, в которых нашли свое отражение политика государства того времени, система гражданского законодательства

в целом и его разделы в отдельности. Проект кодекса был вынесен на обсуждение трудовых коллективов, в средства массовой информации. После одобрения консультативной комиссией Президиума Верховного Совета СССР и ЦК КП Таджикской СССР, Гражданский кодекс Таджикской ССР был принят 28 декабря 1963 года. Согласно Закону Таджикской ССР «Об утверждении Гражданского кодекса Таджикской ССР» от 28 декабря 1963г., Гражданский кодекс введен в действие с 1 января 1965 года и включал преамбулу и 565 статей, объединенных в 7 разделов. По сути, это было первое самостоятельное законодательство Советского Таджикистана в период полной и окончательной победы социализма и в дальнейшем признано как важный фактор строительства коммунистического общества. В преамбуле нового кодифицированного законодательного акта, особая роль была отдана договорным отношениям в решении и укреплении предстоявших задач социалистической системы хозяйства [1, стр. 5]. Она рассматривается как важнейшая правовая форма конкретизации плановых заданий и одновременно формой контроля за исполнением плановых заданий социалистическими организациями. Более того, рассмотрение ее как разновидности и основания гражданско-правового обязательства [12, стр. 130, 131] не исключается, а наоборот, усиливается (ст.158) [1, стр. 63]. Однако в ГК Таджикской ССР понятие договора не дано, как и в ст.34 Основ гражданского законодательства СССР, оно начинается с буквы «заключение договора», что включает такие элементы как: «требуемая форма», «достижение соглашения по всем его существенным пунктам» и т.д. (ст.161) [1, стр. 63]. В целом, конститутивный элемент договора, который составляет соглашение сторон, сохранен (ст. 162 ГК Таджикской ССР), так как лишь в результате согласования воли договаривающихся сторон, договор является заключенным [8, стр. 390].

Более того в ст. 162 ГК Таджикской ССР законодатель использует такие понятия как «исполнения заказа» и «наряда» считает их формой заключения договора. В целом, принцип, по которому всякий договор предполагает согласованную волю сторон, в новом кодексе соблюдался. В обеспечение этого принципа, процедура заключения договора по предложению, сделанному с указанием срока для ответа считается обоснованным (ст. 163 ГК Таджикской ССР), так как, если в предложении заключить договор указан срок для ответа, то договор считается заключенным, хотя соблюдение пределов в этом процессе законодателем предлагается в форме предложения заключения договора без указания срока для ответа (ст.164 ГК).

В случае предложения заключить договор с указанием срока, договор для ответа проходит два этапа: а) предложение заключить договор; б) принятие этого предложения, где участниками этой формы, с одной стороны, выступали оферта – лицо, выступающее с предложением заключить договор. Предложение адресуется определенному лицу и содержит условия договора. С другой стороны, акцептант – лицо, которое принимает предложение заключить договор. Обычно этой формой заключения договора пользовались субъекты плановых и хозрасчетных организаций. Что касается заключение договора по предложению без указания срока для ответа (ст.164 ГК), то оно производилось как в устной, так и в письменной форме.

Кроме того, в ст.165, 166 и 167 ГК предусмотрены различные комбинации ответа о согласии на заключение договора (полученный с опозданием, на иных условиях). Также процедура решения разногласий, возникающих при заключении договора (ст. 167 ГК,), может стать предметом рассмотрения судом, арбитражем (третейским судом). Наряду с этими вопросами в ГК Таджикской ССР была установлена норма о договоре в пользу третьего лица. Третье лицо – это любой субъект гражданского права…[4, стр. 70]. К числу договора в пользу третьего лица относились договор о перевозке груза, договор страхования и некоторые другие. Согласно ст.168 ГК Таджикской ССР, по договору в пользу третьего лица исполнитель вправе требовать, если иное не предусмотрено договором, как сторона, заключившая договор, так и третье лицо, в пользу которого заключен договор. Однако договор в пользу третьего лица, как констатирует В.И. Серебровский, не привлек к себе особого внимания советских цивилистов. В советском гражданском праве этому договору отводилось минимальное место, отсутствуют какие-либо монографические исследования, посвящённые договору в пользу третьего лица [6, стр. 369]. В таком понимании конструкция договора в пользу третьего лица оставалась и после принятия

Гражданского кодекса РСФСР 1964 года. Также, единой концепции относительно договоров в пользу третьего лица ни судебной практикой, ни юридической доктриной не выработалось [2, стр. 4].

Следовательно, ГК Таджикской ССР учитывая сложность механизма правового регулирования гражданско-правовых обязательств устанавливает ряд процедур (ст. 169, ст.170.ст.171, ст.172, ст.173, ст. 174, ст.175, ст.176, ст.177, ст.178, ст.179, ст.180, ст.181. ст.188, ст.191, ст.192 и т.д.) по исполнению и ответственности за его исполнением. В указанных статьях конкретизируется ряд требований по исполнению обязательств (ст.169), срок, место (денежных, взаимных, альтернативных, долевой, солидарных, требования в порядке регресса, неустойки и убытков и в целом об ответственности обязательства).

Исполнение обязанности в обязательственном правоотношении представляет собой совершение должником действия, которое вправе требовать от него кредитор [9, стр. 22]. В этой связи ГК Таджикской ССР в качестве особого вида исполнения обязательства, предусматривает совершения определенных действий участников обязательств, на основании, которого установлены формы и порядок совершения действий кредитора и должника по уступкам права (ст.199.) и перевода долга (ст.201). По смыслу эти две указанные формы никак не относятся к предмету обеспечения исполнения обязательства. Так как согласно ст.204 ГК Таджикской ССР способам обеспечения исполнения обязательств относятся неустойка (штраф, пеня), залог и поручительства. Главное они должны быть по закону или по договору. Кроме того, обязательства между гражданами или с их участием, могут обеспечиваться задатком, а обязательства между социалистическими организациями – гарантией». Отсюда уступка права (ст.199) и перевод долга (ст.201), основанные на сделках, совершенные в письменной форме, включенные в ГК не являются способами обеспечения обязательств, а лишь способом замены должника и перехода права, обеспечивающего исполнение обязательства. Более того, уступка права и перевод долга отличаются от всех способов обеспечения исполнения обязательств, их следует рассматривать в отдельности. Так как важнейший юридический поступок [3, стр. 213], под способами обеспечения исполнения обязательств в науке подразумеваются специальные меры, которые в достаточной степени гарантируют исполнение основного обязательства и стимулируют должника к надлежащему поведению [10, стр. 18, 20]. Более того, обеспечение обязательств – традиционный институт гражданского права и такие способы его обеспечения, как задаток, неустойка, поручительство и залог, были известны еще римскому праву. В этой связи ГК Таджикской ССР устанавливает три способа обеспечения исполнения обязательства: «неустойка» (ст.205); «залог» (ст.207); «поручительство» (ст.215). Эти способы в ГК Таджикской ССР определяются как форма предъявления требований кредитора к должнику. Основанием, которого может стать только неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства в силу письменного договора.

Что касается прекращения обязательств, то по сути это обстоятельства, выступающие в качестве правопрекращающих юридических фактов. В этой связи в ГК Таджикской ССР установлены многообразные основания прекращения обязательств, что классифицируется по различным основаниям (в ст.223 ГК Таджикской ССР), где указаны следующие способы прекращения обязательства (полностью или частично): 1) исполнением; 2) зачетом требования; 3) совпадением должника и кредитора в одном лице; 4) соглашением сторон; 5) отменой или изменением акта планирования; 6) невозможностью исполнения; 7) смертью гражданина или ликвидацией юридического лица.

Однако Кодекс не предусматривал способа обеспечения исполнения обязательств банковской гарантии, что в то время широко применялось в зарубежных странах, наряду с удержанием имущества должника. При этом, вышеизложенные обстоятельства (способы) по мере универсальности и индивидуальности соответственно, применялись как юридический факт прекращения обязательства в договорных отношениях.

Кроме того, по ГК Таджикской ССР классификация гражданско-правовых договоров осуществлялась по производным образцам свойственным только советской социалистической собственности. А если проводить классификацию договоров по их предмету, то их можно разделить на три класса.

Первый класс составляют договоры о передаче

имущества в собственность, иное вещное право (хозяйственное ведение, оперативное управление) или пользование: «купля продажа» (ст.232); «Мена» (ст.248); «поставка» (ст.251); «контрактация» (ст.262); «дарение» (ст.264); «заем» (ст. 266); «имущественный наем» (ст273); «наем жилого помещения» (ст.291); «безвозмездное пользование имуществом» (ст.336); «отчуждение дома с условием пожизненного содержания» (ст.342).

Второй класс включает договоры о выполнении работ и охватывает договоры: «подряда» (ст.349); «подряда на капитальное строительство» (ст.365).

Третий класс характеризуется договорами об оказании услуг, главной отличительной чертой которых является то, что в результате их исполнения не создается новая вещь, а лишь выполняются многочисленные и весьма полезные действия, такие как: «перевозка груза» (ст.370); «перевозка пассажира» (ст.371); «страхование» – обязательное (ст.379) и добровольное (ст.380); «расчеты между организациями» (ст.383); банковские ссуды гражданам» (ст.386); «поручение» (ст.388); «ведение чужих дел без поручения» ст.397); «комиссия» (ст.400); «хранение» (ст.418); «о совместной деятельности» ст.430); «конкурс» (ст.435).

Можно произвести классификацию и по четвертому классу, но она, по образцам советского права, считается ограниченной и малообъемной. Касаясь этого вопроса, хотим отметить, что советское авторское право больше всего было связано с победой диктатуры рабочего класса. В этой связи активная фаза утверждения авторского права начинает набирать свое начало с середины 20-х и регулировалось декретами и постановлениями СНК а также постановлениями СНК союзных республик, изданными в 1925 и 1928 годах (Декрет СНК от 30 января 1925 года «Об основах авторского права») (Декрет СНК от 16 мая 1928 года «Основы авторского права Союза ССР»). В Основе гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик авторскому праву был посвящен раздел IV. Дальнейшее развитие авторского права связано с присоединением Советского Союза к Всемирной (Женевской) конвенции об авторском праве 1952 г. (пересмотрена в Париже 24 июля 1971 г.) [7, стр. 11, 12].

В этой связи содержание нормы ГК Таджикской ССР о договоре использования исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности дифференцируются на: «авторское право» (ст.471); «право на открытие» (ст.513); «изобретательское право» (ст516). Мы воздерживаемся от характеристики каждого указанного договора. Но что касается авторского договора, то он заключается в письменной форме. Более того, была установлена необязательность соблюдения данной процедуры и ее неприменение к договорам об опубликовании произведения в периодических изданиях, энциклопедических словарях и сборниках (ст.501 ГК Таджикской ССР). При этом, порядок передачи автором-гражданином Таджикской ССР или другой союзной республики права на использование его произведения на территории иностранного государства, устанавливался законодательством СССР. Особенности авторского права заключались в том, что оно действовало в течение всей жизни автора и в течение 25 лет после его смерти, считая с 1 января года, следующего за годом смерти автора. Кроме того, авторское право могло, переходить по наследству. Не могло переходить по наследству право автора только на имя и право на неприкосновенность произведения. После смерти автора, охрана его имени и неприкосновенности произведения, осуществлялась в соответствии с положениями которые установлены в ст. 477, 478, 493 ГК Таджикской ССР. Что касается авторского права на коллективные произведения то оно действовало в течении всей жизни каждого из авторов и могло переходить по наследству (ст.494 ГК Таджикской ССР). Бессрочность в действиях авторского права было установлено юридическими лицами. В случае его реорганизации, принадлежащее ему авторское право, переходило к его правопреемнику, а в случае ликвидации – к государству (ст.405).

Между тем можно констатировать, что развитие института гражданско-правового договора до и после принятия и введения в действие Гражданского кодекса Таджикской ССР 1963 года шло параллельно, не выходя за пределы Основ гражданского законодательства союзных республик СССР 1962 года. При этом, согласно преамбуле Гражданского кодекса Таджикской ССР 1963 года, Таджикистан как союзная республика, имела право отходить от отдельных положений Основ гражданского законодательства,

т.е. с учетом национальных ментальности, могла ввести новые гражданско-правовые нормы.

В целом Гражданский кодекс Таджикской ССР 1963 года сыграл важную роль в развитии и совершенствовании договорных отношений. Был введен ряд новых институтов гражданско-правового договора путем сопоставления с ГК РСФСР 1922 и Основ Гражданского законодательства союза. СССР 1962 г. По сравнению с ГК РСФСР 1922 года в ГК Таджикской ССР появились новые институты гражданско-правовых договоров. При этом недостаточно были урегулированы их отдельные виды. Так, в Кодексе определяются общие положения купли-продажи и ее отдельные виды (договор купли-продажи жилого дома, продажа товаров в кредит) и вводятся новые договоры (отчуждение дома с условием пожизненного содержания; договор контрактации сельскохозяйственной продукции у колхозов и совхозов), договор подряда на капитальное строительство. Между тем, в кодексе не нашли отражение купля-продажа на рынке, продажа сельскохозяйственной техники, удобрения, химикатов, купля-продажа в сфере внешнеторговой деятельности, в общественном питании и т.д.

Далее, Кодекс предусматривал новый договор бытового проката, договор подряда на капитальное строительство, на строительство в колхозах. Кроме того, по новому регулировался договор найма жилого помещения (ст. 305-532 ГК Таджикской ССР), в том числе бронирование, обмен жилых помещений, проживание в служебных жилых помещениях, гостиницах, общежитиях, договор найма жилого помещения в ведомственном жилом фонде, в домах ЖСК, в личном жилом фонде. По Гражданскому кодексу допускалось выселение лиц из жилых помещений в административном порядке (ст.331-334).

В сфере банковского договора ст. 387 ГК Таджикской ССР устанавливал твердые гарантии защиты вкладов граждан в кредитных учреждениях (в государственных трудовых, сберегательных кассах и в других кредитных учреждениях). В статьях 430-434 ГК Таджикской ССР был предусмотрен новый договор – о совместной деятельности. Последний заключался в целях для достижения общей хозяйственной цели и широко применялся между колхозами и кооперативными организациями. Более того, ГК Таджикской ССР расширил возможности заниматься гражданам индивидуальной трудовой деятельностью. Однако заключение договора о совместной деятельности между гражданами и социалистическими организациями не допускалось. В след за этим в особом порядке ГК Таджикской ССР было установлено договор о конкурсном правоотношении – объявления конкурса (ст. 445-4439)., «Конкурс воспринимался как односторонняя сделка о публичном обещании государственной, кооперативной, общественной организации специального вознаграждения (премии за лучшее выполнение определенной работы, признанной достойной вознаграждения в соответствии с условиями конкурса). Организация, объявившая конкурс имело право использовать премированное произведение науки, литературы, искусства.

В целом принятый и введенный в действие с 1 января 1965 года Гражданский кодекс Таджикской ССР, в своей значимости сыграл важную роль в обеспечении регулирования гражданского оборота в советском Таджикистане и продолжал действовать до принятия в суверенном Таджикистане нового гражданского кодекса. Так как в нем преимущественно был возвышена роль статуса планового договора, а не принципа децентрализации договорных отношений. Последнее получило свое идейное развитие в условиях приобретения суверенитета и объявление Таджикистана независимым государством, где взамен освобождения гражданского законодательства от тяжести командно-административных методов регулирования хозяйственной жизни, приоритет был отдан усилению роли принципа свободы договора.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Таджикский ССР. – Душанбе: Ирфон,1975. – 256 с.
2. Захаров Ю.Ю.Договор в пользу третьего лица в теории хозяйственной практики: Автореф. … дис. канд. юрид. наук. – М., 2003. – 30с.

3. Красавчиков О.А. Категории науки гражданского права. Избранные труды. Т.2. – М., 2005, – 492 с.
4. Панасенко Е.О. Об участие третьего лица в гражданском правоотношении // Правовые укрепления Российской государственности / Под.ред. Ф. Воловича. Ч.5. – Томск: Томский ун-т, 2000. – С.69-74.
5. Поленина С.В. Основы гражданского законодательства и гражданские кодексы. – М.: Юридическая литература, 1968. – 192 с.
6. Серебровский В.И. Договор страхования жизни в пользу третьего лица. Ученые труды выпуск 9 / Под ред. проф. И.Т. Полякова. – М, 1947.
7. Свенчикова И.В Авторское право: Учебное пособие. – М.: Дашков и К°, 2009. – 208 с.
8. Советское гражданское право. Т. 1 / Под ред. И.В. Новицкий и П.Е.Орловский. – М., Юрид лит., 1959. – 494 с.
9. Толстой В.С. Исполнение обязательств. – М.: Юрид. лит., 1973. – 208 с.
10. Хаметов Р., Миронова О. Обеспечение исполнения обязательств: договорные способы // Российская юстиция. – 1996. – № 5. – С.18-20.
11. Усманов О. Этапы развития гражданского законодательства в советском Таджикистане // Актуальные проблемы применения советского законодательства. – Душанбе: Тадж. ун-т. – 1974. – С. 57-65.
12. Усманов О. Особенности становления и развития основных институтов советского гражданского права в Таджикистане: Учебное пособие. – Душанбе, 1974. – 163 с.

ТРУДОВОЕ ПРАВО И ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ. ЗЕМЕЛЬНОЕ, ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ И АГРАРНОЕ ПРАВО. ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО И ОХРАНА ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ. КОРПОРАТИВНОЕ И ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ ПРАВО. ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО.ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС

АМАНАЦКИЙ Юрий Валентинович,
профессор кафедры философии и социологии Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат педагогических наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: yuriy.v.a@mail.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

СОВРЕМЕННОЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Аннотация. *Рассматривается роль и значение традиционных российских духовно-нравственных ценностей в системе отечественного образования, возрождение которых является одной из стратегических задач в сфере обеспечения национальной безопасности России.*

Ключевые слова: *Отечество; национальная безопасность; образование; традиционные российские духовно-нравственные ценности; нравственный релятивизм; инновации.*

AMANATSKIY YU.V.

THE MODERN DOMESTIC EDUCATION IN THE SYSTEM OF ENSURING RUSSIA'S SECURITY.

The summary. *The article discusses the role and importance of traditional Russian spiritual and moral values in the system of national education, the revival of which is one of the strategic tasks in the sphere of national security.*

Key words: *national security; national education; traditional Russian spiritual and moral values; moral relativism; innovation.*

С обострением международной напряжённости проблема возрождения национально-ориентированного образования приобретает первостепенное значение, поскольку

без него мы не сохраним ни духовный суверенитет, ни научно-технический потенциал, являющийся основой для обеспечения обороноспособности нашего государства. Отечественная система образования является краеугольным камнем системы национальной безопасности, она нуждается в возрождении и умножении на основе традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Под системой обеспечения национальной безопасности понимается совокупность осуществляющих реализацию государственной политики в сфере обеспечения национальной безопасности органов государственной власти и органов местного самоуправления и находящихся в их распоряжении инструментов [2, п. 6].

Сегодня, когда Россия заявила свой суверенитет в полицентрическом мире, в новых политических реалиях, сложившихся в нашей стране после 2014 года, для обеспечения национальной безопасности необходимо возвращать всю систему образования к традиционному укладу. Однако для этого ей необходимо иметь не только суверенные политику, вооружённые силы, промышленность и сельское хозяйство, но и, прежде всего, суверенную образовательную систему, ориентированную на утверждение российской цивилизации как равноправного партнера в современном пространстве геополитической конкуренции, соответствующую традициям ее исторического развития [36; 37; 39] и преемственно вбирающую в себя модели российского образования, выработанные в различные эпохи ее бытия во времени мировой истории.

31 декабря 2015 года Президент России Владимир Путин подписал Указ № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

В Стратегии определяется, «Национальная безопасность» – состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, которое позволяет обеспечить конституционные права, свободы, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие Российской Федерации, оборону и безопасность государства [2, п. 6].

Согласно данной Стратегии, к традиционным российским духовно-нравственным ценностям относятся: приоритет духовного над материальным; защита человеческой жизни, прав и свобод человека; семья; созидательный труд; служение Отечеству; нормы морали и нравственности; гуманизм; милосердие; справедливость; взаимопомощь; коллективизм; историческое единство народов России; преемственность истории нашей Родины [2, п. 78].

В Стратегии был обозначен вектор, ориентирующий на традиционные ценности и ценности эти впервые были ясно определены государством, стало ясно, что образовательная политика последнего десятилетия стала внутренней угрозой национальной безопасности.

В качестве угроз традиционным ценностям россиян в Стратегии указаны: размывание традиционных российских духовно-нравственных ценностей и ослабление единства многонационального народа Российской Федерации путем внешней культурной и информационной экспансии (включая распространение низкокачественной продукции массовой культуры), пропаганды вседозволенности и насилия, расовой, национальной и религиозной нетерпимости [2, п. 79]. Начиная с 90-х годов XX века Западная Европа и США пытаются навязать России чуждые ей западные ценности [7; 13; 20; 23; 25; 27; 28; 29; 30; 31; 32; 35; 41].

Один из важных факторов угрозы национальной безопасности связан со стремлением США и его партнеров сохранить доминирование в мире через повсеместное насаждение модели глобализации по образцам западной цивилизации как единственного центра глобального управления [19; 26]. Модель российского образования является частью проекта по созданию глобальной образовательной модели, выстроенной по заказу западных финансово-политических институтов.

Нынешняя модель российского образования, не в полной мере соответствует цивилизационной модели России и во многом противоречит «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». В частности, в Стратегии говорится о том, что логика момента в сфере национальной безопасности заключается в сохранении суверенитета России (в т.ч. и суверенитета системы образования России) и утверждении её роли, как одного из лидеров в глобальном мире, что обеспечивается сохранностью и защитой ценностной основы нашей цивилизации.

Сегодня мы уже осознаем, что с начала 90 х г.г. происходило постепенное разрушение

государственной системы образования, как ценностной основы общества, которая воспитывала нравственных личностей и хороших специалистов и обеспечивала то, что мы называем сегодня духовным суверенитетом – это своя базовая система ценностей, благодаря которой наше общество сохранилось как уникальная цивилизация. Без духовного суверенитета и суверенной образовательной системы не может быть обеспечена национальная безопасность России.

Изначально, с момента первых шагов «преобразований» её авторы ключевое значение уделяли международному сотрудничеству, в результате чего внешний фактор стал активным действенным механизмом внутреннего реформирования российского образования, которое должно было обеспечить главное – интеграцию его в «глобальную цивилизацию будущего».

Первостепенное внимание уделялось коренной перестройке мировоззрения людей. Начали с антикоммунизма и антисоветизма, а закончили ударом по базовым традиционным ценностям. Инициаторы преобразований и их «западные кураторы», до настоящего времени (середина 2000-х годов), во многом определяли процесс обучения и воспитания в России, исключая из него те направления, которые не вписываются в навязываемую ими систему «мировоззренческого и нравственного релятивизма», толерантности и вариативности, под которой на самом деле всё это оправдано тем, что нам необходима инновационная экономика и инновационное общество.

При этом особое внимание было уделено образованию, которое должно быть адаптировано к новым условиям с целью формирования у населения необходимых для инновационного общества и инновационной экономики жизненных установок, потребностей, моделей поведения, знаний, компетенций и навыков – мобильности, склонности к предпринимательству, потреблению, желания к непрерывному образованию, стремления к новому, креативности, готовности работы в команде в высоко конкурентной среде, повышенной терпимости к риску и т.д. То есть, возможно речь идёт, о формировании новой «породы людей» – «инновационного человека». Возникает вопрос кого мы формируем, образованного потребителя как субъекта всех инновационных преобразований, или патриота России?

Слово «инновационность» приобрело некий сакральный смысл. К нему относятся абсолютно иррационально, оно действует как некое магическое заклинание, но при этом, многие не задумываются, что инновация – это новшество, то есть это средство, а не цель. Произошла подмена целей, а это не соответствует нашим национальным интересам.

Геополитические стратеги в рамках «инновационной социально ориентированной модели развития» пытаются превратить наши ведущие вузы в каналы по перемещению на Запад лучших молодых умов, новейших технических разработок и достижений научных школ, не вкладывая значительных ресурсов в фундаментальные исследования. Они «программируют» молодые мозги, пытаются перевести нашу молодёжь на американскую и западную систему ценностей превратить её в сообщество, чуждое национально-государственным интересам России. Во многом это способствует подмене у молодёжи традиционных ценностей и понятий, приобщение их к т.н. «западным либеральными» ценностям, резко противоречащим базовым национальным ценностям и отечественным традициям [34; 38; 40], что препятствует адекватному развитию и воспитанию личности гражданина России как патриота Отечества.

Происходит изъятие из содержания исторического образования этноконфессионального компонента в его регулятивной и аксиологической функции интерпретации исторических событий и процессов, что позволяет насыщать структуры исторического сознания молодежи мифами, легендами, недостоверными сведениями.

В частности, «толерантность», борьба за пропаганду «гендерной идентичности» и против дискриминации по признаку сексуальной ориентации, против «трансфобии», «гомофобии» и т.д. – все это является частью новых ценностей Европы, ценностей, навязываемых с помощью европейских институтов и внесенных в основополагающие тексты Евросоюза [9; 15; 16; 44].

Современная западная мораль меняет ценности и меняет понятия, называя смирение – слабостью, щедрость – глупостью, снисхождение и милость – мягкотелостью, целомудрие и семейные ценности – анахронизмом, ложь – необходимостью и т.д.

Очень хорошо говорил Конфуций: для того чтобы мир не рухнул, нужно еще раз переназвать понятия. То есть нужно назвать храбрость

– храбростью, а не наглостью; трусость – трусостью, а не рассудительностью; щедрость – щедростью, а не расточительством; жадность – жадностью, а не бережливостью.

Как мы понимаем, сегодня главные испытания совершаются не в материальной, а в духовной области, обнаруживается мировоззренческий вызов нашего времени, который направлен на уничтожение нравственного чувства.

Безнравственность всегда уничтожает в человеке чувство любви, а с ней и все другие духовные ценности. Об этом писал и один из крупнейших психоаналитиков XX-го века К. Юнг: «Сознание не может безнаказанно мириться с торжеством аморального, и возникают самые темные, подлые, низменные инстинкты, не только уродующие человека, но и приводящие к психическим патологиям» [45, с. 24].

Как мы наблюдаем, неотъемлемым элементом современного либерального мира становиться нравственный релятивизм (от лат. relativus), который утверждает произвольность нравственных ценностей, изменчивость норм и стандартов человеческого поведения, их обусловленность меняющимся миром и обстоятельствами жизни.

В эпоху нравственного релятивизма, когда пропаганда насилия и разврата похищает души людей общество, государство, традиционные религиозные организации не могут ждать. Нравственный релятивизм разъедает совесть человека и делает его духовным инвалидом.

Приходится констатировать, что идеи западного либерализма не совместимы с традиционными российскими духовно-нравственными ценностями.

Всё это представляет прямую угрозу национальной и духовной безопасности России. Под угрозой национальной безопасности подразумевается совокупность условий и факторов, создающих прямую или косвенную возможность нанесения ущерба национальным интересам [2, п.6].

Существует достаточно документов, в которых декларированы традиционные ценности как основа развития образования в России. Ценностная декларация содержится в Преамбуле Конституции РФ и полагает в качестве ценностей – свободу и независимость России, многонациональный народ РФ, соединенный обшей судьбой на родной земле, память предков, завещавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость, ответственность за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями [6; 8; 10; 43].

Национальная доктрина образования, успевшая сыграть свою роль в становлении стратегических ориентиров, указывает на такие ценности как историческая преемственность поколений, сохранение и развитие национальной культуры, нравственность и патриотизм, взаимное уважение народов и культур. Духовно-нравственное развитие человека и духовно-нравственные ценности, выработанные в процессе исторического развития России, положены во главу угла и в законе об образовании в Российской Федерации [1] и в Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 г. [4] и в Основах государственной культурной политики [3] и в ФГОС (Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России» [18], предлагающая понятие базовых национальных ценностей.

Эти концепты указанных документов очерчивают горизонты созидательной стратегии развития отечественного образования, которые необходимо поддержать продуманными конкретными государственными программами на всех уровнях.

Как известно, молодость – это возраст, когда перед человеком впервые встают вечные вопросы: «Кто я?», «Зачем живу?», «Что нужно сделать, чтобы мир стал лучше?». Отсутствие ответа на любой из них равносильно отказу от созидательного построения жизни.

Именно в молодом возрасте, когда жизненная программа еще не закрепилась в сознании окончательно, человек крайне остро ощущает разрыв между реальностью и идеалом. Молодые люди часто не готовы ждать и учиться на ошибках. В поисках правды и ответов на жгучие вопросы жизни они обращаются туда, где чувствуют заинтересованность в себе, где ощущают присутствие истины и находят вкус духовной подлинности.

Вот почему так важно предложить молодым целостный мировоззренческий инструмент, с помощью которого они могли бы разобраться в окружающей действительности. В отечественном образовании таким инструментом всегда должны быть традиционные духовно-нравственные ценности. В идеале вся система образования и воспитания молодежи должна исходить из

нравственных координат. Необходимо воспитать не только знающего, работоспособного человека, но и полноценную личность, обладающую этическим измерением своих слов и дел, живущую осмысленно и одухотворенно, приносящую пользу не только себе, но и ближним, равно как и Отечеству.

Проявления духовного кризиса в обществе возвращают понимание того, как писал И.А. Ильин «образование без воспитания – дело ложное и опасное» [14, с.137].

Настоящее образование невозможно без духовно-нравственного измерения, без воспитательного компонента. В противном случае такое знание неполезно человеку: оно предоставляет лишь некий набор информации, но не сообщает систему координат, в которой ею пользоваться. Образование должно не только давать человеку необходимые знания, оно должно воспитывать личность, в процессе образования человек должен усваивать, в том числе и значимые духовные и культурные ценности. Безусловно, все мы хотим, чтобы по выходе из школы и ВУЗа наши выпускники стали людьми грамотными, начитанными и образованными. Но еще более мы желаем видеть их людьми нравственными, добрыми, честными, порядочными, любящими свое Отечество и его историю.

Сохранение и приумножение традиционных российских духовно-нравственных ценностей в системе образования, воспитании личности и нравственном возрождении общества является одной из приоритетных стратегических задач в сфере обеспечения национальной безопасности Отечества.

Для этого нужен эффективный механизм постоянного обновления содержания образования. При этом нельзя забывать о базовых, непреходящих вещах – гуманитарной, воспитательной составляющей. Важно сохранить и передать новым поколениям духовное и культурное наследие народов России: традиции, историю, русский язык, великую русскую литературу, языки народов Российской Федерации, достижения в гуманитарных областях. В этом сила страны, способность нации отвечать на любые вызовы, и задача воспитания не менее значима, чем обучение, подготовка кадров для новой экономики подчеркнул Президент России В.В. Путин на заседании Госсовета по вопросам совершенствования системы образования в России в декабре 2015 [5].

Образование – это единственная возможность вырасти и культурно и, что самое главное, – духовно, что настоящее образование связывает нас с отечественной традицией, каким бы современным и инновационным оно ни было.

В отечественной образовательной школе имеется уникальный опыт и лучшие традиции просвещения, обучения и воспитания молодого поколения [11; 12; 17; 21; 22; 24; 42].

Есть ценности, которые необходимо сохранять, потому что, если мы их не сохраним, разрушится наша национальная, культурная, духовная идентичность, мы станем другими, и возможно даже станем хуже. Необходимо подчеркнуть, что традиция – это не досадный анахронизм или воспоминание о далеком прошлом. Традиция – это механизм и способ передачи ценностей, которые не могут исчезнуть из общественной жизни. Только значимые духовные и культурные ценности передаются от поколения к поколению, а все остальное исчезает само по себе, потому что перестает быть востребованным. Благодаря традиции сохраняется преемственность и непрерывность истории человечества [33].

Новация – это то, что возникает из текущего культурно-исторического контекста и важно, чтобы это новое не входило в неразрешимое противоречие и тем более не разрушало ценности, сохраняемые традицией. Новация – если только она действительно имеет культурно-образовательную ценность – может актуализировать ценности традиции, и сама со временем стать фундаментом для появления новых традиций, направленных на созидание российского образования на принципах его исторической и культурной преемственности, с учетом нашего богатейшего культурного и духовного наследия.

Нынешнее молодое поколение – поколение молодых людей, родившихся или выросших после распада СССР, в первые годы становления новой российской государственности. Именно от него будет зависеть, какая судьба ждет в XXI веке Россию с ее многонациональным обществом.

Чтобы обеспечить национальную безопасность России и занять достойное место в мире, наша страна нуждается как в инновационном развитии, так и в нравственном обновлении. Нынешнему молодому поколению предстоит

решать эти задачи одновременно. Именно поэтому ему необходимы как материальная, так и духовная поддержка. Лишь достигнув гармонии между общенациональными идеалами, личными и семейными интересами, оно сможет войти в историю как новое поколение победителей, с которого станут брать пример и на которое будут равняться потомки.

В заключение необходимо отметить, что в настоящее время в обществе, наблюдается тенденция к возрождению традиционных российских духовно-нравственные ценностей. У подрастающего поколения формируется достойное отношение к истории России. Происходит консолидация гражданского общества вокруг общих ценностей, формирующих фундамент государственности, таких как свобода и независимость России, гуманизм, межнациональный мир и согласие, единство культур многонационального народа Российской Федерации, уважение семейных и конфессиональных традиций, патриотизм [2, п. 11].

Список литературы

1. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 53 (часть I). – Ст. 7598
2. Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 1 (часть II). – Ст. 212.
3. Указ Президента РФ от 24 декабря 2014 г. № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 52 (часть I). – Ст. 7753.
4. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 г. № 996-р «Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года» // https://rg.ru/2015/06/08/vospitanie-dok.html
5. Заседание Государственного совета по вопросам совершенствования системы общего образования в Российской Федерации // http://www.kremlin.ru/events/president/news/51001
6. Александров А.И., Ковалевский С.С., Коровников А.В., Сурков К.В. Проблемы законодательного обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. – М., 2003.
7. Ананских И.А., Михеев А.А., Кирюшина Н.Ю. Современное российское государство и духовно-нравственное состояние общества // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 86-91.
8. Васильев А.И., Сальников В.П., Степашин С.В. Национальная безопасность России: конституционное обеспечение: Научное издание – СПб.: Фонд «Университет», 1999. – 192 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»).
9. Вершинина Д. Б. Проблема прав сексуальных меньшинств в контексте президентских выборов 2008 г. в США // Вестник Пермского государственного университета. Серия: Политология. – 2010. – № 1. – С. 31-35.
10. Возженников А.В. Национальная безопасность: теория, политика, стратегия. – М., 2000.
11. Гер О.Е., Кайзер А.Г., Сальников П.П. Юридическое образование России от Ивана Калиты до наших дней. Можно ли его модернизировать? // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 9. – С. 203-213.
12. Гер О.Е., Кайзер А.Г., Сальников С.П. Россия в Болонской системе: проблемы и перспективы // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 110-115.
13. Жданов П.С., Сальников С.П., Романовская В.Б., Цыганов В.И. От гуманизма к имморализму, от прав естественных к правам противоестественным: смена ценностных оснований западного права // Мир политики и социологии. – 2015. – № 11. – С. 90-98.
14. Ильин И.А. Путь духовного обновления // И.А. Ильин. Путь к очевидности. – М.: 1993. – 289 с.
15. Исаева Е.А. Однополые пары и дети: аспекты британского и американского законодательства // Социально-юридическая тетрадь. – 2012. – № 2. – С. 138-147.
16. Исаева Е.А., Соколов А.В. Легализация однополых браков: реализация политики равенства или разрушение института семьи? // Ярославский педагогический вестник. Том I (Гуманитарные науки). – 2013. – № 3. – С.109-112.
17. Исмагилов Р.Ф., Сальников П.П., Гер О.Е., Кайзер А.Г. Российское образование – переворот с падением // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 59-75.
18. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России в сфере общего образования: проект / А. Я. Данилюк, А. М. Кондаков, В. А. Тишков. Рос. акад. образования. – М.: Просвещение, 2009.

19. Мирзоев А.К. Национальная политика США и подавление суверенитета других государств // Мир политики и социологии. – 2014. – № 10. – С. 136-144.
20. Романовская В.Б., Сальников В.П. Поиск национальной идеи в многополярном мире // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 7. – С. 44-50.
21. Сальников В.П. О модернизации и совершенствовании российского образования // Наша власть: дела и лица. Специальный выпуск: Реформа образования в России. – 2006. – С. 44-46.
22. Сальников В.П. Юридическое образование в России в современных условиях: новые подходы и модели. Круглый стол // Государство и право. – 1993. – № 2. – С. 3-22.
23. Сальников В.П., Груздева М.Л. Преодоление Европы: философско-правовое эссе // Мир политики и социологии. – 2015. – № 8. – С. 11-22.
24. Сальников В.П., Масленников Д.В. Истоки, реальность и перспективы университетского образования // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 1999. – № 3. – С. 27-34.
25. Сальников В.П., Романовская В.Б. «Orient» или «oxident»: в какую сторону смотрит российский орел? // Мир политики и социологии. – 2014. – № 11.
26. Сальников В.П., Ивашов Л.Г., Джегутанов Б.К. Философия глобализации (Методологические основы геополитической доктрины России): Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2006. – 268 с.
27. Сальников В.П., Романовская В.Б., Цыганов В.И. Западная цивилизация и угроза голубого интернационала: политико-правовая агрессия периода постмодерна // Мир политики и социологии. – 2015. – № 9. – С. 193-202.
28. Сальников В.П., Жданов П.С., Сальников М.В., Романовская В.Б. Русская религиозная философия права как защита национальных ценностей от инокультурной экспансии // Мир политики и социологии. – 2015. – № 7. – С. 11-18.
29. Сальников В.П., Романовская В.Б. Сальников М.В., Романовская Л.Р. Почему на Восток: поворот России в современном политико-правовом пространстве // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 9. – С. 58-68.
30. Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Романовская Л.Р. Религиозные и иные духовные традиции как защита от угрозы деградации общества // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 7. – С. 173-179.
31. Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Романовская Л.Р. «Русский поворот» в политико-правовом дискурсе // Ученые записки юридического факультета. – 2015 – № 38(48). – С. 192-198.
32. Сальников В.П., Сальников М.В., Романовская В.Б., Романовская Л.Р. Национальная идея или правовое государство через призму национальных интересов // Правовое государство: теория и практика. – 2015. – № 3(41). – С. 16-22.
33. Сальников М.В. Генезис и эволюция российской политико-правовой традиции (историко-теоретический и сравнительно-правовой анализ): Автореф. дис. … докт. юрид. наук. – СПб., 2005. – 53 с.
34. Сальников М.В. Геополитические, экономические и социо-культурные факторы в контексте становления и динамики развития национальной политико-правовой традиции в России // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 11. – С. 47-66.
35. Сальников М.В. Западная традиция права: политико-правовые ценности и идеалы // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 170-191.
36. Сальников М.В. Отечественная политико-правовая традиция: геополитические, экономические и социально-культурные детерминанты // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2004. – № 3 (23). – С. 20-22.
37. Сальников М.В. Отечественная политико-правовая традиция: факторы, определяющие самобытность // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 10. – С. 27-44.
38. Сальников М.В. Политико-правовая интеграция: национальные правовые традиции // Мир политики и социологии. – 2013. – № 11. – С. 183-199.
39. Сальников М.В. Политико-правовая традиция как фактор, детерминирующий специфику национальной правовой системы // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 9. – С. 174-192.
40. Сальников М.В. Политико-правовая традиция: итоги и размышления // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 1. – С. 170-188.
41. Сальников М.В., Вележев С.И., Тищенко А.Г. Отечественная и западная политико-правовые традиции: сравнительно-правовой аксиологический анализ // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2004. – № 4(24). – С. 29-31.
42. Сафаралиева С.Г. Социальные особенности российской системы образования // Мир политики и социологии. – 2012. – № 9. – С. 71-74.

43. Селиванов А.И., Хабибулин А.Г. Стратегическая безопасность Российского государства: политико-правовое исследование. – М.: Формула права, 2011. – 360 с.
44. Чернова О.Ю. «Право» на однополый брак в контексте личных прав человека // Ученые записки юридического факультета. – 2015. – № 38(48). – С. 81-85.
45. Юнг К. Психология бессознательного. – М., 2003. – 280 с.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ. УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО. УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС. КРИМИНАЛИСТИКА, СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

КОНДРАТ Елена Николаевна,
доцент кафедры административного и финансового права МГИМО(У) МИД России, кандидат юридических наук (г. Москва, Россия)
E-mail: kondratelnik@rambler.ru

САЛЬНИКОВ Сергей Павлович,
доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)
E-mail: sp.salnikov@yandex.ru

БОРИСОВ Олег Станиславович,
заместитель начальника кафедры организации финансово-экономического, материально-технического и медицинского обеспечения Академии управления МВД России (г. Москва, Россия)
E-mail: Akademuprbos@yandex.ru

ПЕТРОВ Петр Алексеевич,
заместитель генерального директора ООО «Лидер Консалт Право» (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: pdsg@list.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНТЕРПОЛА

Аннотация. *Рассматриваются история создания и принципы деятельности Международной полицейской организации – Интерпола. Анализируются нормативные документы, регламентирующие деятельность Интерпола, его сотрудничество с иными международными организациями. Особое внимание уделяется истории вступления России в Международную полицейскую организацию.*

Ключевые слова: *Интерпол; Международная полицейская организация; история создания; принципы деятельности.*

KONDRAT E.N.
SAL'NIKOV S.P.
BORISOV O.S.
PETROV P.A.

HISTORY OF CREATION AND LEGAL BASIS OF INTERPOL

The summary. *The history of the creation and principles of the activity of the International Police Organization - Interpol - is considered. The normative documents regulating the activities of Interpol and its cooperation with other international organizations are analyzed. Particular attention is paid to the history of Russia's accession to the International Police Organization.*

Key words: *Interpol; International Police Organization; history of creation; principles of activity.*

Датой основания Интерпола считается 7 сентября 1923 г., в этот день в столице Австрии Вене проходил Международный конгресс криминальной полиции.

Объективные предпосылки для объединения усилий правоохранительных структур различных стран, в первую очередь европейских, сформировались еще во второй половине XIX в. Характер экономических и политических связей внутри Европы окончательно приобрел континентальный масштаб, что и позволило, в отсутствие жесткого режима пограничного контроля и централизованной системы обмена полицейской информацией, криминальным элементам и капиталам свободно перемещаться между странами, образуя международные преступные синдикаты. Разумеется, примеры успешной совместной работы полицейских и охранных структур на основе различного рода межгосударственных договоров и соглашений существовали и ранее, тем не менее ситуация настоятельно требовала создания централизованного органа, координирующего сбор информации о международной преступности и борьбу с ней на систематической основе.

В 1889 г. состоялось учредительное заседание Международного союза уголовного права. Его участники впервые явно констатировали появление феномена международной преступности и призвали полицейские службы разных стран к согласованным действиям по ее подавлению. Одновременно появились предложения о создании правовой базы, сначала национальной, а затем и международной, позволяющей объединить и систематизировать на организационном уровне разрозненные полицейские акции, проводимые в порядке индивидуального сотрудничества с правоохранительными органами иных стран.

В 1905 г. Международная конференция криминалистов германоязычных стран в очередной раз попыталась объединить усилия в борьбе с международной преступностью. Резолюция 10-й ассамблеи конференции, проходившей в Гамбурге, предлагала создать в составе полицейских подразделений всех стран центральные бюро с целью улучшения прямых отношений, обмена информацией о международной преступности, ее предотвращения и пресечения. Требование мотивировалось необходимостью объединения усилий по борьбе с новыми формами международной преступности, возникшими в результате повсеместного развития туризма и путешествий.

В начале XX в. проблемы противодействия международной преступности с завидным постоянством поднимались на представительных конференциях и конгрессах: в 1905 г. (Буэнос-Айрес), в 1909 г. (Мадрид), в 1912 г. (Сан-Пауло), в 1913 г. (Вашингтон).

Сотрудники европейских полицейских ведомств использовали любую возможность, порой самую неожиданную, стремясь поселить в обществе мысль о необходимости международного сотрудничества правоохранителей. Так, в мае–октябре 1909 г. на международной выставке фотографического искусства в городе Дрезден проблемы создания международной полицейской организации по борьбе с преступностью обсуждались в рамках сектора полицейских фотографий.

1914 год. В княжестве Монако, с активной подачи князя Альбера I, состоялся Первый международный конгресс уголовной полиции. Присутствовали представители уголовной полиции четырнадцати государств, включая ключевые европейские империи – Великобританию, Россию, Германию, Австро-Венгрию, и республики – Францию и Италию. Повестка

дня конгресса включала обсуждение проблем унификации процедуры экстрадиции преступников, международной превентивной антропометрии, разработки мер по ускорению и упрощению ареста преступников. Ставился вопрос об учреждении отдела по учету международной криминальной информации. Конгресс подготовил обращение о создании в Париже единого международного бюро идентификации международных преступлений.

Первая мировая война не позволила продолжить деятельность по формированию полицейского сотрудничества. Сложнейшая экономическая и политическая ситуация послевоенного периода вызвала повсеместный резкий рост преступности, включая международную. На Международном полицейском конгрессе (Вена 3–6 сентября 1923 г.), присутствовали делегаты практически со всех континентов, за исключением далекой и обособленной Австралии.

Для решения широкого круга полицейских проблем по борьбе с международной преступностью конгресс учредил Международную комиссию уголовной полиции (МКУП). Перед Комиссией ставились задачи: установления отношений между службами криминальной полиции разных стран, повышения эффективности взаимодействия путем заключения международных соглашений по борьбе с преступностью и т. д. По сути, был создан прообраз современной Международной организации уголовной полиции (МОУП) – Интерпола.

В мае 1924 г. МКУП приняла резолюцию по пяти важным вопросам, определившим направление деятельности организации:

- создание информационных отделений по сбору фактов о международной преступности;
- разработка систем доказательств и международный розыск преступников;
- организация отделений по идентификации людей на расстоянии;
- издание газеты международной полиции;
- создание совместной программы по предотвращению и выявлению поддельных банкнот и документов.

Вторая сессия МКУП состоялась снова в Вене в 1926 г. и приняла двадцать одну резолюцию. В основном они касались учреждений информации по международной преступности, введения правил телеграфной связи между полицейскими силами, мер, направленных против порнографических фильмов и литературы.

Берлинский конгрессе Международной уголовной полиции, проходивший с 17 по 30 сентября 1926 г. (весьма представительный – 245 участников из разных стран), посвятил основное внимание вопросу экстрадиции.

В предвоенный период конгрессы МКУП проводились на регулярной основе: 1934 г. (Вена), 1935 г. (Копенгаген), 1936 г. (Белград), 1937 г. (Лондон), 1938 г. (Бухарест).

Вторая мировая война нарушила деятельность МКУП. По решению представителей стран-участниц Комиссии должность президента организации закреплялась исключительно за австрийским полицай-президентом. После аншлюса Австрии Третьим рейхом австрийская полиция стала частью немецкой. К концу 1938 г. администрацию организации, ее международное бюро и архивы перевели из Вены в Берлин, нацисты активно использовали архивы Комиссии, в том числе и вербуя агентуру среди международного преступного контингента. В 1940 г. президентом МКУП стал группенфюрер СС Гейдрих, к этому времени контакты МКУП с другими странами практически прекратились (примечательно – к началу 1943 г. в ее составе числились только США и Германия). В течение войны не было проведено ни одного официального конгресса МКУП.

Воссоздание МКУП произошло в 1946 г. на встрече в Брюсселе. Присутствовали представители семнадцати государств, было принято решение перенести штаб-квартиру Комиссии в Париж, а посты президента и генерального секретаря МКУП занимать по итогам голосования. В итоге участие в работе Комиссии возобновили девятнадцать стран.

С 22 июля 1946 г. термин «Интерпол» стал использоваться как телеграфное обозначение адреса штаб-квартиры в Париже, а в 1956 г. МКУП переименовали в Международную организацию уголовной полиции (МОУП) – Интерпол. Произошло это на юбилейной 25-й сессии Генеральной ассамблеи МКУП, при принятии нового Устава организации, в ст. 1 которого и было закреплено новое название.

По состоянию на февраль 2012 г. в состав членов Интерпола входит 190 государств [29].

Деятельность организации регламентируется рядом нормативных документов. Особое

место, бесспорно, занимают Устав и Правила (Constitution and Regulations), предусматривающие порядок функционирования МОУП – Интерпол.

Устав определяет цели деятельности, структуру организации и порядок формирования ее бюджета, а также предусматривается возможность для МОУП – Интерпол устанавливать отношения и сотрудничать с другими межправительственными или неправительственными организациями во всех случаях по мере целесообразности. Устав содержит указание о порядке применения его норм, который определяется Генеральной ассамблеей в Общих правилах (General Regulations) и приложениях.

Высший орган управления организации – Генеральная ассамблея Интерпола, в ее состав входят делегаты от каждой страны – члена организации. На ежегодных сессиях Ассамблеи принимаются основополагающие решения по ключевым вопросам работы, ее финансирования, заслушиваются отчеты по проектам Интерпола, а также избираются члены Исполнительного комитета, который и руководит работой организации и контролирует выполнение решений Ассамблеи. Отчеты и резолюции Генеральной ассамблеи Интерпола – неотъемлемая часть правовой основы деятельности МОУП.

Помимо Устава, нормы, регулирующие деятельность Интерпола, базируются на правилах. Выделим ряд ключевых:

- правила по обработке информации, собираемой в целях международного полицейского сотрудничества;
- правила, определяющие порядок доступа межправительственных организаций к телекоммуникационным сетям и базам данных Интерпола;
- правила международного полицейского сотрудничества;
- правила внутреннего контроля архивов Интерпола.

Важным звеном в правовой основе деятельности Интерпола являются и соглашения о сотрудничестве, в первую очередь соглашения о полицейском сотрудничестве, а также соглашения с другими международными организациями.

Кроме того, существуют так называемые Legal fact sheets, которые являются своеобразной формой уточнения правил. В них дается толкование текстов основных документов Интерпола [30].

Цели и принципы деятельности Интерпола

Основной целью деятельности Интерпола является: создание и развитие учреждений, успешно способствующих предупреждению и пресечению уголовной преступности, подразумевающее максимально широкое взаимодействие всех органов (учреждений) уголовной полиции в рамках существующих законодательств различных стран [15]. Следует пояснить, Интерпол выстраивает международное полицейское взаимодействие на определенных основополагающих началах (принципах). Их можно подразделить на общие и специальные. К общим принципам относятся:

Принцип уважения и соблюдения прав и свобод человека

Статья 2 Устава Интерпола [25] гласит: взаимодействие учреждений уголовной полиции осуществляется не только в рамках национальных законодательств, но и в духе Всеобщей декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. [10]. Этот принцип подразумевает признание ценности человека как личности, признание его права на свободное развитие и проявление своих способностей.

В силу специфики уголовно-процессуальных взаимоотношений в этой сфере особенно необходимо четко соблюдать право человека на личную неприкосновенность. «Никто не может быть подвергнут произвольному аресту, задержанию или изгнанию» (ст. 9 Всеобщей декларации прав человека). Поэтому лицо может разыскиваться по каналам Интерпола с целью ареста и выдачи только при наличии должным образом оформленного и обоснованного правового акта компетентных органов запрашивающего государства, позволяющего ограничить свободу человека.

При взаимодействии полицейских служб различных стран происходит постоянный обмен информацией. Сведения зачастую касаются личной жизни граждан, вмешательство в которую противоречит основополагающим правам человека. Опасность распространения данной информации заключается в возможности злоупотребления ею. В связи с этим в 1974 г. Генеральная ассамблея Интерпола приняла резолюцию «О конфиденциальности сведений», в рамках которой сформулировала требования к Национальным центральным бюро и Генеральному секретариату

Интерпола – учитывать при обмене информацией принцип охраны личных прав граждан. Согласно резолюции на Наблюдательный совет по внутреннему контролю архивов Интерпола возлагается обязанность следить за недопущением произвольного вмешательства в личную жизнь граждан и разглашение информации личного характера.

Наблюдательный совет следит за тем, чтобы при обработке и передаче полицейской информации не возникала угроза каких-либо злоупотреблений, и предотвращает любые угрозы личным правам граждан, руководствуясь Правилами международного полицейского сотрудничества и внутреннего контроля за архивами Интерпола.

В своей деятельности Интерпол стремится к соблюдению прав человека не только в своей деятельности, но и способствует принятию решений в области изучения прав человека в полицейских образовательных учреждениях стран-членов. К примеру, в 1949 г. 18-я сессия Генеральной ассамблеи МКУП в резолюции № 3 рекомендовала: в процессе обучения во всех школах подготовки полицейского состава уделять особое внимание признанию права любого лица, подозреваемого в нарушении уголовного закона, а также иных лиц на справедливое и человечное обращение. Та же резолюция указывала: «Все акты насилия или негуманного обращения, т. е. те, которые попирают человеческое достоинство, совершенные полицией при осуществлении своих судебных и уголовных функций, должны быть преданы правосудию» [15]. В 1976 г. на 45-й сессии Генеральной ассамблеи Интерпола был заслушан доклад о работе ООН над проектом кодекса поведения должностных лиц правоохранительных органов. На 63-й сессии в 1994 г. была принята резолюция (№ AGN/63/RES/16), в которой членам Интерпола рекомендовали предпринимать меры для обеспечения преподавания в полицейских колледжах курса «Права человека».

Интерпол активно сотрудничает с Комиссией ООН по правам человека, а также с другими международными организациями.

Принцип равенства всех стран-членов.

Все страны, входящие в состав Интерпола, наделены равными правами независимо от размера их финансовых взносов в бюджет организации. Все делегации стран-участниц, присутствующие на заседаниях Генеральной ассамблеи, имеют при голосовании по одному голосу. И даже если страна по какой-либо причине не смогла сделать свой взнос в бюджет организации, ее не лишают права голоса по наиболее важным вопросам повестки дня Генеральной ассамблеи Интерпола.

Принцип уважения государственного суверенитета стран – членов Интерпола.

Сотрудничество полицейских органов в рамках Интерпола основано на действиях, предпринимаемых ими на территории своих стран и в строгом соответствии с национальным законодательством. В каждой стране особым государственным актом должно быть закреплено место НЦБ (Национальное центральное бюро Интерпола) в общегосударственной системе борьбы с преступностью, четко определены полномочия, объем и характер компетенции во взаимодействии с правоохранительными органами своей страны. В соответствии с рассматриваемым принципом решения органов Интерпола носят рекомендательный характер. В свою очередь, НЦБ на местах должны предпринимать в рамках своих национальных полномочий все возможные меры, содействующие реализации решений организации на территории их стран.

Предполагается, что деятельность данной международной организации осуществляется в пределах государственного суверенитета ее участников [1; 8; 13; 14; 22; 28].

Принцип обеспечения неотвратимости ответственности за совершенное противоправное деяние

Цель, к которой стремится система органов уголовного преследования и суда любого государства, – неотвратимость ответственности за конкретное уголовное деяние, совершенное конкретным лицом. Данный принцип определяет предпринимаемые правоохранительными органами действия, направленные на защиту законных интересов граждан, государства и общества. Полицейские службы обязаны гарантировать, что любое лицо, независимо от своего служебного или материального положения, иных обстоятельств, в том числе своего местонахождения, понесет заслуженное наказание за совершенное им противоправное деяние. К сожалению, реализовывать этот принцип в полном объеме и надлежащим образом не удается ни одному современному государству. Нераскрытыми чаще всего остаются наиболее тяжкие и особо опасные преступления, а также преступления «с иностранным элементом».

Среди специальных принципов, которыми руководствуется Интерпол, необходимо отметить:

Противодействие только уголовным преступлениям.

Еще в 1946 г. МКУП определила – в своей работе организация обязана гарантировать как собственный нейтралитет, так и уважение государственного суверенитета. Поэтому ее деятельность по предупреждению преступности и борьбе с ней ограничивается исключительно общеуголовными преступлениями. Общеуголовные преступления трактуются как виновные общественно опасные деяния, подлежащие наказанию в соответствии с уголовным законодательством большинства стран – членов Интерпола и не носящие политического характера.

Полицейские органы Интерпола должны обращать внимание только на ту классификацию преступлений, относительно которой имеется согласованность. Данный принцип закреплен в ст. 3 Устава: «Организации строго запрещается любое вмешательство или деятельность политического, военного, религиозного или расового характера». После принятия Устава Интерполу пришлось давать толкование этой статьи, так как возникает немало споров о целесообразности ее включения в Устав. Причина претензий заключалась в следующем: с одной стороны, подобное невмешательство Интерпола служит сдерживающим фактором и позволяет избегать влияния на отдельные государства, с другой стороны, препятствует сотрудничеству по борьбе и предотвращению преступлений, являющихся по сути общеуголовными, но имеющих политическую, военную, религиозную или расовую подоплеку. Трудность состоит в том, что в соответствии с законодательством стран-участниц порой достаточно сложно точно определить природу совершенного преступления. К примеру, законодательство РФ не предусматривает разграничения преступных деяний на общеуголовные и политические.

В 1984 г. на Генеральной ассамблее Интерпола была принята резолюция, определяющая принципы взаимодействия с учетом положений вышеуказанной ст. 3 Устава и призывающая Национальные центральные бюро «сотрудничать настолько полноценно, насколько это возможно, чтобы бороться с терроризмом, и насколько разрешают национальные законы».

Таким образом, впервые было решено обрабатывать запросы в отношении террористической деятельности при соблюдении определенных условий.

Следует отметить, ограничение, заложенное ст. 3 Устава, применяется как к Генеральному секретариату, так и к членам организации. Первый должен воздерживаться от предоставления помощи в случаях, предусмотренных указанной статьей (поступающие от НЦБ запросы проверяются на предмет соответствия ей и могут быть отклонены в случае противоречия с ее положениями), а последние, вступая в Интерпол, принимают на себя обязательства строго соблюдать положения Устава в своих взаимоотношениях с организацией.

Для того чтобы определить, противоречит ли запрос требованиям Устава, Интерпол делает различие между:

- деяниями, которые по своей природе являются политическими, религиозными, военными или расовыми и которые автоматически подпадают под действие ст. 3;
- запросами, изучаемыми подробно для определения преобладающей сущности преступления. В этом случае устанавливается, имеется ли связь между целями обвиняемого и потерпевшими, и проводится анализ по трем критериям, определенным Генеральной ассамблеей: место совершения преступления, правовое положение потерпевших и общественная опасность деяния.

Для принятия решения по оценке характера совершенного преступного деяния при отсутствии согласованности мнений стран – членов Интерпола в Генеральном секретариате организации создана комиссия (Office of legal affairs). Страны-оппоненты представляют к рассмотрению комиссии собственные доводы и аргументы, а, она в свою очередь, принимает решение о возможности сотрудничества по данному вопросу или же о необходимости его отклонения. В случае признания политического характера преступления об этом немедленно информируются все страны – члены Интерпола.

Всеобщность полицейского сотрудничества.

Данный принцип заключается в том, что любая страна – участница Интерпола имеет возможность взаимодействовать с другой страной, и это взаимодействие не должны затруднять географические или языковые факторы. Как правило, НЦБ в порядке информации сообщают о своих

контактах в Генеральный секретариат Интерпола. В случае отсутствия в течение долгого времени ответа на запрос одного Национального центрального бюро к другому запрашивающая страна имеет право обратиться в Генеральный секретариат, в подразделение Common and Coordination Centre с просьбой об оказании содействия в получении ответа.

Функциональный принцип сотрудничества.

Любой орган полиции или уголовного преследования имеет возможность извлечь пользу из международного сотрудничества полиции независимо от своего официального названия. Интерпол через НЦБ соответствующих стран взаимодействует со всеми государственными органами страны, в функции которых входит предупреждение, раскрытие и расследование уголовных преступлений, а также розыск преступников и без вести пропавших лиц.

Гибкость и оперативность методов работы.

Руководствуясь принципами, нацеленными на обеспечение непрерывности и преемственности, структурные подразделения Интерпола используют в своей работе достаточно гибкие, оперативные методы, учитывающие наличие большого разнообразия социальных и политических аспектов, а также ситуаций в различных странах мира.

Следует особо отметить: детективы или агенты подразделений Интерпола не обладают наднациональными полномочиями. Успехи международного полицейского сотрудничества зависят, прежде всего, от действий, предпринимаемых полицейскими органами стран – членов Интерпола, которые осуществляют информационное обеспечение взаимодействия [11, стр. 37].

Тяжелым и длительным был путь вступления нашей страны в Интерпол. Советский Союз не только многие годы не вступал в эту международную полицейскую организацию, но и не публиковал материалы, связанные с ней. Существенную роль в формировании идеи вхождения туда СССР сыграл доктор юридических наук, профессор, участник и орденоносец Великой Отечественной войны Я.М. Бельсон. В 70-х годах XX века благодаря значительным усилиям ему удалось по существу впервые в Советском Союзе опубликовать статью в самом авторитетном научном юридическом журнале об Интерполе [4]. Это было сравнимо с идеологическим взрывом в юридической науке, ибо интерес к этой проблеме наблюдался очень большой среди научной общественности как нашего Отечества, так и за рубежом. Кроме того, о вхождении в состав анализируемой международной полицейской организации было заинтересовано и ее руководство. Поэтому не случайно после опубликования статьи об Интерполе профессором Я.М. Бельсоном в журнале «Советское государство и право» в Советский Союз приехал Генеральный секретарь Интерпола Жан Непот, который руководил данной международной организацией 20 лет. Он пытался выяснить вопрос о том, не изменилось ли отношение СССР к вопросам вхождения в Международную полицейскую организацию. На встрече с официальными советскими правоохранителями из МВД и других силовых ведомств, с политиками Жану Непоту дали понять, что опубликованная статья – это личное мнение ученого, и оно не свидетельствует о каких-либо изменениях в позиции нашего государства. Генеральный секретарь Интерпола, конечно, не услышал о том, что проект статьи профессора Я.М. Бельсона на протяжении долгих двух лет обсуждался в различных государственных инстанциях, включая аппарат ЦК КПСС, прежде чем статью увидели советские читатели. Не узнал он об этом и после личной встречи с профессором Бельсоном.

Примерно в то же время в одном из научных сборников по международному праву была опубликована статья К.С. Родионова «К вопросу о правовой природе и правовом положении Интерпола» [17]. В конце 70-х годов К.С. Родионов защитил кандидатскую диссертацию по проблематике Интерпола [18].

В последующем Яков Михайлович Бельсон опубликовал еще несколько интересных работ (статей и монографий), посвященных Интерполу [2; 3; 5; 6], всегда поднимал проблему о необходимости вступления Советского Союза и России в данную Международную полицейскую организацию на различных научных форумах, совещаниях в правоохранительных органах. Будучи ученым и педагогом, проработавшим можно сказать всю свою жизнь в образовательных учреждениях МВД, являясь Заслуженным работником МВД СССР, он внес существенный вклад в решение вопроса о вступлении нашей страны в Интерпол.

Последовательно добивался этой же цели и К.С. Родионов. Кроме диссертации и указанной

научной статьи, он опубликовал и другие серьезные работы, посвященные Международной полицейской организации [19; 20; 21].

Благодаря усилиям Я.М. Бельсона, К.С. Родионова, сформировавшимся объективным у субъективным предпосылкам наша страна после многих десятилетий раздумий вошла в состав Интерпола, но это произошло уже 27 сентября 1990 года, по существу на последнем этапе существования СССР.

Сегодня Россия очень активно взаимодействует с Международной полицейской организацией через Национальное центральное бюро Интерпола, функционирующее в рамках МВД России, которое поочередно возглавляют российские генералы-полицейские.

Деятельности современного Интерпола посвящают свои публикации как российские [9; 23; 24; 26; 27], так и зарубежные исследователи [7; 12]. Нельзя здесь не отметить и роль генерала В.С. Овчинского, который несколько лет возглавлял Национальное центральное бюро Интерпола в России и посвятил ему ряд своих работ [15; 16].

Список литературы

1. Артамонова Г.К., Шумков Д.В., Реуф В.М. Концепция государственного суверенитета: социально-политические и идейно-теоретические истоки // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 2. – С. 44-48.
2. Бельсон Я.М. Интерпол в борьбе с уголовной преступностью. – М.: Наука, 1989. – 240 с.
3. Бельсон Я.М. Интерпол: Прошлое и настоящее // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1980. – № 3. – С. 92-97.
4. Бельсон Я.М. Международная организация уголовной полиции (Интерпол) // Сов. государство и право. – 1974. – № 12. – С. 92-97.
5. Бельсон Я.М. Международная организация уголовной полиции. Интерпол: Учебное пособие. – М., 1981.
6. Бельсон Я.М. Россия в Интерполе: Учебное пособие / Под общ. ред. С.Ф. Зыбина. – СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт МВД России, 1994. – 240 с.
7. Бреслер Ф. Интерпол / Пер. с англ. А.С. Цыпленкова. – М.: Центрполиграф, 1996.
8. Вихров А.А., Сальников М.В., Адамян Т.А., Биктасов О.В. Понятие и сущность суверенитета // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2005. – № 3(27). – С. 14-25.
9. Волеводз А.Г. Международная организация уголовной полиции – Интерпол и тенденции формирования региональных правоохранительных организаций // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2011. – № 1. – С. 130-151.
10. Всеобщая декларация прав человека (принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10 декабря 1948 г.) // Российская газета. – 1998. – 10 декабря.
11. Интерпол. Международная организация уголовной полиции / Под ред. В.И. Самарина. – СПб., 2004.
12. Интерпол против терроризма: Сборник международных документов / Составитель В.С. Овчинский. – М.: ИНФРА-М, 2008. – XVIII, 810 с.
13. Клименко О.А., Мирзоев А.К. Суверенитет государства и суверенитет народа в современной европейской мысли // Мир политики и социологии. – 2015. – № 11. – С. 50-64.
14. Мирзоев А.К. Генезис и эволюция представлений о суверенитете в политико-правовых концепциях народного и национального суверенитета // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 141-150.
15. Овчинский В.С. Интерпол в вопросах и ответах. Учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Инфра-М, 2008. – 368 с.
16. Овчинский В.С. Интерпол (в вопросах и ответах). – М.: Инфра-М, 2001. – 320 с.
17. Родионов К. С. К вопросу о правовой природе и правовом положении Интерпола // Советский ежегодник международного права. 1974. – М., 1976. – С. 215-224.
18. Родионов К. С. Международная организация уголовной полиции («Интерпол»): Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Л., 1979.
19. Родионов К.С. Интерпол в борьбе с терроризмом // Междунар. публич. и част. право. – 2002. – № 2. – С. 6-10.
20. Родионов К.С. Интерпол: вчера, сегодня, завтра. 3-е изд., испр. и доп. – М.: Международные отношения, 1990. – 224 с.
21. Родионов К.С. Интерпол: миф и действительность. 2-е изд. – М.: Международные отношения, 1986. – 189,[1] с.

22. Сальников В.П., Сальников М.В., Романовская В.Б., Пужаев В.В. Правовая природа государственного иммунитета // Правовое государство: теория и практика. – 2015. – № 4(42). – С. 36-44.
23. Самарин В.И. Интерпол: Международная организация уголовной полиции. – СПб.: Питер, 2004. – 202 с.
24. Самошина О.А., Ялышев С.А. Интерпол в борьбе с организованной преступностью // Вестник криминалистики. – 2004. – Вып. 3 (11). – С. 55-59.
25. Устав Международной организации уголовной полиции (Интерпол) (вступил в силу 13 июня 1956 г., с изменениями по состоянию на 1 января 1986 г.) // URL: http://docs.cntd.ru/document/1901939M3
26. Федоров А.В. Отдельные тенденции развития российской уголовно-правовой антинаркотической политики, обусловленные влиянием международных договоров, участницей которых является Российская Федерация, и её членством в международных организациях // Наркоконтроль. – 2014. – № 2. – С. 3-14.
27. Фирсов В.В. Соблюдение прав человека и гражданина при осуществлении борьбы с транснациональными преступлениями сотрудниками российского национального Бюро Интерпола // Международно-правовые механизмы защиты прав человека. – СПб. 2008.
28. Шумков Д.В. Государственный суверенитет России: история и современность: Монография. – СПб., 2002. – 231 с.
29. URL: http://www.interpol.int/News-and-media/News-media-releases/NAbout
30. URL:www.interpol.int/publicmaterials/ICPO/Legal Materials.

ФИНАНСОВОЕ И БЮДЖЕТНОЕ ПРАВО. БАНКОВСКОЕ И ВАЛЮТНОЕ ПРАВО. НАЛОГОВОЕ ПРАВО

КАЛАШНИКОВ Роман Александрович,
заместитель прокурора Среднеканского района Магаданской области (г. Магадан, Россия)
E-mail: kons-evdokimov@yandex.ru

ЕРМОХИНА Галина Викторовна,
сотрудник Иркутского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации (г. Иркутск, Россия)
E-mail: evdokimov@yandex.ru

Специальность 12.00.11 – Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНЕШНЕГО МУНИЦИПАЛЬНОГО ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ

Аннотация. *Освещаются проблемные вопросы, затрагивающие особенности практики взаимодействия органов прокуратуры с органами местного самоуправления и осуществления надзора за органами местного самоуправления в сфере деятельности контрольно-счетных органов в целях повышения эффективности данных направлений деятельности органов прокуратуры.*

Ключевые слова: *прокуратура; прокурорский надзор; органы местного самоуправления; муниципальные контрольно-счетные органы; формы взаимодействия.*

KALASHNIKOV R.A.
ERMOKHINA G.V.

PROCURATORIAL SUPERVISION OF THE ACTIVITY OF LOCAL SELF-GOVERNMENT BODIES IN THE SPHERE OF ORGANIZATION OF ACTIVITY OF BODIES OF EXTERNAL MUNICIPAL FINANCIAL CONTROL

The summary. *The article highlights the problematic issues affecting the peculiarities of the practice of interaction between the prosecution authorities and local self-government bodies and the supervision of local government bodies in the sphere of control and accounting bodies in order to improve the effectiveness of these areas of activity of the prosecution authorities.*

Key words: *prosecutor's office; prosecutor's supervision; local self-government bodies; municipal control and accounting bodies; forms of interaction.*

Конституция Российской Федерации закрепила местное самоуправление в качестве одной из основ конституционного строя. Местное самоуправление – это форма осуществления публичной власти, обеспечивающая в пределах, установленных законодательством, самостоятельное и под свою ответственность решение населением непосредственно и (или) через органы местного самоуправления вопросов местного значения исходя из интересов населения. Развитие данной формы решения вопросов местного значения населением, осуществляемое непосредственно и (или) через органы местного самоуправления, предопределяет прогрессивное развитие гражданского общества и государства [5; 6; 9; 10; 13; 17; 19]. Органы прокуратуры, осуществляя прокурорский надзор и взаимодействуя с органами местного самоуправления, обеспечивают эффективное функционирование данного института гражданского общества.

Проблемам повышения эффективности функционирования института местного самоуправления путем взаимодействия органов местного самоуправления с органами прокуратуры в России посвящены труды таких авторов, как Ю.Е. Винокуров [12], В.И. Рохлин [14; 15; 16], А.Н. Савенков [11] А.И.Черкасов [20], О.Ю. Шеметова [21], А. В. Юрковский [22] и многих других [4; 7; 8].

При исследовании данной темы использовались формально-юридический метод в рамках анализа действующего законодательства, регулирующего взаимодействие органов прокуратуры с органами местного самоуправления, и статистический метод в рамках анализа практики работы прокуратуры Среднеканского района Магаданской области.

В соответствии со статьей 1 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» [1] предмет прокурорского надзора в сфере местного самоуправления составляют: исполнение законов органами местного самоуправления и их должностными лицами; соответствие законам их правовых актов; соблюдение прав и свобод человека и гражданина органами местного самоуправления и их должностными лицами. Структуру органов местного самоуправления составляют представительный орган муниципального образования, глава муниципального образования, местная администрация (исполнительно-распорядительный орган муниципального образования), контрольно-счетный орган муниципального образования, иные органы и выборные должностные лица местного самоуправления, предусмотренные уставом муниципального образования и обладающие собственными полномочиями по решению вопросов местного значения.

Контрольно-счетные органы муниципальных образований – это органы, осуществляющие внешний муниципальный финансовый контроль. Согласно статье 38 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [2] в целях осуществления внешнего муниципального финансового контроля представительный орган муниципального образования вправе образовать контрольно-счетный орган муниципального образования. Однако закрепление законодателем права за представительным органом создавать контрольно-счетный орган, а не обязанности противоречит сущности финансового контроля и финансовых отношений вообще. Значение муниципального финансового контроля состоит в том, что при его проведении проверяется соблюдение установленного правопорядка в сфере осуществления органами местного самоуправления, муниципальными предприятиями, учреждениями финансовой деятельности, а также экономическая обоснованность и эффективность осуществляемых действий и соответствие их задачам, стоящим перед муниципальными образованиями. То есть, финансовый контроль является основным средством обеспечения законности и целесообразности проводимой финансовой деятельности муниципальных образований, он должен осуществляться во всех отношениях, связанных с бюджетом и распределением и использованием денежных фондов.

Еще одним актом, регламентирующим функционирование органов внешнего муниципального финансового контроля, является Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 6-ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований» [3]. Статья 3 указанного акта, определяя статус контрольно-счетных органов муниципального образования, закрепляет положение о том, что:

- во-первых, контрольно-счетный орган муниципального образования является

постоянно действующим органом внешнего муниципального финансового контроля и образуется представительным органом муниципального образования,
- во-вторых, подотчетен представительному органу муниципального образования,
- в-третьих, обладает организационной и функциональной независимостью и осуществляет свою деятельность самостоятельно,
- в-четвертых, деятельность контрольно-счетного органа не может быть приостановлена, в том числе в связи с досрочным прекращением полномочий представительного органа.

Перечисленные положения, составляющие основу статуса контрольно-счетных органов муниципальных образований, позволяет сделать вывод о том, что эти органы являются обязательными в структуре органов местного самоуправления и, следовательно, представительный орган муниципального образования обязан создать этот орган и принять акты, регулирующие организацию и деятельность контрольно-счетного органа (акты, касающиеся требований к кандидатурам на должности председателя, заместителя председателя и аудиторов контрольно-счетных органов, касающиеся порядка внесения предложений о кандидатурах на должность председателя контрольно-счетного органа муниципального образования в представительный орган муниципального образования и др.).

Исходя из перечня элементов, входящих в предмет прокурорского надзора за органами местного самоуправления, и обязанностей органов местного самоуправления в сфере организации деятельности органов внешнего муниципального финансового контроля, следует сделать вывод, что основным направлением взаимодействия органов прокуратуры и органов местного самоуправления является проведение проверок актов органов местного самоуправления на соответствие актам, имеющим большую юридическую силу.

Анализ прокурорской деятельности показывает, что большинство установленных нарушений, допускаемых органами местного самоуправления, связано с принятием органами местного самоуправления незаконных правовых актов, превышением компетенции, а также несвоевременностью приведения их в соответствие с федеральным законодательством [18, стр. 139].

Так, прокуратурой Среднеканского района Магаданской области была проведена проверка Положения «О Контрольно-счетной палате Среднеканского городского округа», утвержденного Решением Собрания представителей Среднеканского городского округа (далее – Положение о КСП) в ходе которой было установлено следующее. В соответствии с Разделом 3 «Перечень должностей муниципальной службы в контрольно-счетном органе городского округа», утвержденным Законом Магаданской области от 02.11.2007 № 900-ОЗ «О муниципальной службе в Магаданской области» (в редакции Закона Магаданской области от 09.12.2015 № 1966-ОЗ) должность председателя контрольно-счетного органа городского округа отнесена к высшим должностям.

В нарушение данной нормы пунктом 1 раздела 8 Положения о КСП предусмотрено, что председатель Контрольно-счетной палаты замещает главную должность муниципальной службы в соответствии с реестром должностей, определенным законом Магаданской области.

Согласно пункту 1 раздела 6 Положения на должность председателя Контрольно-счетной палаты назначаются граждане Российской Федерации, имеющие высшее образование и опыт работы в области государственного, муниципального управления, государственного, муниципального контроля (аудита), экономики, финансов, юриспруденции.

Вместе с тем, в силу п. 1 ч. 3 ст. 7 Закона Магаданской области от 02.11.2007 № 900-ОЗ «О муниципальной службе в Магаданской области» для замещения высших должностей муниципальной службы устанавливаются следующие типовые квалификационные требования к уровню профессионального образования и стажу муниципальной службы (государственной службы) или стажу работы по специальности: высшее образование, стаж муниципальной службы (государственной службы) не менее шести лет или стаж работы по специальности не менее семи лет.

Таким образом, п. 1 разд. 6 Положения о КСП не закреплено требование к кандидатам на должность председателя КСП о стаже работы по специальности. Также в соответствии с пунктом 1 раздела 2 Положения о КСП контрольно-счетная палата образуется в составе председателя

и аппарата. Между тем, Положением не закреплены квалификационные требования к стажу работы и стажу муниципальной службы лиц, претендующим на должности аппарата КСП.

По результатам выявленных нарушений прокурором Председателю Собрания представителей Среднеканского городского округа был внесен протест с требованиями привести пункт 1 раздела 8 и пункт 1 раздела 6 Положения «О Контрольно-счетной палате Среднеканского городского округа», утвержденного Решением Собрания представителей Среднеканского городского округа от 24.11.2015 № 55, в соответствие с требованиями Закона Магаданской области от 02.11.2007 № 900-ОЗ «О муниципальной службе в Магаданской области», путем внесения изменений, дополнить Положение «О Контрольно-счетной палате Среднеканского городского округа», утвержденного Решением Собрания представителей Среднеканского городского округа от 24.11.2015 № 55, положением о квалификационных требованиях к стажу работы и стажу муниципальной службы лиц, претендующим на должности аппарата Контрольно-счетной палаты Среднеканского городского округа.

Таким образом, в российской правовой практике, как и в практике многих других государств современного мира местное самоуправление составляет основу гражданского общества. Различные формы взаимодействия органов местного самоуправления и органов прокуратуры направлены на повышение уровня законности и правопорядка в государстве, совершенствования института местного самоуправления. Осуществление прокурорского надзора за деятельностью органов местного самоуправления в сфере организации деятельности органов внешнего муниципального финансового контроля в частности обеспечивает соблюдение законности в деятельности по образованию, распределению и использованию денежных фондов местного самоуправления, экономическую обоснованность и эффективность осуществляемых действий, соответствие их задачам муниципальных образований.

Список литературы

1. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (в ред. от 22.12.2014) «О прокуратуре Российской Федерации» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1992. – № 8. – Ст. 366.
2. Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ (в ред. от 3 мая 2011 г.) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 40. – Ст. 3822.
3. Федеральный закон Российской Федерации от 07 февраля 2011 г. № 6-ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов РФ и муниципальных образований» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 7. – Ст. 903.
4. Антонов И.А., Кондрат И.Н., Михальчук Ю.П. Прокурорский надзор: Учебно-методическое пособие (в схемах и определениях) / Под общ. ред. И.А. Антонова, В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2016. – 196 с.
5. Бондарь Н.С. Права человека и местное самоуправление в Российской Федерации. – Ростов-на-Дону: РостГУ, 1998. – 382 с.
6. Булатов Р.Б., Глущенко П.П., Орловский Е.А. Органы муниципальной власти и правозащитная деятельность // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 3. – С. 30-37.
7. Гильдибаев М.Х., Огородников А.А. Прокурорский надзор: Учебное пособие. – СПб.: Питер, 2002.
8. Голубовский В.Ю., Рохлин В.И., Уткин Н.И. Прокурорский надзор в Российской Федерации: Курс лекций / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Лань, Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2001.
9. Медведев С.М., Числов А.И. Местное самоуправление в России и человек как главная социальная ценность: актуальность проблемы и результаты исследования // Мир политики и социологии. – 2014. – № 10. – С. 43-52.
10. Медведев С.М., Числов А.И. Права, свободы, законные интересы граждан и органы местного самоуправления: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2013. – 232 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»).
11. Прокурорский надзор в Российской Федерации: Учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Е.В. Быкова и др.; под общ. ред. А.Н. Савенкова. – М., 2009.

Сер. Высшее образование (3-е изд., перераб. и доп.)
12. Прокурорский надзор: Учебник для бакалавров / Ю.Е. Винокуров [и др.]. – 11- е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2013. – 479 с.
13. Роженцев С.В., Числов А.И. Органы местного самоуправления и интересы малого и среднего бизнеса: проблемы юридической ответственности // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 9. – С. 104-119.
14. Рохлин В.И. Прокурорский надзор и государственный контроль: история, развитие, понятие, соотношение. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003.
15. Рохлин В.И., Стуканов А.П. Прокурорский надзор в Российской Федерации: проблемы и перспективы // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2000. – № 5. – С. 154-163.
16. Рохлин В.И., Сыдорук И.И. Прокурорский надзор: защита прав человека. – СПб., 2001.
17. Точиев И.Б. Гражданское общество и муниципальное управление // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 9. – С. 38-53.
18. Участие прокуратуры в правотворческой деятельности: Учебное пособие / Под ред. А.В. Юрковского. – Иркутск: Иркутский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры РФ, 2014. – 206 с.
19. Хабриева Т.Я., Васильев В.И. Местное самоуправление как уровень публичной власти // Муниципальная реформа в Российской Федерации: правовое и экономическое исследование: Монография. Сер. «Юридическая библиотека России» / Андриченко Л.В. и др.; под общ. ред. Т.Я. Хабриевой; Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. – 2010. – С 370-384.
20. Черкасов А.И. Сравнительное местное управление: теория и практика. Институт государства и права РАН. – М.: Форум ИНФРА-М, 1998. – 158 с.
21. Шеметова О.Ю. Правозащитное взаимодействие органов местного самоуправления и прокуратуры в Белгородской области // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право, 2013. – № 26 (166). – С. 158-169.
22. Юрковский А.В. Милорадов С.А., Ильина В.А. Основы управленческой работы в органах прокуратуры: Учебное пособие, – Иркутск: Иркутский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2015. – 79 с.

СУДЕБНАЯ И ПРОКУРОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ПРАВОЗАЩИТНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. АДВОКАТУРА И НОТАРИАТ

ЛАЗАРЕВ Валерий Васильевич,
профессор кафедры теории государства и права Московского юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Москва, Россия)
E-mail: lazarev@izak.ru

ФУРСОВ Дмитрий Александрович,
профессор кафедры гражданского, арбитражного и административного процессуального права Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)
fursovda@yandex.ru

Специальность 12.00.11 – Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность

ПРАВОСУДИЕ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: СРАВНИТЕЛЬНО–ПРАВОВОЙ СРЕЗ

Аннотация. *Правовые системы различных стран в условиях современности не развиваются изолированно, можно наблюдать процесс постоянного обмена новациями отраслевых институтов. Прослеживается соответствующий опыт по следующим направлениям:*

– установлению надлежащей юрисдикции при выборе суда;
– способам собирания и получения судебных доказательств;
– обеспечению независимости и беспристрастности судебного разбирательства;
– анализу средств достижения справедливого судебного решения;
– деятельности проверочных судебных инстанций;
– исполнению судебных решений;
– качеству и эффективности правосудной деятельности в целом.

Ключевые слова: *позитивное право; суд; судебное решение; имплементация; правовые позиции; прецедент; мониторинг; инновация; источник права; совершенствование законодательства.*

LAZAREV V.V.
FURSOV D.A.

JUSTICE IN THE INTERNATIONAL SPACE: LEGAL COMPARATIVE REVIEW

The summary. *Legal systems of different countries in the modern world. The authors trace the*

relevant experience in the following areas:

- Establishment of proper jurisdiction in choosing a court;
- methods of collecting and obtaining judicial evidence;
- ensuring the independence and impartiality of the trial;
- analysis of means to achieve a fair trial;
- the activities of the review courts;
- execution of court decisions;
- the quality and effectiveness of justice in general.

Key words: *positive law; court; judgment; implementation; legal positions; precedent; monitoring; innovation; source of law; improvement of legislation.*

Изучение правосудия в международном пространстве представляет существенный интерес в плане сравнительного правоведения. Правовые системы различных стран в условиях современности не развиваются изолированно, можно наблюдать процесс постоянного обмена накопленным опытом, «проникновения» институтов, которые возникли в ходе функционирования, наблюдаются процессы диффузии, проникновения достигнутых процессуальных гарантий одних национальных судебных систем в другие. Такие тенденции обусловливают большой интерес к сравнительно–правовым исследованиям, причем не общего характера, а исследованиям, предметом которых являются отдельные проблемы (группы проблем) и средства их решения и/или институты (группы институтов), что позволяет говорить об универсальном характере правосудной деятельности. Иногда данную ситуацию определяют как конвергенцию в сфере процессуального права [13; 14; 15]. Исследовать опыт сравнительного правоведения необходимо по следующим направлениям:

- установлению надлежащей юрисдикции при выборе суда;
- способам собирания и получения судебных доказательств;
- обеспечению независимости и беспристрастности судебного разбирательства;
- анализу средств достижения справедливого судебного решения;
- деятельности проверочных судебных инстанций;
- исполнению судебных решений;
- качеству и эффективности правосудной деятельности в целом.

1. *Определение надлежащей юрисдикции при выборе суда.* Весь круг проблем, имеющих отношение к установлению надлежащего компетентного суда, во всех странах связан с рассмотрением споров, отягощенных присутствием иностранного элемента.

Отягощенность, в свою очередь, обусловлена сложностями в поиске применимого (коллизионного) материального права, собирания доказательств, надлежащего и заблаговременного извещения всех участников судебного разбирательства, находящихся на территории разных государств, нуждающихся в получении судебных документов на родном языке и лимита времени, необходимого для подготовки отзыва на заявленные требования.

С доктринальной точки зрения от выбора суда ничего не должно зависеть, кроме сопутствующих издержек и необходимых накладных расходов. Однако, по поводу места судебного разбирательства между сторонами разворачиваются нешуточная борьба. Этому факту стороны придают решающее значение для исхода существа спора и принимаемого по нему судебного решения.

В странах общего права юрисдикция суда определяется местом фактического нахождения сторон, вне зависимости от их национальной принадлежности, и возможностей вызова в судебное заседание. Эта интерпретация судебной юрисдикции как одного из проявлений национального суверенитета является чрезвычайно широкой.

Чтобы уравновесить широкую судебную юрисдикцию и не доводить указанные правила до абсурда, используется принцип неудобного суда (forum non convenience)*[1]. Он позволяет судебному учреждению, занятому слушанием дела в

установленном порядке, отказаться от принятия решения либо приостановить слушание по делу со ссылкой на юрисдикцию другого надлежащего суда. По таким правилам судебная юрисдикция определяется, к примеру, в Австралии, Англии, Израиле, Канаде, Новой Зеландии, США, Южной Африканской Республике. Каждая из указанных стран имеет свой опыт*[2].

В Англии судопроизводство может быть приостановлено только в тех случаях, когда суд убедится в недобросовестности стороны, затеявшей параллельное (дублирующее) производство наряду с тем, что проводится на территории иного иностранного государства, либо продолжение процесса будет признано, по мнению английского суда, чрезмерно тягостным.

В последние годы английские суды, отталкиваясь от принципа неудобного суда, развивают идею более подходящего суда, которая связана как с интересами обеих сторон, так и с интересами правосудия. Отступить от реализации этой идеи они могут только при отсутствии доступа к иностранному суду, наличии необоснованных там задержек либо надлежащих условий для справедливого судебного разбирательства.

В США принцип неудобного суда используется еще более широко, а именно во внимание могут приниматься такие факторы, как перегруженность суда, отсутствие явки свидетелей, находящихся на территории иностранного государства, нахождение там имущества, относящегося к предмету спора, наличие между сторонами пророгационного соглашения (оговорки). Федеральное законодательство США слабо раскрывает эти вопросы, чаще следует обращение к судебным прецедентам, которые имеют подробный комплексный и полезный анализ в специальной литературе [4, стр. 110-121; 26, стр. 136-151; 36, стр. 204-212].

В Канаде суд, определяя наиболее удобные условия для разбирательства, принимает во внимание похожие обстоятельства: фактическое место нахождения сторон и осуществления ими своей деятельности, место причинения вреда или убытков, возможности беспрепятственного вызова свидетелей, применимое коллизионное право и иные преимущества, необходимые для истца как пострадавшей стороны [16, стр. 12].

В странах континентальной системы право выбора места судебного разбирательства, как и компетентного суда, определяется пророгационным соглашением, а при его отсутствии местом нахождения ответчика за теми исключениями, которые предусмотрены национальным законодательством по месту предполагаемого исполнения судебного решения после его вступления в законную силу (см. ст. 20 раздела 1 «Родовая подсудность и правила о цене» Гражданского процессуального уложения Германии от 30 января 1877 года в его современной редакции).

Общим осложнением, свойственным всем странам, относящимся к той и другой системе права, следует признать применимое коллизионное право. В отличие от национального правосудия, при возникновении трансграничных споров появляется необходимость в доказывании применимых норм коллизионного права, то есть того смысла, который им придается национальной судебной практикой.

2. *Способы собирания и получения судебных доказательств.* В национальных судебных системах, вне зависимости от их отнесения к системе общего или континентального права, наблюдаются сходные порядки собирания доказательств по делу, как в гражданском, так и в уголовном судопроизводстве.

Вместе с тем, обнаруживаются и общие проблемы, связанные с получением доказательств. Они имеют чаще всего отношение к предварительному следствию в рамках уголовного судопроизводства.

Речь идет о тех условиях, при которых полученные доказательства не могут признаваться доброкачественными, а потому подлежат исключению из общего объема доказательств в связи с нарушением процессуального порядка их собирания.

Запрещенные способы получения доказательств в истории США берут начало в Билле о правах (четвертая, пятая и шестая поправки), содержание которых раскрывается в судебной практике. Нарушение тайны личной жизни допускается, но с обязательным представлением суду аудиозаписей во избежание вольных интерпретаций полученной информации. Возможно прослушивание телефонных переговоров, надзор за электронными средствами связи, но существует запрет на использование тепловизоров и розыскных собак даже в том случае, когда полиция занята поиском наркотиков. Признаются допустимыми доказательства, собранные во

время обыска, и при отсутствии ордера, если преступление совершено в присутствии сотрудников правоохранительных органов либо в период проведения иных следственных действий, а также в общественных местах или в связи с задержанием арестованного лица [46].

По общему правилу для проникновения в жилище в целях проведения обыска и выемки требуется предъявление ордера, выданного судьей при наличии к тому достаточных оснований. Основаниями выступают достаточные данные о совершенном или готовящемся к совершению преступлении. Исключение имеет отношение только к преследованию преступников по горячим следам [44].

Показания подозреваемого либо обвиняемого лица имеют юридическую силу лишь в том случае, когда они даются при соблюдении правил добровольности. Искаженное волеизъявление не принимается, если оно вызвано любыми способами оказания психического воздействия.

Если доказательства признаются недоброкачественными в связи с нарушением процедуры их собирания, то полученные сведения могут использоваться только для поиска иных доказательств по делу либо изобличения иных соучастников преступления при допросе последних.

В Канаде запретительные процедуры восходят к Хартии прав и свобод (Canadian Charter of Rights and Freedoms) и Закону Канады о защите прав человека (Canadian Human Rights Act). Они направлены на предупреждение нарушений, связанных с гарантиями на жизнь, здоровье, свободу передвижения, преследуют цели ограждения граждан от произвольных задержаний и арестов, проникновения в их жилища, безосновательных обысков и выемок.

Каждое лицо, задержанное либо привлеченное к ответственности, имеет право знать, в чем оно обвиняется. Каждый имеет право не свидетельствовать против себя. Каждому гарантировано право на условия содержания, не соединенные с жестоким обращением либо унижением человеческого достоинства. Система гарантий включает право на физическую неприкосновенность, которому известен предельно ограниченный круг исключений.

Как и в США, в Канаде не допускается вынужденное признание вины либо инкриминируемых фактов ни в результате принуждения, ни в результате обещаний, связанных с приобретением какой–либо выгоды. Недействительность признания вины наступает всякий раз, когда психологическое давление последовало от любого лица, имеющего властные полномочия*[3].

Действующий порядок проведения расследования полицией Великобритании предусматривает проведение всех допросов в полицейском участке с применением средств видеозаписи, если даже процессуальный закон этого не требует*[4]. Дополнительные требования проистекают из Европейского кодекса полицейской этики (European Code of Polcie Ethics), принятого 19 сентября 2001 года Комитетом Министров Совета Европы. Кодекс профессиональной деятельности полицейского был инициирован в свое время, то есть задолго до процедуры выхода из Европейского Союза, Великобританией.

Самые жесткие европейские требования к допустимости доказательств закреплены в Ирландии [41]. Здесь существует полный приоритет защиты прав подсудимого, а не рассуждений о допустимости тех или иных действий полиции. Заявленная строгость имеет свой смысл, связанный не только с заботой о реальной защите прав человека в условиях его несвободы, но и с недопустимостью каких-либо предпосылок для дискредитации судебной власти. Судебные органы ориентированы на то, чтобы отбросить всякие сомнения в добровольности признаний, а не вести себя услужливо по отношению к правоохранительным органам.

Верховный Суд Ирландии неоднократно обращал внимание на то, что восстановление нарушенных гражданских прав намного важнее государственного обвинения и преследования, поэтому им и отдается предпочтение [43].

Во всех странах, принимающих европейские ценности, признается священным право хранить молчание, которое не свидетельствует о виновности, необходимость в особо тщательной проверке показаний одного подсудимого против другого, недопустимость физического либо психического насилия в целях получения доказательственной информации.

Например, в Сингапуре физическое принуждение к признанию вины влечет уголовную ответственность для самого полицейского чина. Аналогичный порядок существует в Великобритании [45, Article 76]. Должностные лица, уполномоченные на проведение расследования, не имеют права допрашиваемому лицу,

включая подозреваемых и свидетелей, чем–либо угрожать, что–либо обещать или намекать под страхом признания добытых доказательств недопустимыми [42].

В западных странах существует целый институт защиты от самооговора. Любая форма давления, любая форма фактического заблуждения признаются недопустимыми со всеми вытекающими последствиями для собранных по делу доказательств*[5].

3. *Обеспечение независимости и беспристрастности судебного разбирательства.* Независимость и беспристрастность при отправлении правосудия во всем международном пространстве признается чрезвычайно важной предпосылкой отправления подлинного правосудия.

Независимость суда должна контролироваться по отношению к любому внешнему воздействию. Это может быть опосредованное влияние должностных лиц, имеющих высокое положение в обществе либо большой личный авторитет, а также попытка заинтересовать состав суда в исходе дела со стороны самих сторон либо их судебных представителей.

Под беспристрастностью обычно принято понимать отсутствие рисков предвзятого отношения к делу. Но такое понимание не учитывает наличие многочисленных предубежденностей, основанных на личном судейском опыте, который сформировался как результат неправильного понимания характера спорных отношений. Если такого понимания не наблюдается и в дальнейшем, то беспристрастность с неизбежностью превращается в общее место, красивый лозунг, за которым отсутствует какое–либо содержание. Поэтому следует различать предвзятое отношение к фабуле дела и предвзятое отношение к лицам, участвующим в деле [11, стр. 100]. Последнее несет наибольшую опасность для правосудия.

Для реализации принципа независимости и беспристрастности судебного разбирательства Верховный Суд Греции обращает внимание на обязанность судей без напоминаний сообщать обо всех фактах, которые ставят под сомнение судейскую независимость и беспристрастность. Такая обязанность возлагается под страхом наказания за несоблюдение этих требований и возложения обязанности по возмещению убытков [31, стр. 443].

В российском опыте подобная практика отсутствует. Судьи осуществляют профессиональную деятельность на постоянной основе и в режиме несменяемости. Поэтому целесообразно законодательное закрепление его обязанности сообщать по собственной инициативе обо всех обстоятельствах, в силу которых могут возникнуть сомнения в его независимости либо беспристрастности по признаку особого отношения к участникам судебного разбирательства.

4. *Анализ средств достижения справедливости судебного решения.* В международном опыте отправления правосудия справедливость судебного решения ставят в непосредственную зависимость от справедливости судебного разбирательства, то есть достаточных гарантий его надлежащего осуществления. Судебное решение признается закономерным результатом безупречного рассмотрения судом заявленных требований.

Анализируя зарубежный опыт отправления правосудия, следует выделить применяемые средства достижения справедливости судебного решения. Первое из них сводится к тому, что суд имеет возможности для управления делом со стадии его принятия к производству и подготовки к слушанию. Прошло то время, когда полное невмешательство суда в развитие состязательного процесса признавалось фундаментом справедливого судебного разбирательства. Например, в Великобритании на совещании о статусе дела в судебных учреждениях разрабатывается график его рассмотрения, порядок судебного разбирательства и план раскрытия судебных доказательств. Могут быть установлены предельно допустимые сроки для представления другой стороне и суду доказательств в полном объеме. На досудебном совещании рассматриваются досудебные заявления и ходатайства, круг обстоятельств, которые подлежат доказыванию, а также досудебные возражения против представленных доказательств. Управление делом признается основой судебного разбирательства, особенно времен той процессуальной реформы, которую связывают с именем лорда Вульфа [38, p. 335-337].

Активность суда в управлении ходом судебного разбирательства была весьма характерна и для отечественного правосудия (для всего советского, а также постсоветского исторического периода, включая современность).

Второе условие достижения справедливости

судебного решения определяется наличием стадии подготовки дела к судебному разбирательству.

В отечественном опыте подготовка дела к слушанию во все времена признавалась необходимой и обязательной стадией даже в тех судебных инстанциях, в которых законодатель не закреплял ее нормативными средствами [2]. Вместе с тем, результаты деятельности английского суда на стадии подготовки дела к слушанию отличаются особой щепетильностью. Они связаны с полной определенностью в предмете спора, предмете доказывания и пределах раскрытия судебных доказательств [46].

В отечественном опыте также следует сосредоточить внимание на достижении подобных результатов подготовки дела к слушанию. Стороны могут как угодно трактовать предмет спора и предмет доказывания. Очень часто их представления по указанным поводам не совпадают с тем, что под ними понимает суд.

Поэтому отсутствие конкретизации названных элементов судопроизводства со стороны председательствующего по делу влечет отсутствие эффективного судебного разбирательства в первой инстанции. Это показатель может иметь нулевое значение. Проверочная инстанция вынуждена будет всю работу начинать с самого начала, если она обнаружит масштабы катастрофического положения дел, возникшего не по вине лиц, принимавших участие в первичном судебном разбирательстве [10, стр. 14].

Не понимая предмета спора и предмета доказывания, не имея представления о действительном составе юридически значимых фактов и достаточных пределах в собирании, а также последующем раскрытии доказательств, стороны не смогут целенаправленно защищать свои интересы. И процедуры состязательности будут здесь бессильны, поскольку они окажутся в подвешенном состоянии, оторванном от той почвы, на которой возникли спорные отношения [12].

Третье условие достижения справедливости судебного решения определяется простором судебного усмотрения в оценке представленных доказательств и при реализации дисциплинарных мер (санкций) по отношению к сторонам.

Судебное усмотрение в странах общего права имеет свою специфику. Но в этой части отечественная процессуальная доктрина превосходит самые лучшие зарубежные образцы, поскольку вводит внутренние и внешние пределы подобного усмотрения, привнося тем самым определенность и предсказуемость текущих судебных оценок, а также итоговых выводов. Дело остается за малым, а именно за последовательным внедрением этих критериев в судебную практику.

Суд не вправе игнорировать доказательства и доводы сторон, оставить их без внимания, судебной оценки либо ограничиться слишком общей оценкой. Общая оценка не позволяет понять, почему принято то или иное решение*[6].

Судебная оценка имеет отношение и к пониманию применимого права. В этой части традиции общего и континентального права также длительное время расходились между собой существенным образом.

После признания верховенства права, пришедшего на смену верховенству закона, имеются все основания для максимального сближения опыта отправления правосудия в странах общего и континентального права [5, стр. 28].

Если мы посмотрим на нарушенное право как на первичное явление, то в этом случае непременно зададимся вопросом о том, какой закон следует применить для его защиты и восстановления, какое надо дать толкование данному закону либо совокупности законов, чтобы нарушенное право было восстановлено максимально в полном объеме.

Отечественная правосудная деятельность до настоящего времени испытывает немалые сложности на пути реализации постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 года № 5 в редакции от 5 марта 2013 года «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров», в котором идея верховенства права была перенесена из сферы доктринальной и законодательной в плоскость практической судебной деятельности.

В английском процессе, в отличие от нашего отечественного опыта отправления правосудия, нарушения закона влекут большее количество санкций. Санкциями могут выступать отступления от общих правил, связанных с распределением судебных расходов, приостановление производства по делу, исключение из общего списка отдельных требований либо возражений вплоть до их полного состава.

В отечественных традициях возможность

перераспределения судебных расходов как разновидность процессуальной санкции используется нечасто. Возможность приостановления производства по делу в связи с виновными действиями самого истца не предусмотрена, что содержит потенциал полезного заимствования. Исключение требований либо возражений в качестве процессуальных санкций не характерно для наших отечественных традиций [29, стр. 46].

Проблемы, связанные с разработкой процессуальных санкций, в нашей отечественной практике требуют самостоятельного развития в том виде, в котором они необходимы для более эффективного отправления правосудия. С учетом зарубежного опыта можно сказать, что рассмотрение вопроса об их применении в отдельном судебном заседании с вызовом сторон крайне отрицательно сказывается на общих сроках рассмотрения дела.

С другой стороны, заслуживает внимания тот опыт, в соответствии с которым санкции действуют автоматически, а вопрос об освобождении от них рассматривается судом по заявлению заинтересованной стороны с заслушиванием доводов каждого лица, участвующего в деле.

Пятое условие надлежащего отправления правосудия связано с наличием универсальной системы обжалования судебных актов, которая стимулирует судей к дополнительному самоконтролю, стремлению избавить себя от критики со стороны коллег вышестоящей судебной инстанции. Это обстоятельство признают дополнительной гарантией справедливого правосудия. Она существует не только в зарубежном, но и российском опыте. Однако важно проследить за фактическим наполнением деятельности проверочных судебных инстанций [7, стр. 11].

Следом за первой инстанцией, обязанной дать оценку каждому доказательству и всей их совокупности, каждому доводу, с которым суд не соглашается, каждому доказательству, которое суд исключает, следует повторная проверочная судебная деятельность на обозначенном правовом поле. Именно она служит гарантиям справедливости, которые несовместимы с оставлением без исправления даже малой судебной ошибки.

В отечественных условиях первая судебная инстанция может ограничиться краткой мотивировочной частью только в том случае, когда абсолютно уверена в отсутствии связи с предметом спора и предметом доказывания многочисленных объяснений, показаний, иных доказательств, собранных по инициативе сторон. При этом она должна принять на себя все риски и всю ответственность за рассмотрение дела по сокращенной программе.

Отечественной доктрине следует обратить внимание на целый ряд других правил, сложившихся как данность в уголовном и гражданском судопроизводстве зарубежных стран, к числу которых можно отнести следующий открытый перечень:

- обязательность проведения всех следственных мероприятий, предусмотренных законом;
- строгий контроль за соблюдением права на физическую неприкосновенность за теми изъятиями, которые установлены в законе;
- дискретное право судьи исключить то или иное доказательство, если его использование в суде повлечет несправедливые последствия для обвиняемого лица;
- обязательность разъяснения права хранить молчание, особенно до начала судебного разбирательства;
- увеличение полномочий для органов предварительного расследования только при раскрытии преступлений террористической направленности;
- особое внимание среди всех прав и свобод человека и гражданина к личной свободе как наиболее важной;
- развитие процессуального института, обеспечивающего реализацию права на защиту от необоснованного задержания либо ареста;
- право задержанного лица знать основания для своего задержания и право на безотлагательную встречу с адвокатом;
- право арестованного лица на незамедлительное ознакомление с предъявленным обвинением;
- право на незамедлительное освобождение арестованного лица при отсутствии, по оценке суда, достаточных оснований для задержания или ареста;
- право подозреваемого лица хранить молчание и при полном несогласии с предъявленным обвинением, что не свидетельствует о признании им своей вины;
- внимательное отношение к показаниям, которые даны одним подсудимым против

другого подсудимого в рамках рассматриваемого дела, а также при поступлении в суд заявления по поводу их дачи под принуждением;
- соблюдение правил правового иммунитета, которые гласят, что сведения, относящиеся к тайне личных переговоров, не подлежат разглашению, если они важнее, чем раскрытие доказательств по рассматриваемому делу*[7];
- исключение доказательств из предъявленного обвинения, если они собраны с нарушением воли подозреваемого лица, что свидетельствует о приверженности доктрине исключительной добровольности даваемых показаний*[8];
- приоритетная обязанность государственного обвинения в устранении каждого сомнения, связанного с причастностью обвиняемого лица в совершении инкриминируемого ему деяния;
- обязанность органа предварительного расследования представить суду все собранные по делу доказательства, включая те, которые указывают на невиновность подсудимого;
- необходимость в государственных защитниках, то есть адвокатах, оплата деятельности которых осуществляется государством;
- рассмотрение вопросов о допустимости отдельных доказательств в самостоятельных судебных заседаниях, особенно по тем делам, которые отнесены введению присяжных заседателей;
- комплекс процессуальных прав обвиняемого лица рассматривается с точки зрения не декларации, а реализации, при которой родственники не имеют никакого беспокойства по поводу нормальных условий содержания лица, заключенного под стражу;
- гарантированное проведение очных ставок и перекрестных допросов свидетелей, дающих показания в пользу обвинения, а также показаний, даваемых с чужих слов, по инициативе обвиняемого лица;
- обязанность органа предварительного расследования представить суду доказательства виновности лица, которому инкриминируется содеянное, и в том случае, когда последним даны признательные показания на добровольной основе;
- ограничения прав только на основании императивных требований закона, поэтому каждое заявление о нарушении прав обвиняемого лица представителями публичной власти должно быть рассмотрено именно с этой точки зрения;
- презумпция невиновности предполагает право обвиняемого лица уклониться от участия в предварительном расследовании и судебном следствии;
- обязанность суда обеспечить равновесное состояние процессуальных прав, предоставленных обвиняемому лицу, поскольку их минимизация опасна для прав человека, а безмерное толкование породит возможность всякий раз избегать наказания. И то, и другое породит умаление авторитета судебной власти;
- судебный контроль при собирании необходимых и достаточных доказательств в рамках заявленного спора;
- использование национального закона лишь в увязке с общепризнанными правами человека;
- подробное рассмотрение и соблюдение гарантий в реализации права на справедливое судебное разбирательство [9, стр. 86];
- право суда на отказ в принятии доказательств, если они противоречат другой объективной информации, а потому вызывают обоснованные сомнения в их соответствии действительности;
- обязанность суда провести все исследования доказательств, направленные на исключение и предупреждение ошибки, в том числе применительно к оценке экспертного заключения (рецензии на заключения экспертов);
- возможность принятия немотивированного решения только по мелким искам (при отсутствии по ним жалоб), а также по делам, решение по которым принимаются присяжными заседателями;
- исключению подлежат доказательства, которые способны побудить суд к принятию несправедливого решения или иным образом повредить правосудию*[9].

Самое большое количество правил справедливого отправления правосудия связано с

недопустимостью понуждения обвиняемого лица к даче показаний. Очень важен акцент, наблюдающийся в опыте Сингапура. Здесь исключению подлежат все доказательства, связанные с дачей показаний, если они не прошли проверку на предмет добровольности [42].

Рассуждения по поводу справедливого рассмотрения дела, обеспечивающего общественное доверие к суду, звучат достаточно неопределенно и размыто, поскольку не имеют осязаемого содержания, основанного на конкретных критериях.

Поэтому в ходе реформирования процессуального законодательства зарубежные специалисты пытаются разработать гибкую систему оценок, при наличии которых судья приобретает дискреционные полномочия, связанные с исключением тех или иных доказательств вне зависимости от характера дела и тяжести совершенного преступления.

Судьи должны быть беспристрастными профессионалами. Но ни в одной стране мира население за ними пока такие качества в полной мере не признает [27].

Кроме того, государство не желает утрачивать своего права на формирование судебной политики. В этих целях во всех развитых странах созданы министерства юстиции (Англия, США, ФРГ и др.). Всеми признается принцип разделения властей, но не в примитивном виде их полного противопоставления.

5. *Деятельность проверочных судебных инстанций.* По опыту европейских стран необходимость проверочной инстанции диктуется самой идеей вышестоящего контроля за качеством работы суда первой судебной инстанции. Если первая судебная инстанция провела разбирательство полно, высветив и правильно разрешив на правовом поле все спорные проблемы, возникшие между сторонами, то обращение в проверочную судебную инстанцию далеко не всегда является необходимостью.

Периодически становится популярной идея о том, что вышестоящие судебные инстанции необходимы только для рассмотрения крупных дел. Мелким искам там делать нечего.

Подобную идею следует признать глубоко ошибочной, поскольку отсутствие гарантий судебной защиты по мелким искам еще в большей степени дискредитирует идею правосудия, чем по крупным делам. Особенно убедительно это выглядит в тех случаях, когда суд не смог разобраться в обоснованности ничтожно малого иска. У населения в этом случае возникают вполне предсказуемые сомнения в том, можно ли суду доверять боле сложные дела.

Вместе с тем, следует согласиться, что мелкие иски не требуют использования гражданской процессуальной формы со всеми имеющимися в ее арсенале сложными процессуальными институтами. Такие дела требуют упрощенного порядка судебного разбирательства.

Регламент Европейского Союза от 11 июля 2007 года относит к категории небольших (мелких) исков гражданские и торговые дела, имеющие сумму иска не свыше 2 тысяч евро. Сюда же относятся дела, посягающие на личные права, трудовые споры, связанные с социальным обеспечением, брачно–семейные, наследственные, алиментные, а также налоговые, таможенные, иные административные дела и даже дела о банкротстве.

Для подачи заявлений по мелким искам достаточно заполнить единый формуляр, состоящий из десяти частей, среди которых имеются как основные, так и факультативные графы [34, стр. 463].

Рассмотрение таких дел в первой инстанции некоторых стран, например, во Франции, поручается мировым судьям, которые не являются в юриспруденции профессионалами, или судьям малой инстанции (подробнее см. [18; 19]).

Мелкие иски рассматриваются только в соответствии с письменной процедурой, то есть на основании представленных документов, поступившего отзыва на иск. Судебное заседание, на котором стороны вступают в состязательный процесс, назначается лишь в том случае, когда необходимость подобного разбирательства будет инициирована судьей. Возможно дистанционное участие в судебном заседании с использованием возможностей видео–конференц связи.

Более того, мелкие иски могут быть заявлены и в устной форме. В этом случае исковое заявление заменяется протоколом, составленным на основе устного обращения в канцелярию суда.

Во многих странах Европейского Союза [22] принятое решение подлежит немедленному (предварительному) исполнению. Законодатель признает за возможностью обжалования судебного решения одну из гарантий в реализации права на судебную защиту, но выше этого права ставит эффективность правосудия,

порождающего немедленное исполнение принятого судебного решения.

Если первая инстанция работает, как правило, безукоризненно, то нет никакого здравого смысла в том, чтобы реальное исполнение судебных решений по всем делам задерживалось до их прохождения через апелляционную судебную инстанцию.

6. *Исполнение судебных решений.* Исполнение вступивших в законную силу судебных решений является необходимым условием восстановления нарушенного права, на защиту которого направлено судебное разбирательство [37, стр. 245].

В целях повышения эффективности их исполнения во Франции применяется либеральная модель организации службы судебных приставов, которая имеет тотальное признание как более адекватная для решения задач, поставленных перед исполнителями.

Это означает, что государство не содержит огромный штат чиновников, функциональные обязанности которых связаны с исполнительной деятельностью. Традиционное для российских условий содержание для этой деятельности Службы судебных приставов выглядит анахронизмом, поскольку передача данной функции организациям, действующим на основании лицензий, при сохранении государством за собой только контрольных функций, представляет собой совершенно другую модель организации указанного вида деятельности.

Переход к частной службе исполнения судебных решений предполагает проведение реформы, сопровождающейся масштабными организационными мероприятиями, подготовкой целой базы законодательных актов. Поэтому возможен и постепенный переход от государственной службы к частной, на период которого могут параллельно действовать те и другие.

Переходный период, в частности, необходим потому, что даже разработанная правовая база требует апробации, преодоления всевозможных пробелов и противоречий, максимально точного приспособления под нужды специфической деятельности по исполнению юрисдикционных актов*[10].

Кроме того, необходимо время для подготовки рабочих мест, создания необходимой инфраструктуры, а также конкретизации полномочий, допустимости их делегирования другим приставам, определения правового статуса новых участников исполнительного производства, обучения их не только исполнительной деятельности, но и составлению отчетов о проделанной работе. Все это необходимо для предупреждения каких–либо рецидивов, вызванных отрицательным, нецивилизованным опытом деятельности коллекторских агенств.

Чтобы убедиться в выгодах частной формы организации службы судебных приставов либо скрытых изъянах, необходимо рассмотреть те доводы, которыми оперируют ее сторонники не только на доктринальном, но и практическом уровне:

- без эффективной реализации права на исполнение судебного решения в разумный срок невозможно создание условий для восстановления нарушенной справедливости;
- необходимость в исполнителях судебных решений существует ровно настолько, насколько в них возникает потребность, поэтому негосударственная форма организации исполнительной деятельности позволяет обеспечить более лабильное ее регулирование;
- из многочисленных исследований можно убедиться в том, что при наличии у судебного исполнителя статуса должностного лица при равных условиях исполнимость судебных решений снижается в два раза [6];
- отсутствие результата исполнительной деятельности может быть обусловлено только изменившейся обстановкой (не связанной с намеренными действиями самого должника), его неплатежеспособностью либо дипломатическими иммунитетами;
- повышение гарантий исполнимости судебных решений положительно влияем на правопорядок, доверие населения к суду и государству;
- доверительные отношения между кредитором и лицом, осуществляющим специализированную деятельность по взысканию долгов, в большей степени обеспечивают возможности для сотрудничества между ними;
- либеральная модель деятельности организаций, занятых исполнением судебных решений, позволяет в большей степени

гармонизировать отношения между сторонами, а также их взаимоотношения с государством;
- исполнительная деятельность не может быть обусловлена предварительной оплатой оказываемых услуг;
- исполнительная деятельность должна соответствовать постоянно меняющимся, но самым передовым стандартам, устанавливаемым государством, в том числе связанным с надлежащим извещением заинтересованных лиц всеми доступными техническими средствами, а также использованием электронной формы передачи информации;
- либеральная модель построения системы исполнительного производства позволяет организовать работу более оперативно и эффективно, заставляет задуматься над возможностью осуществления исполнительных действий по так называемым бесспорным искам до вынесения судебного решения с последующим обращением за судебной защитой лишь при наличии в том необходимости;
- профессиональная деятельность по исполнению судебных решений развивается и усложняется по мере развития экономических отношений, что более комфортно в условиях либеральной, а не чиновной модели [28];
- свободная профессия позволяет относиться к ней творчески, а не рутинно, обмениваться опытом, создавать самые эффективные модели (алгоритмы) исполнительской деятельности в зависимости от ее видов;
- лица, наделенные полномочиями на основании лицензии, обязаны действовать с той же осмотрительностью, которая характерна для деятельности государственных органов, их должностных лиц;
- служба частных судебных приставов может быть объединена в рамках профессиональной корпорации (Палаты), необременительна для государства с точки зрения финансовых затрат на ее содержание, но при этом она способна на принципах самоуправления устанавливать квоту своего личного состава, который, как показывает опыт, предполагается из расчета одного пристава на тридцать тысяч населения*[11];
- переход от государственной службы судебных приставов, занятых исполнением судебных актов, к частной требует множества регламентов, в том числе связанных с условиями выдачи им лицензий (требования к возрасту, специальному образованию, наличию необходимых знаний по особым программам подготовки, прозрачности имущественного положения и так далее) [17, стр. 34-35];
- либеральная модель предполагает для лиц, осуществляющих деятельность по исполнению судебных решений, наличие общих стандартов поведения, упрощенных процедур взыскания, свободу действий и ответственность за их неправомерный характер, обязательное наличие контрольных государственных органов;
- государство не освобождается от обязанности создания правовой базы, позволяющей даже самым незащищенным слоям населения беспрепятственно обращаться за услугами, связанными с применением исключительных полномочий по исполнению судебных решений;
- для подготовки частных судебных приставов помимо нормативной правовой базы требуется специализированное теоретическое обучение по программе, отвечающей всем проблемам реального исполнительного производства, а также обязательная стажировка (практика) минимально необходимой продолжительности;
- деятельность по исполнению судебных актов включает необходимость обеспечения частному судебному приставу доступа к служебной информации, взаимодействия с правоохранительными органами, фиксации правонарушений, препятствующих исполнительной деятельности, использования возможностей по примирению сторон на стадии исполнительного производства, консультирования и управления имуществом, использования средств массовой коммуникации, обучения компетенциям, позволяющим приступить к немедленному исполнению решения любого юрисдикционного органа;
- все участники исполнительного производства, включая судебного исполнителя,

взыскателя и самого должника, нуждаются в доступном информационном обеспечении по поводу состояния и мерах, предпринятых к исполнению имущественных обязательств;

- наряду с обеспечением дистанционного доступа ко всей процедуре исполнительного производства, его динамике и успехах (провалах) требуется создать условия для обеспечения нормальной рабочей обстановки, которую не могли бы нарушать бесконечные визиты сторон исполнительного производства, их профессиональных представителей;
- в арсенале средств частного пристава должны быть все правовые возможности для воспрепятствования укрывательству либо переводу своих активов на других лиц с целью воспрепятствования надлежащему осуществлению исполнительной деятельности;
- наличие у организации, занятой исполнением судебной решений, подробного регламента деятельности, является достаточной гарантией защиты граждан от какого–либо произвола под видом осуществления исполнительной деятельности;
- особая оперативность требуется для принятия мер по обеспечению иска, исполнения судебного решения либо обеспечения судебных доказательств, а также реализации предварительных обеспечительных мер;
- освободившись от повседневной деятельности по организации службы судебных приставов – исполнителей, государство имеет возможность заняться анализом не внешних симптомов, а глубинных причин, вызывающих сложности приведения судебных актов в исполнение;
- судебный контроль за исполнительной деятельностью связан с анализом и оценкой достаточности принятых мер, а также их адекватности поставленной цели;
- контроль государства за деятельностью лиц, занимающихся исполнительной деятельностью (частными судебными приставами) на основании выданных им лицензий необходим постольку, поскольку государство не освобождается от ответственности за вред, причиненный при осуществлении публичных функций, которые были им делегированы другим лицам;
- лицо, занятое исполнением судебных решений на основании выданной ему лицензии, может быть привлечено к дисциплинарной, административной, уголовной и гражданско–правовой (имущественной) ответственности.

Таким образом, либеральная модель организации исполнения судебных актов содержит намного больше преимуществ, чем потенциально возможных, как в любой реальной деятельности, недостатков.

Ей не следует противопоставлять иные модели исполнительной деятельности, основанные на узкой специализации, соединенной с доступом к определенным видам имущества. Как показал опыт других стран, в частности, Румынии, растаскивание единого института исполнительного производства по разным квартирам, когда появляются многочисленные исполнители (банковские, налоговые, ипотечные, имущественные и другие), представляет собой не самый удачный опыт.

Такое размывание единого института не менее опасно по своим последствиям, чем размывание судебной власти (на превентивную в виде нотариата, альтернативную в виде третейских судов) и адвокатуры (на налоговых консультантов, риэлторов, аудиторов и других специалистов).

7. *Качество и эффективность правосудной деятельности.* Качество и эффективность правосудной деятельности определяются ее справедливостью, длительностью разбирательства и результативностью исполнения принятых решений.

В США стандарты качества правосудия были выработаны в ходе дискуссии по оценке судебной работы, продолжавшейся с 1987 по 1990 годы. Всего было выработано 22 стандарта, включающие 68 критериев, по таким группам как доступность правосудия, своевременность и максимальная оперативность в работе судов, равноправие сторон в условиях беспристрастности суда, обеспечение независимости судов, доверие общества к деятельности по отправлению правосудия. К 2005 году в США упростили систему оценок качества судебной деятельности, сосредоточив внимание на сроках рассмотрения дел, длительности ожидания назначенного судебного разбирательства, достоверности материалов дела, очевидной справедливости судебного акта и некоторых других критериях,

включая удовлетворенность своей работой сотрудников аппарата, без которой ожидать лучшие образцы правосудия крайне затруднительно [23]. Аналогичные критерии используются в отечественном гражданском судопроизводстве [35, стр. 148-181].

В других странах, таких как Нидерланды, Сингапур, Финляндия, а также в России, пореформенные преобразования, связанные с повышением качества судебной деятельности, были инициированы прежде всего сроками судебного разбирательства. Однако в ходе работы по мониторингу средней продолжительности слушания дела стали проявлять закономерный интерес к беспристрастности и качеству судебного разбирательства.

В России традиционно во внимание принимается судебная статистика, отражающая процентное соотношение обжалованных и отмененных (измененных) судебных актов. Она и признается показателем качества судебной работы.

В Нидерландах проводят опросы профессиональных представителей о том, выходит ли судья в заседание подготовленным к слушанию дела, демонстрирует ли он образец честности, достаточна ли его профессиональная квалификация. Кроме того, изучается глубина мотивации принятого решения или вынесенного определения, количество поступивших жалоб, отношение судьи к сторонам, продуктивность судебных заседаний, контроль со стороны судьи за движением дел, их плановым рассмотрением.

Опросы проводятся постольку, поскольку судебная деятельность оценивается как разновидность государственных услуг. Судебная власть осуществляет диагностику собственной судебной системы экспертными заключениями и мерами оперативного контроля с помощью табличного вычленения наиболее важных параметров.

Доверие населения к судебной власти воспринимается не как политический лозунг, а вполне реальный стимул в работе. Ради этого показателя вносится множество изменений в действующие нормативные правовые акты организационного и процессуального характера.

В чем-то похожие исследования, имеющие отношение к качеству отправляемого правосудия, проводятся и в отечественной судебной системе [24, стр. 4]. Изучаются показатели доверия к правосудию, внимательного отношения к лицам, участвующим в деле, со стороны судей и работников аппарата, сроки рассмотрения заявленных споров, относительные величины исполнимости судебных решений.

Весьма благоприятное влияние на доверие к суду имеют размещения в открытом и общедоступном виде принятых судебных решений. Цифровые технологии и базы данных содержат всю необходимую пользовательскую информацию, что само по себе способствует формированию единой судебной практики, предсказуемости судебных решений.

Следует обратить внимание на то, что отзывы о российских судьях и судах в информационном пространстве присутствуют, но имеют только разовый и случайный характер [20]. Если перенять полезный зарубежный опыт, то короткие отзывы о каждом судебном заседании по карточной форме, размещаемой на сайте суда, стали бы постоянным индикатором, использование которого весьма полезно отразилось бы не на результатах разбирательства по конкретному делу, а на развитии судебной системы в целом, повышении качества и оперативности в ее работе.

С качеством судебной работы тесно связано достижение конечных целей судопроизводства, а именно защита и восстановление нарушенного права.

Необходимые условия для вынесения справедливого судебного решения и результативности исполнения судебных актов оценивались выше. Поэтому необходимо более подробно рассмотреть рациональные подходы к темпам судебного разбирательства.

Безусловно, скорость прохождения документов через судебное учреждение не является самоцелью [3]. Однако на себя обращают особое внимание два других обстоятельства.

Первое связано с рассмотрением простых по своему составу дел. Если их рассматривать по общей процедуре, являющейся для этих дел чрезмерно утяжеленной, то будет наблюдаться искусственное сдерживание правосудного результата. Необходимо определить более широкий круг дел либо условий, при которых споры должны рассматриваться в упрощенном прядке. Тем более, заявления, не содержащие спора.

Второе обстоятельство связано с тем, что сложные дела рассматриваются чрезмерно долго не потому, что именно столько времени требуется

для их осмысления, а исключительно в связи с множеством судебных заседаний, каждое из которых требует оповещения участников судебного разбирательства.

Если гражданское дело откладывается пять раз на один месяц, то нагрузка, исчисляемая их общим количеством, от этого не меняется. Из данного любопытного факта следует совершенно другой вывод. Он связан с тем, что при отсутствии проблем с информированием (оповещением) каждое из самых сложных дел при прочих равных затратах времени и сил могло быть рассмотрено в пятидневный срок.

Чтобы устранить изжившие себя препятствия на пути своевременного рассмотрения гражданских дел, необходимо использовать преимущества цифровых технологий. Для этого безотлагательно требуется:

- внедрить в судебную работу стандарты электронного правительства, позволяющего передавать информацию мгновенно и точно по адресу [25, стр. 9-12];
- заручиться согласиями адресатов на передачу им информации в электронном, то есть бездокументарном виде, на добрую волю по поводу электронного уведомления;
- широкое использование электронной почты и онлайн–серверов, принимающих большой объем информации;
- создать надежную и безопасную электронную систему, взлом которой хакерами не имел бы никакого смысла и никакой выгоды;
- при наличии возможностей переходить на отцифрованный процесс, позволяющий принимать документы, проводить их регистрацию, учет, систематизацию, хранение и выдачу копий без использования бумажных носителей.

Австрия приступила к электронному документообороту в 1990 году, Германия и Италия в 2000 году, Франция в 2005 году [30], что явно свидетельствует о неизбежной и целенаправленной мировой тенденции, которой необходимо соответствовать, а не противостоять.

Поэтому к современным средствам информационного обеспечения суда и лиц, участвующих в деле, должно быть приковано самое пристальное внимание, поскольку от этого, на первый взгляд технического вопроса зависят показатели реальной эффективности правосудия, своевременности защиты и восстановления нарушенного права.

Примечания

*1 Соображения удобства и правила международной вежливости обязывают при установлении компетентного суда принимать во внимание тесную связь сторон и предмета спора с территорией другого государства.[39, p. 39-41].

*2 Для этого суд, занятый рассмотрением заявленных требований, обязан установить наличие иного иностранного компетентного суда, доступного для сторон и предоставляющего гарантии вынесения справедливого решения. Показательными являются дело «Gulf Oil v. Gilbert», рассмотренное Верховным Судом США в 1947 г. и дело «The Belgen-land», по которому решение Верховного Суда США состоялось в 1985 году [40].

*3 В деле «Миранда против Аризоны» 1966 года Верховный Суд США разъяснил недопустимость игнорирования процессуальных гарантий, которыми располагает подозреваемое лицо, заключенное под стражу. Оно обладает привилегией свободы от самообвинения. Поэтому недопустим ментальный прессинг полицейского участка, в котором замкнутое пространство действует на психику угнетающе. Именно поэтому подозреваемое лицо имеет право давать показания только в присутствии адвоката, чтобы не сообщить того, чего он не сказал бы в обычных условиях. Еще опаснее психическое либо физическое насилие с целью получения нужных показаний.

*4 Видеозапись допроса в Великобритании регламентируется Актом о полиции и доказательствах по уголовным делам 1984 года (Police and Criminal Evidence Act) [45, article 60].

*5 Понятие европейских стран не географическое. Оно предполагает приверженность европейским ценностям вне зависимости от места своего нахождения. Это может быть и Австралия, и Новая Зеландия [32, стр. 19-43

*6 В соответствии с выводами Конституционного Суда Российской Федерации, суд не вправе ограничиваться формальной констатацией условий договора и формальным применением норм права [с201]. В соответствии с отечественной доктриной немотивированное решение является наглядным проявлением отказа в правосудии [33, стр. 23]

*7 Суд оценивает вред от раскрытия информации, относящейся к тайне личных переговоров, значение для доказывания по рассматриваемому делу, тяжесть предъявленного обвинения, наличие иных способов доказывания, позволяющих получить искомую информацию, последствия от раскрытия информации для других лиц, степень общей известности этой информации и период времени, прошедший со дня расследования события.

*8 Такая традиция ярко выражена в Англии, Израиле и многих других странах. Например, в Германии грубое обращение приравнивается к пыткам, и полученные в результате такого обращения показания автоматически исключаются из обвинения вне зависимости от их доказательственной значимости. О нарушении воли могут свидетельствовать факты физического или психического насилия, получение доказательств незаконным скрытым образом, а также с нарушением права на тайну личной жизни. Речь идет не о предоставлении доказательств принуждения к даче показаний, не соответствующих действительности, собрать которые подневольное лицо не в состоянии, а лишь об оценке обстановки, в условиях которой показания давались добровольно либо вынужденно. Указанные ограничения находятся в небывалом контрасте с такими допросами, в ходе которых используется имитация расстрела, утопления, удушения и других варварские издевательства, не признающие за человеком никаких ценностей.

Комитет против пыток, действующий при ООН, в краткой и открытой части 913 заседания, состоявшегося в Женеве 12 ноября 2009 года, с удовлетворением отметил позитивные изменения по докладу об Испании, где в 2004 году Парламентом был принят Органический закон по обеспечению комплексной защиты от гендерного насилия, в 2009 году принят Закон о праве на убежище для жертв пыток и насилия, приняты меры к улучшению подготовки сотрудников полиции и судебно-медицинских экспертов, призванных более бдительно относиться ко всем фактам насилия, жестокого обращения с лицами, находящимися под стражей [21].

*9 Такое правило установлено, в частности, в ЮАР [47].

*10 Детально проработанная программа внедрения частных судебных приставов в Германии, содержащаяся в так называемой модели Нойнбергера, заслуживает внимания, но законодатель остается на традиционных для Германии позициях [8, стр. 6].

*11 В настоящее время в Германии работает около 5 тысяч судебных приставов. Население страны составляет 81 млн. человек.

Список литературы

1. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 12 июля 2007 года № 10-П / Собрание законодательства Российской Федерации. – 2007. – № 30. – Ст. 3988.
2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 11 от 24 июня 2008 года (с последующими изменениями и дополнениями) «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» // http://www.vsrf.ru/Show_pdf.php?Id=6484
3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2007 года № 52 «О сроках рассмотрения судами Российской Федерации уголовных, гражданских дел и дел об административных правонарушениях» // http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1685378/
4. Аболонин Г.О. Гражданское процессуальное право США. – М., 2010.
5. Алексеев С.С. Общая теория права. – М., 2009.
6. Андриē Ф. Статус судебного пристава // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. – 2011. – № 9. – С. 295-297.
7. Бурмагин С.В. Роль уголовного суда в защите прав и свобод личности // Мониторинг соблюдения прав человека в Северо-Западном федеральном округе РФ. – Архангельск, 2006.
8. Бюллетень Федеральной службы судебных приставов. – 2010. – № 4.
9. Виткаускас Д., Диков Г. Защита права на справедливое судебное разбирательство в рамках Европейской конвенции о защите прав человека. – Страсбург, 2012.
10. Гражданский процесс: проверка судебных постановлений в странах ЕС и СНГ / Под ред. Е.А. Борисовой. – М., 2007.
11. Егорова О.А., Беспалов Ю.Ф. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод в судебной практике. – М., 2012.
12. Жуйков В.М. Принцип состязательности в гражданском судопроизводстве / Российская юстиция. – 2003. – № 6. – С. 26-29.
13. Захарцев С.И., Сальников В.П. Конвергенция в праве, русская ментальность и психология нищенства: философская и философско-правовая проблема // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 166-179.
14. Захарцев С.И., Сальников В.П. О конвергенции уголовно-процессуального права России и зарубежных

государств // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2015. – № 2(19). – С. 29-33.
15. Захарцев С.И., Сальников В.П. Этические проблемы в юридической науке и конвергенция // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2015. – № 5(22). – С. 9-15.
16. Здрок О.Н. Гражданский процесс зарубежных стран. – Минск, 2004.
17. Исаенкова О.В. Исполнительное производство. – Саратов, 2009.
18. Каитова А.Р. Сравнительно–правовой анализ зарубежного опыта организации деятельности мировых судей / Правовая инициатива. – 2014. – № 3.
19. Кириллова Т.К., Скрементова О.С. Институт мировых судей в России и за рубежом / Вестник Санкт–Петербургского университета МВД России. – 2005. – № 4. – С. 89-93.
20. Клеандров М.И. О совершенствовании механизма квалификационной аттестации судей // Российское правосудие – 2015. – № 6. – С. 5-12.
21. Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. Женева, 2010, 25 марта.
22. Кузнецов Е.Н. Отдельные направления унификации и гармонизации международного гражданского процесса и исполнительного производства в ЕС / Российское право. – 2009. – № 8. – С. 42-52.
23. Лавриенко И. Зарубежный опыт: методы оценки эффективности работы судов в США / http://racurs.ua/757-zarubejnyy-opyt-metody-ocenki-effektivnosti-raboty-sudov-v-ssha.
24. Левада Ю. Зависимость от исполнительной власти губит репутацию российских судов // Отношение россиян к судебной системе. – М., 2011.
25. Макаренко О.Н. «Электронное правосудие» в России // Проблемы юридической науки в условиях современного социально-экономического развития России. – Ростов-на-Дону, 2009.
26. Медведев И.Р. Гражданский процесс Англии и США: Повышение ответственности сторон за свои объяснения и действия / Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2007. – № 1. – С. 136-151.
27. Нешатаева Т.Н. Оценка профессиональной деятельности судьи: проблемы правового регулирования // Российское правосудие. – 2008. – № 11. – С. 67-78.
28. Павлова Н.В. Ускоренная судебная защита. Предварительные обеспечительные меры в коммерческом процессе. – М., 2005.
29. Попова З.М. Санкции норм процессуального права. – СПб., 2012.
30. Решетняк В.И. Электронная форма подачи документов в суд (опыт зарубежного судопроизводства) // Адвокат. – 2013. – № 4. – С. 62-70.
31. Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. – 2011. – № 9.
32. Сорокин В.В. Понятие и сущность права в духовной культуре России. М., 2007.
33. Толстухин М.Е. Между правом и целесообразностью. Методологические очерки. – СПб., 2014.
34. Ферра Ф. Сравнительное исследование французского и немецкого гражданского процесса. Европейская процедура разрешения небольших споров // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. – 2011. – № 9.
35. Фурсов Д.А., Харламова И.В. Теория правосудия. Т. 1. – М.. 2009.
36. Шах Х. Международное гражданское процессуальное право. Перевод с немецкого. – М., 2001.
37. Эффективность принудительного исполнения судебных решений и актов других органов / Под ред. Д. Валеева и А. Парфенчикова. – М., 2011.
38. Andrews N. English Civil Procedure, Fundamentals of New Civil Justice System.2003.
39. Brand R., Jablonski S. Forum Non Conveniens: History, Global Practice, and Future Under the Hague Convention or Choice of Court Agreement.
40. Case «Alpine View Co. Ltd. v. Atlas Copco”. AB 205 F.3d 208 (5th Cir. 2000). URL: http://openjurist.org/205/f3d/208.
41. Criminal Evidence Act, 1992. URL: http://www.irishstatutebook.ie/1992/en/act/pub/0012/print.html.
42. Criminal Procedure Code. 2010. Ct. 258 (3).
43. Daly Y.M. Unconstitutionally Obtained Evidence in Ireland: Protectionism, Deterrence and the Winds of Change // (2009) 19 (2) I. C. L. J. 40.
44. Fourth Amendment. Search and seizure. URL: https://www.law.cornell.edu/anncon/html/amdt4frag1_user.html#amdt4_hd4
45. Police and Criminal Evidence Act, 1984. Part VIII. URL: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1984/60/pdfs/ukpga_19840060_en.pdf.
46. Rules of evidence for United States courts and magistrates. January 2, 1975. [H. R. 5463]. URL: http://federalevidence.com/pdf/2009/Misc/1975-Pub.L._93-595_FRE.pdf.
47. S. v. Tandwa 2008 (1) SACR 613 (SCA) § 116.

БРЫЛЕВА Елена Александровна,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Пермского института ФСИН России, кандидат юридических наук (г. Пермь, Россия)
E-mail: elenbrylev@yandex.ru

Специальность 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

ТРУДОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ВОСПИТАТЕЛЬНЫХ КОЛОНИЯХ РОССИИ КАК ВАЖНЕЙШЕЕ НАПРАВЛЕНИЕ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОСУЖДЕННЫХ

Аннотация. *Рассматривается организованная трудовая деятельность несовершеннолетних в воспитательных колониях как средство возвращения несовершеннолетних осужденных к правомерному трудовому образу жизни. Приводятся конкретные примеры организации трудовой занятости в российских воспитательных колониях, отмечаются отдельные пробелы в уголовно-исполнительном законодательстве, определяющем порядок реализации права осужденных на труд.*

Ключевые слова: *несовершеннолетние; трудовая деятельность; воспитательные колонии; уголовно-исполнительная политика; ресоциализация; право на труд.*

BRYLEVA E.A.

LABOR ACTIVITY IN EDUCATIONAL COLONIES OF RUSSIA AS THE MOST IMPORTANT DIRECTION OF RESOCIALIZATION OF JUVENILE CONVICTS

The summary. *The organized labor activity of minors in educational colonies as a means of returning minors convicted to a legitimate working life is considered. Specific examples of the organization of employment in the Russian educational colonies are given, some gaps in the criminal enforcement legislation that determine the procedure for the realization of the right of convicts to work are noted.*

Key words: *minors; Labor activity; Educational colonies; Criminal-executive policy; Resocialization; right to work.*

Трудовая деятельность в воспитательных колониях России является одним из главных направлений воспитания либо перевоспитания личности несовершеннолетнего. Труд несовершеннолетними осуждёнными осуществляется коллективом. С точки зрения психологии, деятельность, которая происходит в коллективе, лучше перевоспитывает человека, а именно происходит коренное изменение системы взглядов человека на окружающую действительность [13]. Исправление воспитанников происходит в различных видах труда (производительный труд, труд по самообслуживанию, учебный труд), которые неразрывно связаны с занятиями физической культурой, досуговой, кружковой деятельностью. Для этого целесообразна временная изоляция несовершеннолетнего в пространстве воспитательной колонии, включение осуждённых в коллективный труд, работу самодеятельных организаций.

Организованная трудовая деятельность в воспитательных колониях даёт возможность для возвращения несовершеннолетних осужденных к правомерному трудовому образу жизни

в обществе.

Концепция развития уголовно-исполнительной системы до 2020 года, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации 14 октября 2010 года № 1772-р [3] в сфере трудовой деятельности и профессиональной подготовки осужденных предполагает:

- проработка возможности внедрения новых организационно-правовых форм организации производственной деятельности в учреждениях уголовно-исполнительной системы и создание дополнительных рабочих мест, в том числе на основе государственно-частного партнерства;
- приведение условий осуществления производственной деятельности в учреждениях уголовно-исполнительной системы к условиям производственной деятельности в иных организациях;
- обеспечение государственных гарантий трудовых прав осужденных, установленных Трудовым кодексом Российской Федерации [1], в том числе:
  - на условия труда, соответствующие государственным нормативным требованиям охраны труда;
  - на отдых, включая ограничение рабочего времени, предоставление ежедневного отдыха, выходных и нерабочих праздничных дней, оплачиваемого ежегодного отпуска;
  - на оплату труда в полном размере месячной заработной платы не ниже установленного минимального размера оплаты труда при полной отработке за этот период нормы рабочего времени и выполнении нормы труда (трудовых обязанностей);
  - на сохранение за осужденным рабочего места в период его временной нетрудоспособности;
- обеспечение системы основных государственных гарантий по оплате труда осужденных, в том числе в целях обеспечения выплат компенсации вреда потерпевшим и государству;
- проработка возможности повышения заработной платы осужденных с учетом выделяемых Федеральной службе исполнения наказаний бюджетных ассигнований, в том числе в связи с ростом потребительских цен на товары и услуги;
- проработка возможности увеличения размера заработанных денежных средств, направляемых на лицевой счет осужденного;
- приведение норм труда в уголовно-исполнительной системе в соответствие с типовыми отраслевыми нормами труда; проработка вопроса об исключении обязательности труда осужденных к лишению свободы;
- модернизация исходя из возможностей уголовно-исполнительной системы производственно-хозяйственной базы уголовно-исполнительной системы и повышение экономической эффективности труда осужденных;
- предоставление в соответствии с Федеральным законом «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [2] преимуществ учреждениям уголовно-исполнительной системы в целях увеличения трудовой занятости осужденных, в том числе с использованием возможности размещения государственных и муниципальных заказов на внеконкурсной основе;
- обучение осужденных профессиям в рамках реализации основных профессиональных образовательных программ и основных программ профессионального обучения, востребованным на рынке труда, совершенствование профессиональных навыков, позволяющих трудоустроиться после освобождения;
- проработка модели индивидуально-трудовой деятельности осужденных в учреждениях уголовно-исполнительной системы;
- разработка предложений по созданию условий, в том числе с использованием льгот и поощрений, для добровольного участия осужденных в любых видах хозяйственных работ, включая благоустройство территории и уборку помещений;
- активное привлечение организаций независимо от форм собственности к созданию производственных участков в исправительных учреждениях и следственных изоляторах, а также к созданию рабочих

мест за пределами учреждений уголовно-исполнительной системы;
- обеспечение участия федеральной инспекции труда в федеральном государственном надзоре за соблюдением работодателями в уголовно-исполнительной системе трудового законодательства Российской Федерации;
- модернизация исходя из возможностей уголовно-исполнительной системы материально-технической базы колоний-поселений для расширения производства сельскохозяйственной продукции;
- разработка наиболее перспективных направлений производственной деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы в целях приоритетного обеспечения потребностей уголовно-исполнительной системы и выпуска конкурентоспособной продукции;
- определение прогнозных потребностей в работах и профессиях рабочих, востребованных на рынке труда;
- осуществление профессионального обучения осужденных и обеспечение получения ими среднего профессионального образования по программам подготовки квалифицированных рабочих, служащих с учетом результатов мониторинга прогнозных потребностей в работах и профессиях рабочих в учреждениях уголовно-исполнительной системы и региональных рынков труда в целях обеспечения гарантий трудоустройства и возвращения в общество законопослушных граждан;
- обеспечение участия учреждений и органов уголовно-исполнительной системы в региональных программах, предусматривающих мероприятия по содействию занятости населения, и в системе социального партнерства государства, бизнеса, институтов гражданского общества;
- разработка и реализация основных программ профессионального обучения и программ подготовки квалифицированных рабочих, служащих с учетом региональных условий, ориентированных на потребность в определенных рабочих кадрах;
- совершенствование и развитие системы обязательного профессионального обучения или среднего профессионального образования осужденных в рамках реализации основных профессиональных образовательных программ и основных программ профессионального обучения, сохранение, передислокация, перепрофилирование и создание новых профессиональных образовательных организаций, реализующих все формы обучения, с учетом прогноза потребностей в профессиях рабочих по отраслям и регионам;
- внедрение моделей и программ развития трудовых навыков и умений, отвечающих возрастным особенностям и индивидуальным потребностям несовершеннолетних осужденных;
- проработка возможности установления особого трудового статуса занятых на производстве или обучаемых лиц, не имеющих опыта работы по специальности.

Так, в Трудовом кодексе Российской Федерации регламентируется понятие рабочего времени (времени, в течение которого работник в соответствии с правилами внутреннего трудового распорядка и условиями трудового договора должен исполнять трудовые обязанности), а также иные периоды времени, которые в соответствии с настоящим Кодексом, другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации относятся к рабочему времени [1].

Нормальная продолжительность рабочего времени не может превышать 40 часов в неделю. Сокращенная продолжительность рабочего времени устанавливается:
- для работников в возрасте до 16 лет – не более 24 часов в неделю;
- для работников в возрасте от 16 до 18 лет – не более 35 часов в неделю.

Осужденные моложе 15 лет подвергаются только общеобразовательному и профессионально-техническому обучению.

Несовершеннолетние не подлежат привлечению к работе в ночное время и сверхурочным работам, тяжелым работам, работам с вредными или опасными условиями труда и т. п. Условия оплаты производятся по общим расценкам, но на их лицевой счет зачисляется, независимо от всех удержаний, не менее 50 % начисленной им заработной платы. Питание и одежда предоставляются бесплатно.

От администрации колонии зависит

многообразие форм труда, обеспечение возможности и создание соответствующих условий для трудовой деятельности воспитанников. В результате этого воздействия предполагается возникновение у воспитанников понимания необходимости трудовой деятельности, привычки трудиться, осознания ценности своего и чужого труда. Не менее важным является приобретение первичного трудового стажа, который будет иметь значение при трудоустройстве после освобождения.

Приказ министерства юстиции Российской Федерации от 5 апреля 2011 года № 107 «Об утверждении перечня работ по хозяйственному обслуживанию воспитательных колоний, к которым могут привлекаться несовершеннолетние осуждённые [4]» указывает непосредственно администрациям воспитательных колоний перечень работ, к которым можно привлечь несовершеннолетних осуждённых. В этот перечень входят:

- резка и измельчение сырья, приготовление полуфабрикатов готовой пищевой продукции;
- выполнение на машинах или вручную операций по пошиву изделий из различных материалов;
- глажение белья;
- уборка производственных, служебных, культурно-бытовых помещений и территории;
- иные подсобные работы по хозяйственному обслуживанию воспитательных колоний и их подсобных хозяйств.

Профессиональное обучение важно для осужденных, так как большинство из них не имеют специальности. Для решения этого вопроса в воспитательных колониях созданы профессионально-технические училища. Применяются и другие формы профессионального обучения. Осужденным даются навыки по специальностям, по которым они смогут работать в колонии во время отбывания наказания, а также после освобождения.

Итак, трудовая деятельность выполняет воспитательную функцию. Основными направлениями воспитательной работы являются нравственное, трудовое, эстетическое и физическое воспитание.

Целями данной работы являются:

- исправление либо перевоспитание несовершеннолетних осуждённых;
- формирование у несовершеннолетних воспитанников уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам и традициям человеческого общежития;
- подготовка несовершеннолетних осуждённых к самостоятельной жизни в обществе.

Положительным примером может явиться организация трудовой занятости в воспитательной колонии Ижевская воспитательная колония.

В рамках совместной программы с Центром занятости населения г. Ижевска организовано трудоустройство несовершеннолетних осужденных в летний период времени на территории учреждения. Осужденные были трудоустроены на вакансии: дворник, кухонный рабочий, пекарь, подсобный рабочий. Фактически трудоустраиваются до 80-85 воспитанников. Это позволяет воспитанникам заработать личные деньги, а имеющим иски – погасить задолженность. В рамках действующих соглашений с Управлением государственной службы занятости населения по Удмуртской Республике, Министерством по делам молодежи Удмуртской Республики выдаются направления в центры занятости населения муниципального образования для содействия в трудоустройстве незанятых трудом и учебой несовершеннолетних, регулярно организуются и проводятся встречи несовершеннолетних осужденных со специалистами Молодежной биржи труда, центров занятости населения с предоставлением вакантных мест для трудоустройства подростков на весенне-летний период, проводится индивидуальное профессиональное диагностирование подростков с целью выявления склонностей и ориентированием на построение успешной карьеры в дальнейшем. С 2011 года совместно со специалистами «Мобильного центра занятости» организована профориентационная работа с несовершеннолетними, проводится компьютерная диагностика их профессиональных качеств. В 2011 году 50 человек получили рекомендации по выбору будущей профессии, в 2012 году – 46 человек, в 2013 году – 25 человек. Службой занятости населения республики осужденным оказывается помощь по специальным программам занятости: «Организация временного трудоустройства граждан, испытывающих трудности в поиске работы»; «Организация содействия самозанятости населения»; «Организация

общественных работ».

В рамках профессиональной подготовки организовано получение осужденными основного общего и профессионального образования по специальностям: штукатур, швея, оператор ЭВ и ВМ, облицовщик-плиточник, пекарь, печник, мастер столярно-плотничных и паркетных работ» (группа НПО), электросварщик ручной сварки.

В г. Санкт-Петербурге в 1993 г. при поддержке Администрации г. Санкт-Петербурга и ГУВД по г. Санкт Петербургу и Ленинградской области создано специальное предприятие ООО «Новое Поколение». В настоящее время «Новое поколение» состоит из 8 отдельных площадок, где работают и проходят социальную адаптацию более 1200 несовершеннолетних осужденных и молодежи, склонных к совершению правонарушений и преступлений.

Главной задачей «Нового Поколения» является социальная адаптация и реабилитация несовершеннолетних и молодежи, не учащихся и не работающих, в возрасте от 14 до 19 лет посредством создания и обеспечения функционирования специальных постоянных рабочих мест, выработки трудового навыка для их дальнейшей успешной социализации в современном российском обществе.

Впервые в России за 80 лет на базе исправительного учреждения для несовершеннолетних открыто производство, предназначенное для социальной адаптации и реабилитации подростков по системе А.С. Макаренко. Менее 1% несовершеннолетних, работавших на специальном предприятии «Новое поколение», совершили повторные преступления, что свидетельствует об эффективности реализуемой системы воспитания.

На социально-производственную площадку специального предприятия «Новое поколение» принимаются на работу воспитанники Колпинской воспитательной колонии, в возрасте от 14 до 19 лет, по направлениям Администрации Колпинской воспитательной колонии.

В настоящее время реализация работы предприятия «Новое поколение» проходит на основании постановления правительства г. Санкт-Петербурга от 22.05.2013 № 353 «О программе безопасный город». Комплексные меры по профилактике правонарушений несовершеннолетних и молодежи Ленинградской области» на 2013-2016 годы».

При оформлении на работу на каждого несовершеннолетнего работника заводится трудовая книжка, оформляется трудовой договор, выдается медицинский страховой полис, пенсионное страховое свидетельство; воспитанники обеспечиваются специальной одеждой, дополнительным медицинским сопровождением, а также дополнительным бесплатным питанием в буфете площадки. Заработная плата ежемесячно переводится на лицевые счета в бухгалтерию колонии. Практически все воспитанники колонии, имеющие гражданские иски, трудоустроены, и имеют возможность к погашению исков.

После освобождения из воспитательной колонии подросткам оказывается помощь в дальнейшем трудоустройстве на площадках «Нового поколения», расположенных в различных районах города и области, с возможностью проживания в социальных гостиницах при площадках, что значительно повышает уровень социальной адаптации отбывших наказание несовершеннолетних.

Ежемесячно воспитанниками колонии производится более 2500- 3000 детских настольных игр хорошего качества.

Средняя заработная плата трудоустроенных осужденных за 2014 год составляет 3600 рублей в месяц за счет увеличения числа воспитанников. На производстве оборудовано место для отдыха подростков, имеется кинозал, теннисные столы для игры в настольный теннис.

Воспитанники КВК, находящиеся на льготных условиях содержания, принимают участие в выездах с ознакомительными экскурсиями на площадки СП «Новое поколение», на спортивные праздники и соревнования, культмассовые мероприятия, организуемые Комитетом по молодежной политике Администрации г. Санкт-Петербурга.

Работа площадки специального предприятия «Новое поколение» в Колпинской воспитательной колонии регулярно освещается средствами массовой информации, в статьях корреспондентов различных газет и в информационных программах ведущих российских телевизионных каналов, таких как: «Россия», «Телеканал «100», «5-й канал», «РенТВ» и другие, а также киностудией «Леннаучфильм» [7].

Вместе с тем, исследователи отмечают и проблемные вопросы регулирования.

Так, уголовно-исполнительным законода-

тельством не определен порядок приема осужденных на работу и увольнения с работы. В части первой статьи 103 УИК РФ отсутствуют основания увольнения осужденных в части порядка их приема и увольнения при привлечении к труду, например при водворении осужденного в дисциплинарный изолятор. При увольнении осужденного и издании соответствующего приказа возникает вопрос об указании конкретной ссылки в основании увольнения на нормативный правовой акт или правовую норму [17].

При реализации права на труд возникают проблемы с получением достаточной заработной платы (что порождает, соответственно, цепочку нарушений других прав осужденных: приобретать продукты питания и предметы первой необходимости, подписываться на газеты и журналы, осуществлять телефонные переговоры и т.д); наблюдается полное отсутствие творческой инициативы подростков, а труд для них является своеобразной обязательной повинностью.

Право осужденного несовершеннолетнего на трудовой отпуск с выездом за пределы учреждения на самом деле является его законным интересом, поскольку дополняется рядом субъективных условий. В то же время ограничение на выезд осужденного в возрасте до 18 лет только при условии его сопровождения в пути родственниками, иного сопровождающего лица либо сотрудника воспитательной колонии, предусмотренное ч. 4 ст. 97 УИК РФ и п. 7.4 Правил внутреннего распорядка воспитательных колоний УИС МЮ РФ, не учитывает то обстоятельство, что имеется возможность признания несовершеннолетнего полностью дееспособным. Следовательно, указанные нормы об обязательном сопровождении несовершеннолетнего нуждаются в изменении. Наоборот, предусмотрение в ч. 8 ст. 97 УИК РФ того обстоятельства, что расходы осужденного в связи с выездом за пределы исправительного учреждения оплачиваются им из собственных средств, либо иными лицами, может быть только в отношении несовершеннолетних, которые признаны полностью дееспособными [8].

Трудовую деятельность в воспитательной колонии можно рассматривать в качестве реализации уголовно-исполнительной политики [14; 15] и уголовной политики России и в целом [5; 6; 9; 10; 11; 12; 16; 18; 19; 20].

Список литературы

1. Трудовой кодекс Российской Федерации. Ч.1, ст. 3. – М., 2016.
2. Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – № 14. – Ст. 1652.
3. Концепция развития уголовно-исполнительной системы до 2020 года (утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации 14 октября 2010 года № 1772-р (ред. от 23 сентября 2015 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. – № 43. – Ст. 5544.
4. Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 5 апреля 2011 г. № 107 «Об утверждении Перечня работ по хозяйственному обслуживанию воспитательных колоний, к которым могут привлекаться несовершеннолетние осужденные» // Российская газета. – 2011. – № 97. – 6 мая.
5. Александров А.И. Философия зла и философия преступности (вопросы философии права, уголовной политики и уголовного процесса) / Вступительное слово член-корреспондента Российской академии наук, доктора юридических наук, профессора Д.А. Керимова. – СПб.: СПбГУ, 2013. – 598 с.
6. Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. – М., 2006.
7. Брылева Е.А. Успешный опыт реализации Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года на примере Колпинской воспитательной колонии УФСИН России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Описание опыта. – Пермь: ФКОУ ВПО Пермский институт ФСИН России, 2015.
8. Брюханов А.А. Права несовершеннолетних, осужденных к лишению свободы, их реализация: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2005.
9. Гаврилов Б.Я. Современная уголовная политика России: цифры и факты. – М., 2008.

10. Кондрат И.Н. Уголовная политика государства и нормативно-правовое регулирование уголовно-процессуальных отношений: Монография. – М.: ФОРУМ, 2014. – 208 с.
11. Коробеев А.И., Усс А.В., Голик Ю.В. Уголовная политика: тенденции и перспективы. – Красноярск, 1991. – 240 с.
12. Лопащенко Н.А. Уголовная политика. – М., 2009.
13. Новиков В.А. Педагогическое сопровождение процесса трудовой адаптации подростков в воспитательной колонии: Автореф. дис. … канд. пед. наук. – Тверь, 2011.
14. Сальников В.П., Захарцев С.И., Сальников М.В. Уголовно-исполнительная политика как элемент уголовной политики современной России // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 7. – С. 71-85.
15. Сальников В.П., Захарцев С.И., Сальников М.В. Уголовно-исполнительная политика // Вестник Самарского юридического института. Научно-практический журнал. – 2016. – № 4(22). – С. 46-58.
16. Сальников В.П., Захарцев.С.И., Сальников М.В. Уголовная и уголовно-процессуальная политика // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2016. – № 3. – С 260-283.
17. Тарасова М.И., Смирнов И.С. Отдельные проблемные вопросы регулирования труда осужденных в местах лишения свободы// Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2015. – № 5.
18. Третьяков И.Л. Уголовная политика и проблемы борьбы с преступностью: Сборник статей / Под общ. ред. В.П. Сальникова. Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности. – СПб.: Фонд «Университет», 2016. – 397 с. (Серия: «Безопасность человека и общества»).
19. Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс в 10 томах. Т. 3. Уголовная политика. Уголовная ответственность / Под ред. Н.А. Лопашенко. – М.: Юрлитинформ, 2016. – 752 с.
20. Шульц В.Л., Бочкарев С.А. Двойственность понимания современной уголовной политики // Российский журнал правовых исследований. – 2015. – № 2(3). – С. 122-133.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА. МЕЖДУНАРОДНОЕ И ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО. ИНОСТРАННОЕ ПРАВО

СМИРНОВА Лариса Николаевна,
кандидат политических наук

ХАБИБУЛИН Алик Галимзянович,
профессор кафедры теории государства и права и политологии Юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, зав. кафедрой экономических и финансовых расследований ВШГА (факультет) МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)
E-mail: khabibulin-ag@mail.ru

Специальность 12.00.10 – Международное публичное право

ПРОЕКТ «ПОЯСА И ПУТИ»: ПОЛИТИЧЕСКИЕ, ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ОБОРОННЫЕ АСПЕКТЫ

Аннотация. *Рассматривается китайский проект экономического развития «Одного пояса и одного пути», который придает дополнительный импульс включению Китая в ранг мировых держав. Анализируются различные аспекты проекта: политические, экономические, военные; отмечается, что в процессе российско-китайских консультаций необходимо выработать такие варианты проекта «Пояса и пути», которые будут учитывать национальные интересы России.*

Ключевые слова: *проект «Один пояс и один путь»; Великий шелковый путь; Китай; мировая держава.*

SMIRNOVA L.N.
KHABIBULIN A.G

THE BELT AND THE WAY PROJECT: POLITICAL, ECONOMIC AND DEFENSE ASPECTS

The summary. *The Chinese economic development project "One Belt and One Way" is being considered, which gives an additional impulse to the inclusion of China in the rank of world powers. Various aspects of the project are analyzed: political, economic, military; It is noted that in the process of Russian-Chinese consultations, it is necessary to develop such variants of the project "Belts and ways" that will take into account the national interests of Russia.*

Key words: *"One belt and one way" project; The Great Silk Road; China; world power.*

Характеристикой доминирующей дискурсно-идеологической формации является её способность «натурализовать» идеологии, т.е. добиться их принятия не в качестве идеологии, а в качестве «здравого смысла». Целью критического дискурс-анализа является их «разоблачение».

Норман Фэйрклаф. «Критический дискурс-анализ»

Вместе с тем я, конечно, признаю некоторую систему эмпирической, или научной, только в том случае, если имеется возможность ее опытной проверки. Эти соображения приводят к убеждению в том, что не верифицируемость, а фальсифицируемость системы следует рассматривать в качестве критерия демаркации. <…> Эмпирическая система должна допускать опровержение опытом.

Карл Поппер. «Логика научного исследования»

Введение

С момента вступления в должность Председателя КНР Си Цзиньпина и в результате его беспрецедентной для китайского лидера личной дружбы с Президентом РФ Владимиром Путиным тесная ассоциация России и Китая стала обычным явлением в медиа-дискурсе. Более этого, эту «геополитическую пару» стали противопоставлять так называемому «коллективному Западу» [22], под которым понимаются, конечно, «Соединенные Штаты Америки и их союзники». Выстраивание взаимосвязей именно таким образом во многом способствовало всемирному коммуникационному успеху китайского проекта «Одного пояса и одного пути» в первые месяцы после его запуска Председателем Си Цзиньпином на форуме в Боао 28 марта 2015 года [17].

Китайский проект, который, вероятно, почерпнул вдохновение из более ранней американской концепции Нового Шелкового пути, почти сразу же стали описывать эпитетами «амбициозный» [26] и «грандиозный» [5], а российско-китайское сотрудничество на евразийском направлении называть имеющим «далеко идущие последствия» [25]. И хотя в китайском изложении проекта благоразумно подчеркиваются, прежде всего, экономические, инфраструктурные, культурные, а также, в последнее время, информационные [34] аспекты, образ присутствующего на военных парадах Председателя Си рука об руку с «проверенным воином» Владимиром Путиным подкрепил международную уверенность в серьёзности китайских намерений.

Китайский дискурс, по крайней мере, в публичной его части, строится вокруг обещания предоставить эффективные рецепты экономического развития, не оспаривая при этом властные рычаги местных элит в развивающихся странах. Сам Китай действительно представляет в этом отношении убедительный случай следования принципу «соблюдай то, что проповедуешь». Во-первых, сам он, являясь незападной страной, сумел освоить западную методику экономического развития в подходящей китайскому культурному вкусу её части, сохранив при этом свободу выборочно относиться к предлагаемым рецептам. Во-вторых, китайское правительство известно своим последовательно отрицательным отношением к практике изменения политических режимов насильственным путём, особенно по сценарию «снизу вверх», получившему в последние годы название «цветных революций». По мере того как становился почти бесспорным тот факт, что западные методы экономических и политических реформ привели к беспрецедентному, со времени окончания Холодной войны, росту напряженности и кризисам безопасности во всем мире, построенная таким образом китайская риторика звучит весьма привлекательно.

Несколько неожиданным результатом кампании о Поясе и Пути стало, однако, то, что грани между «интеллектуальными провокациями», призванными побудить скучающих международников креативно мыслить, и эскизами реальных дел стали стираться, а сам дискурс приобретать нарастающую военизированную окраску. В частности, несмотря на сдержанность официальной реакции, определённый резонанс в России вызвал инцидент с размещением китайских межконтинентальных баллистических ракет ракет Дунфэн-41 в районе российско-китайской границы в январе 2017 года [18].

В целом, тенденцией последних месяцев стало то, что в приведённом в замешательство от ощущения «реальности нереального», как то

перспективы возвращения гонки ядерных вооружений, и подпитанном голливудской фантастикой воображении экспертно-журналистского сообщества возникли призраки то возвращения «Эпохи Великих империй», то объединения Большой Евразии, т.е. осуществления мечты, которая на протяжении уже двух тысячелетий со времён Александра Македонского преследует европейскую историю как наваждение, а то и вовсе войны всех против всех. Не может не вызывать беспокойство, например, то, что позиционирующий себя в качестве теоретика международных отношений молодой российский эксперт Дмитрий Суслов следует в записках международного дискуссионного клуба Валдай логике публициста С.А. Караганова пишет, будто бы в современном мире существует такая «концентрация противоречий и, главное, всеобщее недовольство среди ключевых центров силы, их элит и населения», какая «обычно характерна именно для предвоенных периодов и разрешается с помощью большой войны» [20].

Как бы там ни было, следует отдавать себе отчёт в том, что принципиальным отличием лозунга «Пояса и пути» от всех предыдущих действительно стало необычное для известного своей интровертивностью Китая открытое проявление интереса к странам условных «ближнего» (страны Азии, испытавшие на себе в разные периоды времени культурное влияние китайской цивилизации) и «дальнего», вплоть до США, зарубежья. Это ставит под вопрос такие образующие вехи предыдущих эпох китайской внешней политики, как уверенность в том, что «несмотря на необратимость тенденции становления многополярного мира, «в соотношении международных сил базовым остаётся положение, характеризующееся силой Севера и слабостью Юга, силою Запада и слабостью Востока» [16, стр. 24; 24, стр. 33].

Методология: категории, понятия, литература

Официальный китайский термин “и дай и лу” в дословном переводе на русский язык звучит как «один пояс и один путь». Термин этот, однако, ещё не вполне устоялся в российском дискурсе по ряду объективных и субъективных причин. Главная из них, если оставить за скобками несколько неестественное для русского языка иностранное звучание, – это дословный повтор слова «один», который воспринимается как сознательно введённая стилистическая фигура, призванная наводить читателя на мысль, будто бы существует единственно верный ответ на вопрос о том, где и как должны проходить эти Пояс и Путь. В результате, многие российские журналисты и эксперты либо сокращают выражение, опуская слово «один» и оставляя просто «Пояс и путь», а чаще и вовсе отдают предпочтение термину «Шёлковый путь», который несёт на себе явную историческую, но отнюдь не эксклюзивно китайскую коннотацию.

Наиболее распространённым в России остаётся название «Экономический пояс Шёлкового пути», сокращаемый в виде аббревиатуры ЭПШП, т.е. термин, использованный в главном официальном документе по этой тематике – «Совместном заявлении Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути» (Совместное заявление о сопряжении ЕАЭС и ЭПШП). Кстати, строго говоря, термин ЭПШП не включает в себя морскую часть плана.

Первая в России научная монография, посвященная концепции «Пояс и путь», была подготовлена Институтом Дальнего Востока РАН (ИДВ РАН) Российской академии наук (гл. ред.: В.Е. Петровский) и вышла в свет в 2016 г. Работа названа «Новый Шёлковый путь и его значение для России», хотя, строго говоря и как уже отмечалось выше, «новый Шёлковый путь» – термин американского, а не китайского происхождения.

Монография ИДВ РАН, в целом, выдержана в дружественном, хотя и сдержанном тоне, и свидетельствует о том, что российское экспертное сообщество приняло весьма активное участие, по меткому выражению А.Г. Ларина, «в раскручивании бренда ЭПШП» [13, стр. 51], поскольку стало воспринимать его как уже существующую данность. Основную идею книги можно резюмировать следующим образом: в российском отношении к концепции «Пояса и пути» конструктивные цели (надежды на экономическое сотрудничество с Китаем) пока преобладают над соображениями безопасности (опасения России по поводу её собственной территориальной целостности в связи с вовлечением Сибири и Дальнего Востока в сферу китайского экономического влияния и по поводу приоритетов её национальной оборонной способности в связи

с проникновением Китая в регион Центральной Азии, с которым, кстати, Россия имеет протяжённость границы, вдвое превышающую протяжённость границы российско-китайской).

Ориентиром для общей оценки внешней политики КНР является монография В.Я. Портякова «Внешняя политика Китайской Народной Республики Китай в XXI столетии» [16]. Хотя она была написана ещё до официального запуска концепции Пояса и пути, по прочтении книги становится ясно, что на протяжении всей истории российско-китайских отношений проблемы безопасности, причём с двух сторон, преобладали над соображениями экономической выгоды. Если же в вопросах анализа Пояса и пути в позиции России наблюдается крен в сторону соображений экономических, то достижимо это стало, главным образом, благодаря последовательному продвижению Китаем своей приверженности стратегии «мирного развития» и «скрыванию», по совету Дэна Сяопина, своего интереса к наращиванию военной мощи.

Что касается дискурса по тематике «Пояса и пути» в российских СМИ и экспертном сообществе, то выявление достойных публикаций представляется весьма непростым делом. Во-первых, с учётом того факта, что ухудшение отношений России с Западом из-за Украины привело к беспрецедентному росту интереса и внимания ко всему, что связано с Китаем, объём освещения Шёлкового пути составляет, по данным поисковика Яндекс, десятки тысяч статей. Во-вторых, поскольку Китаю, как и России, свойственна трепетная забота о своём образе за рубежом и болезненное восприятие критики в свой адрес, в контексте «наилучших за всю историю» [11] и находящихся «на высшей точке российско-китайских отношений стратегического взаимодействия и всеобъемлющего партнерства» [9] межгосударственных отношений, российские средства массовой информации, в значительной степени, стараются избежать открыто негативного освещения Китая.

Для информационного анализа больших объёмов текста и выявления основных, в том числе, замаскированных, мыслей, мы предлагаем использовать компьютеризированный искусственный интеллект. Как отмечают в своей новой монографии «Моделирование социально-экономических процессов с использованием суперкомпьютерных технологий» сотрудники Центрального экономико-математического института Российской академии наук (ЦЭМИ РАН) В.Л. Макаров, А.Р. Бахтизин и Е.Д. Сушко [14, стр. 32], различные методы анализа текста с применением технологии Больших Данных уже используются в США, например, в разработках Калева Х. Литару [38]. Не располагая, на данный момент, технической возможностью использовать суперкомпьютерные технологии, в настоящем исследовании мы применяем метод поисковой оптимизации текста (SEO), позволяющий статистически выделять ключевые слова в документах.

Для тестирования компьютерной методики текстового анализа мы подвергли лишь небольшую выборку из шестнадцати статей, опубликованных в трёх изданиях – газете «Ведомости», газете «Аргументы недели» и на сайте «Валдай-клуба», ряда известных российских авторов (С.Г. Лузянин, А.Г. Быстрицкий, А.И. Угланов, А.Т. Габуев и др., в общей сложности 116026 слов) SEO анализу текста, в процессе которого ключевые слова идентифицируются с помощью компьютера. Выбор изданий объясняется тем, что они отражают противоположные цвета российского политического спектра (либеральный – «Ведомости» и условный консервативно-силовой – «Аргументы недели), а также попытки В.В. Путина примирить различные внутрироссийские и международные идеи в рамках Валдайского проекта. Результаты компьютерного анализа текста представлены на Рис. 1 и в Приложении 1.

Основные наблюдения

1. Признавая «Шелковый путь» китайским проектом, Россия облегчает путь Китая в ранг «мировых держав»

Разработчики китайского проекта, который включает в себя континентальный («один пояс») и морской («один путь») составляющие, по-видимому, изначально не рассчитывали в сколько-нибудь значительной степени затрагивать Россию. Первый официальный план, оглашённый на Боаоском форуме 28 марта 2015 года, обрисовывал контуры нескольких потенциальных траспортных маршрутов соединения азиатского континента с Европой и Африкой, упоминая Россию как часть только одного из них: «из Китая через Центральную Азию и Россию в Европу (Балтийское море)». Морская часть плана должна была в первую очередь сосредоточиться

на странах Юго-Восточной Азии с потенциалом расширения глубже в Тихий океан.

В России, однако, восприняли это как попытку понизить статус нашей страны до позиции «региональной», а не «глобальной» державы, что пока твёрдо считается преждевременным и неприемлемым. Первой реакцией на китайский план стала лаконичная публикация заявления вице-премьера Игоря Шувалова газеты «Аргументы недели». Дружелюбное название статьи «Россия готова к совместной работе с Китаем» сопровождается разъяснением в тексте статьи, что Россия «приветствует инициативу Китая по экономическому поясу Шелкового пути», но что к совместной работе она готова «в формате Евразийского экономического союза (ЕАЭС)» [36]. ЕАЭС, как известно, является инициативой российской.

Более откровенно пишет об этом автор «Аргументов» Сергей Рязанов: «продвижение китайских транспортных проектов многие восприняли довольно нервно, в том числе некоторые российские наблюдатели. Кое-кто даже назвал Великий шёлковый путь ударом по российскому проекту Евразийского союза и «унижением Путина», поскольку китайцы загодя с ним не посоветовались» [37].

Анализируя такую позицию российских аналитиков, уместно кратко обратиться к вопросу об определении понятия «глобальной державы», который, хоть и выходит за рамки данного исследования, являясь по сути теоретическим, однако, оказывает сильное влияние на определение Россией своего внешнеполитического курса. Действительно, «превращение Российской Федерации в мировую державу, деятельность которой направлена на поддержание стратегической стабильности и взаимовыгодных партнёрских отношений в условиях многополярного мира», определяется в качестве долгосрочной цели в Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 года.

Что отличает мировую державу в концерте государств? Например, авторы доклада Российского совета по международным делам «Азиатские игроки в Арктике», пишут, что «одним из признаков мировой державы всегда была способность проецировать государственную мощь (причём не всегда разрушительную) в любую точку мира» [3].

Говоря ещё более конкретно, статус мировой державы со времён Холодной войны определялся военной, а точнее – ядерной мощью, а ещё точнее – способностью к «взаимному гарантированному уничтожению» (по-английски – massive assured destruction, MAD), потенциалом к которому обладали в ядерном клубе только две державы, а именно – Россия и США. У других государств, конечно, могли быть свои, в частности, экономические, интерпретации понятия мировой державы. Более того, сама Россия, как говорится, «несолоно хлебавши» от гонки ядерных вооружений, неустанно стремилась к пересмотру преимущественно военной интерпретации великодержавного статуса, неустанно призывая, в том числе, и к полному ядерному разоружению [29].

Говоря откровенно, именно ядерная мощь остаётся главным показателем, по которому сегодняшний статус и влияние России в качестве мировой державы пока по-прежнему не вызывает никаких сомнений. Более того, «ядерное» определение мировой державы, собственно говоря, выгодно России, так как позволяет говорить не о «превращении» её в глобальную державу (как скромно сказано в Стратегии национальной безопасности), а скорее о «поддержании» её статуса таковой.

Как мы уже отмечали ранее [33], «Совместное заявление о сопряжении ЕАЭС и ЭПШП» от 8 мая 2015 года следует рассматривать как значительный дипломатический прорыв. Достигнутый в атмосфере патриотичекой волны, вызванной празднованием 70-й годовщины Победы во Второй мировой войне, он по существу предложил формулу равенства между российской и китайской инициативами, в отличие от изначальных намерений рассматривать китайский план в качестве одной из инициатив в рамках российской структуры.

Подчеркнём, однако, что Совместное заявление было сделано на основании российской уверенности в приверженности Китая им же самим задекларированного мирного пути своего развития. И хотя за Совместным заявлением и последовала экспертная дискуссия на тему о том, насколько оно является знаком согласия России на расширение китайского присутствия в Центральной Азии [33], до недавнего времени в российском дискурсе почти отсутствовали соображения оборонной безопасности российских границ.

По нашему мнению, однако, и в свете очевидного роста китайской военной мощи [35], вопрос о том, каким же всё-таки образом – военным или мирным – Китай понимает свой вновь обретаемый великодержавный статус, ни в коем случае нельзя преждевременно снимать с повестки дня. Напомним, что протяжённость российско-китайской границы – 4 209,3 километра, а российско-казахстанской – почти в два раза больше, 7 598,6 километра [7]. Таким образом, даже без учёта частично охраняемой российскими пограничниками таджико-афганской и китайско-киргизской границ, рост китайского контроля в Казахстане увеличит протяжённость российско-китайского приграничного соприкосновения, а следовательно – необходимость пограничной защиты – почти в 3 раза.

2. Подходят ли для России китайские экономические рецепты?

Китайцы, известные, по разным определениям, меркантильностью, материалистичностью, приземлённостью, практичностью или прагматизмом мышления, подчеркивают, что реализация их плана принесет экономическое процветание странам-участницам. Успехи Китая в повышении благосостояния собственного населения за последние тридцать пять лет действительно выглядят со стороны как неопровержимый аргумент в пользу эффективности китайских рецептов.

Прекрасно проанализированная недавно ушедшим из жизни великим китаеведом Я.М. Бергером [4] «китайская модель» исходит из предпосылки, что повышение доступности географически удаленных регионов путём развития инфраструктуры способно стимулировать экономическую деятельность населения в этих местах. Китайская модель действительно доказала свою эффективность в районах с высокой плотностью населения и скудными природными ресурсами. Вероятно также, что существует ассоциативная, хотя и не обязательно причинно-следственная, взаимосвязь между успехом этой модели и культурной однородностью китайского населения, так как люди в таких условиях вынуждены сотрудничать, чтобы не просто максимизировать свою прибыль, но обеспечить элементарное выживание. Еще задолго до китайского экономического чуда, эскиз этой модели был очерчен купцами Хакка из южных провинций Китая, добившихся значительного делового влияния, прежде всего, в регионе Юго-Восточной Азии.

Однако как показали постсоветские реформы и, в частности, опыт «шоковой терапии» в России 1990-х, расчёт на то, что предпринимательский потенциал народа будет развиваться сам по себе, как только у него появится выход к внешнему миру, не оправдался. Экономики России (как и Центральной Азии) основаны, в первую очередь, на эксплуатации природных ресурсов. В результате, нашим странам удаётся обеспечить своему населению материальные стандарты жизни, которые варьируются от уровня «прожиточного» до уровня «зажиточного», в зависимости от региона, но, с точки зрения как ожиданий населения, так и реально достигнутого, вероятно, всё-таки остаются выше китайских стандартов.

Учёные и политики, занимающиеся сравнением макроэкономических показателей, подчастую забывают о показателях микроэкономических. Для полноценного сравнения российского и китайского уровней жизни необходимо, однако, помимо уровней ростов ВВП, соотносить такие показатели как, например, доступ к здравоохранению (российские государственные гарантии бесплатного здравоохранения по-прежнему остаются в Китае недостижимой мечтой и предметом зависти); доступ к образованию и его качество (нормальной в Китае считается ситуация, когда в школьных классах теснятся по 60, а то и 80 учеников); качество продовольствия и природоохранные показатели (загрязнение воздуха и истощение почв в Китае уже стали притчей во языцех); продолжительность рабочей недели и предоставление оплачиваемых отпусков, в т.ч., ежегодных, по болезни, беременности и родам (практически недоступны для подавляющего большинства населения Китая); наличие пенсионного обеспечения (в Китае оно также отсутствует за исключением государственных служащих). И даже если вопрос о современных уровнях благосостояния в России и Китае относится к разряду спорных, уж с абсолютной уверенностью можно утверждать, что постсоветские стандарты благосостояния в разы выше стандартов Китая 35-летней давности, т.е. тех условий, для выхода из которых была разработана и запущена «китайская модель».

В современных российских условиях отнюдь не очевидно, будет ли улучшение транспортной

инфраструктуры подмогой российским предприятиям в выходе на зарубежные рынки и максимизации прибыли или же, наоборот, только увеличит конкуренцию по контролю над ресурсами. Конечно, можно отчасти согласиться с теми китайскими знатоками России, которые полагают, что наличие природных ресурсов создаёт в России мышление по типу «Запретного города». Наверное, правы и те китайские экономические эксперты, кто критикует российские деловые отношения за «лень», нежелание работать в случае неудовлетворения ожиданий весьма щедрой прибыли и «высоко фракционную ментальность» (беседы автора с экспертами из Китайской академии общественных наук; кстати, на тему ассоциативной связи между фракционизмом и природными ресурсами существует серьёзная экономическая литература, в которой это явление получило название «природоресурсного проклятия») [8; 32]. И как бы там ни было: «Там, где много комаров (в Сибири), там много и газа, и нефти» (Рис. 1) [21].

3. В процессе российско-китайских консультаций необходимо выработать такие варианты проекта «Пояса и пути», которые будут учитывать национальные интересы России

В ответ на китайский проект в России оживилось обсуждение различных вариантов развития инфраструктуры на пространстве Евразии, среди которых необходимо выбрать и согласовать проекты, в наибольшей степени учитывающие интересы национальной безопасности России.

При принятии внешнеполитических решений представляется целесообразным ознакомиться и с мнением российских экспертов в области национальной безопасности, с точки зрения которых вновь возложенную на себя Китаем «миссию» по развитию траспортных коммуникаций на территориях за пределами его юрисдикции вполне можно рассматривать в качестве «явной или скрытой мотивации» для потенциального «навязывания своей воли» другим и «оправдания себя и своих действий» в отношении «покоряемых народов» [23, стр. 58-59]. С этой точки зрения, китайская программа содержит в себе вполне ощутимый риск оказаться новым, хотя, отдадим должное китайским стратегам, достаточно оригинальным и убедительным звеном, в цепи идеологических установок на установление контроля над природными ресурсами путём вмешательства в дела других государств, варьировавшихся в разные исторические эпохи и ранее включавших в себя как низменные так и благие цели, среди последних из которых – использование в этих целях тематики демократии и борьбы за права человека.

Например, между альтернативными железнодорожными путями, которые могли бы связать Китай с Европой, китайцы предпочитают варианты Центральной Азии, в то время как россияне предпочитают придерживаться транссибирских.

Рис. 1. Ключевые слова по теме «Пояс и путь» на основе компьютерного анализа источников

Две сибирские ветки железной дороги (Транссиб и БАМ) исторически были построены ценой огромной затраты людских и экономических ресурсов. С учетом сурового климата и низкой плотности населения экономическая рентабельность их модернизации на всей длине, по крайней мере, при сохранении существующих технологических и демографических показателей, справедливо подвергается сомнению [15]. Тем не менее, успешные тесты поездов китайцами в обход России (например, из Китая в Грузию через Казахстан и Азербайджан в декабре 2015 года), значительно увеличивают пока замаскированное беспокойство по поводу будущего китайско-российских стратегических отношений.

В этой связи, уместно обратиться к вопросу о том, что же конкретно понимается под знаменитой формулой российско-китайских «отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия». По определению Совместного заявления Российской Федерации и Китайской Народной Республики о новом этапе отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия [39], Россию и Китай связывает, прежде всего, общее понимание основополагающих принципов международных отношений, особенно их совместное противостояние «любым попыткам и способам вмешательства во внутренние дела» других государств и общее стремление к «твердому соблюдению основополагающих положений международного права, закрепленных в Уставе ООН». Кроме того, декларативно связывает наши страны и их обещание «оказывать друг другу твердую поддержку в вопросах, затрагивающих их коренные интересы, в том числе в обеспечении суверенитета, территориальной целостности и безопасности».

Строго говоря, не являясь международно-правовым, понятие «национального интереса» вызывает вопросы, особенно, у сторонников универсалистских толкований международных отношений. Определение национального интереса, в разработку которого внесли огромный вклад американские теоретики международных отношений [30], чаще всего используется в документах, опять же связанных с безопасностью, а именно – в «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» и в её китайском «эквиваленте» – «Законе КНР о государственной безопасности» от 1 июля 2015 года [27].

В какой-то степени, конечно, даже сам провозглашённый принцип невмешательства во внутренние дела находится в противоречии с понятием национального интереса, особенно, понимаемого в его оборонной составляющей. К формулировкам, способным вызвать «грусть идеалистов», относятся, в частности, положение российской Стратегии о том, что «развитие отношений двустороннего и многостороннего сотрудничества с государствами участниками Содружества Независимых Государств, Республикой Абхазия и Республикой Южная Осетия является для Российской Федерации одним из ключевых направлений внешней политики» (ст. 89). Спорным можно считать и положение китайского закона (ст. 11) о территориальной целостности, ставящее фактически независимый Тайвань на один уровень со специальным административным районом (САР) Гонконгом.

Как бы там ни было, российское видение центральноазиатской части Великого шелкового пути, соответствующее действующей «Стратегии национальной безопасности» [1 2], на сегодняшний день включает в себя три основных компонента:

(1) региональная интеграция в рамках Евразийского экономического союза;
(2) сочетание экономического сотрудничества с координацией по вопросам безопасности в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС);
(3) военная координация в рамках Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ).

Среди этих трёх организаций ШОС рассматривается в России в качестве основной платформы для координации с Китаем, так как только эта организация из существующих на пространстве Евразии включает в себя Китай в качестве члена. Российские эксперты уже не раз привлекали внимание к инцидентам в области безопасности в центральноазиатском регионе. Например, Тимофей Бордачев – аналитик, влиятельный в кругах Валдайского клуба, в своем докладе «Россия и Китай в Центральной Азии: большая игра с позитивной суммой», привлекая внимание к «атаке вооружённых бандитов на оружейные магазины и казармы национальной гвардии в

городе Актобе на западе Казахстана 5 июля 2016 года», делает вывод, что «ситуация в Казахстане, рассматривавшемся как образец стабильности в южной части постсоветского пространства, может резко обостриться» [6].

Насчёт того, возможно ли и стоит ли того сотрудничество с Китаем в вопросах поддержания безопасности в Центральной Азии, мнения российских экспертов расходятся. Известным сторонником военного сотрудничества вплоть до создания совместного миротворческого или антитеррористического контингента в рамках ШОС считается генерал-лейтенант в отставке, а ныне сотрудник ИДВ РАН А.Ф. Клименко [10]. С другой стороны, авторы монографии ИДВ РАН «Новый Шёлковый путь» называют это предложение «заведомо спорным» [12, стр. 129].

Наконец, что касается морского компонента «Пояса и пути» – Морского Шёлкового пути XXI века (МШП-21), то вопрос о том, насколько России следует участвовать в этом проекте, по-видимому, пока не решён. Отметим лишь, что предложенный российскими экспертами альтернативный план – Северный морской путь, который проходит через территорию Российской Арктики, несмотря на его кажущуюся экзотичность, за которую он даже заслужил в газете Financial Times прозвище «российской одержимости Арктикой» (Russia's Arctic Obsession) [31], представляется вполне разумным в свете вышеприведённой логики понятий «национального интереса» и «мировой державы». Подобно тому, как южно-тихоокеанский регион является для США и их союзников местом дислокации военных баз и ядерных вооружений [28], Арктика является таким же стратегическим регионом для России. Другими словами, не учитывая в своих планах Арктическую часть морского Шёлкового пути, китайские проектировщики, возможно, поступили правильно, ибо «военно-ядерные» границы мирового влияния России и США пока что очерчивают «мирно-экономические» планы китайской концепции Шёлкового пути. Если, конечно, целью Китая не является превращение (какой ценой?) в третью великую ядерную державу?

Заключение

В заключение отметим, что, по нашему мнению, в случае, если военная мощь Китая и особенно его ядерные амбиции будут продолжать расти, то оборонные интересы России, в конечном счёте, должны будут возобладать над экономическими. Чтобы избежать неприятных сюрпризов, фактор растущей китайской военной мощи необходимо уже сейчас начать учитывать в стратегическом планировании.

Впрочем, наш призыв «держать ухо востро» пока ещё не стоит воспринимать как призыв сильно нагнетать обстановку. Необходимо понимать, что международная популярность концепции «Пояса и пути» вероятно превзошла даже самые смелые ожидания китайских идеологов проекта. Первоначально китайские разработчики проекта, которых можно условно назвать «предвыборными политтехнологами Председателя Си Цзиньпина», скорее всего, были в первую очередь озабочены внутриполитическими проблемами, а вовсе не международными амбициями. В частности, ими преследовалась цель в очередной раз отвлечь внимание общественности от аргументов сторонников радикальной политической реформы, направив его в сторону дискуссии о «культурном возрождении китайской нации» (кит.: «чжунго вэньхуа фусин»), неразрывно связанном в Китае с древней славой имперского прошлого [19].

В свою очередь, в переживающей кризис России концепция «Пояса и пути» попала на особенно благодатную почву, быстро превратившись в предмет уже российских внутриполитических спекуляций. Приводимые в настоящей статье результаты качественного и количественного анализа публикаций по теме «Пояса и пути» в российских СМИ доказывают, что хотя концептуально запуск проекта можно считать огромным коммуникационным успехом, вызвавшим беспрецедентный всплеск связанным с ним публикаций, к настоящему времени китайская риторика сохранила лишь ограниченное влияние на содержание внутрироссийских дебатов. Дискуссия продолжает разворачиваться среди россиян, которые сделали китайскую инициативу инструментом в артикуляции своих собственных проблем, сильно похожих на переживаемые в Китае, например, в размышлениях о международной великодержавной роли России.

Приложение 1: Результаты компьютерного SEO анализа 16 статей о Шёлковом пути общим объёмом 116026 слов

Дата	Заголовок	Тэги (если есть)	Ключевые мысли, найденные компьютером
Газета «Ведомости»			
15.01.2015	Китай предпочитает Казахстан		Из $27 млрд накопленных к 2015 г. китайских прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в наиболее крупных экономиках СНГ $23,6 млрд приходится на Казахстан
19.02.2016	Евразийский союз и ШОС: в поисках источников роста		Россия пока не использует возможности экономической интеграции в рамках ШОС
20.03.2016	Запад или Восток – куда поворачивать России		Индустриализация; оборудование; возможности для внутреннего развития; Советский Союз полностью израсходовал человеческий ресурс индустриализации – российскую сельскую молодежь
15.06.2016	Пересопряжение от успехов		Лидеры стран ЕАЭС начали выстраивать прямой диалог с Китаем, что было расценено в Москве чуть ли не как предательство
21.06.2016	Сирия могла бы стать крупным центром международной торговли		Экономический пояс Шёлкового пути; мировые державы; нефть и газ; война в Сирии; международная торговля; Катар; Саудовская Аравия; Ирак
02.09.2016	«Двадцатка» важнее «восьмерки»		Для России G20 сейчас самая важная международная организация
Газета «Аргументы недели»			
09.07.2015	Китайский слон в нашей посудной лавке	ШОС, БРИКС, саммит, Уфа	США; Индия; бывший СССР; межгосударственные союзы
10.09.2015	На уроке китайского бизнеса	Пекин, Китай, форум	Тяньаньмэнь («Врата небесного спокойствия»); военный парад; войти в их систему; Председатель Си

12.11.2015	Всё идёт по БАМу	Кремль, БАМ, реконструкция, Транссиб	Реконструкция БАМа и Транссиба; пропускная способность; богатые месторождения природных ресурсов в Сибири; пошлины
24.12.2015	Там, где много комаров, там много и нефти	Якутия, сенатор, интервью	Алмазы; золото; местное население; вечная мерзлота; федеральные дотации
28.04.2016	Дао нелюбви	Поворот на Восток, сила Сибири, провал	Экспорт газа в Китай; китайские инвестиции; поставки нефти; границы; квота для китайских фермеров
04.08.2016	Партия Чингисхана: сохранит ли Россия влияние в Средней Азии	Средняя Азия, Россия, политика	Газ (в три раза больше; туркменский газ; визовый режим; «отец нации»)
Клуб «Валдай»			
02.12.2015	Евразийская модель модернизации России	Россия, Европа, Азия, АСЕАН, Шёлковый путь, ВТО, нефть, экономика	Ресурсы нефти и газа; индустриальная модель развития; система экономического регулирования; финансовая стабильность; углубление экономического сотрудничества
23.03.2016	Течение будущего	Евразия, евразийская интеграция, Россия, Китай, Европа	Новые технологии, сравнительно длительный мирный период, отсутствие серьёзных конфликтов внутри центрально-евразийского региона привели к тому, что появился шанс на развитие
24.03.2016	Россия – Китай: асимметрия или гармонизация отношений	Китай, Россия, сопряжение, конференция, АТР, ШОС, Шёлковый путь, Экономический пояс Шёлкового пути, ЕАЭС	Экономический пояс Шёлкового пути; Россия; Центральная Азия; Китай; строительство высокоскоростной железной дороги Москва – Казань; транспортный коридор Москва – Пекин
24.06.2016	Больше Китая!	Россия, Китай, сопряжение, США, Центральная Азия, Евразия, Шёлковый путь, Экономический пояс Шёлкового пути	Великие державы; международная система; внешняя политика; внутренние дела других государств

Список литературы

1 Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 года № 537 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года». Ст. 87-95 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2009. – № 20. – Ст. 2444.
2. Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2016. - № 1 (часть II). - Ст. 212.
3. Азиатские игроки в Арктике: интересы, возможности, перспективы. Доклад №26/2016 / Т.А. Махмутов и др.; гл. ред. И.С. Иванов; Российский совет по международным делам (РСМД). – М.: НП РСМД, 2016. – 56 с.
4. Бергер Я.М. Экономическая стратегия Китая. – М.: Форум, 2009.
5. Бережных Владимир. Шёлковый манифест «Один пояс – один путь» // Россия и Китай. – 2015. – 14 августа.
6. Бордачёв Тимофей. Россия и Китай в Центральной Азии: большая игра с позитивной суммой // Валдайские записки. – 2016. – № 50. – Июнь.
7. Границы России // Журнал «Отечественные записки», № 6 (7) 2002. URL: http://www.strana-oz.ru/2002/6/granicy-rossii
8. Дарон Ажемоглу, Джеймс А. Робинсон Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. – М.: АСТ, 2015.
9. Денисов А.И. (чрезвычайный и полномочный Посол РФ в Китае). Это не я выбрал китайский язык, это он выбрал меня: Интервью. 25.01.17. МГИМО (У) МИД РФ. URL: http://mgimo.ru/about/news/social/denisov/
10. Клименко А.Ф. Стратегия развития Шанхайской организации сотрудничества: проблема обороны и безопасности. – М.: ИДВ РАН, 2009. – 270 с.
11. Лавров С.В. (министр иностранных дел РФ). Выступление на Второй международной конференции «Россия и Китай: к новому качеству двусторонних отношений». Москва, 30-31 мая 2016 г. // Вторая международной конференции «Россия и Китай: к новому качеству двусторонних отношений»: итоги мероприятия. – М.: Российский совет по международным делам, 2016.
12. Ларин А.Г. Сопряжение ЕАЭС и Нового Шёлкового пути: шансы и вызовы для России // // В кн.: ИДВ РАН. Новый Шёлковый путь и его значение для России. – М.: ДеЛи плюс, 2016.
13. Ларин А.Г. Стратегия «Один пояс, один путь» : экономическое содержание, структура, идеология // В кн.: ИДВ РАН. Новый Шёлковый путь и его значение для России. – М.: ДеЛи плюс, 2016.
14. Макаров В.Л., Бахтизин А.Р., Сушко Е.Д. Моделирование социально-экономических процессов с использованием суперкомпьютерных технологий. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2016. – 183 с. ISBN 978-5-93299-357-6.
15. Медленная Россия. Кто и на чьи деньги возьмется модернизировать железные дороги // Коммерсант. – 2014. – 21 апреля.
16. Портяков В.Я. Внешняя политика Китайской Народной Республики в XXI столетии. – М.: ИДВ РАН, 2015. – 280 с.
17. «Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию Экономического пояса Шёлкового пути и Морского Шёлкового пути XXI века». Документ Госкомитета по делам развития и реформ, Министерства иностранных дел и Министерства коммерции КНР (издано с санкции Госсовета КНР). 28 марта 2015 г. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2015-03/28/content_2839723.htm
18. СМИ: Китай разместил межконтинентальные ракеты DF-41 у границы с Россией // RT на русском. 24 января 2017 г. URL: https://russian.rt.com/world/news/352979-kitai-rakety-df-rossiya
19. Смирнова Л.Н. Борьба с коррупцией и политическая реформа в КНР: международный опыт и китайская модель // Международная жизнь. – 2014. – № 8. – С. 63-77.
20. Суслов Дмитрий. Мировое устройство: quo vadis? В поисках глобального Вестфаля: Валдайские записки. Специальный выпуск. – М.: Международный дискуссионный клуб Валдай, 2016. – 16 с.
21. Там, где много комаров, там много и нефти // Аргументы Недели. – 2015. – № 49(490). – 24 декабря.
22. Тимофеев И.Н. Россия и коллективный Запад: новая нормальность: рабочая тетр. №32/2016 / Гл. ред. И.С. Иванов; Российский совет по международным делам (РСМД). – М.: НП РСМД, 2016. – 36 с.
23. Хабибулин А.Г., Селиванов А.И. Стратегическая безопасность Российского государства. Политико-правовое исследование. – М.: Формула права, 2011.
24. Чжан Сяотун. Ху Цзиньтао шидай гуань дэ чжунго чжучжан: [Позиция Китая в концепции современной эпохи Ху Цзиньтао] // Ляован. – 23.11.2009.
25. Шпангер Ханс-Йоахим. Поворот России на Восток, поворот Китая на Запад: взаимодействие и конфликты на Шёлковом пути: Валдайские записки № 47. – М.: Международный дискуссионный клуб Валдай, 2016. – 28 с.
26. Яшлавский Андрей. Шелковый путь 2.0: Китай предлагает миру амбициозную стратегию // Московский

комсомолец. – 2016. – № 27189. – 29 августа.
27. Чжунхуа жэньминь гунхэго гоцзя аньцюань фа, 1 июля 2015 г. URL: http://npc.people.com.cn/BIG5/n/2015/0710/c14576-27285049.html
28. FT Chinese, November 23, 2016. URL: http://www.ftchinese.com/story/001070258.
29. David E. Hoffman. The Dead Hand: the Untold Story of the Cold War Arms Race and its Dangerous Legacy. Anchor Books, New York, 2009.
30. John J. Mearsheimer. The Tragedy of Great Power Politics. W.W. Norton & Company, New York and London.
31. Kathrin Hille. Russia's Arctic Obsession. October 21, 2016. URL: https://ig.ft.com/russian-arctic/
32. Mohammad Reza Farzanegan and Friedrich Schneider. Factionalized democracy, oil and economic growth in Iran: Where is the curse? URL: http://www.econ.jku.at/members/Schneider/files/publications/LatestResearch2010/Factionalism_Iran.pdf
33. Smirnova L. Three scenarios for Russia-China relations in 2016. Russia Direct. 2015. № 25. URL: http://www.cemi.rssi.ru/publication/e-publishing/index.php?ELEMENT_ID=9261
34. Xu Wei and Mao Weihua, Information Silk Road given lift. China Daily, September 20, 2016.
35. Zhang Baohui. China's Assertive Nuclear Posture: State Security in an Anarchic International Order // Routledge: London and New York, 2015.
36. http://argumenti.ru/politics/2015/03/393796
37. http://argumenti.ru/toptheme/n473/387893
38. http://kalevleetaru.com/
39. http://kremlin.ru/supplement/1642

КУХНИНА Людмила Юрьевна,
аспирант Нижегородского государственного университета имени Н.И.Лобачевского (Национального исследовательского университета) (г. Нижний Новгород, Россия)
E-mail: lyudmila.kuhnina@mail.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

О СООТНОШЕНИИ ТЕРМИНОВ «ГИБРИДНАЯ ПРАВОВАЯ СИСТЕМА» И «ПРАВОВАЯ СИСТЕМА ГИБРИДНОГО ТИПА» В ПРАВОВОЙ НАУКЕ

Аннотация. *Рассмотрено соотношение термина «смешанная правовая система» (или «гибридная правовая система»), используемого компаративистами, с той терминологией, которую зачастую применяют правоведы-международники при характеристике правовой системы Европейского Союза (как правовой системы гибридного типа).*

Ключевые слова: *гибридная правовая система; правовая система гибридного типа; право Европейского Союза.*

KUKHNINA L.Yu.

ABOUT THE RELATIONSHIP BETWEEN THE TERMS «HYBRID LEGAL SYSTEM» AND «LEGAL SYSTEM OF A HYBRID TYPE» IN THE LEGAL SCIENCE

The summary. *The article deals with the term «mixed legal system» (or «hybrid legal system») used by comparativists, with the terminology often used by lawyers in international law in characterizing the legal system of the European Union as a legal system of a hybrid type.*

Key words: *hybrid legal system, the legal system of a hybrid type, the law of the European Union*

Поскольку в сравнительном правоведении введён в научный оборот термин «смешанная правовая система», а также «гибридная правовая система», то возникает закономерный вопрос о соотношении этих категорий с той терминологией, которую зачастую используют правоведы-международники при характеристике правовой системы ЕС (как правовой системы гибридного типа). К примеру, Алина Кацзоровска при осмыслении правопорядка Европейского Союза приходит к выводу, что «ЕС представляет собой новый гибрид политико-правовой системы, включающий в себя многие из политических и правовых преимуществ федерального государства при сохранении суверенитета национальных государств» [16].

Для ответа на поставленный вопрос необходимо определить, какое содержание вкладывают в дефиниции «смешанные правовые системы» и «гибридные правовые системы» компаративисты.

Так, Р. Давид отмечает, что в некоторых странах существуют такие правовые системы, которые трудно отнести с определённостью к той или иной правовой семье в силу заимствований из различных правовых семей, и называет такие правовые системы «смешанными»

[4]. К. Цвайгерт и Х. Кётц используют термин «гибридная правовая система» для обозначения тех правовых систем, которые трудно причислить к какой-либо правовой семье из перечня известных, и полагают, что «гибридные» правовые системы необходимо изучать с точки зрения выявления в них элементов, сближающих их в данный момент с определенным стилем, избегая, однако, при этом прямолинейности [14]. Не является случайным и то, что некоторые компаративисты отмечают, что идентификация правовых семей – достаточно сложное дело, поскольку существуют неустоявшиеся правовые стили [8]. Отметим, что термины «смешанные правовые системы» и «гибридные правовые системы», используемые в сравнительном правоведении (и являющиеся в данном ключе синонимичными), относятся к уровню национальных правовых систем. Таким образом, указанные дефиниции используются компаративистами для характеристики национальных правовых систем, воспринявших в себя элементы различных правовых семей, к примеру, сочетающих элементы романо-германского и англо-американского типа (или же иных правовых семей). В частности, в системе источников права смешанной правовой системы аккумулируются, сочетаются виды источников права, свойственных различным правовым семьям.

Между тем, учёные, характеризующие правовую систему Европейского Союза в качестве гибридной, исходят из того, что в рамках правовой системы ЕС происходит уникальное смешение атрибутов государственного образования – федерации и черт, присущих международной организации.

Не ограничиваясь лишь рассмотрением оценок, даваемых учёными-правоведами правовой системе Европейского Союза как своеобразной (двойственной, гибридной), полагаем необходимым указать и причины, являющиеся, на наш взгляд, действительными основаниями для подобных выводов и характеристик.

Обладание правовой системы ЕС атрибутами государственного образования – федерации проявляется в следующем: наличие единой территории данного объединения – территория входящих в него государств; существование двойного гражданства – гражданства Евросоюза и государств-членов; распределение властных полномочий между Евросоюзом и образующими его государствами и поддержание между ними своеобразного государственно-властного баланса; существование высших законодательных, исполнительных и судебных органов власти как на уровне Европейского союза, так и на уровне входящих в него государств; существование и функционирование общеевропейской правовой системы и неразрывно связанных с ней национальных правовых систем; выработка и проведение Союзом общей торговой политики, общей политики в области сельского хозяйства, рыболовства, транспорта и в ряде других сфер; наличие у Евросоюза общей (за рядом исключений) валютной системы и единой валюты. При этом правовая система Европейского Союза сохраняет чётко выраженные черты международной организации: в основе правовой системы ЕС лежат учредительные договоры особой формы (попытка принятия Конституции ЕС потерпела поражение); государства, формирующие Союз, сохраняют свой суверенитет и обладают правовом выхода из Союза; ряд вопросов между государствами-членами решается посредством переговоров в соответствии с нормами и процедурами международного права. Таким образом, следствием наличия у правовой системы ЕС как атрибутов государственного образования – федерации, так и черт международной организации является двойственный, гибридный характер тех политико-правовых отношений, которые складываются в подобных правовых системах.

В связи с тем, что обозначенные выше основания, используемые компаративистами для обозначения «смешанных правовых систем», и основания, применяемые правоведами-международниками для характеристики правовой системы ЕС как «системы гибридного типа», существенно отличаются между собой, считаем целесообразным и необходимым чётко разграничивать указанные термины, отражающие тенденции и процессы различного уровня политико-правовых отношений. В этом ключе становится очевидным различие правовой природы источников права смешанных правовых систем и правовой природой источников права интеграционных образований с глубокой степенью интеграции (правовая система которых именуется в науке гибридной).

При этом необходимо отметить, что рассматриваемые процессы – это конвергенция романо-германской и англо-американской правовых

семей (равно как и процессы унификации внутри той или иной правовой семьи), а также процесс сближение национального и международного права в рамках правовой системы ЕС – являются проявлением интернационализации права [8], и между этими процессами (которые протекают не изолированно друг от друга) тоже имеются тесные и сложные взаимосвязи. Так, с одной стороны, мощным средством унификации внутри романо-германской правовой семьи выступает ЕС и его право [8] (отметим, однако, что успехи такой унификации оцениваются в науке по-разному). С другой стороны, нельзя отрицать и существенное влияние англо-американской правовой семьи с её общим правом на становление и развитие права ЕС (выражающееся в достаточно высокой роли, которую приобрёл Суд Европейского Союза). При этом, по справедливому замечанию А.В. Малько и А.Ю. Саломатина, качественно новый уровень интернационализации права, проявляющийся в постмодернизационных процессах в праве, является следствием глобализации общества [8]. В свою очередь, процессы глобализации общества вызывают новые философско-правовые проблемы [12], в том числе и связанные с государственным суверенитетом [1; 2; 3; 5; 6; 7; 9; 10; 11; 13; 15].

Список литературы

1. Абезгильдин Р.Р., Клименко О.А., Мирзоев А.К. Сетевые структуры, организованная преступность, синкретизм современной правовой культуры и государственный суверенитет // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 2. – С. 182-195.
2. Артамонова Г.К., Шумков Д.В., Реуф В.М. Концепция государственного суверенитета: социально-политические и идейно-теоретические истоки // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 2. – С. 44-48.
3. Вихров А.А., Сальников М.В., Адамян Т.А., Биктасов О.В. Понятие и сущность суверенитета // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2005. – № 3(27). – С. 14-25.
4. Давид Р. Основные правовые системы современности / Пер. с фр. и вступ. ст. В.А. Туманова. – М.: Прогресс, 1988.
5. Зоиров Д.М., Сафаров Б.А. Государственность на постсоветском пространстве: предпосылки суверенитета // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 11. – С. 25-34.
6. Зоиров Д.М., Сафаров Б.А. Суверенная государственность на постсоветском пространстве: предпосылки и процесс формирования (на примере Республики Таджикистан): Монография / Под общ. ред В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2012. – 336 с. – (Библиотека: «Философия государства и права»).
7. Клименко О.А., Мирзоев А.К. Суверенитет государства и суверенитет народа в современной европейской мысли // Мир политики и социологии. – 2015. – № 11. – С. 50-64.
8. Малько А.В., Саломатин А.Ю. Сравнительное правоведение. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2010. – 352 с.
9. Мирзоев А.К. Генезис и эволюция представлений о суверенитете в политико-правовых концепциях народного и национального суверенитета // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 141-150.
10. Мирзоев А.К. Императивное и диспозитивное правовое регулирование: проблемы проявления внешних качеств суверенитета // Мир политики и социологии. – 2015. – № 8. – С. 174-181.
11. Мирзоев А.К. Императивное и диспозитивное правовое регулирование: проблемы проявления внутренних качеств суверенитета // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 7. – С. 58-69.
12. Сальников В.П., Ивашов Л.Г., Джегутанов Б.К. Философия глобализации (Методологические основы геополитической доктрины России): Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2006. – 268 с.
13. Сальников В.П., Сальников М.В., Романовская В.Б., Пужаев В.В. Правовая природа государственного иммунитета // Правовое государство: теория и практика. – 2015. – № 4(42). – С. 36-44.
14. Цвайгерт К., Кётц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права: В 2-х тт. Том I. Основы: Пер. с нем. – М.: Междунар. отношения, 2000.– 480 с.
15. Шумков Д.В. Социально-правовые основания государственного суверенитета Российской Федерации (историко-теоретический анализ): Дис. … докт. юрид. наук. – СПб., 2002. – 339 с.
16. Kaczorowska A. European Union Law, 2nd Edition. London and New York: Routledge, 2010. – 977 p.

АНАНСКИХ Игорь Александрович,
первый заместитель Председателя комитета по энергетике Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации (г. Москва, Россия)
E-mail: stateduma@duma.gov.ru

АЛЕКСАНДРОВА Анастасия Александровна,
студентка юридического факультета Нижегородского государственного университета им. Лобачевского (Национального исследовательского университета) (г. Нижний Новгород, Россия)
E-mail: nas.aleksandrova98@mail.ru

СТАТУС ПАЛЕСТИНЫ КАК НЕПРИЗНАННОГО ГОСУДАРСТВА

Аннотация. *На примере Палестины анализируется проблема определения статуса непризнанных государств. Отмечается, что в государстве Палестина происходит длительный политико-территориальный конфликт, который касается, в первую очередь, территориальных вопросов, исторического права на эти земли. Формулируются действия, которые необходимо предпринять для урегулирования данного конфликта.*

Ключевые слова: *непризнанное государство; Палестина; арабо-израильский конфликт; правовое положение населения; Палестинская автономия.*

ANANSKIKH I.A
ALEXANDROVA A.A.

THE STATUS OF PALESTINE AS AN UNRECOGNIZED STATE

The summary. *On the example of Palestine, the problem of determining the status of unrecognized states is analyzed. It is noted that in the state of Palestine there is a long political and territorial conflict, which concerns, first of all, territorial issues, the historical right to these lands. Formulates the actions that need to be taken to resolve this conflict.*

Key words: *unrecognized state; Palestine; Arab-Israeli conflict; The legal status of the population; Palestinian autonomy.*

На данный момент в мире насчитывается более 120 непризнанных государств, в силу ряда причин, в основном политических, их число продолжает возрастать. Новостные ленты, интернет порталы, газеты, журналы наполнены информацией о событиях, связанных с проблемами непризнанных государств. Все это доказывает, что тема является актуальной и с точки зрения политики, и с точки зрения права.

Можно назвать ряд причин, способствующих росту числа непризнанных государств. В своей работе доктор философских наук, профессор Г.И. Авцинова и А.А.Новицкая [1] отмечают, что «актуализация тенденции к образованию непризнанных государств свидетельствует о низкой эффективности деятельности центральной власти, о неумении или нежелании властвующей элиты вести диалог с обществом. Одной из причин также является недостаточная активность, эффективность и результативность деятельности региональных и международных институтов по регулированию конфликтов, что приводит к их стагнации или эскалации». Также Г.И. Авцинова и А.А.Новицкая считают, что

недостаточное внимание к данной проблеме со стороны научного сообщества, а также недооценкой этих процессов со стороны международных институтов тоже способствует к актуализации тенденции образования непризнанных государств.

А чем же отличаются не признанные государства от обычных государств? В чем суть проблемы определения их статуса? Каково правовое положение населения в данных государств? Как регулируются отношения данных государств с другими странами? Для того чтобы ответить на поставленные вопросы, для начала нужно дать определение понятия «непризнанное государство» и выделить характерные черты данных государств. Непризнанное государство – это организация независимой публичной власти на территории, являющейся по формально-правовым основаниям частью другого государства, отмечает преподаватель кафедры региональных проблем мировой политики факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова Д.Г. Николаев [10]. Исходя из данного определения Д.Г. Николаев в своей научной статье выделяет главные особенности непризнанных государств, во-первых, это создание государства на территории, которую другое государство считает своей частью, во-вторых, как правило, в таких государствах наблюдается наличие конфликтных ситуаций между государством-метрополией и отделившейся территорией, ну и, в-третьих, отсутствие признания со стороны государства-метрополии.

Кандидат политических наук А.А. Сербина [12] в своей статье «Проблема определения статуса непризнанных государств» отмечает, что данные государства обладают некоторыми атрибутами независимости, такими как собственная Конституция, правительство, вооруженные силы, органы государственной безопасности, таможенные и пограничные службы. Важно посмотреть на данный статус с позиций государственности как феномена и попытаться определить тип данного государства [11].

Рассмотрим статус непризнанного государства на конкретном примере. Несомненно, огромный интерес привлекает государство Палестина, которое расположено на Ближнем Востоке. Несмотря на то, что более 100 стран признали независимость Палестины и ее членство в Лиге арабских государств, многие ученные и политики на сегодняшний день относят это государство к непризнанным. Можно сказать, что государство находится еще в стадии образования. Палестина имеет богатую и древнюю историю, и ответ на вопрос, почему Палестина является до сих пор непризнанным государством, скрывается на наш взгляд, именно в ней.

В государстве Палестина происходит длительный политико-территориальный конфликт, который имеет свои специфические черты. Дело в том, что государство Израиль, которое образовалось в 1948 году, находится в том же регионе, что и Палестина. Корни возникшего между ними противостояния лежат в борьбе между палестинскими арабами и евреями за территориальное и этническое господство над регионом. История этого конфликта очень длинная и противоречивая. На сегодняшний день Израиль уже имеет статус суверенного государства, а вот Палестина продолжает вести упорную и отчаянную борьбу за свои территории и биться за статус независимого государства.

Кроме военных действий в секторе Газа между Палестиной и Израилем, прослеживается конфликт внутри самой Палестины, который выражен в оппозиции двух политических движений – ФАТХ (движение за национальное освобождение Палестины) и ХАМАС (Исламское движение сопротивления). Западный берег Иордана находится под управлением ФАТХ, а сектор Газа контролируют сторонники ХАМАСА. На обеих территориях сложились отдельные правительства. Изначально обе организации ставили общую цель- это объединение Палестины и создание Палестинского государства. Сейчас же между этими организациями наблюдается политическое противостояние, которое сопровождается вооруженными столкновениями. От таких действий страдают мирные жители данного государства, которые периодически попадают под обстрел. Мирное население Палестины также страдает от рук собственного правительства, которое должно бороться за права своего народа. Возможно ли создание Независимого Государства Палестина при явном нарушении прав человека правящими организациями? Есть ли возможность прекратить этот межнациональный, межгосударственный конфликт [7]?

Прежде всего, нарушение прав и свобод человека выразилось в применение пыток, арестов

представителей оппозиционного движения. В 2007 году был засвидетельствован факт нарушением прав и свобод организацией ФАТХ, вместе с военной группировкой Аль-Акса состоялось нападение на офисы ХАМАС. На данное событие никаким образом не отреагировала местная полиция. В нарушение прав человека была замечена и организация ХАМАС, которая захватила власть в секторе Газа насильственными методами. В ходе военных действий погибли 160 жителей Палестины,700 получили очень серьезные ранения и травмы.

Попытку оценить с научной точки зрения израильско-палестинский конфликт предприняли Йоханнес Хаусхофер из Университета эмпирической экономики (Цюрих, Швейцария), Анат Билетцкий с отделения философии Университета Тель-Авива (Израиль) и Нэнси Кэнвишер из Института исследования мозга имени Макгаверна при Массачусетском технологическом университете (США). Результаты их работы, которая является первым столь серьезным статистическим исследованием данного противостояния, опубликованы в престижном научном журнале Proceedings of the National Academy of Sciences. Это исследование показывает, что и израильтяне, и палестинцы совершают насилие в ответ на нападение.

Исследователи проанализировали количество ракетных атак с обеих сторон, которые происходили в течение с 2000 по 2008 год, применив к ним метод векторной авторегрессии. Это эконометрический метод, который позволяет проследить эволюцию и взаимосвязь между несколькими временными рядами. В результате атак, которые исследовали ученые, погибли 4 874 палестинца и 1 062 израильтянина.

«Каждая сторона в этом конфликте стремится видеть себя в качестве жертвы, но за этим они не видят насилия, которое на самом деле вызвано их же собственными действиями», – подытожил Йоханнес Хаусхофер.

Безусловно, что от таких действий страдает простой народ, который часто попадает под удар противостояния организаций. Можно привести факты, свидетельствующие о международной помощи государству Палестине. Так, например, после захвата ХАМАС сектора Газа движению ФАТХ стали оказываться помощь США и страны Евросоюза, Египет и Иордания. В 2006 году ЕС поддержал систему уголовного правосудия и полицию Палестины, чтобы уменьшить число нападений с обеих сторон. США осуществлял подготовку охраны президента Аббаса. Также правительство США предоставило Аббасу 86 млн. долларов с целью устранить терроризм в секторе Газа и установить на территории закон и порядок.

Стоит сказать, что попытки разрешить конфликт в государстве Палестина принимались еще раньше. Во многих научных работах по данной теме встречается так называемый план «Дорожной карты». В 2003 году Россия, США, ЕС и ООН попытались урегулировать палестино-израильский конфликт по принципу сосуществование двух государств и выполнение сторонами своих обязательств.

Данный план включил в себя 3 этапа.

1 этап – окончание террора и насилия, нормализация условий жизни палестинцев, формирование палестинских институтов.

2 этап – концентрация усилий на создании независимого палестинского государства во временных границах и суверенитет на основе конституции.

3 этап – окончание палестино-израильского конфликта.

Государственный аппарат в Палестине представляет следующую систему органов. Главой Палестинской автономии является председатель, который избирается в ходе прямых выборов. Председатель назначает премьер-министра ПНА по представлению Законодательного совета. Нынешний пост председателя занимает Махмуд Аббас. Вторым лицом в государстве является спикер Законодательного совета, который исполняет обязанности председателя в случае его смерти или отставки. Правительство (Совет министров) во главе с премьер-министром назначается председателем по представлению партии, одержавшей победу на выборах в Законодательный Совет. Пост премьер-министра был введен в 2003 году и изначально был занят нынешним председателем ПНА Махмудом Аббасом. После победы ХАМАС на выборах в ПЗС пост премьера занимает Исмаил Хания.

Многие ученые считают, что в настоящее время Палестина не имеет реального суверенитета [3; 5; 6; 8; 9; 13]. Государственные структуры сформированы только частично. Например, нет армии, хотя есть многочисленная полиция и активно действуют всевозможные полувоенные

и фактически террористические организации.

Также нельзя оставить незамеченным тот факт, что паспорт Палестинской автономии, который был введен для граждан в 1995 году, официально был признан только 29 государствами. Что еще раз свидетельствует нам о том, что международное сообщество не хотело видеть государство Палестина в качестве признанного государства.

Доктор исторических наук, профессор Берлявский Л.Г [4]. в своей научной статье анализирует Конституцию государства Палестины. В июле 2002 года был подписан проект конституции. По словам министра юстиции ПНА Ибрагима Дахме, данный закон определяет организацию власти в Палестинской автономии и будет выполнять роль конституции до учреждения Палестинского государства. Первоначальный текст конституции насчитывал 112 статей, после неоднократных переработок его объем увеличился почти в два раза.

В главе первой конституции Палестины содержатся нормы, определяющие основы конституционного строя. Статья 1 характеризует Государство Палестину как независимую суверенную республику. «Ее территория целостна, не подлежит разделению и основывается на границах до 4 июня 1967 года, без нарушения прав Палестины, гарантированных решениями международного сообщества. Все жители этой территории будут подчиняться только палестинской конституции»

Палестина конституируется частью арабской нации. В статье 2 говорится, что Государство Палестина следует уставу Лиги арабских стран. «Палестинский народ – часть арабских и исламских народов. Объединение арабов – это цель, достичь которую стремится палестинский народ».

Основы внешней политики будущего государства содержатся в статье 3, в которой Палестина охарактеризована как государство, которое хочет мира и осуждает террор, оккупацию и агрессию, призывает к решению региональных и международных проблем мирными средствами и провозглашает верность Уставу Организации Объединенных Наций. Данная норма носит весьма декларативный характер, поскольку большинство палестинских организаций демонстрирует неготовность отказаться от террористических методов достижения своих целей и неспособность решать региональные проблемы Ближнего Востока мирными средствами.

Статья 4 конституции, провозглашающая Иерусалим столицей Палестины и резиденцией ее органов власти, прямо противоречит статье 1 Основного закона Израиля о столице государства, в которой говорится, что «Иерусалим, единый и неделимый – столица Израиля»

Арабский язык и ислам признаны конституцией официальными палестинскими языком и религией. Положение статьи 5 о том, что «нужно одинаково уважать христианство и другие монотеистические религии» противоречит правоустановлению этой же статьи о том, что конституция гарантирует равенство прав и обязанностей всех граждан независимо от их вероисповедания.

Центральным источником конституционного права статья 7 конституции устанавливает «принципы шариата (исламский закон)», что дает основания усомниться в светском характере основного закона Палестины, в котором утверждается, что гражданские и религиозные дела верующих монотеистических религий будут урегулированы согласно их религиозным учениям и категориям в рамках закона, сохраняя единство и независимость палестинского народа.

Согласно статье 8, палестинская политическая система охарактеризована как демократическая, с парламентским представительством людей разных политических взглядов, разного пола и религии. Принципами деятельности политических партий указаны национальный суверенитет, демократия и передача полномочий мирным путем на основе конституции. Данные положения являются по большей части нормами-идеалами, поскольку практика основных соперничающих группировок в Палестинской автономии ФАТХ и ХАМАС, располагающих собственными вооруженными формированиями, далека от следования указанным принципам.

Большое место в тексте конституции занимают вопросы гражданства. Палестинское гражданство, согласно статье 12, признается за всеми, «кто получил его законным образом до 10 мая 1948 года», а также за проживавшими «в Палестине до этой даты и были вынуждены с того времени находиться в изгнании. Это право переходит от отцов и матерей к их потомкам». Установление гражданства на указанную в основном законе дату невозможно в связи с тем, что подданство в подмандатной

Палестине определялось английскими властями, а Палестинское государство после окончания срока мандата создано не было. Признание конституцией права на возвращение на территории в границах до арабо-израильской войны 1967 года за всеми палестинскими беженцами и их потомками без признания аналогичного права за беженцами-израильтянами является непропорциональным и неспособно привести к межгосударственному компромиссу.

В статье 13 особо подчеркивается, что палестинцам, покинувшим Палестину в результате войны 1948 года, и которым было запрещено возвращаться, будет предоставлено право на возвращение в Палестинское государство и на получение гражданства. Палестинское государство будет стремиться посредством переговоров, а также политическими и юридическими средствами предоставить право на возвращение домой палестинским беженцам и получение ими компенсации согласно резолюции 194 ООН и основам международного права.

В конституции Палестины уделено внимание институту прав и свобод человека, чему посвящена вторая глава. В статье 19 зафиксирован принцип равенства палестинцев перед законом, равенства мужчин и женщин. Предусмотрено, что наделение политическими и культурными правами и общественными обязанностями будет осуществляться без всякой дискриминации. В статье 20 содержится обязанность соблюдения права и свобод человека; указано, что государство гарантирует культурные, общественные, экономические, политические, гражданские и религиозные права и свободы всех своих граждан на базе равенства и равных возможностей. Умаление основных прав и свобод не допускается на основании различий в политических взглядах.

В конституции упоминаются некоторые социальные гарантии. В частности, предусмотрено упорядочить национальное страхование и пенсии по инвалидности и старости, однако статья 45 указывает на «поддержку семей «шахидов», заключенных, сирот, раненых в национальной борьбе и тех, кто нуждается в особом уходе. Государство будет гарантировать им, по мере возможности, услуги по образованию, национальное страхование, страхование здоровья и по закону даст им предпочтение в занятости». Государственная поддержка лиц, занимающихся террористической деятельностью, прямо противоречит статье 3 конституции, осуждающей террор. Содержащиеся в конституции социальные гарантии для «шахидов» не могут не стимулировать роста террористической активности, которая рано или поздно способна обратиться против самой администрации Палестинской национальной администрации.

В целом, конституция Палестины представляет собой пример конституционного акта так называемого «государства в пути», то есть, находящегося в стадии становления. По основному закону Палестина конституируется как парламентская республика с весьма обширными полномочиями президента, унитарное государство.

В то же время конституционное регулирование прав человека не вполне соответствует основным международным актам о правах человека, так как признает значительное число прав и свобод исключительно за гражданами Палестины, верующими монотеистических религий и т.д. Зафиксированные в конституции основы демократического политического режима (принципы разделения властей, независимости судебной власти, парламентаризма), миролюбивой внешней политики вступают в существенное противоречие с конфронтационным политическим наследием Палестинской национальной администрации (установления о границах, столице государства, государственной поддержке «шахидов»).

Интересно рассмотреть такой аспект, как взаимоотношения Палестины с другими странами. Г.И. Авцинова, А.А.Новицкая [1] отмечают, что факт непризнания государства международным сообществом определяется правовой характеристикой его статуса. Они подчеркивают, что такое государство лишено возможностей активной экономической деятельности, подписание выгодных торговых контрактов. Непризнанное государство опирается только на гуманитарную поддержку международного сообщества.

Территориальное образование Палестины не имеет статуса полноправного члена ООН, поскольку его отказываются принимать три государства, которые являются постоянными членами Совета Безопасности ООН - США, Франция и Великобритания. Палестина является

членом Организации исламского сотрудничества (1969), Лиги Арабских Государств (1976), и ЮНЕСКО (2011).

В 2012 году Генеральная ассамблея ООН подавляющим большинством голосов присвоила Палестине статус «государства-наблюдателя». В 94 странах мира действуют палестинские посольства и постоянные представительства.

Решение о признании Палестины в качестве «государства- наблюдателя» в ООН изменило юридический и политический статус государства. Все это дало право государству Палестина присоединиться к 63 международным организациям и соглашениям, что перевело палестинскую проблему на более высокий юридический статус. А вступление Палестины в ЮНЕСКО открыло множество возможностей для государства. Теперь Палестина, как полноправный член ЮНЕСКО может вносить свой вклад в реализацию целей этой международной организации, занимающейся вопросами науки, образования и культуры на высоком уровне.

Что же касается отношений России и Палестины, то можно сказать, что отношения эти традиционно хорошие. Стоит отметить, что еще СССР принимало участие в Палестинской проблеме, что сыграло немаловажную роль для истории этих государств. Кандидат исторических наук А.Г. Демченко [2] в своей работе пишет о том, что с 1970-х годов среди партнеров СССР в регионе все более важное место стала занимать сила, представлявшая палестинский народ, – Организация освобождения Палестины (ООП), и в первую очередь входящее в нее Движение за освобождение Палестины (ФАТХ), лидер которого, Ясир Арафат, в 1969 г. возглавил ООП. Это было связано с ростом палестинского самосознания и самостоятельности в решении конфликта на фоне поражений арабских армий в войнах с Израилем. В феврале 1970 г. делегация ООП посетила СССР по приглашению Комитета солидарности стран Азии и Африки. Развитию советско-палестинских отношений способствовал все более реалистичный подход ООП к Израилю. На XII сессии Национального собрания Палестины 1–9 июня 1974 г. была принята поэтапная программа «становления национальной власти» на любой части палестинской территории, которая будет освобождена от израильской оккупации. Этот документ говорил о смягчении палестинской позиции, готовности к поэтапному урегулированию проблемы. Он стал первым шагом на пути к переговорам с Израилем. В том же году были установлены официальные двусторонние отношения между СССР и ООП, а в Москве было открыто представительство организации (в 1990 г. преобразованное в посольство Государства Палестина). СССР на международных встречах и в различных документах подчеркивал право палестинского народа на самоопределение – например, в связи с Женевской мирной конференцией по Ближнему Востоку в октябре 1977 г., а также в плане генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева от 15 сентября 1982 г. по урегулированию ближневосточной проблемы. В январе 1983 г. этот план был представлен в ООН от имени государств – участников Варшавского договора. Он состоял из шести пунктов и предусматривал: «полный вывод израильских войск со всех оккупированных с 1967 года арабских территорий, в том числе из восточной части Иерусалима; признание законных прав арабского народа Палестины, включая его право на создание собственного независимого государства; обеспечение права всех государств этого района на безопасное и независимое существование и развитие; прекращение состояния войны и установление мира между арабскими государствами и Израилем; разработку и принятие международных гарантий мирного урегулирования»

А 15 ноября 1988 г. на XIX чрезвычайной сессии Национального собрания Палестины в Алжире было принято Политическое заявление, в котором говорилось о признании ООП резолюции № 242 от 22 ноября 1967 г., призывавшей Израиль к уходу с оккупированных территорий. На сессии была также принята Декларация независимости, в которой излагались основные принципы создания арабского палестинского государства и отмечалось, что Иерусалим является его столицей. В свою очередь, Израиль в ходе палестинского восстания (интифады) на оккупированных территориях в 1987–1993 гг. осознал невозможность полного контроля над ними и согласился на переговоры с палестинцами.

Сейчас Россия продолжает помогать Палестине и регулярно оказывает гуманитарную помощь, а также содействует в обеспечении безопасности. За последние годы, по данным МИД РФ, Россия выделила четыре транша по 10 млн. долларов на нужды бюджета ПНА в сферах

образования и здравоохранения. Палестинским студентам предоставляется 150 мест в год в российских вузах за счет федерального бюджета. Ежегодно палестинские территории посещают около 300 тыс. российских туристов. В 1998 году было учреждено палестинское общество дружбы с Россией. В 2001 году воссоздано Общество российско-палестинской дружбы. В 2008 году создан российско-палестинский деловой совет.

Чрезвычайный и полномочный посол Палестины в РФ Нофаль Абдель Хафиз дал интервью журналу «Международная жизнь». Посол Палестины подчеркнул роль России в решении мирного урегулирования палестино-израильского конфликта. По его словам, Россия была первой страной, которая признала идею Палестинского государства со столицей в Восточном Иерусалиме. Совсем недавно Москва выступила вновь в роли миротворца, принимая с визитами премьер-министра Израиля Биньямина Нетаньяху и министра иностранных дел Палестины Риада Аль-Малики.

«Мы поддерживаем идею России о проведении в Москве конференции по ближневосточной проблеме, – сказал Нофаль Хафиз. Как отметил посол Палестины, палестино-израильские отношения «в настоящий момент находятся в тупике». По словам дипломата, первые пять лет еще сохранялись надежды, что будет создано два государства – Израиль и Палестина. Тогда палестинцы сознательно отступили от своих позиций, надеясь, что это встретит позитивный отклик у израильтян. Они согласились создать свое палестинское государство на 22% исторической территории. «Но мы хотим письменного согласия Израиля о том, что он согласен на создание государства Палестины в границах 1967 года со столицей в Иерусалиме», – подчеркнул Нофаль Хафиз. Израильтяне всячески избегают разговоров о создании государства Палестина. «Мы же выступаем за то, что надо создать палестинское государство, внутри которого мы будем решать многие проблемы, в том числе – проблемы безопасности в контексте всего Ближнего Востока», – подчеркнул Нофаль Хафиз.

Если рассматривать последние события, то нельзя не отметить встречу на высоком уровне, которая состоялась 11 мая 2017 года, где Владимир Путин встретился в Сочи с лидером Палестины Махмудом Аббасом. В ходе переговоров стороны обсудили российско-палестинские отношения, а также целый пакет вопросов ближневосточного урегулирования. Отдельным пунктом переговорной повестки стало обсуждение возможности проведения встречи лидеров Израиля и Палестины. «Важно поддерживать двусторонние отношения, воздерживаться от односторонних шагов, сообща искать взаимовыгодные решения, вместе бороться с терроризмом», – заявил Путин на пресс-конференции в Сочи. Таким Москва видит рецепт мира на Ближнем Востоке.

Из-за затяжного арабо-израильского конфликта урегулировать вопрос признания государства довольно сложно. В данном конфликте разногласия сторон касаются, в первую очередь, территориальных вопросов, исторического права на эти земли. Стороны никак не могут договориться о статусе Восточного Иерусалима и Западного берега реки Иордан. Вражда данных народов переходит в нескончаемые террористические атаки, что мешает сесть за стол переговоров и найти способы достижения консенсуса. Чтобы урегулировать данный конфликт и нормализовать ситуацию в Палестине, на наш взгляд, необходимо во-первых, прекратить террористические акты и насилие. Во-вторых, палестинские арабы должны отказаться от антиеврейской пропаганды. В-третьих, установить демократические институты, управление должно стать прозрачным и подотчетным, а правовая система должна обеспечить защиту прав и свобод палестинских граждан. В этом случае шансы на признание этого государства международным сообществом повысятся.

Список литературы

1. Агапов М.Г. Принять эффективное участие в судьбе Палестины: политика СССР в палестинском вопросе в 1944–1947 гг. // Локус: люди, общество, культуры, смыслы.-2012. – № 1. – С.34-44.
2. Авцинова Г.И., Новицкая А.А. Особенности функционирования непризнанных государств // Наука и современность. – 2015. – № 3(5). – С.65-76.
3. Берлявский Л.Г. Конституция Палестины: «государство в пути» // Современный конституционализм. – 2007. – №2. – С.73-81.
4. Николаев Д.Г. Феномен непризнанных государств в мировой политике//Вестник Московского ун-та. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. -2010.- № 1.- С.-27-41.
5. Сербина А.А. Проблема определения статуса непризнанных государств // Вестник Российского государственного гуманитарного университета.- 2010.- №04 (47). – С.-86-91.
6. Как добиться мира в Палестине: Владимир Путин поговорил с Махмудом Аббасом // https://ria.ru/world/20170512/1494129062.html
7. Статистика мести //https://www.gazeta.ru/science/2010/10/05_a_3425846.shtml
8. Палестино-израильская проблема: есть ли решение? // https://interaffairs.ru/news/show/15524
9. Политика России в отношении палестино-израильского конфликта // http://www.iarex.ru/articles/48427.html

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА. ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА И ПРАВОСОЗНАНИЕ. СОЦИОЛОГИЯ ПРАВА И ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

БАБАДЖАНОВ Исрофил Хусейнович,
председатель международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате Республики Таджикистан, профессор кафедры гражданско-правовых наук 2 факультета Академии МВД Республики Таджикистан, доктор юридических наук (г. Душанбе, Таджикистан)
E-mail: bobojonov_i@mail.ru

САЛЬНИКОВ Михаил Викторович,
Президент Фонда поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет», доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: salnikov-mihail66@yandex.ru

ТРУСОВА Елена Анатольевна,
ученый секретарь Орловского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент (г. Орел, Россия)
E-mail: orel.shchendrigin@yandex.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

ПРАВО НА ИСКУССТВЕННОЕ ОПЛОДОТВОРЕНИЕ И ИМПЛАНТАЦИЮ ЭМБРИОНА: ЭТИКО-ЮРИДИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Аннотация. *Анализируются этико-правовые проблемы, возникающие при применении на практике методов искусственной репродукции человека. Рассматриваются основные нормативные акты Республики Таджикистан, регламентирующие вопросы искусственного оплодотворения, проводится сравнительный анализ методов решения данных проблем в различных государствах. Перечисляются обстоятельства, при которых достижения биотехнологии могут нести угрозу жизненным ценностям, формулируются авторские предложения по введению ряда ограничений на использование методики искусственного оплодотворения в Республике Таджикистан.*

Ключевые слова: *искусственное оплодотворение; законодательное регулирование; биомедицинские технологии; имплантация эмбриона; репродукция.*

BABADZANOV I. Kh.
SAL'NIKOV M.V.
TRUSOVA E.A.

THE RIGHT TO ARTIFICIAL INSEMINATION AND EMBRYO IMPLANTATION: ETHICAL AND LEGAL PROBLEMS

The summary. *Analyzed ethical and legal problems that arise when applying methods of artificial reproduction of man. The main normative acts of the Republic of Tajikistan, which regulate the issues of artificial insemination, are considered, a comparative analysis of the methods of solving these problems in different states is carried out. The list of circumstances under which biotechnology achievements can be a threat to life values, author's proposals for introducing a number of restrictions on the use of the technique of artificial insemination in the Republic of Tajikistan are formulated.*

Key words: *artificial insemination; legislative regulation; biomedical technologies; embryo implantation; reproduction.*

Возможности зарождения человеческой жизни вне человеческого организма, замораживания половых клеток и эмбрионов, зачатия детей после смерти их родителей, изменения генетических характеристик на ранних стадиях развития эмбриона, создания эмбрионов в терапевтических и исследовательских целях – это лишь некоторые из тех вопросов, которые возникают в результате новейших достижений в области биомедицины [74, стр. 196]. Конец XX и начало XXI века отмечаются значительной активизацией исследований биомедицинских технологий и их выдающимися результатами [51; 53; 54; 55; 56; 66] вплоть до создания хирургических роботов, способных самостоятельно делать операции людям, и клонирования человека [11; 29; 47; 50; 69].

Генетическая и эмбриональная инженерия, совершая кардинальные изменения в наших представлениях о происхождении и эволюции жизни, в то же время рождает проблемы, выходящие за рамки биологии и медицины. Эти проблемы, затрагивая сферы права и морали, приобретают экзистенциальный характер.

Все более широкое применение на практике методов искусственной репродукции человека ставит перед юристами во всем мире целый комплекс трудноразрешимых этико-правовых проблем. При этом по мере прогресса в области биологии и медицины возникают все более сложные вопросы, которые настоятельно требуют своего разрешения. С большинством из них человечеству никогда прежде не приходилось сталкиваться, и их решение связано с необходимостью выработки принципиально новых подходов.

Несмотря на то, что методы вспомогательной репродукции применяются уже на протяжении достаточно длительного времени*, говорить о наличии у нас в стране надлежащим образом разработанной правовой их базы не приходится. Большинство правовых вопросов, возникающих в этой связи, до сих пор не урегулировано в праве. Действующие правовые нормы в известной степени фрагментарны, затрагивают лишь отдельные аспекты возникающих проблем, многие из существующих положений спорны по существу или противоречат друг другу. Более того, в отечественной юридической литературе практически не существует теоретических исследований правовых проблем, связанных с достижениями биомедицины в области лечения бесплодия. Не выработана соответственно никакая позиция по наиболее принципиальным вопросам. При этом сложность заключается в том, что большинство проблем, возникающих в этой области, продолжает оставаться дискуссионным и в мировой юридической теории и практике.

Одна из таких нерешенных этико-правовых проблем заключается в том, кто и при каких условиях может иметь доступ к методам вспомогательной репродукции: только ли женщина или в равной мере мужчина; только ли женщина фертильного возраста или речь может также идти о женщинах более старшего возраста; только ли лица, состоящие в браке, или в равной мере «фактические супруги», как быть в этой ситуации с однополыми парами; необходимо ли для этого наличие медицинских показаний и если «да», то, как трактовать само понятие «медицинские показания»? Можно ли говорить в этой связи о праве каждого человека независимо от пола, брачного статуса и других обстоятельств иметь своего ребенка, коль скоро уровень медицины позволяет ставить вопрос таким образом? Ответа на все эти вопросы в праве на сегодняшний день нет [74, стр. 200].

По существу единственная норма, предусмотренная действующим законодательством

и непосредственно касающаяся рассматриваемого вопроса – это ст. 38 Закона Республики Таджикистан от 15 мая 1997г. № 419 «Об охране здоровья населения» [2]. Данная статья закрепляет право каждой совершеннолетней женщины детородного возраста «на искусственное оплодотворение и имплантацию эмбриона». Аналогичной нормы, закрепляющей право мужчины на доступ к методам вспомогательной репродукции, в праве Таджикистана не существует. Означает ли это, что мужчина в случае бесплодия лишен возможности обратиться в медицинское учреждение по лечению бесплодия? С полной уверенностью на этот вопрос может быть дан отрицательный ответ. Скорее всего, в данном случае «сработал» автоматизм, предполагающий, что и в случае мужского бесплодия в медицинское учреждение мужчина обращается не один, а супружеская пара, и, следовательно, предполагающий обязательное наличие у такого мужчины жены или какой-то определенной женщины, в отношении которой и будут применяться те или иные методы лечения бесплодия [74, стр. 201]. Подтверждением этому является то обстоятельство, что в Инструкции по применению «метода экстракорпорального оплодотворения и переноса эмбриона в полость матки» [3] в качестве показаний к применению данного метода названо, в том числе как самостоятельный пункт, и мужское бесплодие (в Республике Таджикистан такой акт пока не принят).

Ст. 38 Закона РТ от 15 мая 1997 года № 419 «Об охране здоровья населения» [2] говорит о праве женщин «детородного возраста» на искусственное оплодотворение и имплантацию эмбриона. Употребление в данном контексте термина «детородный возраст» также едва ли означает, что в момент разработки законопроекта имелась цель ограничить в этом отношении права женщин более старшего возраста. Скорее всего, это объясняется тем, что возможность иметь ребенка до недавнего времени в принципе считалась ограниченной определенным возрастом (45-50 лет). Сейчас этот физиологический барьер не является абсолютно непреодолимым, и искусственное оплодотворение in vitro в отношении женщин, перешагнувших естественный возрастной рубеж, уже производится в клиниках по лечению бесплодия.

Однако в этой связи возникает вопрос, в какой мере это соотносится с интересами ребенка, который родится у такой женщины; какова вероятность того, что такая мама, будучи уже в столь немолодом возрасте, просто не успеет вырастить своего ребенка [74, стр. 202]. Является ли это обстоятельство убедительным основанием для ограничения прав женщин, находящихся в периоде постменопаузы, на доступ к новым репродуктивным технологиям? Видимо, следует согласиться с мнением о том, что главную роль в решении данного вопроса должны играть господствующие в обществе взгляды на права человека, а не какие-нибудь другие соображения, тем более что число подобного рода случаев едва ли будет значительным [10, стр. 5].

При определении субъекта Закон об охране здоровья граждан говорит о «каждой» женщине. Это означает ли, что таким правом обладают лица женского пола вне зависимости от нахождения в супружеских отношениях и вне зависимости от наличия бесплодия. Вокруг данного положения возникает немало дискуссий: должна ли обладать таким правом женщина, не состоящая в официальном зарегистрированном браке, тем более, если она с точки зрения медицины здорова.

В юридической литературе отмечалось, что искусственное зарождение детей допустимо только по медицинским показаниям при условии стойкого бесплодия, болезни супругов, опасности естественного способа рождения для здоровья матери или ребенка; женщине (или супружеской паре), «способной к естественному рождению детей... эта операция не проводится» [37, стр. 95]. Едва ли найдется много желающих проходить через мучительные и часто рискованные процедуры, связанные с применением методов вспомогательной репродукции, без крайней необходимости, если для этого нет абсолютных медицинских показаний. Тем не менее, ситуации, когда в клинику по лечению бесплодия обратится женщина, не имеющая формальных медицинских показаний для применения того или иного метода вспомогательной репродукции, в реальной жизни в принципе вполне возможны. Должно ли ей быть отказано в предоставлении этой медицинской услуги. Возможно ли расширительное толкование понятия «медицинские показания», и могут ли они включать какие-либо психологические компоненты, связанные в том числе с так называемой «нетрадиционной» сексуальной ориентацией? Представляется, что

позиция законодателя по этому вопросу должна быть выражена более определенно.

Я. Дргонец и П. Холлендер, например, отрицая подобное право за одинокими женщинами и вдовами, приводят основные аргументы «за» и «против». Так, аргументами «за» выступают: 1) распространенность такого явления, как одинокие матери; 2)социальное благополучие некоторых матерей гарантирует необходимый уровень заботы о ребенке. Аргументы «против» выглядят следующим образом: 1)для полноценного воспитания и развития ребенка необходимы оба родителя – и отец, и мать; 2) искусственно оплодотворенная мать впоследствии может выйти замуж, и ребенок станет «лишним»; 3) неестественность материнства [21, стр. 166-167].

Е.В. Григорович также цитирует немецкого юриста Ф. Бекле, считающего, что на первом месте должны ставиться интересы будущего ребенка: «отдавая дань должного матерям-одиночкам, старающимся изо всех сил справиться с выпавшей на их долю задачей воспитания, необходимо дистанцироваться от такого социального явления, как безотцовщина, которая может отрицательно сказаться на психологическом состоянии ребенка» [19, стр. 29-30]. Актуальность данного высказывания многими специалистами объясняется тем, что на либеральном подходе к регулированию искусственного оплодотворения настаивают, в первую очередь, представительницы движения феминисток, лесбиянок и транссексуалов. Их доводы основываются на изменении всей концепции семьи: Ребенок без мужчины. Они направлены против традиционных ценностей, в первую очередь семьи [5; 6; 7; 9; 12; 22; 32; 33; 34; 39; 40; 41; 45; 73], и предполагают культивирование чуждых как для России, так и для Таджикистана, ценностей [8; 14; 23; 30; 31; 44; 48; 49; 60; 61; 62; 63; 64; 65; 67; 68; 75].

Так, законодательство Франции и Дании запрещает применение методов вспомогательных репродуктивных технологий у лесбиянок и гомосексуалов. Аналогичные ограничения имеются в большинстве стран. В 12 странах вспомогательные репродуктивные технологии предлагаются только супружеским парам, в 16 странах к таковым допускаются также пары, живущие в гражданском браке как минимум два года [42, стр. 59-60]. Вокруг разрешения гомосексуальным парам иметь детей с помощью репродуктивных технологий не утихают споры в научной среде. Они подогреваются с помощью искусственных судебных исков, рекламируемых средствами массовой информации. И.С. Кон выступает за законодательное признание права гомосексуальных пар на создание полной семьи. Обосновывается это тем, что очень много гомосексуалистов имеют и свое родное потомство, появившееся от гетеросексуального опыта общения. «В мужских парах стиль отношения с детьми не отличается от стиля «натуральных отцов... Не передается детям и отцовская сексуальная ориентация: дети гомосексуальных отцов, как правило, вырастают гетеросексуальными, причем продолжительность общения с отцами (в случае развода) на сексуальность ребенка не влияет» [35, стр. 380-381]. Аналогичен вывод у И.С. Кона и по отношению к лесбийским парам: «Как показывают многочисленные исследования, ни стиль их материнства, ни его результаты в принципе не отличаются от того, что делается в обычных разнополых или неполных, «материнских» семьях» [35, стр. 446]. Представленные выводы выбивают у противников отцовства (материнства) в гомосексуальных парах основной аргумент защита прав ребенка.

Самым ярким примером может служить решение голливудской кинозвезды Джоди Фостер (как озаглавил статью «Московский комсомолец» «Мама – Джоди Фостер, папа – цветной каталог») [20]. «Я всегда мечтала завести ребенка, но никогда не представляла, что это радостное событие будет происходить совместно с мужчиной, с супругом. Я представляла себе семейное счастье только вдвоем с ребенком, без посторонних лиц», – признается Джоди Фостер, воспитывая при этом ребенка с Сидни Бернхард, своей сожительницей.

Как было сказано выше, право на продолжение самого себя через свое потомство можно рассматривать сквозь призму содержания основного права – права на жизнь. При этом не всегда бывает достаточно инициативы двух людей разного пола. Вступление в интимную связь, направленную на зачатие ребенка, может и не привести к ожидаемому результату. Причины могут быть различными. Часть из них может быть устранена без медицинского вмешательства с течением времени. Часть – обусловлена биологическими особенностями организма того или иного партнера. В этом случае медицина говорит

о бесплодии [46, стр. 213]. Процент бесплодных пар с развитием технического оснащения человечества, как это не странно, увеличивается. По оценкам ВОЗ, в развитых странах он достигает 20 %. Если в прошлом проблема бесплодия разрешалась достаточно быстро – посредством развода, то в современном обществе пары стремятся преодолеть ее с помощью медицинского вмешательства. Одним из таких способов считается искусственное оплодотворение. Еще 28 июля 1885 года Ж. Жерар представил Парижскому медицинскому факультету диссертацию на тему «Вклад в историю искусственного оплодотворения», основанную на собственной практике (600 случаев внутрисемейного осеменения). Однако и Ж. Жерар не был первооткрывателем искусственного оплодотворения. В конце XVIII в. аббат Спалланцани провел искусственное оплодотворение собаки. В 1799 году У. Хантер первым опробовал этот метод на человеке, оплодотворив женщину спермой ее мужа, имевшего дефект полового члена. В 1883 году суд города Бордо вынес решение по делу между доктором де Лажартром и одной из его пациенток, подвергшейся искусственному осеменению, отклонив претензии доктора на получение гонорара: «Искусственное осеменение противно законам природы может представлять настоящую социальную опасность, а потому во имя поддержания достоинства брака надлежит воспрепятствовать переносу подобных методов из области Науки в область Практики... Этот метод выступает посредником между мужем и женой, применяющим искусственные средства, что противно естественному порядку вещей» [16]. Но во всех этих случаях зачатие происходило в самой полости матки, метод заключался лишь в инъекциях спермы [46, стр. 214].

Первая удачная попытка оплодотворения человеческой яйцеклетки in vitro связана с именами английского биолога Р. Эдвардс и английского гинеколога П. Стептоу (несколько позже такие же результаты были получены во Франции Ж. Тестаром). Работы Эдвардса позволили совершить операцию по искусственному оплодотворению яйцеклетки человека вне организма, которая после этого развивалась в чреве донора. В итоге в 1978 году в семье Браунов родилась девочка [15, стр. 401]. Сейчас в мире несколько десятков центров (в СНГ три – в Москве, Петербурге и Харькове), где производится пересадка эмбрионов человека после оплодотворения in vitro, и уже десятки тысяч детей появились на свет в результате искусственного оплодотворения.

Таким образом, медицина сделала весьма существенный шаг в борьбе с бесплодием (врачи считают, что около 15% женщин не могут рожать детей естественным способом). Однако борьба с бесплодием породила новые медицинские, этические, юридические и социальные проблемы. Новые технологии манипуляции жизнью включают в себя:

1) искусственное осеменение;

2) акт оплодотворения, проведенный в лабораторных условиях, и трансплантацию зародыша;

3) дородовую диагностику (и выборочный аборт);

4) генетическую консультацию и отбор;

5) выбор пола ребенка;

6) генную инженерию (сцепление генов, ДНК-рекомбинацию).

Одни ученые считают, что эти методы позволят победить болезни, улучшить человеческую жизнь, разрешить проблемы происхождения жизни, очертить биологически будущее человечества, накормить население земного шара, предотвратить экологическую катастрофу, решить энергетическую проблему и т. д. Другие ученые считают, что достижения биотехнологии угрожают жизненным ценностям [15, стр. 401].

Прежде всего, отмечается такая опасность, как биологическая угроза проникновения в окружающую среду микроорганизмов, опасных для человеческого сообщества и экологических систем в целом. В 70-е гг. прошлого века тревогу общественности вызывала возможность превращения мутантов кишечной палочки («эшерихии коли», выступающей одним из основных объектов генной инженерии) и других бактерий в «монстров», которые выйдут из-под контроля исследователей и станут возбудителями новых, неизвестных болезней.

В настоящее время биологи пришли к выводу, что работа с рекомбинантными ДНК достаточно безопасна и нет принципиального различия между микробом с фрагментом ДНК, встроенным методом генной инженерии, и микробом, который приобрел точно такой же фрагмент путем естественного механизма передачи генов, при этом в борьбе с вредителями культурных растений следует использовать организмы,

несущие рекомбинантные ДНК.

К методам вспомогательной репродукции (новым репродуктивным технологиям), применяемым при лечении бесплодия, как у мужчин, так и женщин, в самом общем виде, как правило, относят: I) искусственную инсеминацию женщины спермой мужа или донора; 2) экстракорпоральное оплодотворение (оплодотворение «вне тела» – in vilm) с последующим переносом (трансплантацией) эмбриона женщине; 3) вынашивание эмбриона (плода) суррогатной матерью. Необходимо сделать ряд пояснений относительно используемой в законодательстве медицинской терминологии. Искусственное оплодотворение, о котором идет речь в законодательстве, охватывает несколько различных медицинских технологий: искусственную инсеминацию, экстракорпоральное оплодотворение и введение сперматозоида непосредственно в яйцеклетку (методом микроманипуляции – ИКСИ). Имплантация эмбриона означает медицинскую процедуру по переносу эмбриона в полость матки и последующий естественный процесс внедрения эмбриона в слизистую оболочку матки (в эндометрий) [74, стр. 200].

При помощи искусственной стимуляции яичника (например, при помощи хломифена цитрата) вызывается овуляция с возникновением большого количества яйцеклеток, которые затем изымаются и оплодотворяются искусственным путем. Изъятие яйцеклеток производится при помощи лапароскопии или трансвагинальной пункции. Яйцеклетка, высаженная в питательной среде, помещается в большое скопление сперматозоидов, и с этого момента можно наблюдать различные фазы оплодотворения in vitro. Для пересадки в полость матки избираются эмбрионы, развитые до состояния 4-8 клеток, что соответствует 48-часовой инкубации in vitro. Пересаживают только от 3 до 4 эмбрионов. Остальные, так называемые «сверхчислом», замораживают для того, чтобы в случае неудачи повторить весь процесс. По желанию родителей сохраняемые таким способом эмбрионы могут быть употреблены и для вызова последующих беременностей [72].

Столь подробное описание необходимо, чтобы юрист мог оценить степень значимости этических проблем при данной методике, решения которых требуют от юриспруденции. Суть их такова: допустимо ли разрешение такой методики серьезного вмешательства в здоровье женщины? Соотносимо ли причинение вреда здоровью с ожидаемым результатом? Не будет ли убийством уничтожение «лишних» эмбрионов? Что делать с «лишними» эмбрионами? Могут ли они быть объектом промышленного производства и купли-продажи?

Прав Г.Б. Романовский, что само искусственное оплодотворение вряд ли можно назвать методом лечения, так как к искусственному оплодотворению обращаются те женщины, которые не страдают какими-либо серьезными заболеваниями. Поэтому принципы соизмеримости причинения вреда здоровью в целях спасения жизни пациента в этом случае не применимы [46, стр. 214].

Побудительным мотивом обращения за соответствующей услугой выступает только желание иметь ребенка. Соответственно может ли такое желание быть оправданием всему тому, что совершается в последующем достижении поставленной цели. Врачи указывают на сопутствующие негативные последствия. В результате гормональной стимуляции могут развиться серьезные заболевания: кисты, гипертрофия яичников, увеличивается риск внематочной беременности. Большинству женщин даже в случае успеха рожать приходится с кесаревым сечением. Увеличивается риск перинатальной смерти при недоношенности ребенка, а также рождение детей с врожденными дефектами.

Вызывает сомнение и первопричина искусственного оплодотворения – стерильность и бесплодие. Во-первых, сама операция не излечивает, а лишь обходит указанные причины. Во-вторых, врачи указывают, что при обращении пары часто испытывают трудности в зачатии. Это подтверждается большим процентом зачатий естественным путем после неудавшихся искусственных попыток. В-третьих, основными клиентами клиник в США являются лица, которые ранее сознательно проводили операцию по медицинской стерилизации в контрацептивных целях. В-четвертых, нередкими становятся обращения пар, уже имеющих собственных детей [46, стр. 214].

Как отмечает Л. Вандлак, слишком «велики социопрофессиональные ставки, восторги от возможности научно управлять размножением, а также экономические, политические и социодемографические интересы, связанные с этими

методами. Поэтому было бы наивно думать, что развитие FIV и производственных методов можно легко контролировать при наличии ясного коллективного осознания важности, так сказать, «экологии размножения» [13, стр. 98].

Кроме того, нельзя игнорировать социально-этические проблемы, связанные с эктогенезом (полное развитие человеческого зародыша вне организма женщины в течение 40 недель с момента зачатия): 1) забеременевшая женщина, которая не хочет рожать, может отдать эмбрион в лабораторию для исследований, что вероятно, приведет к катастрофическим последствиям. Все живые земные организмы используют один и тот же генетический код при биосинтезе белка, следовательно, можно связать между собой частицы ДНК весьма разных организмов, например, человека и растений или животных и пр. Хотя эти субмикроскопические частицы относятся к разным индивидам одного и того же вида или различным видам организмов, здесь отсутствует отторжение, сопровождающее трансплантацию органов и тканей. На элементарном уровне жизни возможны самые неожиданные комбинации, которые могут быть направлены против человека: выращивание искусственных гибридов (наделенных соответствующими свойствами и чертами) для военных нужд, что может привести к неисчислимым социальным бедствиям; 2) в медицинских центрах имеются условия для выращивания эмбрионов, из которых можно формировать банки органов; выращенные искусственно эмбрионы дают возможность получить те или иные органы и ткани, при пересадке которых взрослому пациенту не наблюдается отторжения организмом чужеродных включений. По мнению некоторых трансплантологов, если не осуждается пересадка органов и тканей, взятых у трупов, то не стоит протестовать и против трансплантации органов и тканей искусственно выращенных эмбрионов [15, стр. 401; 36; 52; 57; 70; 71].

Действительно, первоначально основным побудителем медицинских экспериментов была трагедия невозможности продолжить свой род. Но сейчас дискуссии идут совсем по другому руслу. Должны ли обладать правом на искусственное оплодотворение гомосексуальные пары, как наладить производство эмбрионов для лечения некоторых заболеваний?

Для увеличения процента успешности операции, производят стимуляцию яичников и заготовку большего количества эмбрионов, чем это необходимо для зачатия одного ребенка. Отсюда риск многоплодной беременности, результатом которой является так называемый селективный аборт. Неиспользованные эмбрионы также в последующем либо криоконсервируются, либо уничтожаются. Но даже при криоконсервации эмбрионы не находятся на вечном хранении. Так, французское законодательство предусматривает 5-летний срок хранения, после чего происходит их уничтожение. Как отмечает Ж. Судо, «метод, призванный «дать жизнь», в конце концов, вызывает смерть» [72]. Обсуждается такой путь решения проблемы, как усыновление эмбриона. В настоящее время законодательство не предусматривает данной возможности, так как усыновление возможно только по отношению к родившемуся человеку. Следует отметить, что использование эмбрионов для лечения некоторых заболеваний порождает искушение налаживания их промышленного производства. Одновременно возникает вопрос, кто вообще наделен правом определять судьбу эмбрионов. Наиболее остро он поднимается при последующем разводе супругов. Должно ли быть соглашение? Будет ли вообще иметь юридическую силу какое-либо соглашение? Первооткрывателями такого рода тяжбы стали Мэри Сью Дэвис и ее бывший муж Дж. Дэвис, потребовавшие от суда определить, кто вправе решать судьбу замороженных эмбрионов, полученных из их гамет [38, стр. 593]. О.А. Хазова считает: «В результате применения методов вспомогательной репродукции создаются совершенно иные условия осуществления мужчиной и женщиной своих репродуктивных прав, совершенно иные условия решения вопроса об отцовстве и материнстве. В отношении эмбриона, созданного «по заказу» бесплодной пары, до тех пор, пока он находится вне тела женщины, каждый из будущих родителей должен быть наделен абсолютно равными правами, и, возможно, это единственная ситуация, когда женщина не должна иметь преимущественных прав в отношении ее будущего ребенка по сравнению с ее мужем (или партнером)» [18, стр. 128].

Еще одним обстоятельством, заставляющим серьезно задуматься, является дороговизна операции при небольшом проценте ее эффективности. Врачей нередко обвиняют в

меркантильности. При этом указывается на неэффективность использования денежных средств.

Производными от искусственного оплодотворения in vitro являются такие вспомогательные методы репродукции, как донорство яйцеклетки, пересадка зародышей. В первом случае происходит процедура, аналогичная донорству спермы, только объектом донорства выступает яйцеклетка. Донорская яйцеклетка оплодотворяется, а затем пересаживается реципиенту. Этические проблемы состоят в том, что реципиент фактически вынашивает неродное дитя. Отсутствует биологическое родство, хотя процесс рождения происходит по-настоящему. Тем самым медицина разделила процесс рождения и свойство биологического родства. Несмотря на это, родившийся ребенок считается родным не для донора яйцеклетки, а для лица, его родившего.

Пересадка зародышей состоит в использовании спермы мужа для искусственного оплодотворения женщины, которая не является его женой. Через пять дней, т.е. на самой ранней стадии имплантации, зародыш извлекают из матки донора и переносят в матку жены. Если зародыш успешно имплантируется в матку жены, то обычно возникает нормальная беременность. Данный метод вызывает наибольшие споры. Действительно, в оплодотворении донора присутствует элемент биологической эксплуатации. Женщина обезличена, потребность возникает даже не в ней, а только в ее матке. При этом присутствует риск гибели зародыша. Несмотря на то, что операция не ведется с уже сформировавшимся организмом, вульгарный биологизм по отношению к человеческой материи отнюдь не приведет человечество к счастливому будущему.

С принятием в 1997 году Закона РТ «Об охране здоровья граждан» произошел, можно сказать, разрыв с практикой молчания, появилась специальная статья, которая так и называлась – «Искусственное оплодотворение и имплантация эмбриона» (ст. 38). В соответствии с ней было провозглашено: «Каждая совершеннолетняя женщина детородного возраста имеет право на искусственное оплодотворение и имплантацию эмбриона». Тем самым Закон пошел по пути закрепления самостоятельного субъективного права. Определен и субъект правомочия – совершеннолетняя женщина детородного возраста. В определении субъекта содержатся две характеристики. Одна из них указывает на возрастную границу – совершеннолетие, т. е. 18 лет. Вторая, хотя и говорит также о возрасте – детородный, – скорее всего предусматривает условием биологическую способность родить. Медики предпочитают в этом случае указывать на фертильность – способность к деторождению. Медицина использует и такой термин, как «фертильный возраст». Однако при определении его временных рамок исходят из того, что для каждой женщины он может варьироваться. Иными словами, помимо общих временных границ, используемых чаще всего при обработке статистических данных, присутствует и индивидуальный подход к возможностям женского организма. Вопрос, соответственно, состоит в том, каким критерием руководствовался законодатель, а значит, каким критерием должен руководствоваться правоприменитель. Если общим, то состояние здоровья конкретной женщины не будет иметь значения. По достижении определенного возраста она утрачивает право на искусственное оплодотворение. Если частным, то при обращении женщины за оказанием соответствующей медицинской услуги независимо от ее возраста должно быть проведено медицинское обследование, которое должно ответить на вопрос: способна ли она к деторождению? Все-таки искусственное оплодотворение – операция, носящая исключительный характер. Это не модная замена половому акту, как источнику продолжения жизни. Именно исходя из исключительности искусственного оплодотворения, необходимо законодательное закрепление особой процедуры допуска к данной репродуктивной технологии.

Наличие в государстве специализированных медицинских учреждений, реализующих соответствующие услуги, налагает на него дополнительные обязательства по обеспечению здоровья граждан, недопустимости нарушения их прав и свобод, а также уважение норм нравственности, сложившихся в обществе. Эти обязательства предопределяют допустимость ограничений, налагаемых на репродуктивные права гомосексуальных пар. Международное право также выработало общие принципы ограничения прав человека. Всеобщая Декларация прав человека (1948) в ст. 29 предусматривает: «При осуществлении своих прав и свобод каждый человек должен подвергаться только таким ограничениям, какие установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения

прав и свобод других лиц и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе». Европейская практика свидетельствует о том, что возможность усыновления ребенка рассматривается, как элемент права на уважение семейной жизни (ст. 8 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод). Более того, вопросами деторождения, конкурирующими по отношению друг к другу, как раз и выступают право на жизнь и право на неприкосновенность частной жизни. Если рассматривать научные дискуссии по заявленной тематике, то практически все они безусловно основываются на уяснении содержания этих основных прав. Если же рассматривать практику Европейского Суда по правам человека, то поскольку именно ст. 8 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод содержит общие принципы ограничения, не перечисляя их, как это сделано в ст. 2, именно через принципы ограничения права на уважение частной жизни происходит оценка европейского законодательства, связанного с вопросами деторождения.

Прежде всего, желающая стать матерью должна быть совершеннолетней и находиться в детородном возрасте. Необходимо наличие этих двух критериев одновременно, поскольку границы детородного периода меняются. Так, в 1993 г. 8-летняя жительница Мексики родила здорового ребенка [43].

Если женщина состоит в браке, то на операцию требуется двустороннее согласие супругов. Это обусловлено ст. 32 СК РТ, согласно которой все вопросы семейной жизни решаются супругами совместно. Возможны случаи, когда муж, страдающий наследственной болезнью, предлагает врачу провести искусственное оплодотворение жены без ее ведома и согласия под предлогом другого вида лечения. Если врач произведет такую операцию, то его действия следует признать незаконными в соответствии с Законом «О трансплантации органов и (или) тканей человека».

Не исключена ситуация, когда бездетная женщина просит осуществить гетерономную инсеминацию втайне от мужа. При этом решение женщины выходит за пределы согласия о распоряжении собственным телом, поскольку оно имеет значение для супруга, врача, донора и будущего ребенка [37, стр. 94].

Возникает вопрос, может ли проведение искусственного оплодотворения без согласия другого супруга служить основанием для развода. Иностранные суды по-разному решают такие дела. Например, в Нью-Йорке муж подал в суд заявление о разводе, обвинив жену, которой была проведена гетерономная инсеминация без его согласия, в супружеской неверности. Через 15 месяцев после рождения ребенка суд Манхэттена определил, что искусственное оплодотворение нельзя считать супружеской изменой. За подобный случай в Италии учительницу К. Казаротти приговорили к 20 дням тюремного заключения за нарушение супружеской верности [37, стр. 94].

Закон должен быть точным в смысле недопущения произвольного толкования и предусматривать подконтрольность действий публичных органов со стороны судебной власти. Точность закона исходит из того, что гражданин должен для себя представлять границы возможного ограничения и тем самым строить модель своего поведения.

Аргумент о неестественности материнства часто служит доводом в борьбе вообще с любыми действиями, направленными на оказание помощи людям в лечении бесплодия. Представители некоторых религиозных учений настаивают на том, что человек тем самым вмешивается в «божественную кухню», в то, что не должно находиться в сфере человеческого регулирования, а должно подчиняться только законам природы. Тем более что количество здоровых женщин, обращающихся за оплодотворением спермой донора, становится все больше. Одновременно говорится об искусственном влиянии на демографические процессы. Серьезные опасения вызывает то, что при искусственном оплодотворении возможна «выбраковка» генетического материала. В этом случае новую жизнь может получить социальная евгеника [46, стр. 228-229]. «Искусственное оплодотворение с помощью половых клеток, подвергшихся перед этим генным манипуляциям, либо искусственное оплодотворение клонированной клетки подвели биологическую науку к той черте, за которой ее возможности создать угрозу для человека сравнимы только с потенциалом ядерной физики. Причем потенциальная биологическая опасность гораздо больше, так как генные манипуляции

способны привести к дезинтеграции личности человека при сохранении его физического бытия. Кроме того, их можно совершать незаметно, в отличие от ядерных взрывов», – указывают Я. Дргонец, П. Холлендер [21, стр. 168].

Законодательство не запрещает одинокой женщине воспользоваться правом на искусственное оплодотворение. Одновременно замужняя женщина не может использоваться данным правом без письменного согласия на то супруга, которое является обязательным условием при проведении операции. В соответствии с Приказом Минздрава РФ от 28 декабря 1993 года № 301 супруги должны подписать заявление-обязательство. В нем указываются данные свидетельства о браке. В настоящее время и в Семейном кодексе РФ однозначно урегулирован данный вопрос об обязательности согласия супруга (ст. 51) [46, стр. 229]. К сожалению, в РТ этот вопрос в рамках семейного законодательства не регулирован.

Искусственное оплодотворение женщины и имплантация эмбриона могут быть осуществлены только в учреждениях, получивших лицензию на указанный вид деятельности. Цитированный Приказ № 301 дополняет, что непосредственно проведение операции разрешается специалистам, имеющим сертификат на указанный вид деятельности. Законодательства об охране здоровья граждан не содержат запрета на соискание такой лицензии для негосударственных учреждений.

Сведения о проведенных искусственном оплодотворении и имплантации эмбриона, а также о личности донора составляют врачебную тайну. В заявлениях-обязательствах супруги (одинокая женщина) подписываются под тем, что не будут устанавливать личность донора и обязуются сохранить тайну зачатия ребенка, так и донор не будет принимать мер по установлению личности реципиентки, а также ребенка, родившегося в результате оплодотворения. Нелогичным выглядит обязательство по сохранению тайны зачатия самими родителями. М.Н. Малеина правильно указывает, что даже в отношении усыновления семейное законодательство оперирует категорией субъективного права, а не обязанностью по отношению к усыновителям [37, стр. 94], тем более что текст законов не содержит такой обязанности.

Заявление-обязательство супругов хранится постоянно в отдельной папке в течение 10 лет в учреждении, где производилась искусственная инсеминация. По требованию супругов (женщины) заверенная копия заявления выдается им на руки. Как представляется, хранение, ограниченное 10-летним сроком, служит дополнительной гарантией анонимности донора [46, стр. 230]. Однако по истечении указанного времени доказать, что донор добровольно отказался от каких-либо прав на свой биологический материал, будет уже сложно, если обязательство будет уничтожено. Экспертизу же родства донора и рожденного ребенка в современных условиях сделать достаточно несложно.

Законодательство об охране здоровья граждан предусматривает, что женщина имеет право на информацию о процедуре искусственного оплодотворения и имплантации эмбриона, о медицинских и правовых аспектах ее последствий, о данных медико-генетического обследования, внешних данных и национальности донора, предоставляемую врачом, осуществляющим медицинское вмешательство. Данное право вытекает в том числе из общего положения, закрепленного ст. 31 указанного Закона: «Каждый гражданин имеет право в доступной для него форме получить имеющуюся информацию о состоянии своего здоровья, включая сведения о результатах обследования, наличии заболевания, его диагнозе и прогнозе лечения, связанном с ними риске, возможных вариантах медицинского вмешательства, их последствиях и результатах проведенного лечения». Обращает на себя внимание, что выбор донора не по фотографии, не по цветному каталогу, хотя каталог доноров формируется. В нем указываются лишь порядковый номер, и его фенотипические признаки: рост, вес, волосы, их цвет, разрез их глаз, нос, лицо, лоб, группа крови. Реципиент также может знакомиться с национальностью, образованием, знаком зодиака.

Как отмечает Ш.К. Гаюров, право использования информации означает применение сведений, которые характеризируется полезностью или семантической ценностью в различных сферах человеческой деятельности. Осуществление данного права дает возможность для расширения своего кругозора, интеллектуального потенциала, необходимого для свободного и правильного выбора варианта поведения [17, стр. 105].

Законодательство разрешает также проблему

юридических отношений ребенка и его родителей. Ст. 49 Семейного кодекса РТ указывает на общее правило: «Права и обязанности родителей и детей основываются на происхождении детей, удостоверенном в установленном законом порядке». Когда искусственное оплодотворение происходит в рамках супружеской пары, юридический конфликт не возникает. И мать, и отец – биологические родители по происхождению. Как быть, когда в отношениях присутствует донор? Интересен в этом случае подход Семейного кодекса РТ. Общий принцип не подвергается сомнению. Законодательство, реагируя на сложившуюся ситуацию, говорит только о записи родителей ребенка в книге записей рождений. Тем самым подтверждается, что родители, как таковые, только записываются. Само правило звучит следующим образом: «Лица, состоящие в браке и давшие свое согласие в письменной форме на применение метода искусственного оплодотворения или на имплантацию эмбриона, в случае рождения у них ребенка в результате применения этих методов записываются его родителями в книге записей рождений». Однако Семейный кодекс абсолютно умалчивает вопрос о том вправе ли донор оспорить отцовство, предъявив свои права на рожденного ребенка. Предусматривается и такая ситуация, когда присутствует донор яйцеклетки, но в последующем происходит пересадка зародыша будущей матери. Ни в заявлении-обязательстве донора спермы, ни в договоре по донорству ооцитов, который заключается между медицинским учреждением и донором ооцитов, не говорится о том, что доноры не будут в последующем предъявлять юридических претензий, связанных с биологическим родством будущего ребенка. Следует признать, что Семейный кодекс РТ вообще не остановился на проблеме искусственного оплодотворения. Достаточно сложно будет разрешать судебное дело, в котором донор будет настаивать на признании его родительских прав по отношению к ребенку, основываясь на биологическом происхождении. Интересным выглядит предложение, по которому отношения между ребенком и родителями должны определяться в порядке усыновления. Наверно, совершенно неприемлемым будет предложение о признании материнства и отцовства как за супругами, решившимися на искусственное оплодотворение, так и за донорами. Такое «двоемамие» («двоепапие») внесет полную неразбериху, которая отразится на психологическом состоянии ребенка. Трудно не согласиться с авторами монографии «Современная медицина и право» в том, что: «при решении вопроса о материнстве важнее всего цель, преследуемая искусственным оплодотворением. Цель искусственного оплодотворения состоит в лечении бездетности, в избавлении от психических переживаний и расстройств, возникающих на почве того, что женщина не способна иметь ребенка. Поэтому матерью надо признать ту женщину, на лечение которой было направлено искусственное оплодотворение» [21, стр. 171]. Исходя из этого, в семейное законодательство необходимо внести изменения, которые определили бы статус доноров спермы и ооцитов. Возвращаясь к сказанному, нельзя не привести несколько слов о природе самого договора, который рекомендуется заключать медицинскому учреждению с донором ооцитов. Гражданский кодекс исключает человеческие органы или ткани из гражданского оборота; они не могут быть предметом купли-продажи, обмена и т. д. Однако речь в договоре идет о «компенсации». Еще больше споров возникает при чтении обязательства донора понести материальную ответственность в случае нарушений условий договора, повлекших за собой срыв программы. Такой пункт может стать просто средством шантажа, когда донор, почувствовав ухудшение здоровья, пожелает отказаться от продолжения операции. По-видимому, здесь следует исходить и из положений ст. 30 Закона РТ об охране здоровья граждан: «Граждане и их законные представители имеют право отказаться от обследования и лечения на любом этапе, за исключением беременных женщин и несовершеннолетних, при заболеваниях, перечень которых устанавливается Министерством здравоохранения Республики Таджикистан». Указанная статья такое основание, связанное с донорством ооцитов, не предусматривает как невозможность отказа от медицинского вмешательства. В данном случае речь идет о предоставлении гражданину субъективного права – права на отказ от медицинского вмешательства – и оно, поскольку носит публичный характер, не может быть оговорено требованием о материальной ответственности.

Анализируя законодательство, нельзя не прийти к выводу, что учреждения здравоохранения слишком расширительно толкуют нормы

Закона об охране здоровья граждан относительно возможности искусственного оплодотворения. В частности, можно сказать, что операции, связанные с донорством ооцитов и зародыша, не разрешены действующим законодательством, хотя прямо и не запрещены. Такое донорство ничем иным, как подзаконными актами Министерства здравоохранения РТ, больше не регулируется. Законодательства РТ об охране здоровья граждан говорят только о праве женщины – реципиентки. Гарантии донора, его права как таковые в тексте отсутствуют. Лишь с некоей долей условности можно применить правила Закона РТ «О трансплантации органов и или тканей человека» [1]. Ст. 1 определяет условия и порядок трансплантации органов и (или) тканей: «Трансплантация органов и (или) тканей от живого донора или трупа может быть применена только в случае, если другие медицинские средства не могут гарантировать сохранения жизни больного (реципиента) либо восстановления его здоровья». Бесплодие и стерильность не могут быть причиной смерти человека. О восстановлении здоровья можно говорить только в том случае, если согласиться с тем, что есть такое понятие, как репродуктивное здоровье.

Законодательства РТ об охране здоровья граждан умалчивают и о гражданско-правовой ответственности медицинского учреждения за причинение вреда. Выше уже говорилось о применимости правил о защите прав потребителя к оказанию медицинской услуги (ст. 797 ГК РТ). Соответственно, будет ли отвечать медицинское учреждение за рождение неполноценного ребенка, когда очевидно причинение вреда его жизни и здоровью? В заявлении-обязательстве супруги (одинокая женщина) указывают: «Мы обязуемся не предъявлять претензии к врачу, проводившему искусственную инсеминацию, и руководителю данного лечебного учреждения в случае отсутствия эффекта от применения метода искусственной инсеминации, рождения ребенка с аномалиями развития или с ярко выраженными фенотипическими признаками, отличающимися от нашей национальности» [37, стр. 95; 46, стр. 236].

Е.В. Григорович указывает: «При проведении операций по искусственному оплодотворению и имплантации эмбриона пациент должен допускать фактор риска, т.е. иметь в виду, что данный вид услуг не гарантирует стопроцентного достижения результата (рождение ребенка). В этом случае медицинское учреждение ответственности не несет, так как оно добросовестно выполнило все необходимые действия» [19]**. Это говорит о том, что возможно еще, помимо прочего, неисполнение обязательств. Тем самым необходимо разделить ситуации, при наличии которых возможно причинение риска:

- искусственное оплодотворение не дало результата;
- рождение ребенка с аномалиями;
- рождение ребенка не с теми фенотипическими признаками, которые были оговорены;
- многоплодная беременность;
- причинение вреда здоровью донора (реципиенту).

Ссылки на риск при искусственном оплодотворении не должны оправдывать любые последствия медицинского вмешательства, которое всегда в себе несет определенную долю риска, будь то внутримышечная инъекция или операция на сердце. Законодательство, по-видимому, должно четко разделить вопросы о возмещении вреда при наличии вины медицинского учреждения и при соблюдении медицинским учреждением всех мер профессиональной предусмотрительности.

Обобщая вышеизложенное, можно отметить, что новые достижения в области искусственного оплодотворения порождают серьезные проблемы как этического, так и юридического плана, как и технологический и правовой прогресс в целом [24; 25; 26; 27; 28; 58; 59]. Так ли трагично бесплодие некоторых пар в условиях опасности перенаселения Земли? Тем более, что стерильностью страдает не такое большое количество людей. Здесь нельзя не упомянуть Норбера Рулана: «...порождая потомство, человек приносит благо, прежде всего самому себе. Если бы дело обстояло иначе, бесплодие не преодолевалось бы такими сложными способами, и усыновление практиковалось бы гораздо чаще (в традиционных обществах люди также стремятся прежде всего иметь собственных детей, но, если это им не удается, в их распоряжении имеется много разных способов обеспечить себе потомство, коль скоро природа им в этом отказывает)» [76, стр. 260]. Некоторые противники самой практики отмечают, что человек становится объектом регулирования. Указывается на

противоестественность зачатия. Каноническое католическое право возводит в принцип, что супружеский акт предназначен выражать и осуществлять совершенно особым образом специфические цели брака. Исходя из этого, выделяются также специфические свойства:

- его порождающая функция;
- его исключительность в браке;
- его объединяющая функция между супругами, которым он позволяет «совершить», осуществить во всей полноте их интимное общение [4, стр. 108-109].

Разделяя цепочку соитие – зачатие – рождение, человек нарушает Божественные каноны. «Человечество проделало большой скачок, отделив удовольствие секса от его биологической цели, и человек – единственная известная форма жизни, способная по своему желанию устроить секс без воспроизведения потомства и воспроизведение без секса», – указывает Э. Берн. Именно к этому основанию чаще всего относятся как к не имеющему какой-либо серьезности. Надо признать, что наука вторгается в такую область познания, которая не адекватна уровню сознания человечества.

Еще больше юридических проблем возникает в условиях трансграничности территорий. Лесбийская пара, которая не имеет права зачать ребенка в своей стране, может это сделать в другой.

Приведенные доводы показывают, что проблемы репродукции нельзя решать автоматическим способом – ввяжемся, а потом разберемся. Сдержанный подход обусловливает введение ряда ограничений на использование методики искусственного оплодотворения в Республики Таджикистан. Во-первых, правом на проведение операций должны обладать только государственные клиники, имеющие специальные лицензии. Во-вторых, при Министерстве здравоохранения РТ необходимо создать специальный этический комитет, перед которым отчитываются клиники и который должен подготавливать ежегодный отчет о развитии репродуктивных технологий. Этический комитет можно наделить также правом рассмотрения споров по заявлениям пациентов репродуктивных центров. В-третьих, законодательно должен быть закреплен круг субъектов, которые имеют право на обращение за специальной медицинской помощью: необходимо ввести верхнюю возрастную границу для женщин (по-видимому, 45-50 лет); установить запрет для гомосексуальных пар и иностранцев; определить в качестве основания обращение только к медицинским показаниям. В-четвертых, следует очертить круг составов преступлений в этой сфере в целях устранения декларативности норм Закона РТ «Об охране здоровья граждан».

Примечания

* Впервые имплантация эмбриона было осуществлена в июле 1978 г. в Англии. С тех пор в мире, по крайней мере 30000 детей были «зачаты» в пробирке. Более 3 тыс. детей родились в результате имплантации эмбриона в Австралии, около 3,5 тыс. – в Европе [77].

** Автор статьи приводит пример рождения двойни у супругов из Голландии. Донором спермы был муж, однако тест на ДНК показал, что один из детей является ребенком Вилмы и Виллема Стюартов, а второй – сын Вилмы, но не Виллема. По ошибке произошло оплодотворение спермой другого донора.

Список литературы

1. Закон Республики Таджикистан «О трансплантации органов и или тканей человека» // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 2007. – № 7.
2. Закон Республики Таджикистан от 15 мая 1997 г. № 419 «Об охране здоровья населения» // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 1997. – № 9.
3. Приказ Минздрава РФ от 28 декабря 1993 г. № 301 «О применении метода искусственной инсеминации женщин спермой донора по медицинским показаниям и метода экстракорпорального оплодотворения и переноса эмбриона в полость матки для лечения женского бесплодия» // Российские вести. – 1994. – № 21. – 8 февраля.
4. Аббате А. Положение о браке в новом каноническом законодательстве. – М., 2000.

5. Алборова А.Г. Крестьянская семья в имперской России (общая историко-правовая характеристика) // Правовое поле современной экономики. – 2014. – № 10. – С. 106-109.
6. Алборова А.Г., Сальников М.В., Семенова М.В. Отношение к институту брака в российской крестьянской среде XIX века // Мир политики и социологии. – 2013. – № 12. – С. 130-134.
7. Ананских И.А., Алборова А.Г., Кавшбая Л.Л., Романовская В.Б. Заключение брака по русским и абхазским обычаям XIX века (сравнительно-правовое исследование) // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 9. – С. 81-95.
8. Ананских И.А., Михеев А.А., Кирюшина Н.Ю. Современное российское государство и духовно-нравственное состояние общества // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 86-91.
9. Ананских И.А., Полугрудова Т.А., Семенова М.В. К вопросу об изменении и прекращении брачного договора по российскому законодательству // Ученые записки юридического факультета. – 2015. – № 38(48) – С. 86-92.
10. Афанасьева Е.Г. У истоков человеческой жизни: Правовые аспекты. – М., 1994.
11. Бабаджанов И.Х. Сальников В.П., Клонирование человека: теория правового регулирования // Мир политики и социологии. – 2016. – № 9. – С. 173-182.
12. Бондаренко О.Г. Правовая природа и применение института брачного договора в России и за рубежом // Актуальные проблемы реализации прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: Сб. матер. межрегиональной науч-практ. конф. , 20 мая 2015 г., г. Орел. / Под ред. Е.Н. Щендригина, Д.П. Майоровой. – Орел: ОрлГУ им. И.С. Тургенева, 2015. – С. 75-78. – в сб. 292 с.
13. Вандлак Л. Обратная сторона размножения // Пол, секс, человек. – М., 1993.
14. Вершинина Д. Б. Проблема прав сексуальных меньшинств в контексте президентских выборов 2008 г. в США // Вестник Пермского государственного университета. Серия: Политология. – 2010. – № 1. – С. 31-35.
15. Волков Ю.Г., Поликарпов В.С. Человек: Энциклопедический словарь. – М., 1999.
16. Гаварини Л. Искусственное оплодотворение: сто лет дебатов // Пол, секс, человек. М., 1993. – С. 105-107.
17. Гаюров Ш.К. Личное информационное право граждан: проблемы гражданско-правового регулирования в Республике Таджикистан: Монография. – М. 2010.
18. Гендерная экспертиза российского законодательства / Отв. ред. Л.Н. Завадская. – М. 2001.
19. Григорович Е.В. Некоторые аспекты правового регулирования искусственных методов репродукции // Юрист. – 1999. – № 2.
20. Дайджест «Московский комсомолец». – 1999. – 5-12 авг.
21. Драгонец Я., Холлендер П. Современная медицина и право. – М.: БЕК, 2003.
22. Епископ Филипп (М. Филипченко). Православная семья: духовность, быт, здоровье. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2007. – 283[2] с. – (Золотой фонд).
23. Жданов П.С., Сальников С.П., Романовская В.Б., Цыганов В.И. От гуманизма к имморализму, от прав естественных к правам противоестественным: смена ценностных оснований западного права // Мир политики и социологии. – 2015. – № 11. – С. 90-98.
24. Захарцев С.И., Сальников В.П. О правовом прогрессе как философско-правовой проблеме // Российский журнал правовых исследований. – 2015. – № 2(3). – С 113-121.
25. Захарцев С.И., Сальников В.П. Правовой прогресс – новая философско-правовая дефиниция // Мир политики и социологии. – 2016. – № 4. – С. 171-188.
26. Захарцев С.И., Сальников В.П. Правовой прогресс и ценности права // Мир политики и социологии. – 2015. – № 9. – С. 17-31.
27. Захарцев С.И., Сальников В.П. Правовой прогресс как актуальная философско-правовая проблема // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 9. – С. 175-192.
28. Захарцев С.И., Сальников В.П. Правовой прогресс: философский и философско-правовой подходы // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 1. – С. 13-30.
29. Захарцев С.И., Сальников В.П. Человек и клон. Есть ли пределы биомедицинских экспериментов над человеческим существом? // Мир политики и социологии. – 2013. – № 11. – С. 163-170.
30. Исаева Е.А. Однополые пары и дети: аспекты британского и американского законодательства // Социально-юридическая тетрадь. – 2012. – № 2. – С. 138-147.
31. Исаева Е.А., Соколов А.В. Легализация однополых браков: реализация политики равенства или разрушение института семьи? // Ярославский педагогический вестник. Том I (Гуманитарные науки). – 2013. – № 3. – С.109-112.
32. Каймакова Е.В. Понятие и сущность принципов правового регулирования семейных отношений // Российское правосудие. – 2009. – № 5. – С. 42-50.
33. Квачадзе О.Б., Романовская Л.Р., Семенова М.В. Статус свободной женщины и детей в европейском средневековом городском праве // Мир политики и социологии. – 2015. – № 7. – С. 140-146.
34. Кириллова Т.К., Биктасов О.В., Сальников С.П. Юридический статус русских граждан в области

семейно-брачных отношений (XVI-XVIII вв.) // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2005. – № 4. – С. 32-37.
35. Кон И.С. Лунный свет на заре. Лики и маски однополой любви. – М., 1988.
36. Курбонзода Ш.Ш. Гражданско-правовое регулирование трансплантации органов и тканей человека по законодательству Республики Таджикистан // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 4. – С. 73-78.
37. Малеина М.Н. Человек и медицина в современном праве. – М., 1995.
38. Мастерс У., Джонсон В., Колодни Р. Основы сексологии. – М.: Мир, 1998. – 721 с.
39. Никонов С.П. Семейное право в решениях волостного суда // Журнал М-ва Юстиции. – 1902. – № 10. – С.79-104.
40. Павлов Г.Н. Актуальные вопросы брачного договора в Российской Федерации // Вестник Омского ун-та. – 2013. – № 1.
41. Петрова Д.В., Синцов Г.В., Банников И.Г. К вопросу о брачном договоре // Проблемы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2011. – № 3.
42. Померанцева Е.И., Козлова А.Ю., Супряга О.М. Законодательное обеспечение вспомогательных репродуктивных технологий: состояние проблемы (обзор литературы) // Проблемы репродукции. – 2000. – № 2.
43. Родила в 8 лет // Московский Комсомолец. – 1993. – 15 января.
44. Романовская В.Б., Сальников В.П. Поиск национальной идеи в многополярном мире // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 7. – С. 44-50.
45. Романовская В.Б., Петикян С.Г., Семенова М.В. Заключение и расторжение брака по Судебнику астраханских армян XVIII века (страницы истории права) // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 12. – С. 104-110.
46. Романовский Г.Б. Гносеология права на жизнь. – СПб.: Юридический центр пресс, 2003. – 370 с.
47. Сальников В.П., Бабаджанов И.Х. Клонирование человека: есть ли сегодня такое право на земле? // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 192-204.
48. Сальников В.П., Груздева М.Л. Преодоление Европы: философско-правовое эссе // Мир политики и социологии. – 2015. – № 8. – С. 11-22.
49. Сальников В.П., Романовская В.Б. «Orient» или «oxident»: в какую сторону смотрит российский орел? // Мир политики и социологии. – 2014. – № 11.
50. Сальников В.П., Старовойтова О.Э. Клонирование человека как правовая категория // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2006. – № 1. – С. 31-36.
51. Сальников В.П., Стеценко С.Г. Биоюриспруденция: проблема отграничения от схожих правовых конструкций // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 10. – С. 190-197.
52. Сальников В.П., Стеценко С.Г. Общие принципы правового регулирования трансплантации органов и тканей человека // Юрист. – 2000. – № 6. – С. 38-40.
53. Сальников В.П., Стеценко С.Г. Правовая перинатология как составная часть биоюриспруденции: к постановке вопроса // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 12. – С. 196-205.
54. Сальников В.П., Стеценко С.Г. Правовая соматология как составная часть биоюриспруденции // Юридическая наука: история и современность. – 2014. – № 10. – С. 141-148.
55. Сальников В.П., Стеценко С.Г. Правовая танатология как составная часть биоюриспруденции // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 1. – С. 32-38.
56. Сальников В.П., Стеценко С.Г. Правовая танатология: место и роль в современной биоюриспруденции // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 5. – С. 69-77.
57. Сальников В.П., Стеценко С.Г. Трансплантация органов и тканей человека: проблемы правового регулирования: Научное издание. / Под ред. и со вступ. ст. В.П. Сальникова. МВД России, Санкт-Петербургский государственный университет, Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности. – СПб.: Фонд «Университет», 2000. – 140 с. – Сер. Право и медицина.
58. Сальников В.П., Романовская В.Б., Фомичев М.Н. Право и научно-технический прогресс: вместе или отдельно // Мир политики и социологии. – 2016. – № 2. – С. 175-193.
59. Сальников В.П., Романовская В.Б., Фомичев М.Н. Трансформация правовых ценностей в эпоху научно-технического прогресса // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 9. – С. 59-69.
60. Сальников В.П., Романовская В.Б., Цыганов В.И. Западная цивилизация и угроза голубого интернационала: политико-правовая агрессия периода постмодерна // Мир политики и социологии. – 2015. – № 9. – С. 193-202.
61. Сальников В.П., Жданов П.С., Сальников М.В., Романовская В.Б. Русская религиозная философия права как защита национальных ценностей от инокультурной экспансии // Мир политики и социологии. – 2015. – № 7. – С. 11-18.
62. Сальников В.П., Романовская В.Б. Сальников М.В., Романовская Л.Р. Почему на Восток: поворот России в современном политико-правовом пространстве // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 9.

– С. 58-68.
63. Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Романовская Л.Р. Религиозные и иные духовные традиции как защита от угрозы деградации общества // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 7. – С. 173-179.
64. Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Романовская Л.Р. «Русский поворот» в политико-правовом дискурсе // Ученые записки юридического факультета. – 2015 – № 38(48). – С. 192-198.
65. Сальников В.П., Сальников М.В., Романовская В.Б., Романовская Л.Р. Национальная идея или правовое государство через призму национальных интересов // Правовое государство: теория и практика. – 2015. – № 3(41). – С. 16-22.
66. Сальников В.П., Старовойтова О.Э., Никитина А.Е., Кузнецов Э.В. Биомедицинские технологии и право в третьем тысячелетии: Научное издание / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2003. – 256 с. – (Серия: «Право и медицина»).
67. Сальников М.В. Западная традиция права: политико-правовые ценности и идеалы // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 170-191.
68. Сальников М.В., Вележев С.И., Тищенко А.Г. Отечественная и западная политико-правовые традиции: сравнительно-правовой аксиологический анализ // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2004. – № 4(24). – С. 29-31.
69. Силуянова И.В. Искушение клонированием или человек как подобие человека. – Сергиев Посад: Московское подворье Свято-Троицкой Сергиевой лавры. – 1998.
70. Старовойтова О.Э. Основы правовой соматологии: Монография / Под общ. ред. и со вступ. ст. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2006. – 416 с. – (Серия: «Право и медицина»).
71. Старовойтова О.Э. Юридический механизм реализации и защиты соматических прав человека и гражданина в Российской Федерации: историко-правовой и теоретический анализ: Дис. … докт. юрид. наук. – СПб., 2006.
72. Судо Ж. От оплодотворения in vitro до клонирования. – М., 2002.
73. Сэруа В.С., Семенова М.В. Юридические научные общества и их роль в становлении буржуазного семейного права в дореволюционной России // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 12. – С. 111-116.
74. Хазова О.А. Правовые аспекты применения вспомогательных репродуктивных технологий в России // Современное медицинское право в России и за рубежом: Сб. науч. труд. / РАН. ИНИОН. Отв. ред. О.Л. Дубовик, Ю.С. Пивоварова. – М., 2003.
75. Чернова О.Ю. «Право» на однополый брак в контексте личных прав человека // Ученые записки юридического факультета. – 2015. – № 38(48). – С. 81-85.
76. Юридическая антропология. – М., 1999.
77. IVF news, Organon, Summer, 1990.

БОРУЛЕНКОВ Юрий Петрович,
проректор Санкт-Петербургской академии Следственного комитета России, кандидат юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: borulenkov@bk.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и исто-рия права и государства; история учений о праве и государстве

МЕТОДОЛОГИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ: ОТ ФОРМАЛЬНОЙ (КЛАССИЧЕСКОЙ) К УНИВЕРСАЛЬНОЙ, ПРАКТИЧЕСКОЙ ИЛИ ИНТУИТИВНОЙ ЛОГИКЕ

Аннотация. *В центре внимания автора находится логический подход методологии юридического познания, позволяющий правильно мыслить и познавать правовую действительность, избегать логических ошибок, не допускать противоречий в рассуждениях, умело и аргументировано обосновывать выводы и практические действия. Данный подход позволяет выявить содержание и объем правовых понятий, дать их определение, характеристику существенных признаков, классифицировать указанные правовые явления. Отмечается, что в правоведении, несмотря на частое упоминание, формальная логика остается фактически невостребованной, поскольку не распространяется на сферу должного. Подчеркивается, что для практического правоведения важно, чтобы в логике как целостной науке должны быть разработаны разделы, непосредственно связанные с практикой. Юридическая логика должна представлять собой пригодный для оперативного контроля над рассуждениями прикладной вид знаний, рассматривающий применение общей логики в конкретной специфической сфере – юридическом познании.*

Ключевые слова: *юридическое познание; методология юридического познания; логический подход методологии юридического познания.*

BORULENKOV Yu.P.

METHODOLOGY OF LEGAL COGNITION: FROM FORMAL (CLASSICAL) TO UNIVERSAL, PRACTICAL OR INTUITIVE LOGIC

The summary. *The author focuses on the logical approach of the methodology of legal cognition, which allows one to correctly think and cognize the legal reality, avoid logical errors, avoid contradictions in reasoning, and skilfully and reasonably justify conclusions and practical actions. This approach allows us to identify the content and scope of legal concepts, to define their definition, to characterize the essential features, and to classify these legal phenomena. It is noted that in the jurisprudence, despite frequent reference, formal logic remains virtually unclaimed, as it does not extend to the sphere of due. It is emphasized that, for practical jurisprudence, it is important that sections, directly connected with practice, should be developed in logic as an integral science. Legal logic should be an applied form of knowledge suitable for operational control over reasoning, considering the application of general logic in a specific specific area - legal cognition.*

Key words: *legal cognition; methodology of legal cognition; logical approach of the methodology of legal cognition.*

Наука, изучающая закономерности правильного мышления, обучающая правилам доказывания и опровержения, аргументирования своих мыслей и ведения диалога, получила имя логики. Сколь ни были бы разнообразны явления мира и сложны создаваемые человеком инструменты познания, его логика оказывается последним и главным инструментом, от которого по сути и зависит конечный результат познавательной деятельности – знание [7]. Соответственно и тот параметр исследовательского труда, в котором представлено рациональное знание, следует назвать логическим (в отличие от психологического, социологического или лингвистического[3; 4; 5]).

Я.М. Магазинер, размышляя о методологии правовой науки, писал: «Строго говоря, методов только два: это великие всеобъемлющие методы дедукции и индукции... К ним примыкают такие методы ... вытекающие из определенных познавательных доктрин, как методы материалистический, идеалистический, диалектический и т.д.» [26, стр. 101]. Как видим, эти два универсальных приема познания поставлены на первое место – прежде диалектики!

По мнению А.В. Маркина, диалектика продуктивна лишь в единстве с логикой, одним из состояний которой, в сущности, и является. Диалектика по природе своей – логика отрицания, а следовательно, логика критики, уничтожения, разрушения. И только зрелый разум, на высокой стадии своего развития, разум, опирающийся на доводы рассудка, разум, способный контролировать буйную природу диалектики, способен вывести ее на уровень научного созидания [22].

По образному выражению Ф. Бэкона, логика должна сделать процесс отыскания научных истин независимыми от остроты ума, подобно тому, как изобретение циркуля сделало черчение кругов независимым от твердости руки [8, стр. 46].

В.М. Сырых отмечает, что проблема соотношения *теории познания и логики как частей философии* решается двояким образом: в одних философских учениях они признаются самостоятельными частями философского знания, в других (например, в материалистической философии) воспринимаются как единое целое. Теория познания признается одновременно и логикой познания. Однако независимо от трактовки соотношения теории познания и логики все философские учения реализуют *логико-методологическую функцию* тем, что: 1) формулируют достаточно развитую совокупность принципов познания, особых нормативов, следование которым является необходимым условием получения достоверных, рациональных научных знаний; 2) раскрывают и развивают систему общих (логических) методов научного познания; 3) формулируют законы логически последовательного мышления; 4) определяют основные формы мышления и нормативы, которым эти формы должны удовлетворять [37, стр. 83]. По нашему мнению, при разработке *теории юридического познания* [6] должен последовательно соблюдаться аналогичный подход.

Логическое познание – это такой этап освоения действительности и формирования нового знания, когда доминирует абстрактное мышление с базовыми операциями: *анализом, синтезом, абстрагированием, обобщением*, а также более сложными производными логическими операциями: *сравнением, экстраполяцией, индукцией, дедукцией, конъюнкцией и многочисленными видами умозаключений и логических силлогизмов.* Причем в каждой операции мышления они применяются обычно не только раздельно, но и совместно, в единстве. Логические приемы не выступают в «чистом» виде, а всегда включаются в содержание метода как системы используемых в определенном порядке познавательных средств [32].

В науке логико-познавательный аспект имеет особые характеристики, обусловленные природой ее предмета, для конструирования которого необходимы свои категории и объяснительные принципы. В научном познании на базе понятий, суждений и умозаключений формируются более сложные логические образования: *проблемы, гипотезы и теории*, на основе которых выводятся *научные учения, концепции и целые науки*. Также в состав научного знания входят его логические формы: *аксиомы, постулаты, законы, эмпирические зависимости* [30].

Исследователи отмечают, что логический подход обладает как преимуществами, коренящимися во всеобщности независимых от содержания сущности его постулатов и выводов, в их открытости для рационального изучения и проверки (дает знание общего, изучает историю явлений, устраняет индивидуальные различия

ощущений и восприятий и т.д.), так и следующими недостатками: а) грузом мыслительного материала прошлого, б) идеологическими заблуждениями и пристрастиями, в) вырыванием объекта из реальных связей. Поэтому познание продолжается в практической плоскости [9, стр. 96-107].

В *юридическом познании* логика охватывает все способы формализации порождений умственной активности. «Грамотное использование логических законов и форм – *пишет В.Н. Карташов* – позволяет правильно мыслить и познавать правовую действительность, избегать логических ошибок, не допускать противоречий в своих рассуждениях, умело и аргументировано обосновывать свои выводы и практические действия»[17, стр. 36].

По мнению Д.А. Керимова, логический подход в сфере правовых явлений и процессов а) раскрывает их сущность в статическом состоянии, отвлекаясь от своеобразия их конкретных проявлений; б) выявляет их внутренние связи, основы взаимодействия и взаимопроникновения; в) обнаруживает общую схему их движения и развития в соответствии со всеобщими закономерностями социального бытия [18, стр. 113-114].

В правоведении логические средства познания имеют интегральное значение. Например, *анализ и синтез* позволяют переходить от менее конкретных к более конкретным правовым реальностям [2]. Посредством анализа единая правовая целостность делится на отдельные составные части (нормы права, правонарушения, юридические факты и т.д.), каждая из них детально рассматривается самостоятельно, а затем с помощью синтеза все части соединяются в мышлении во всем богатстве их специфики и восстановленном целостном единстве многообразного проявления правовой действительности.

Система права с логической точки зрения представляет собой результат творческой деятельности людей, которая объективируется в языковой форме. Нормы права выступают как своеобразные языково-логические феномены [40]. Изначально заложенная в праве направленность на решение жизненных ситуаций, строгость в регулировании общественных отношений должна достигаться посредством формализации как отображения результатов человеческого мышления в точных понятиях и утверждениях, что может обеспечиваться подчинением требованиям и правилам формальной логики всех элементов правовой материи [10, стр. 21]. Отталкиваясь от реального материала, логика в основном имеет дело с *абстрактными конструкциями.*

Логический подход позволяет выявить содержание и объем правовых понятий, дать их определение, характеристику существенных признаков, классифицировать указанные правовые явления и т.д. Понятие есть логически однозначное понимание символа. «В юридическом дискурсе, – *отмечает И.В. Палашевская,* – используется логический подход к описанию значений понятий в терминах необходимых и достаточных признаков, которые отобраны из бесконечного многообразия признаков и семантических измерений действий и их комбинаций в жизни, раскрывая его смысл и позволяя оценивать произошедшее как юридически значимое. *Нарративная экспликация события* (выделено нами – Ю.Б.) предполагает обязательные признаки, обозначенные законодателем в описательных диспозициях норм» [27, стр. 34].

По мнению В.М. Сырых, ученые-правоведы призваны во всех своих исследованиях последовательно руководствоваться как общими логическими принципами, так и законами формальной логики, творчески использовать общие логические методы, неукоснительно выполнять иные правила, требования логики [37, стр. 84-85].

В тоже время мы не можем не согласиться с А.А. Павлушиной отмечающей, что в исследованиях по общей теории юридического процесса, несмотря на частое упоминание, формальная логика остается фактически невостребованной, поскольку является областью весьма специального знания. Ее возможности не просто не исчерпаны, но фактически не востребованы. Применительно к проблемам процесса небезынтересными являются выводы логиков о «третьих» элементах в классических парных категориях, так в пару «истина – ложь» они добавляют в качестве третьего истинностного значения «бессмыслицу»; в пару «индукция – дедукция» – «абдукцию»*[1]. Подобные выводы не могут игнорироваться и системой гуманитарного знания, их еще предстоит использовать при изучении юридического процесса [26, стр. 104].

К.А. Стрельников отмечает, что общепринято признавать господство в современном правоведении классической (формальной) логики, в соответствии с общими правилами которой все

суждения либо истинны, либо ложны. При этом суждение абсолютно и не зависит от условий, цели, субъекта. Отсюда вытекает уверенность, что логика может разрешить все вопросы, представив логическую конструкцию. И право, основанное на принципах классической логики, предстает чуть ли не абсолютной истиной и вне зависимости от условий может быть безусловным регулятором общественных отношений. При этом не следует забывать о том, что общая система классической логики предусматривает так называемые *парадоксы*. В связи с этим следует констатировать, что право, вооруженное правилами исключительно классической логики, не может разрешить ряд задач [36].

В. Кнапп и А. Герлох, писали о классической логике в правовом мышлении [20, стр. 105, 111, 114], умалчивая о *парадоксах импликации**[2]. Согласно парадоксальным формулам истинное высказывание может быть обосновано любым высказыванием, а ложное высказывание может быть основанием для любого высказывания. «Признать такие законы логики в юриспруденции, – *подчеркивает Н.Н. Жалдак,* – означало бы признание, во-первых, правомочными в качестве аргументов произвольных высказываний, независимо от того относятся ли они к делу и истинны ли они, а во-вторых, признание правомочности произвольных высказываний в качестве следствий из заведомо ложных высказываний. Если первое могло бы вести к произволу в аргументации, то второе, в силу ответственности за последствия, могло бы вести к некоторому произволу в определении последствий, за которые наступает ответственность» [13, стр. 23].

Можно констатировать, что если в науке формальная логика как-то работает, то в сфере практического правоведения все значительно сложнее, здесь формальная логика практического применения не находит. Более того, юристы-практики формальную логику как дисциплину практически не знают, тем более не руководствуются. Вернее руководствуются, тем, что можно, наверное, назвать логикой, которая в тоже время у каждого своя. Но можно ли говорить о логике как правилах мышления, если у каждого они свои? И могут меняться в зависимости от внешних объективных или субъективных факторов, например, интереса.

Различие между знаниями разных людей в одной области познания сводится не только, и не столько к знанию или незнанию неких данных, сколько к принятию человеком одних и неприятию других представлений в свою систему знаний в соответствии с собственным логическим нормативом как «внутренней установкой» [19]. Неприятие человеком некоторых знаний означает его отношение к ним как сомнительным или недостоверным. Следовательно, логический норматив каждого отдельного человека выступает индивидуальным критерием достоверности знаний [1, стр. 69-70], что является объяснением непротиворечивости известной поговорки «сколько юристов – столько и мнений».

Более того. «И в *случае применения нормы,* и в *случае научного исследования* социально-правовых явлений – *пишет А.И. Овчинников* – суждение субъекта в некотором смысле представляет собой *практический силлогизм* (выделено нами – Ю.Б.), где в качестве одной из посылок лежит некоторый идеал, цель, ценность; в другой посылке некоторое действие связывается с этим желаемым результатом как средство его достижения (или наоборот как отвергающее его); в заключении говорится о применимости средства для достижения цели. Природа практического силлогизма качественно отлична от доказательственного, так как нет необходимой связи между посылками» [25, стр. 54].

Ученый подчеркивает, что в праве налицо специфика логической операции отнесения элемента множества к самому множеству – логическое отклонение: не установив, какое совершено преступление, нельзя сказать, что совершено преступление. Но логическое отклонение здесь присутствует лишь на первый взгляд, так как *логика не распространяется на сферу должного*. Здесь речь идет о взаимодействии должного и сущего, порождающего дилеммы при использовании логики: с одной стороны, нет оснований, чтобы отрицать возможность логического следования, одной из посылок которого является императив, с другой стороны, для логического вывода необходима истинность посылок, в то время как *императивные суждения не могут быть истинными или ложными**[3]. С этими парадоксами логика норм сталкивается с начала своего существования.

Понимание того, что законы дедуктивного знания не могут быть однозначно применимы к суждениям о должном приводит к появлению попыток формализовать лежащие за пределами

обычной логики предпосылки всей системы правовой действительности, их содержание. Поиски новых специфических логик, принадлежащих исключительно праву (правовая логика), являются попыткой преодоления недостаточности логики как средства восприятия права*[4]. Поэтому – делает вывод ученый – в праве может применятся лишь один из разделов общей логики – деонтическая логика (т.е. вне причин, порождающих нормы) [25, стр. 119-120].

В *практическом юридическом познании* преобладает опосредованный способ освоения правовой реальности. На всех этапах деятельность субъектов практического юридического познания имеет *универсальную логику*, основанную на *условно-вероятностных суждениях* [14]. По юридическому делу каждый субъект для себя составляет схематические линии, на вершине которых находится общее суждение о предмете спора, либо его части, основанное на ряде конкретных посылок, которые, в свою очередь, представляют собой основание иска факты или обстоятельства, подлежащие доказыванию [1, стр. 69-70].

Поскольку необходимы критерии подтверждения или опровержения версий сторон, представляющих собой вероятностные интерпретации событий, особую важность приобретает выработка средств логического контроля за утверждениями участников юридического спора, оценки истинности получаемой информации, ее совместимости с уже имеющейся [16]. Если известны посылки, то заключения могут выражать «некоторую степень разумной веры, располагающейся между достоверностью и невозможностью» [31, стр. 41].

Как отмечает С.М. Амосов, в юридическом познании методы построения логических умозаключений могут начинаться с подтверждения аксиом. Если удается выстроить умозаключение, где вершиной служит аксиома, а ее подтверждение основано на ряде посылок, то можно предположить, что все посылки верны. А раз так, то данные посылки можно встраивать в логические схемы, пока еще остающиеся под вопросом [1, стр. 69].

«Правовое мышление, – *констатирует Н.Н. Жалдак*, – интуитивно использует все *логические средства естественного языка, но* их освоение, использование и привязывание к определенным значениям в большой мере является спонтанным и не подлежащим сознательному контролю. Для сколько-нибудь массового формирования правильного, а значит, и логичного правового сознания необходима логика, предельно избавленная от ненужных усложнений, предельно приближенная к интуитивно используемой. Пока традиционные курсы логики для юристов не решают задачу, научить будущего юриста контролировать информацию, передаваемую всеми логическими формами суждений естественного языка» [13, стр. 25].

Усвоение языка есть одновременно и усвоение общечеловеческой, не зависящей от конкретных языков логики. Без нее, как и без грамматики, нет, в сущности, владения языком. В дальнейшем стихийно сложившееся знание грамматики систематизируется и шлифуется в процессе школьного обучения. На логику же специального внимания обычно не обращается, ее совершенствование остается стихийным процессом. Нет поэтому ничего странного в том, что, научившись на практике последовательно и доказательно рассуждать, человек затрудняется ответить, какими принципами он при этом руководствуется. Почувствовав сбой в рассуждении, он оказывается, как правило, не способным объяснить, какая логическая ошибка допущена. Это под силу только теории логики [34].

И речь здесь идет об *интуитивной логике* – интуитивных представлениях о правильности рассуждений, сложившихся стихийно в процессе повседневной практики мышления. Навык правильного мышления не предполагает каких-либо теоретических знаний, умения объяснить, почему что-то делается именно так, а не иначе. Интуитивного правильного использования логики естественного языка в области правовой оценки недостаточно. Интуитивная логика, как правило, успешно справляется с встающими перед нею задачами, но совершенно недостаточна для анализа и критики неправильных рассуждений, не избавляет от ошибок, которые надо бы сознательно контролировать и устранять.

Логику в целом можно рассматривать как алгоритм построения сложного суждения на основе более простых утверждений. Эти утверждения считаются заданными и играют роль начальных условий [11]. *Проверка истинности утверждений, взятых за основу, не является предметом логики, находится за пределами логической операции и не исследуется* [36, стр. 12].

При этом любой практикующий юрист прекрасно понимает, что истинность вывода находится в абсолютной зависимости от достоверности посылок.

Как полагает А.С. Старченко, логика «учит лишь тому, как следует связывать уже установленные, истинные понятия и суждения в процессе вывода, какие следует при этом соблюдать правила и условия, чтобы с необходимостью получить надлежащие результаты» [36, стр. 230]. Таким образом, можно утверждать, что в процессе правоприменительной деятельности логика помогает правоприменителю «делать правильные выводы из уже готовых посылок» [39, стр. 12].

«Безусловно, право сочетает в своем начале все известные виды логики – *утверждает К.А. Стрельников.* – Но доминирующим является еще один вид логики – *целесообразная логика.* В рамках целесообразной логики ответы имеют форму «верно», «неверно», «бессмысленно». Кроме того, особенностью целесообразной логики является то, что ответ, решение задачи (правотворчество, правоприменение) зависит от *условий, задач, целей* (выделено нами – Ю.Б.) ее решения. Таким образом, на основе данного вида логики может разрешаться любая задача, если в расчет брать условия и цели, поскольку сами процедуры не могут осуществляться без соотношения с условиями и субъективными факторами» [36, стр. 13].

В отличие от логики, в которой отсутствует категория «*цель*», реальная жизнь кипит от разнообразных, порой взаимоисключающих или просто противоречивых целей, задаваемых внешними по отношению к логике субъектами [36, стр. 14]. Именно поэтому наряду с активным использованием логических основ обоснования тезиса и его утверждения в сознании и действиях оппонента юристами используются так называемые «алогичные» средства: *софизмы, парадоксы, уловки**[5].

По мнению Н.Н. Жалдака, сама *практическая логика* есть система правил, норм, по которым из исходного истинного знания с необходимостью получается новое истинное знание. Доказательство некоторого тезиса относительно объекта юридического познания может быть признано состоятельным, лишь если правильность следования этого тезиса из аргументов может быть сознательно доказана другим людям и, в свою очередь, осознана ими. И это при условии, что *субъекты познания в большинстве своем* никакой силлогистики и тем более символической логики не изучали [12].

Согласно *когнитивной психологии* для человеческого интеллекта характерен вывод, основанный на информационной связи посылок и заключений [33, стр. 24]. Правильность мышления характеризует логический переход от одной мысли к другой, обеспечивающий получение истинного результата. И здесь возникает необходимость системного подхода к изучению правосознания, требующая объединения усилий и согласования понятий двух дисциплин – логики и психологии – в исследовании эффективности движения и переработки информации в правовом сознании. Психологизация логики имеет давнюю традицию, выражавшуюся в определении логики как науки о законах мышления [13, стр. 26, 28].

В завершение следует отметить, что для практического правоведения важно, чтобы в логике как целостной науке должны быть разработаны разделы, непосредственно связанные с практикой. Юридическая логика должна представлять из себя пригодный для оперативного контроля над рассуждениями прикладной вид знаний, рассматривающий применение общей логики в конкретной специфической сфере – юридическом познании [38, стр. 10]. Сознательное овладение методами мышления и их применение особенно необходимо при получении выводного знания, истинность которого не обеспечивается стихийной правильностью рассуждения [23, стр. 18, 21]. И знание юридической логики должно стать неотъемлемой частью юридического образования.

Примечания

*1 *Абдукция* – прием познания, соединяющий дедукцию и индукцию. Сформулировавший этот метод познания Ч. Пирс утверждал, что в целях объяснения проблематичного факта нужно найти некоторую гипотезу, из нее получить следствия, чтобы подвергнуть последние экспериментальной проверке. Абдукция соединяет дедукцию и индукцию [41, стр. 96-102].

*2 *Парадоксы импликации* (от греч. paradoxos – неожиданный, странный и лат. implicatio – сплетение, переплетение) (и логического следования) – проблемы, решения которых потребовала задача формальной экспликации условной связи и логического следования средствами символической логики, послужившая основой создания самостоятельного направления в современной символической логике (релевантная логика).

В широком смысле парадокс – это положение, резко расходящееся с общепринятыми, устоявшимися, ортодоксальными мнениями. Парадокс в более узком и специальном значении – это два противоположных, несовместимых утверждения, для каждого из которых имеются кажущиеся убедительными аргументы. Наиболее резкая форма парадокса – антиномия, рассуждение, доказывающее эквивалентность двух утверждений, одно из которых является отрицанием другого.

Парадоксами подрывается вера в то, что привычные приемы теоретического мышления сами по себе и без всякого особого контроля за ними обеспечивают надежное продвижение к истине. Требуя радикальных изменений в излишне доверчивом подходе к теоретизированию, парадоксы представляют собой резкую критику логики в ее наивной, интуитивной форме. Они играют роль фактора, контролирующего и ставящего ограничения на пути конструирования дедуктивных систем логики. [15, стр. 212-221; 21; 28; 29].

*3 *Неклассические логики* – появившийся в результате критики тех или иных законов классической (аристотелевской) логики широкий спектр логических исследований, выходящий за пределы классической логики путем добавления новых логических связок или сужающий область исследований посредством отбрасывания каких-либо законов классической логики. Подобным образом строятся деонтические, эпистемические, императивные и многие другие логики. Существуют неклассические логики, не принадлежащие ни к одному из этих двух классов (комбинаторная логика, инфинитарные логики и др.). Некоторые логики предполагают парадоксы, иные предусматривают возможность отказа от ответа, неоднозначные или вероятностные ответы. Бесконечное разнообразие неклассических логик, а также критика и возможная элиминация любого закона логики и результаты, связанные с переводом одних логик в другие, – все это поставило сложнейшую проблему выработки, по возможности, единого подхода к такому явлению, как «мир логики». Итог развития неклассических логик тот же самый, что для символической и философской логик, а именно – постановка к конце 20 века вопроса о том, что такое логика [24].

*4 Можно констатировать, что многие нормы имеют скорее идеологическую, нежели какую-то сущностную характеристику, не говоря уже о положениях юридической науки.

*5 *Софизмы* – это рассуждения, которые по форме кажутся логически правильными, но содержат скрытую логическую ошибку. В основе своей софизмы служат для того, чтобы придать видимость истинности ложному в гносеологическом аспекте суждению. И в этом контексте они являются особым приемом интеллектуального мошенничества.

Уловки – это в широком смысле самые разнообразные приемы речи, письма, формы взаимодействия людей, которые позволяют активной стороне в аргументации облегчить, упростить для себя процедуру утверждения в сознании оппонента своего тезиса и одновременно затруднить все эти операции для пассивной стороны [23, стр. 250-269].

Список литературы

1. Амосов С.М. Судебное познание в арбитражном процессе: Научное издание. – М.: РАП, 2003. – 184 с.
2. Бачинин В.А., Сальников В.П. Правовая реальность в контексте цивилизации и культуры. Методология причинного анализа: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2005. – 224 с. – (Серия «Наука и общество»).
3. Боруленков Ю.П. Методология юридического познания: психологический подход // Мир политики и социологии. – 2013. – № 9. – С. 201-210.
4. Боруленков Ю.П. Методология юридического познания: лингвистический подход // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 10. – С. 206-216.
5. Боруленков Ю.П. Методология юридического познания: социологический подход // Мир политики и социологии. – 2013. – № 11. – С. 200-209.
6. Боруленков Ю.П. Юридическое познание, доказательство и доказывание (методология, теория, практика):

Монография / Под науч. ред. проф. В.Н. Карташова. – М.: Юрлитинформ, 2016. – 536 с.
7. Брылёв Н.И. Торжество безотносительности или кризис теоретического познания: URL:http://nbrilev.ru/noktp1.htm.
8. Бэкон Ф. Соч. В 2 т. Т. 2. – М.: Мысль, 1972. – 582 с.
9. Владимиров А.А. Зеленов Л.А., Балакшин А.С. Основы философии: Учеб. пособие. – Н.Новгород: ВГАВТ, 2012. – 216 с.
10. Власенко В.Н. Логические основания юридической квалификации: Дис. … канд. юрид. наук. – М., 2011. 183 с.
11. Ершов Ю.Л., Палютин Е.А. Математическая логика: Учеб. пособие для вузов. – М.: Наука, 1987. – 336 с.
12. Жалдак Н.Н. Образная практическая логика. – М.: Московский философский фонд, 2002. – 408 с.
13. Жалдак Н.Н. Практическая логика и научное правовое сознание // Вестник Белгородского университета потребительской кооперации. – 2004. – № 3. – С. 22-32.
14. Журави С.Ю. Основы формирования криминалистического мышления субъекта расследования преступлений // Современная криминалистика: проблемы, тенденции, имена (к 90-летию профессора Р.С. Белкина: Сб. матер. 53-х криминалистических чтений: В 3-х ч. Ч. 1. – М.: Академия МВД России, 2012. – С. 154-159.
15. Ивин А.А. Логика. Учебное пособие. Издание 2-е. – М.: Знание, 1998. – 228 с.
16. Казгериева Э.В. Значение логики в судебной деятельности // Адвокатская практика. – 2006. – № 1. – С. 21-24.
17. Карташов В.Н. Теория правовой системы общества: Учебное пособие: в 2 т. Т. 1. – Ярославль: ЯрГУ, 2005. – 548 с.
18. Керимов, Д.А. Методология права. Предмет, функции, проблемы философии права. Изд. 2-е. – М.: Аванта+, 2001. – 559 с.
19. Киссель В.Л. Наукоучение. Общие принципы логики и методологии научного познания. Семиотика науки // Философские исследования. – 2002. – № 2. – С. 114-127.
20. Кнапп В. Герлох А. Логика в правовом сознании. – М.: Прогресс, 1987. – 312 с.
21. Логика: Учеб. для юрид. вузов / Сальников В.П., Болдырев А.С., Гусев С.С. и др.; Под общ. ред. В.П. Сальникова. - СПб., 2003. Сер. Серия «Учебники для вузов, специальная литература» / С.-Петерб. ун-т МВД России (и др.)
22. Маркин А.В. Методологическая ценность диалектики // Юридическое образование и наука. – 2013. – № 4. – С. 5-8.
23. Михалкин Н. В. Логика и аргументация в судебной практике: Учебник для вузов. – СПб.: Питер, 2004. – 336 с.
24. Новая философская энциклопедия URL:http://www.iph.ras.ru/elib/2033.html.
25. Овчинников А.И. Правовое мышление в герменевтической парадигме. – Ростов-на-Дону: Рост. ун-т, 2002. – 288 с.
26. Павлушина А.А. Теория юридического процесса: итоги, проблемы, перспективы развития / Под ред. В.М. Ведяхина. Самара: Самарская Государственная экономическая академия, 2005. – 478 с.
27. Палашевская И.В. Судебный дискурс: функции, структура, нарративность: Автореф. дис. … докт. филологич. наук. – Волгоград, 2012. – 40 с.
28. Парадоксы импликации. URL:http://dic.academic.ru/dic.nsf/logic/268.
29. Парадоксы импликации. URL:http://enc-dic.com/enc_epist/Paradoks-implikacii-500.html.
30. Петровский А.В. Ярошевский М.Г. Психологическое познание как деятельность / История и теория психологии. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. – 416 с.
31. Рузавин Г.И. Логическая вероятность и индуктивная логика // Логика и методология науки. – М.: Наука, 1967. – С. 38-41.
32. Саидов А.Х. Сравнительное правоведение (основные правовые системы современности): Учебник / Под ред. В.А. Туманова. – М.: Юристъ, 2003. – 448 с.
33. Светлов В.А. Практическая логика: Учеб. пособ. / Изд. 2-е испр. и доп. – СПб.: МиМ, 1997. – 576 с.
34. Словарь терминов логики. URL:http://dic.academic.ru/dic.nsf/logic/128
35. Старченко А.А. Логика в судебном исследовании. – М.: Госюриздат, 1958. – 234 с.
36. Стрельников К.А. К вопросу о логических проблемах современного права // История государства и права. – 2009. – № 8. – С.12-14.
37. Сырых В.М. История и методология юридической науки: Учебник. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. – 464 с.
38. Тер-Акопов А.А. Юридическая логика. Учебное пособие. – М.: ИКФ Омега-Л, 2002. – 256 с.
39. Трусов А.И. Основы теории судебных доказательств (краткий очерк). – М.: Госюриздат, 1960. – 175 с.
40. Черданцев А.Ф. Логическая характеристика права как системы // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1983. – № 3. – С. 13-21.
41. Яркова Е.Н. История и методология юридической науки: Учебное пособие. – Тюмень: Тюменский государственный университет, 2012. – 348 с.

ДЕНИСОВ Антон Михайлович,
аспирант Юридического института (г. Санкт-Петербург, Россия)

ИСМАГИЛОВ Игорь Рашидович,
юрист по корпоративному праву компании Eurasian Resources Group (Люксембург)
E-mail: ismagilovir@gmail.com

МАСЛЕННИКОВ Дмитрий Владимирович,
профессор кафедры общегуманитарных дисциплин Юридического института (Санкт-Петербург), доктор философских наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия),
E-mail: dwm61@inbox.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

ГЕГЕЛЬ И САВИНЬИ: СТАНОВЛЕНИЕ ИДЕИ ИСТОРИЗМА В ПРАВЕ

Аннотация. *Идея историзма в праве впервые была представлена в концепциях Г.В.Ф. Гегеля и К. Савиньи. Лишь здесь исторический процесс права трактуется не просто как предпосылка его становления, но как внутреннее содержание самого права. Конкретность учения о единстве всеобщего и особенного в истории позволила Гегелю раскрыть диалектику абсолютного ценностного начала права и исторически изменчивого в праве. В противоположность этому Савиньи был вынужден вводить в теорию права иррациональный элемент – понятия «народного духа».*

Ключевые слова: *право; государство; историзм; иррационализм; Кант; Гегель; Савиньи.*

DENISOV A.M.
ISMAGILOV I.R.
MASLENNIKOV D.V.

HEGEL AND SAVIGNY: THE FORMATION OF THE IDEA OF HISTORICISM IN LAW

The summary. *The idea of historicism in law was first introduced in the concepts of GVF. Hegel and K. Savigny. Only here the historical process of law is interpreted not simply as a prerequisite for its formation, but as an internal content of the law itself. The specificity of the doctrine of the unity of the universal and the special in history enabled Hegel to reveal the dialectic of the absolute value principle of law and historically changeable in law. In contrast, Savigny was forced to introduce into the theory of law an irrational element - the concept of «people's spirit.»*

Key words: *law; the state; historicism; irrationalism; Kant; Hegel; Savigny.*

Идея историзма сравнительно поздно входит в круг системообразующих понятий теории права. Она была чужда как античному мышлению с его пониманием права как субстанциального первоэлемента бытия, так и новоевропейскому теоретизированию, выводившему базовые нормы права

из принципов разума и общественного договора. В своей полной реализации она впервые выступает лишь в двух системах учения о праве: у Гегеля и у Савиньи.

Понимание истории как особой сферы бытия, имеющей свои особые законы, не сводимые к законам природы или человеческой психологии, стало достижением только немецкой классической философии права, которая открыла новый этап развития правовой мысли. Сама философия права имеет исторически три возможных варианта. Первый основан на идее естественной субстанции права. Классическое выражение этой идеи – естественное право как субстанция позитивного права у Фомы Аквинского. Второй: идея позитивного права, выведенная из действия субъекта – общественный договор Гоббса и Локка. Ограниченность состоит в том, что в первом случае дается субстанция права без субъективности, а с другой – субъективность без субстанции. Третий вариант – немецкая классика, которая понимала основу права как активную единую «субстанцию-субъект». Последняя связывалась с восстановленным христианским пониманием свободы, но уже с философски раскрытым его смыслом (наиболее полно и конкретно раскрытым в гегелевском понятии духа). Классическая немецкая философия права ни восстанавливает теорию естественного права, ни пролонгирует концептуальные основания общественного договора, а развивает понимание права, основанное на впервые представленной в истории науки развернутой философской интерпретацией христианской идеи свободы [6, стр. 43].

История в понимании Г.В.Ф. Гегеля как раз и является формой осуществления в действительности сущностной свободы, которая в качестве деятельного активного субъекта обозначается им через понятие «духа». Здесь следует коснуться вопроса о смысловом различии понятий «Historie» и «Geschichte». У же Гегеля смысл этих терминов существенно различен: понятие «Historie» употреблялось Гегелем в смысле «лишь-исторического» (nur-historischen, bloss-historischen). Г.Бауэр, однако, подчеркивал при этом, что «Гегель вовсе не разделял рационалистического пренебрежения «лишь-историческим», но в противоположность этому достигал позитивного понятия истории (Geschichte), которое постигает вспоминаемое прошедшее наличное бытие как несущий и движущий момент движения духа» [9, стр. 423]. Поэтому великий философ вводит с свою систему основательно продуманное понятие «Geschichte», которое несет гораздо более глубокую смысловую нагрузку, чем понятие «Historie». История, понятия как «Geschichte», – это прежде всего процесс деятельности духа, раскрывающего во времени свою сущность как свободы. Но это деятельность, включающая в себя рефлексию, а потому объединяющая в себе исторический процесс и историческую память.

Согласно Гегелю, основной формой объективного проявления духовной свободы человека и общества является право: «Право есть вообще свобода как идея» [2, стр. 89]. Познание права, определенного именно таким образом, предполагает его рассмотрение в стихии истории. Причем гегелевский историзм в трактовке права – это уже не просто требование изучения исторических предпосылок становления права, которые как всего лишь предпосылки являются чем-то внешним самому предмету. Такого рода подход мы найдем также и в XVIII в. у Ш.-Л. Монтескье и у Дж. Вико. Для Гегеля же история в смысле «Geschichte» является внутренним определением самого права.

Это, конечно же, совершенно новый подход, отличающийся также от той трактовки, которую мы найдем в философии права И. Канта. Будучи основоположником немецкой классики, Кант решительно разводит сферу необходимости, куда он отнес внешний опыт, и сферу свободы, анализ которой приводит к понятию права. Автор «Критики практического разума» настаивает на противоположности нравственного закона и чувственной природы человека. И эта противоположность имеет принципиальное значение для его учения о праве, личности и государстве. Вместе с тем он подчеркивает, что эта противоположность не может существовать без единства, которое осуществляется моралью. Поэтому практический разум требует единства противоположностей необходимости и свободы, чувственной природы и разумной воли.

Вместе с тем для Канта право и государство суть формы, априорно развивающиеся из разума. И в этом смысле он остается в рамках новоевропейских рационалистических парадигм, от которых стремился отойти уже Монтескье. В традиции Нового времени разум трактуется как

система способностей познания, в одинаковой мере присущей каждому познающему субъекту в любом месте и в любую эпоху. Если разум не имеет истории, то тем более ее не имеет продукт разума, в данном случае – право.

Тем не менее в своей статье 1784 г. «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане» Кант ставит вопрос об историческом развитии человечества и форм его социальной организации, в том числе и права. Однако это не должно вводить нас в заблуждение относительно места учения Канта в процессе становления идеи правового историзма. Здесь речь идет, скорее, о движении человечества к ранее сформированной цели совершенного государства и права, нежели о развитии самих институтов права и государства, когда каждое из их состояний будет обладать некоторой степенью совершенства, адекватной своей эпохе.

Не случайно, совершенное государство как цель истории и даже саму историю Кант трактует натуралистически, связывая их с общим планом природы: «Величайшая проблема для человеческого рода, разрешить которую его вынуждает природа, – достижение всеобщего правового гражданского общества. Только в таком обществе, и именно в таком, в котором членам его предоставляется величайшая свобода, а стало быть существует полный антагонизм и тем не менее самое точное определение и обеспечение свободы ради совместимости ее со свободой других, – только в таком обществе может быть достигнута высшая цель природы: развитие всех ее задатков, заложенных в человечестве…» [5, стр. 944-945]. И далее: «Историю человеческого рода в целом можно рассматривать как выполнение тайного плана природы…» [5, стр. 950]. Эта история получает свое завершение в создании некоего «всемирно-гражданского состояния», «…в котором разовьются все первоначальные задатки человеческого рода» [5, стр. 953].

Замечательно, что Кант видит цель государства и права в создании условий для развития первоначальных задатков человеческого рода. Это вполне конкретная гуманистическая цель существования человека и общества, которую провозгласило Просвещение и к которой в дальнейшем стремились все величайшие гуманисты XIX – XX вв., такие как Шопенгауэр, Достоевский, Ленин, Ганди и др. Но при этом он отказывается признать, что предшествующая история государства также являлась историей ступеней воплощения этой цели в жизнь. И дальнейшее движение истории всякий раз обуславливалось именно противоречием между гуманистической сущностью государства и неадекватной этой сущности формой ее явленности.

Для Канта противоречие – это только трансцендентальная иллюзия разума, критерий заблуждения как ограничительная линия для разума. Для Гегеля, напротив, противоречие есть критерий истины и то, что на ранних ступенях истории государство и право выступают в формах, прямо противоположных их сущности, означает лишь то, что в них заложен импульс к развитию. Савиньи занимает здесь промежуточную позицию. Для него история государства и права уже заключает в себе их сущность, а значит, адекватно их содержанию. Но, с другой стороны, Савиньи не мыслит диалектически, а значит не может раскрыть всеобщее содержание в особенных формах отдельного «народного духа». Поэтому он совершенно неизбежно должен был замкнуться на особенных формах права и государства.

Для Гегеля историческое развитие является прежде всего процессом осознания человеком и человечеством своей внутренней свободы, которая по мере их развития становится свободой внешней. Эта внешняя свобода получает свое зримое воплощение в формах человеческого самосознания, искусства, религии, философии, а также в объективных формах государства и права. Поскольку история является процессом самосознания свободы, постольку и сама история и ее результаты имеют рациональную природу. Хотя рациональность понимается Гегелем уже как духовная рациональность, субъектом которой является весь всемирно-исторический процесс. Это, кончено же, совершенно далеко от механистической рациональности новоевропейского ratio.

Народы, не создавшие государства, для Гегеля существуют вне истории. Сама история соотносится им прежде всего с этапами становления государства. Первый этап – восточная деспотия, где свободен только один, а именно: сам восточный деспот, воплощающий в своей личности всю полноту государственной власти и духовной жизни народа. «Это первое царство есть исходящее из патриархального природного

целого в себе неразделенное субстанциальное мировоззрение, в котором светское правительство есть теократия, властелин – также и верховный жрец или бог, государственный строй и законодательство – одновременно и религия, а религиозные и моральные заповеди или, скорее, обычаи – также государственные и правовые законы» [2, стр. 375].

Второй этап – античный мир, где свобода является достоянием уже общества как целого, но носителями ее является не все общество, а лишь его отдельная часть – свободные граждане: «В этом определении начало личной индивидуальности возникает еще не как заключенное в себя самого, а в своем идеальном единстве; поэтому целое частью распадается на круги особенных народных духов, частью же, с одной стороны, последнее изъявление воли принадлежит не субъективности для себя сущего самосознания, а силе, которая выше и вне его; с другой стороны, присущая потребности особенность еще не принята в свободу и исключается из нее в виде сословия рабов» [2, стр. 376]. В античном обществе, таким образом, свободны лишь некоторые, его особенный элемент.

И наконец, третий этап Гегель связывает с утверждением идеи христианства и ее принципом всеобщей свободы: «дух постигает в крайности своей абсолютной отрицательности, во в себе и для себя сущем поворотном пункте бесконечную позитивность своей внутренней сущности, начало единства божественной и человеческой природы, примирение как явившую себя внутри самосознания и субъективности объективную истину и свободу» [2, стр. 377]. В государстве всеобщей свободы последняя осознает сама себя и воплощается в формах его нравственных установлений и правовых норм.

Таким образом право трактуется Гегелем как исторический результат развития «объективного духа». Исходной клеточкой «Философии права» Гегеля является понятие личности. По мере его конкретизации Гегель подводит читателя к понятию всемирной истории, составляющей действительную субстанцию права и государства. Всемирная история как истинный субъект развития права выступает как высший суд. В образе всемирной истории как высшего суда по-своему персонифицируется всеобщая идея права, так же как на предшествующих ступенях идея гражданского общества персонифицировалась в образе судьи, а идея государства – в образе монарха [3; 4].

Идею всемирной истории как высшего суда Гегель противопоставляет кантовской идеи наднационального правительства: «Несколько государств, образуя союз, могут, правда, составить суд над другими государствами; между государствами могут возникнут объединения, как, например, Священный союз, но эти союзы всегда только относительны и ограниченны, подобно вечному миру. Единственный абсолютный судья, который всегда выступает, и выступает против особенного, есть в себе и для себя сущий дух, выступающий во всемирной истории как всеобщее и как действующий род» [2, стр. 285]. «Суд истории» для Гегеля – это высший суверен над народами и вместе с тем высший результат развития права. А это, по принципам гегелевской логики, означает, что такого рода идея всемирной истории является и результатом развития понятия права, и одновременно его основанием.

Нужно отметить, что хотя свобода в разной мере и в разных формах проявляет себя на каждом из трех этапов мировой истории, согласно Гегелю, она как «субстанция духа» дана сразу во всей своей полноте. Это противоречие между изначальной полнотой и данностью свободы, с одной стороны, и ее отсутствием во внешних формах государства, с другой стороны, составляет источник исторического развития, действительным субъектом которой Гегель называет «мировой дух».

Эта точка зрения, конечно, кардинальным образом расходится с точкой зрения Савиньи, для которого индивидуальный дух каждой нации являлся самостоятельным субъектом и составлял действительный исходный пункт построения юристом его теории права. Здесь стоит обратить внимание на то, что в приведенном выше фрагменте Гегель использует то понятие, которое стало ключевым для исторической школы права, а именно: понятие «народного духа»: «целое частью распадается на круги особенных народных духов». Это свидетельствует о том, что данное понятие было вполне принято в научном сообществе Германии тех лет. Разница состоит в том, что для Савиньи «народный дух» – это вполне самостоятельный субъект исторического процесса, включая и процесс генерирования права. Для Гегеля же «народный дух» – лишь особенный момент единого всеобщего процесса,

продукт распада последнего, которому предстоит в ходе исторической эволюции снова интегрироваться в целое, воплощенное в «мировом духе».

Дело в том, что всемирно-исторический процесс, каким его видел Гегель и еще ранее Гердер, для Савиньи не является актуальным источником генезиса права. Он апеллирует именно к духу отдельной нацииё который самостоятельно порождает в своем историческом развитии различные формы правовой жизни и нравственного самосознания. Если для Гегеля право является продуктом истории всего человечества, в разные эпохи концентрирующейся в той или иной нации, но не отождествляемой до конца нею, то для Савиньи право – это социокультурный феномен, порождаемый именно отдельной нацией. Немецкий юрист, фактически, подходит к тому представлению о замкнутости и непроницаемости отдельный типов культур, которое столетием позже будет представлено в трудах О. Шпенглера.

В своей разработке идеи исторического развития права Савиньи во многом отталкивается от гегелевского опыта интерпретации общественных явлений, исходя из принципа историзма [1, стр. 8]. Вместе с тем, он не учитывает гегелевской диалектики, разрешившей противоречие исторического и логического, вечного и временного. Именно эта диалектика позволила Гегелю показать, как сочетается внешне несоединимое: историческое развитие права и абсолютность права, искусственность позитивного законодательства и вечность правовых ценностей [8, стр. 21-24]. У Савиньи рациональной интерпретации поддается лишь исторически изменчивое в праве. Там же, где речь должна идти о вечном, надвременном и надысторическом в праве, Савиньи может апеллировать лишь к иррациональным представлениям. Но при этом он покидает почву научного познания права.

Когда говорят о круге научных идей Савиньи, обычно имеют в виду идею правового историзма. Собственно, и созданная им научная школа известна как «историческая школа юристов» [7, стр. 73-86]. Вместе с тем, другой системообразующей идеей научной концепции Савиньи в области теории права стал правовой иррационализм, который, как мы видели, сам вырастает из его своеобразного историзма. Этот иррационализм как раз и воплотился в представлениях о «народном духе», являющемся в учении исторической школы юристов высшем источником права. Савиньи в отличие от Гегеля, не может диалектически разрешить противоречие между историческим развитием права и абсолютностью его ценностных начал, что является неизбежным следствием абстрактности его представлений о всеобщем.

Список литературы

1. Асламов Н.Е. Философия истории немецкой исторической школы права: Автореф. дис… канд.филос.наук. М., 2012.
2. Гегель Г.В.Ф. Философия права. – М.: Мысль, 1990.
3. Идея справедливости в традициях постклассической философии права: Научное издание / Р.Ф. Исмагилов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников, С.И. Захарцев, М.В. Сальников, Л.К. Петросян, А.В. Черняева; под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2012. – 176 с. (Серия: «Наука и общество»).
4. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Право и справедливость: исторические традиции и современные модели (Историко-правовой анализ теоретических исследований актуальных вопросов отношения идеи права и идеи справедливости в XX-XXI вв.): Монография. – СПб.: Фонд «Университет», 2017. – 324 с. (Серия: «Наука и общество»).
5. Кант И. Метафизические начала естествознания. – М.: Мысль, 1999.
6. Масленников Д.В. Право как форма различения добра и зла // Юридическая мысль. – 2015. – № 6. – С. 42-47.
7. Новгородцев П.И. Историческая школа юристов, ее происхождение и судьба. – М.: 1896.
8. Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Горбунов М.Д. Абсолютное и относительное в естественном праве // Мир политики и социологии. – 2015. – № 11. С. 20-32.
9. Bauer G. Geschichtlichkeit. Wege und Irrwege eines Begriffs. Berlin, 1963 // Hegel-Studien. – Bd.3. – Bonn, 1965.

ПОКРОВСКИЙ Иван Федорович,
заведующий кафедрой коммерческого менеджмента и права Государственного университета морского и речного флота им. адмирала С.О. Макарова, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Заслуженный юрист Российской Федерации, Заслуженный работник культуры РСФСР, Почетный работник транспорта России, доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: fonduniver@bk.ru

СТЕПАШИН Сергей Вадимович,
сопредседатель Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России»; председатель наблюдательного совета государственной корпорации – Фонда содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства; народный депутат РСФСР, Председатель Комитета Верховного Совета Российской Федерации по вопросам обороны и безопасности (1990 – 1993 гг.); первый заместитель Министра безопасности, Директор Федеральной службы контрразведки, Директор Федеральной службы безопасности, Министр юстиции, Министр внутренних дел России (1993 – 1998 гг.); Первый заместитель Председателя Правительства Российской Федерации – Министр внутренних дел, Председатель Правительства Российской Федерации (1999 год); депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, председатель Комиссии по борьбе с коррупцией (1999 г.); Председатель Счетной палаты Российской Федерации (2000-2013 гг.), доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, Почетный доктор Дипломатической Академии МИД (г. Москва, Россия)

МАСЛЕННИКОВ Дмитрий Владимирович,
профессор кафедры общегуманитарных дисциплин Юридического института (Санкт-Петербург), доктор философских наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия),
E-mail: dwm61@inbox.ru

ИДЕЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ КАК ОНТОЛОГИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ ПРАВА: НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПЕТЕРБУРГСКИХ ПРАВОВЕДОВ. Рецензия на монографию: Р.Ф. Исмагилов, В.П. Сальников «Право и справедливость: исторические традиции и современные модели» (Историко-правовой анализ теоретических исследований актуальных вопросов отношения идеи права и идеи справедливости в XX-XXI вв.). – СПб.: Фонд «Университет», 2017. – СПб., 2017. – 324 с. (Серия: «Наука и общество»).

Аннотация. *Приводится рецензия на монографию: Р.Ф. Исмагилов, В.П. Сальников «Право и справедливость: исторические традиции и современные модели», изданную в 2017 году в Санкт-Петербурге Фондом "Университет". Отмечается актуальность темы исследования, дается оценка отдельным главам и параграфам работы.*

Ключевые слова: *Р.Ф. Исмагилов; В.П. Сальников; право; справедливость; традиции; современные модели.*

POKROVSKY I.F.
STEPASHIN S.V.
MASLENNIKOV D.V.

THE IDEA OF JUSTICE AS THE ONTOLOGICAL FOUNDATION OF LAW: NEW RESEARCH BY ST. PETERSBURG JURISTS.

Review of the monograph: R.F. Ismagilov, V.P. Salnikov "Law and Justice: Historical Traditions and Modern Models" (Historical and legal analysis of theoretical studies of topical issues of the relationship between the idea of law and the idea of justice in the twentieth and twenty-first centuries). - St. Petersburg: Fund "University", 2017. - St. Petersburg, 2017. - 324 p. (Series: "Science and Society").

The summary. *A review of the monograph is given: Review of the monograph: R.F. Ismagilov, V.P. Salnikov "Law and Justice: Historical Traditions and Modern Models", published in 2017 in St. Petersburg by the Fund "University". The urgency of the research theme is marked, the individual parts and paragraphs of work are evaluated.*

Key words: *R.F. Ismagilov; V.P. Salnikov; right; justice; traditions; modern models.*

Тема, к которой обратились авторы, является насколько традиционной для правовой науки, настолько и актуальной для нее. Казалось бы, об отношении права и справедливости писали очень многие, начиная от признанных классиков юриспруденции и заканчивая начинающими диссертантами. Однако тема права и справедливости, как и перекликающаяся с ней тема отношения права и нравственности, несет в себе столь мощный теоретический потенциал, что обращение к ней является обязательным для каждого нового поколения ученых. Видимо, сам процесс ее продумывания составляет необходимое условие генерирования нового теоретико-правового знания.

Очевидно, что вместе со всяким существенным изменением социальной жизни меняются и представления общества о справедливости, формах ее практической реализации, отношении к другим нравственно-правовым ценностям и идеалам. Современная эпоха противоборства масштабных тенденций глобализации и контрглобализации в общества как никакая другая со времен Великого переселения народов требует глубокого и всестороннего переосмысления фундаментальных нравственно-правовых идей. Серьезный шаг на этом пути сделали известные петербургские ученые-юристы Р.Ф. Исмагилов и В.П. Сальников. Не претендуя на исчерпывающее исследование научной темы, которая по самой своей природе обречена оставаться вечно открытой проблемой [18; 24; 27; 28; 29], они, тем не менее, представили научной общественности зрелый итог авторского прочтения размышлений классиков философско-правовой мысли о сущности справедливости и о значении этого понятия для понимания природы права.

Хотя в целом монография производит впечатление скорее сборника очерков на заданную тему, чем законченного монографического исследования, все же в ней присутствует внутренняя

целостность, заданная прежде всего общими теоретико-методологическими установками авторов, такими как: ориентация на предложенный В.П. Сальниковым и С.И. Захарцевым компрехендный подход в праве [3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 16], признание объективной природы нравственно-правовых ценностей, приоритет личности как субъекта и объекта правовых отношений в теоретических исследованиях и др. На такие общие теоретико-методологические установки в творчестве исследователей уже обращалось внимание [20; 21; 23; 25; 26].

Первая глава «Право и справедливость: парадигмальные модели отношения в классической правовой мысли» представляется концептуально наиболее важной для всей монографии. Авторы, опираясь на тексты классических трудов Платона, Аристотеля, Фомы Аквинского, Гоббса, Локка, Канта, Гегеля и др., проводят свою основную мысль: правом и государством может называться лишь то, что причастно идее абсолютного блага, изначально заложенной в первоосновах бытия, во всеобщем единстве истины, добра и красоты. Справедливость – это не выдумка людей, не результат осуществления социального договора и не продукт действия социальной психологии. Справедливость – один из фундаментальных принципов мироздания, раскрыть, осуществить и показать который в земном бытии призвано человечество.

Это прекрасно понимали классики правовой мысли, прежде всего античной, которые как раз и стремились найти пути к познанию высшей справедливости и путей ее земного воплощения. Однако долгий путь истории философии права показал (и работа Р.Ф. Исмагилова и В.П. Сальникова подтверждает это), что познание идеи справедливости не может быть каким-то одномоментным актом, интуитивным прозрением, продуктом творческого экстаза. Оно представляет собой длительный путь познания человеком сущности и смысла различия добра и зла – процесс, начатый еще в библейские времена и не законченный по сей день. Это познания фиксируется не только в продуктах субъективного размышления, но и в объективных формах социального взаимодействия людей [1; 2; 17].

Одной из таких форм различения добра и зла по сути своей является право. По его формальной природе право можно было бы сравнить с софистикой в ее интерпретации Платоном. И в том, и в другом случае мы находим соблюдение формы постижения истины, безотносительно к тому, познается ли при этом сама истина и стремится ли вообще разум ее познать. Право есть лишь форма различения добра и зла. Содержанием же этого различения является нравственность, высшим выражением которой выступает идея справедливости.

Обращаясь к классической традиции, авторы исходили из того, что философия права имеет исторически три возможных варианта. Первый основан на идее естественной субстанции права. Классическое выражение этой идеи – естественное право как субстанция позитивного права у Фомы Аквинского. Второй: идея позитивного права, выведенная из действия субъекта – общественный договор Гоббса и Локка. Ограниченность состоит в том, что в первом случае дается субстанция права без субъективности, а с другой – субъективность без субстанции. Третий вариант – немецкая классика, которая понимала основу права как активную единую «субстанцию-субъект». Последняя связывалась с восстановленным христианским пониманием свободы, но уже с философски раскрытым его смыслом (наиболее полно и конкретно раскрытым в гегелевском понятии духа). Классическая немецкая философия права ни восстанавливает теорию естественного права, ни пролонгирует концептуальные основания общественного договора, а развивает понимание права, основанное на впервые представленной в истории науки развернутой философской интерпретацией христианской идеи свободы.

Соответственно логике развития понимания права трансформировалась и сопричастная ему идея справедливости. Авторы показывают, каким образом абсолютный идеализм Платона и Аристотеля стал основной парадигмой важнейших античных и средневековых этико-правовых концепций. В политико-правовых учениях Гоббса и Локка понятие справедливости отходит на второй план, но при этом оно сохраняет свое содержание и интегрируются в дискурсно-смысловое пространство новой философско-правовой парадигмы. Согласно Гоббсу, естественный закон, порожденный разумом в результате общественного договора, несет в себе начала справедливости. При этом

десакрализация философами-эмпириками идеи справедливости лишала ее качеств вечного и священного для людей принципа, освящающего собой также право, законы, государство. Немецкая классика на новом уровне понимания восстанавливает античный подход, сосредотачиваясь на духовно-субстанциальных корнях справедливости и права.

Таким образом, авторы раскрывают как именно, в какой конкретно форме идея справедливости присутствовала в различных традициях классической философии права, включая теорию естественного права, теорию общественного договора или более сложные теоретические построения немецких классиков. На основе достигнутого результата авторы утверждают, что применительно к проблемам современной теории права и государства тематика отношения справедливости и права может быть актуализована лишь с учетом нового критического переосмысления как классического наследия, так и опыта этико-правовых изысканий XX столетия.

Изучению последнего посвящена вторая глава «Идея справедливости в традициях постклассической философии права». В ней мы находим авторскую интерпретацию учения о справедливости Г. Кельзена, Г. Радбруха, Ю. Хабермаса, Дж. Ролза и других авторов, продолжающих и в наши дни оказывать непосредственное влияние на правовую мысль. Р.Ф. Исмагилов и В.П. Сальников по-своему интерпретируют западный опыт инкорпорации в позитивистские юридические теории ценностной модели права, центральным ядром которой является идея справедливости. В истории права XX века авторы выделяют основные моменты соединения неокантианского содержания учения о праве с формой аналитической философии, а также с некоторыми феноменологическими понятиями.

Результатом историко-правовых процессов прошлого столетия стало появление теорий права нового типа, ориентированных прежде всего на методолого-практическое измерение. Так, Дж. Ролз стремился к тому, чтобы в соответствии с принципами своей теории сформировать коммуникативное поле для выработки общих легитимных принципов справедливости. В том числе и на метатеоретическом уровне, задавая серию последовательных импульсов для научной дискуссии, которые также рассматриваются в монографии Р.Ф. Исмагилова и В.П. Сальникова.

В качестве итога авторы показывают, что в современном обществе с его нарушенной системой коммуникаций оказываются неизбежными противоречия между рациональностью действий государства и стихийностью процессов развития общества, прежде всего в экономической сфере. Эти противоречия оборачиваются нарастающим кризисом самой рациональности в административной сфере государственного управления, утратой управляющего фокуса по отношению экономики, снижением потенциала доверия к государству со стороны его граждан. Кризис системы «личность-общество-государство» не может не иметь своим результатом кризис легитимности правовых и моральных норм, который приводит к дальнейшему углублению общественного кризиса, деградации структур общественности и искажению коммуникационных процессов, теряющих ориентир в форме принципа справедливости.

Несколько в стороне от общей логики исследования в третьей главе стоит параграф «Идея справедливости и правды в русской философии права». Крупным пунктиром авторы намечают линию понимания справедливости, зафиксированную в правовых учениях С.Е. Десницкого, В.С. Соловьева, Б.Н. Чичерина, П.И. Новгородцев и др. Общность содержания можно выразить словами академика А.А. Королькова, которые приводятся в монографии: «Правда не может быть чисто юридической регламентацией поведения граждан, правда – это стремление к справедливости, к истинности человеческих отношений, к добру и совершенству. «Русская Правда»… свидетельствует о глубине слияния в России юридических, нравственных и религиозных категорий». [22]

К сожалению, текст параграфа настолько небольшой по объему – всего двадцать страниц – что читателя не покидает ощущение, что он выполняет в монографии своего рода «дежурную роль»: что-нибудь сказать о русской традиции. Но на самом деле это не совсем так. По тексту книги видно, что авторы стремились противопоставить абстрактности и понятийному конструктивизму западной правовой теории одухотворенность и метафизическую глубину русской философско-правовой мысли. Если судить по общему впечатлению, которое оставляет текст, это им удалось. Но, конечно же, в

рамках данного небольшого объема авторский подход можно было только наметить в самых общих чертах. Так что стоит пожелать авторам продолжить свое исследование традиции поиска справедливости в русской философии права. Возможно даже в отдельной монографии.

Материал третьей главы «Интуиция справедливости и права как начало правосознания» и результаты анализа этого материала вполне укладываются в русло основных научных интересов авторов, всегда подчеркивавших необходимость акцентировки понятия личности в теоретико-правовых исследованиях и известных своими исследованиями в области вопросов правосознания и правовой культуры. Опираясь на результаты проведенного историко-правового анализа, авторы впервые в отечественной юридической литературе обращаются к изучению онтологических и гносеологических аспектов интуиции справедливости в формировании правосознания.

Хочется обратить внимание на то, что здесь мы имеем дело не с психологическим, а именно с философским и философско-правовым подходом. Авторы исследуют не то, как работают конкретные механизмы интуиции в познании права и справедливости, а раскрывают, каким образом феномен интеллектуальной интуиции (трактуемой ими в духе Шеллинга) позволяет утвердить бытие абсолютных нравственно-правовых ценностей и какие конкретно гносеологические основания обуславливают синтез интуиции и дискурсивности правового знания, без чего не может быть целостности правосознания.

В ходе своего анализа авторы раскрывают сущность интеллектуальной интуиции права как знания об абсолютной природе справедливости, которое пронизывает все содержание права и этики и придает статус истинности их отдельным положением. Если в нерефлектированном знании права, лежащего в основе обыденного правосознания, неопределенность интуиции справедливости неизбежна, то задача философии права сделать его отчетливым. Поэтому одну из целей философии права авторы видят именно в том, чтобы раскрыть значимость и содержательность интуиции права и интуиции справедливости.

Оценивая результаты проделанной авторами работы, можно вполне согласиться с их словами: «Категориальная матрица интуитивистских оснований права обеспечивает понимание и познание его современных развивающихся форм. Возникает новое понимание категорий справедливости и права, права и морали. Все это предполагает более детальный анализ взаимосвязи понятий организации, самоорганизации, синергии и развития интуиции в познании права» [19, стр. 203].

В заключение можно пожелать Р.Ф. Исмагилову и В.П. Сальникову продолжить исследование проблемы отношения права и справедливости как в историко-правовом, так и в теоретико-правовом аспектах. В первом случае хотелось бы, чтобы они сосредоточили свое внимание на анализе соответствующего содержания в немецкой классической философии и в русской философии права. Текст монографии говорит о том, что именно здесь мы можем получить наиболее интересные для нашей науки результаты и увидеть новые подходы. В отношении же теории права представляются особенно перспективными авторские разработки вопроса о роли интуиции справедливости в формировании правосознания и правовой культуры личности.

Список литературы

1. Александров А.И. Философия зла и философия преступности (вопросы философии права, уголовной политики и уголовного процесса) / Вступительное слово Член-корреспондента Российской академии наук, доктора юридических наук, профессора Д.А. Керимова. – СПб.: СПбГУ, 2013. – 598 с.
2. Жданов П.С., Романовская В.Б., Сальников В.П. Добро как должное и зло как реальность (о категории «зла» в русской философии права) // Мир политики и социологии. – 2013. – № 12. – С. 186-191.
3. Захарцев С.И., Сальников В.П. Знакомьтесь: компрехендная теория права // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2016. – № 5(28). – С. 375-379.
4. Захарцев С.И., Сальников В.П. Как познать право? Мы предлагаем компрехендный подход // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 9. – С. 17-30.

5. Захарцев С.И., Сальников В.П. Компрехендная теория познания права // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 8. – С. 11-26.
6. Захарцев С.И., Сальников В.П. Компрехендная теория права – новая теория познания правовой реальности // Вестник Таджикского национального университета. – 2016. – № 2/5(207. – С. 183-187.
7. Захарцев С.И., Сальников В.П. Компрехендная теория права: ответы на вопросы // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 9. – С. 19-24.
8. Захарцев С.И., Сальников В.П. О заблуждениях в понимании права и важности компрехендного подхода для его познания // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 5. – С. 83-88.
9. Захарцев С.И., Сальников В.П. О противоречивости права в контексте компрехендной теории // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 10. – С. 31-34.
10. Захарцев С.И., Сальников В.П. Об интегративном правопонимании в контексте компрехендной теории права // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 2. – С. 39-47.
11. Захарцев С.И., Сальников В.П.Об обосновании компрехендного подхода для познания права // Теория государства и права. – 2016. – № 2. – С. 39-58.
12. Захарцев.С.И., Сальников В.П. О теории и философии права // Теория государства и права в науке, образовании и практике: Монография / Ю.Г. Арзамасов, В.М. Баранов, Н.В. Варламова и др.; пред. ред. совета Т.Я. Хабриева. Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА). – М.: Юриспруденция, 2016. – С. 112-117. – в кн. 480 с.
13. Захарцев С.И., Сальников В.П. Предлагаем Вашему вниманию компрехендную теорию познания права // Мир политики и социологии. – 2016. – № 3. – С. 170-183.
14. Захарцев С.И., Сальников В.П. Размышляем о сущности права: компрехендный подход // Правовое государство: теория и практика. – 2017. – № 1(47). – С. 13-30.
15. Захарцев С.И., Сальников В.П. Что есть компрехендная теория права? // Юридическая наука. – 2016. – № 3. – С. 5-9.
16. Захарцев С.И., Сальников В.П. Что такое право? Вопросы онтологии и гносеологии // Правовое государство: теория и практика. – 2015. – № 2(40). – С. 14-22.
17. Захарцев С.И., Сальников В.П., Хабибулин А.Г., Мурсалимов К.Р. Философия права, добра, зла и преступности. Рецензия на книгу А.И. Александрова «Философия зла и философия преступности (вопросы философии права, уголовной политики и уголовного процесса)» / Вступительное слово Член-корреспондента российской академии наук, доктора юридических наук, профессора Д.А. Керимова. – СПб.: СПбГУ, 2013. – 598 с. // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 2. – С. 185-196.
18. Идея справедливости в традициях постклассической философии права: Научное издание / Р.Ф. Исмагилов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников, С.И. Захарцев, М.В. Сальников, Л.К. Петросян, А.В. Черняева. – СПб.: Фонд «Университет», 2012. – 176 с.
19. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Право и справедливость: исторические традиции и современные модели (Историко-правовой анализ теоретических исследований актуальных вопросов отношения идеи права и идеи справедливости в XX-XXI вв.): Монография. – СПб.: Фонд «Университет», 2017. – 324 с. (Серия: «Наука и общество»).
20. Керимов Д.А. В развитие дискуссии о философии и праве. Рецензия на монографию С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука» – М.: Юрлитинформ, 2015. – 264 с. // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 1. – С. 68-75.
21. Керимова Т.В. Классическая монография о философии и праве. Рецензия на монографию С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука» М.: Юрлитинформ, 2015. 264 с. // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 5. – С. 168-172.
22. Корольков А.А. Одухотворенная наука о праве // Русская философия права: Антология / Авторы-составители: А.П. Альбов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников; автор и руководитель проекта В.П. Сальников. Издание второе, дополненное. – СПб: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, Алетейя, 1999. – С. 6-7.
23. Масленников Д.В., Степашин С.В. Философия права и компрехендная теория права. Рецензия на монографию С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука» // Юридическая наука. – 2016. – № 6. – С. 177-179.
24. Муромцев С.А. Право и справедливость // Сборник правоведения и общественных знаний. – СПб, 1893.
25. Покровский И.Ф., Гук А.И. Когда философия и право снова вместе. Рецензия на монографию С.И. Захарцева «Некоторые проблемы теории и философии права» / Под ред. В.П. Сальникова. – М.: Норма, 2014. – 208 с. // Мир политики и социологии. – 2015. – № 7. – С. 184-190.
26. Покровский И.Ф., Исмагилов Р.Ф., Гук А.И. Действительно, философия и право снова вместе в исследовании современных научных мыслителей. Некоторые идеи по поводу рецензии Д.А. Керимова и монографии С.И.

Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука». – М.: Юрлитинформ, 2015. – 264 с. // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 9. – С. 196-200.
27. Чечельницкий И.В. Принцип справедливости в праве // История государства и права. – 2014. – № 6. – С. 57-63.
28. Экимов А.И. Аксиома соотношения справедливости и права // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 13-23.
29. Экимов А.И. Справедливость и социалистическое право. – Л.: ЛГУ, 1980. – 120 с.

САЛЬНИКОВ Виктор Петрович,
главный редактор журнала «Юридическая наука: история и современность», доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: Fonduniver@bk.ru

ГАЛИЕВ Фарит Хатипович,
главный редактор журнала «Правовое государство: теория и практика», доктор юридических наук, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (г. Уфа, Россия)
E-mail: galievfarkhat@mail.ru

ЗАХАРЦЕВ Сергей Иванович,
профессор кафедры теории и истории государства и права Московского государственного университета технологии управления им. К.Г. Разумовского, доктор юридических наук (г. Москва, Россия)
E-mail: Sergeyivz@yandex.ru

Специальность 12.00.01 - Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

К НОВЫМ РУБЕЖАМ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА.
К выходу монографии Ф.М. Раянова: Философия права: дискурсивный анализ и новые выводы: Монография. – М.: Юрлитинформ, 2017. 264 с.

Аннотация. *Приводится рецензия на монографию Ф.М. Раянова «Философия права: дискурсивный анализ и новые выводы». Отмечается, что в данной монографии автор подытоживает основные проблемы, связанные с ролью и местом складывающейся в постсоветской Российской Федерации философии права в системе имеющихся на сегодня обществоведческих наук.*

Ключевые слова: *Ф.М. Раянов; философия права; дискурсивный подход; общественное развитие.*

SAL'NIKOV V.P.
GALIEV F.Kh.
ZAKHARTZEV S.I.

TO NEW FRONTIERS OF THE THEORY OF STATE AND LAW.
To the output of the monograph of F.M. Ryanov: Philosophy of law: discursive analysis and new conclusions: Monograph. - Moscow: Yurlitinform, 2017. 264 p.

The summary. A review of the monograph by F.M. Ryanov: Philosophy of Law: "Discursive

Analysis and New Findings. It is noted that in this monograph the author summarizes the main problems associated with the role and place of the philosophy of law emerging in the post-Soviet Russia in the system of social science sciences that are available today.

Key words: *F.M. Ryanov; philosophy of law; discursive approach; social development.*

Отечественная библиотека научных трудов, посвященных проблемам современной юриспруденции, пополнилась еще одним изданием. В начале нового 2017 года на книжных полках магазинов нашей страны появилась очередная монография известного ученого, доктора юридических наук, профессора Ф.М. Раянова «Философия права: дискурсивный анализ и новые выводы»? опубликованная московским издательством «Юрлитинформ».

Как видно уже из названия работы, книга посвящена рассмотрению многих накопившихся на сегодняшний день вопросов и спорных теоретических положений философии права, которые давно требовали нового исследовательского подхода. При всем этом обращение автора и к проблемам философии права, и название работы явно не случайные явления. Во-первых, профессор Ф.М. Раянов известен в нашей стране и широко за ее пределами как один из первых исследователей темы, связанной как с теорией гражданского общества, так и с проблемами формирования в Российской Федерации правового государства. Во-вторых, в последние годы понятию «право», и, вообще, вопросам, связанным с сущностью права, содержанием права, познанием права уделяется немало внимания со стороны, как отечественных исследователей, так и зарубежных ученых, появляются новые подходы к определению понятия права, что само по себе является одной из актуальных проблем в юриспруденции. Так, наряду с традиционными подходами к познанию права предлагаются и неизвестные ранее: интегральный [9; 10; 23; 24; 28; 29; 30; 31; 44; 45], компрехендный [11; 12; 13; 14; 15; 16; 17], через синкретизм правовой культуры [3; 4; 5; 6; 7; 8], современную российскую Конституцию [47], юридическую герменевтику [1; 2].

Мы здесь не можем не сказать и о том, что на проблемы философии права Ф.М. Раянов вышел постепенно в процессе своей многолетней творческой жизнедеятельности. Так, еще в работе «Размышления о государстве», увидавшем свет в далеком 1994 году, т. е сразу же после принятия новой Конституции постсоветской России, он писал: «Подробное рассмотрение и обоснование оснований формирования и функционирования каждой из отмеченных нами идеологий и механизмов социального движения не входит в задачу настоящего исследования. Этим, больше всего, должны предметно заниматься такие науки как философия, социология, политология» [43, стр. 5]. В следующей статье под названием «Федерация не самоцель», где Ф.М. Раянов уже более предметно обращается к политической философии государственности. Здесь он пишет: «В политической философии государственности идеи федерализма, на наш взгляд, имеют лишь преходящее значение. Если идею федерализма поднять до уровня первостепенно важного принципа и стремиться, любой ценой, добиваться ее реализации, то очень просто можно съехать с рельсов правового государства» [40, стр. 71]. А немного позднее Ф.М. Раянов уже подготовил и выпустил специальную монографию, посвященную политической философии государственности. В предисловии этой монографии он уже пишет: «Вопросы политической философии государственности в историческом плане особенно актуализируются в периоды больших политических потрясений, существенных государственно-правовых кризисов. Когда общество и его политическая власть развиваются согласованно, на естественной эволюционной основе, то наступает относительное успокоение общественно-политической мысли. Однако в общественном развитии наступают и исторические взрывы разумения, когда переосмысливаются определенные ценности, люди, начинают лучше понимать свое место в общественном развитии и освобождаются от душивших их государственно-правовых оков» [34, стр. 3]. Увидевшим свет в том же году, что и только отмеченная монография, книга Ф.М. Раянова посвящена проблемам теории государства и права. И здесь он также поднимает не

менее острые философско-правовые проблемы. Так, он пишет: «Поднимая в свое время на щит лозунги бедных, люмпенов, мы произвели уравниловку по бедности. Между тем бедное государство правовым быть не может. При наших природных и интеллектуальных возможностях нужно дать людям возможность полностью раскрыть свои способности в производственной и культурной сферах. Чем больше богатых, как в материальном, так и в интеллектуальном смысле граждан, тем богаче будет государство, и тем больше оно будет уделять внимания социализации тех граждан, которые в этом нуждаются» [37, стр. 119]. По существу исследователь предлагает нам задуматься над субъектностью политического класса и его социальной значимостью [25; 26; 27].

Мы уже отмечали, что Ф.М. Раянов большое внимание уделяет вопросам формирования в нашей стране правового государства. Так, в работе «Трудный путь к правовому государству» он пишет: «В последние годы довольно много пишут и говорят об общенациональной идее, об основах устойчивости российского государства. На мой взгляд, в этом направлении необходимо вести речь и о политической философии современной российской государственности, т.е. о том, как после преодоления марксистско-ленинского учения об отмирании государства мы должны теоретически и практически оправдывать необходимость и ценность государства» [39, стр. 79]. В следующей своей научной работе, посвященной проблемам понимания права, Ф.М. Раянов утверждает: «осмысливая сущность юридического права, следует не усложнять его исторической философией права вообще, а исходить из современной жизненной необходимости в совершенном юридическом праве, способном обеспечить справедливые взаимоотношения между людьми, живучими в государственно-организованном обществе» [42, стр. 28]. Как бы развивая свои предыдущие слова о философско-правовых проблемах, Ф.М. Раянов в другой своей статье пишет: «После серьезнейшего переосмысления марксизма-ленинизма, на идеологии которого долгое время основывалась общественная жизнь в нашей стране, в Российской Федерации еще четко не обозначены общенациональные ценности, опираясь на которые можно было бы развиваться дальше» [35, стр. 5]. Перечисляя прежние научные работы Ф.М. Раянова, так или иначе затрагивающие проблемы философии права, нельзя не сослаться еще на одну его книгу. Она вошла в научный аппарат обществоведческих наук не только своим удачным, но и не менее оригинальным названием: «Государственно-правовые болезни: исторический диагноз». Здесь автор пишет, что: «умышленно или не умышленно запутанная история нашего государственно-правового развития продолжает оказывать сильное сдерживающее влияние на выбор Россией оптимального вектора своего развития до настоящего времени. Отсюда стратегическая проблема развития для современной России заключается не в плоскости выбора сильной государственности, а в плоскости освоения науки организации общественной жизни людьми на основе признания и уважения со стороны государства прав и свобод человека» [32, стр. 11].

Философско-правовые проблемы поднимаются и в ряде других, ставших не менее актуальными научных работах Ф.М. Раянова. Среди них можно выделить монографию «Проблемы теории и практики правового государства», опубликованную в 2013 году. В этой монографии он обращает внимание на то, что «вопросы правового государства – это вопросы из области общественной жизни, и они относятся к сфере гуманитарных наук. Это вопросы о том, как можно выйти на позиции формирования удовлетворяющего все возрастающие потребности человеческого общества. Поэтому вопросы правового государства нужно поставить не только в контексте мировой истории, но и в ряд поисков хорошей жизни, справедливого общества» [36, стр. 216]. В таких же монографиях Ф.М. Раянова, как «Теория правового государства» [38, стр. 9-59] и «Гражданское общество и правовое государство: проблемы понимания и соотношения» [33, стр. 7-87] вопросы современной философии права нашли еще большее отражение. Они затрагивают очень значимые, вечно актуальные философско-правовые проблемы соотношения права и справедливости [18; 19; 20; 21; 22; 46; 48; 49].

На основе отмеченных и некоторых других своих прежних работ, Ф.М. Раянов в новой монографии решил подытожить основные проблемы, связанные с ролью и местом складывающейся в постсоветской Российской Федерации философии права в системе имеющихся на сегодня

обществоведческих наук. Исходной точкой исследования, как отмечает сам автор, является то, что как отечественная теоретическая правовая наука, так и возрождающаяся философия права, и имеющие с ними органическую взаимосвязь теории гражданского общества и правового государства «болеют» одними и теми же теоретико-методологическими проблемами. Как пишет автор, «все они, по отдельности и вместе, нуждаются в основательном дискурсивном понятийном и содержательном переосмыслении с учетом ценностей Нового времени» [41, стр. 4]. Ф.М. Раянов считает, что без основательного и полномасштабного измерения основ сложившейся в постсоветской Российской Федерации философии права с точки зрения ценностей Нового времени и достигнутым уровнем наиболее развитых на сегодня стран мира в этой области, отечественная философия права так и останется на том уровне «философствования», на котором она пребывает сегодня. Поэтому он приходит к выводу о том, что выбранный отечественной постсоветской философией права теоретико-философский курс, с исключительной опорой только на философию права Г. Гегеля, нуждается в незамедлительном и основательном дискурсивном осмыслении и переосмысливании.

Мы не можем не согласиться с таким утверждением автора. Действительно, как отечественная теоретическая правовая наука, так и возрождающаяся в нашей стране в постсоветское время философия права пока еще базируются на гегелевскую философию права. Да, это и не удивительно: ведь постсоветскую философию права, в основном, пишут те же ученые, которые являются большими специалистами и в части отечественной теории государства и права. Как считает Ф.М. Раянов, основанная на философии права Г. Гегеля постсоветская отечественная философия права, как и вся теоретическая правовая наука в целом, просто не имеют оптимального будущего. Здесь же Ф.М. Раянов подчеркивает, что только дискурсивный подход к исследованию философских основ отечественной философии права, также как и отечественной теоретической правовой науки, в целом, может вывести на более оптимальный путь разрешения и других, являющихся на сегодня не только актуальными, но и спорными проблемами отечественного государственно-правового развития.

Нам представляется, что для отечественной теоретической правовой науки имеет большое значение и следующее фундаментальное предложение Ф.М. Раянова: «Постсоветской философии права вряд ли может быть найдено подобающее ей место в системе обществоведческих наук нашей страны, если мы не выйдем на естественноисторический путь развития юридической науки и в России. Сегодняшние попытки вмонтирования постсоветской философии права в систему общественных наук постсоветской Российской Федерации, без серьезных фундаментальных изысканий в этой области, не приведут к позитивным результатам. Тем более, если учесть, что постсоветская обществоведческая наука в целом и теоретическая правовая наука, в том числе, все еще находятся в условиях переходного этапа от остатков советского социалистического к новому, но пока еще неизвестному, постсоветскому общественно-политическому строю. Такой переход не может осуществляться без учета, как исторического прошлого России, так и ценностей Нового и Новейшего времени. В этих условиях и современное развитие «Философии права» в Российской Федерации вряд ли может осуществиться без учета принципов, как историзма, так и современности» [41, стр. 249]. Все это обосновывается тем, что осмысливая теоретические основы постсоветской отечественной философии права, можно найти почти те же изъяны, которые, по мнению Ф.М. Раянова, встречались в прошлом при исследовании им теории гражданского общества и правового государства. Во-первых, это исключительная привязанность к гегелевской философии права, а, во-вторых, непосредственно связанное с этим игнорирование мирового опыта современного государственно-правового строительства. В-третьих, как подчеркивает Ф.М. Раянов, сколько бы ни стараться выпячивать свои успехи, без сравнивания уровня реального состояния качества жизни в нашей стране с уровнем обеспеченности и благосостояния людей в других странах мира вряд ли можно выйти и на правильную оценку деятельности соответствующих государственно-правовых институтов. В-четвертых, все это происходит тогда, когда постсоветская Конституция Российской Федерации уже заложила основы подлинного современного государственно-правового развития нашей страны, полностью соответствующего фундаментальным мировым стандартам

в области обществоведения. Нам остается лишь строго развиваться в том же направлении.

По мнению Ф.М. Раянова, дальнейшее исследование философии права невозможно без учета основ философии Нового времени, потому что вместе с появлением философских учений Нового времени и началось научно-правовое осмысление именно современного общественного развития. Автор монографии отмечает, что, к сожалению, отечественная теоретическая правовая наука нашей страны все еще не обращает подобающего внимания к развитию ценностей Нового времени, и выражает надежду на устранение такой ситуации.

Список литературы

1. Боруленков Ю.П. Методологический статус герменевтики в юридическом познании // Юридическая наука: история и современность. 2015. № 7. С. 189-199.
2. Боруленков Ю.П. Юридическое познание (некоторые методологические, теоретические и праксеологические аспекты): Монография / Под науч. ред. В.Н. Карташова. – М.: Юрлитинформ, 2014.
3. Галиев Ф.Х. Воздействие права на общественные отношения и синкретизм правовой культуры // Вестник Башкирского ун-та. – 2013. – Том 18. – № 4. – С. 1352-1356.
4. Галиев Ф.Х. О синкретизме правовой культуры // Правовое государство: теория и практика. – 2013. – № 4(34). – С 36-73.
5. Галиев Ф.Х. Правовая культура: социально-философские проблемы // Мир политики и социологии. – 2016. – № 7. – С. 182-190.
6. Галиев Ф.Х. Синкретизм правовой культуры и оптимизация общественных отношений // Вестник Башкирского ун-та. – 2014. – Том 19. – № 1. – С. 336-341.
7. Галиев Ф.Х. Синкретизм правовой культуры современной России: теоретико-методологическое и историко-прикладное исследование: Дис. … докт. юрид. наук. – М.: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2014. – 517 с.
8. Галиев Ф.Х. Синкретизм современной правовой культуры: Монография. – Уфа: БашГУ, 2011. – 354 с.
9. Графский В.Г. Интегральная (общая, синтезированная) юриспруденция // Наш трудный путь к праву: Материалы философско-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсесянца. – М., 2006.
10. Ершов В.В. Юридическая природа принципов российского права с позиций легистского и интегративного правопонимания // Российское правосудие. – 2010. – № 1. – С. 12-22
11. Захарцев С.И., Сальников В.П. Компрехендная теория права – новая теория познания правовой реальности // Вестник Таджикского национального университета. – 2016. – № 2/5(207. – С. 183-187.
12. Захарцев С.И., Сальников В.П. Компрехендная теория права: ответы на вопросы // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 9. – С. 19-24.
13. Захарцев С.И., Сальников В.П. Об интегративном правопонимании в контексте компрехендной теории права // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 2. – С. 39-47.
14. Захарцев С.И., Сальников В.П. Об обосновании компрехендного подхода для познания права // Теория государства и права. – 2016. – № 2. – С. 39-58.
15. Захарцев С.И., Сальников В.П. Размышляем о сущности права: компрехендный подход // Правовое государство: теория и практика. – 2017. – № 1(47). – С. 13-30.
16. Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия. Философия права. Юридическая наука. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 264 с.
17. Захарцев С.И., Сальников В.П. Что есть компрехендная теория права? // Юридическая наука. – 2016. – № 3. – С. 5-9.
18. Идея справедливости в традициях постклассической философии права: Научное издание / Р.Ф. Исмагилов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников, С.И. Захарцев, М.В. Сальников, Л.К. Петросян, А.В. Черняева. – СПб.: Фонд «Университет», 2012. – 176 с.
19. Исмагилов Р.Ф. Право и справедливость в контексте исторических традиций // Мир политики и социологии. – 2016. – № 5. – С. 87-92.
20. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Право и справедливость в европейских правовых дискуссиях первой трети XX века // Мир политики и социологии. – 2016. – № 7. – С. 174-181.
21. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Право и справедливость: исторические традиции и современные модели (Историко-правовой анализ теоретических исследований актуальных вопросов отношения идеи права и идеи

справедливости в XX-XXI вв.): Монография. – СПб.: Фонд «Университет», 2017. – 324 с. (Серия: «Наука и общество»).
22. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Философия И. Канта и Г.В.Ф. Гегеля: рефлексия начал справедливости и права // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 5. – С. 155-164.
23. Карташов В.Н. От интегральной к синтетической теории права, или все-таки наоборот? // Теоретические и практически проблемы правопонимания: Материалы 3 Международной научной конференции, 24 апреля 2008 г. в Российской академии правосудия, г. Москва / Под ред. В.Н. Сырых, М.А. Заниной. – М.: РАП, 2010. – С. 162-174.
24. Козлихин И.Ю. Интегральная юриспруденция: дискуссионные вопросы // Философия права в России: история и современность: Материалы третьих филос.-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсесянца / Отв. ред. В.Г. Графский. – М.: НОРМА, 2009.
25. Колядин А.М. Институты гражданского общества и субъектность политического класса // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 7. – С. 176-185.
26. Колядин А.М. Субъектность политического класса и его социальная значимость: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – М.: Фонд «Университет», 2015. – 190 с.
27. Колядин А.М. Управленческая деятельность политической системы и субъектность политического класса // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 6. – С. 179-186.
28. Лазарев В.В. Интегративное восприятие права // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 2. – С. 20-29.
29. Лапаева В.В. Интегральное правопонимание в российской теории права: история и современность // Законодательство и экономика. – 2008. – № 5. – С. 5-13.
30. Немытина М.В. Проблемы современного правопонимания // Современные методы исследования в правоведении: Сб. науч. ст. / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. – Саратов, 2007.
31. Поляков А.В. В поисках интегрального типа правопонимания. «Круглый стол»: проблемы современного правопонимания. // История государства и права. – 2003. – № 6. – С. 2-16.
32. Раянов Ф.М. Государственно-правовые «болезни»: исторический диагноз. – Уфа, 2005. – 180 с.
33. Раянов Ф.М. Гражданское общество и правовое государство: проблемы понимания и соотношения. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 320 с.
34. Раянов Ф.М. Политическая философия государственности. – Уфа, 1998. – 160 с.
35. Раянов Ф.М. Правовая организация общественной жизни: теория и практика // Государство и право. – 2004. – № 12. – С. 5-9.
36. Раянов Ф.М. Проблемы теории и практики правового государства. – Уфа: Гилем, 2013. – 300 с.
37. Раянов Ф.М. Теория государства и права. – Уфа, 1998. – 172 с.
38. Раянов Ф.М. Теория правового государства. – М.: Юрлитинформ, 2014. – 272 с.
39. Раянов Ф.М. Трудный путь к правовому государству. – Уфа, 1999. – 172 с.
40. Раянов Ф.М. Федерация – не самоцель // Власть. – 1996. – № 3. – С. 71-73.
41. Раянов Ф.М. Философия права: дискурсивный анализ и новые выводы. – М.: Юрлитинформ, 2017. – 264 с.
42. Раянов Ф.М. Юридическое право: время разобраться по существу. – Уфа, 2001. – 34 с.
43. Раянов Ф.М., Гарданов А.Ш. Размышления о государстве. – Уфа, 1994. – 128 с.
44. Ромашов Р.А. Интегральная юриспруденция и энциклопедия права: историко-методологический анализ // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2013. – № 3. – С. 105-120.
45. Ромашов Р.А. Реалистический позитивизм: интегративный тип современного понимания // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2005. – № 1. – С. 4-11.
46. Чечельницкий И.В. Справедливость в правотворчестве: теоретико-правовое исследование: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 2015. – 28 с.
47. Шафиров В.М. Конституция, отраслевое право, правоприменение // Российская юстиция. – 2016. – № 3. – С. 2-5.
48. Экимов А.И. Аксиома соотношения справедливости и права // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 13-23.
49. Экимов А.И. Справедливость и социалистическое право. – Л.: ЛГУ, 1980. – 120 с.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Научный журнал «Юридическая наука: история и современность» публикует научные статьи и материалы различной экономико-правовой тематики, отвечающие требованиям научной новизны, актуальности, фундаментальности и аргументации выводов.

Редакция принимает к рассмотрению научные статьи на русском языке. Срок принятия решения о публикации – не более двух месяцев с даты регистрации рукописи.

Основанием для включения статьи в журнал является:

- положительная рецензия независимого рецензента, определяемого редакционным советом журнала;
- для аспирантов дополнительно – отзыв-рекомендация научного руководителя;
- издательский договор с автором статьи;
- лицензионный договор о передаче прав на использование произведения автора;
- выполнение правил представления рукописей и требований к их оформлению.

Требования к оформлению статьи.

1. Электронный вариант статьи предоставляется в формате Word или RTF, кегль 14 «Times New Roman».
2. Бумажный вариант статьи предоставляется в двух экземплярах форматом А4, печать текста через полтора интервала.
3. Объем статьи – не менее 12 стр., но не более 18 стр. (до 40 000 знаков, включая пробелы); объем статьи для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук – не менее 6 стр. 4. Рисунки встраиваются в формате BMP, диаграммы – в формате Excel, таблицы – в формате Word.
5. Аннотация статьи – на русском и английском языках (не более 1000 знаков, включая пробелы).
6. Ключевые слова – на русском и английском языках (не более 7).
7. Затекстовые ссылки (на русском и английском языках) оформляются в соответствии с библиографическими требованиями, размещаются после текста статьи под заголовком «Список литературы». Источники располагаются по алфавиту. Для связи затекстовых библиографических ссылок с текстом статьи используют знак отсылки, который приводят в виде цифр (порядковых номеров). Отсылки в тексте статьи заключаются в квадратные скобки. Если ссылку приводят на конкретный фрагмент текста документа, в отсылке указываются порядковый номер и страницы. Сведения разделяют запятой. Например:
   - в тексте: [7, стр. 15].
   - в затекстовой ссылке: 7. Бачинин В.А., Сальников В.П. Правовая реальность в контексте цивилизации и культуры. Методология причинного анализа: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб: Фонд «Университет», 2005. – 224 с. – (Серия: «Наука и общество»).
8. Если автор считает необходимым привести ряд комментариев, то перед списком литературы необходимо создать раздел под заглавием «Примечания», в котором в порядке очередности будут указаны авторские уточнения или пояснения, обозначенные в тексте одной и несколькими (до трех) звездочками.
9. Специальные символы (например, греческие, древнерусские и другие редкие буквы) оформляются в виде картинки или сопровождаются шрифтами с данными символами.

К тексту статьи прилагаются данные об авторе:

1. Ф. И. О. автора (полностью на русском и английском языках).
2. Полное название (на русском и английском языках) организации, где работает автор, с указанием города, страны.
3. Почтовый адрес.
4. Контактный адрес: E-mail, телефон, факс.
5. Ученая степень и звание.

6. Основные направления научных исследований.

7. Специальность по Номенклатуре специальностей научных работников.

8. Для аспирантов и соискателей: научный руководитель (Ф. И. О., научная степень, ученое звание, должность).

Обязательными компонентами условий включения статьи в научный журнал являются:

- представление автором текста статьи и комплекта сопутствующих документов в строгом соответствии с вышеназванными требованиями, подтверждаемое получением регистрационного номера;
- подписание лицензионного договора;
- предварительная оплата автором научного рецензирования статьи (рецензентом, определяемым редакционным советом журнала).

Рукопись статьи направляется рецензентам после поступления на счет Издательства оплаты по договору на этот вид деятельности.

Печать статьи в порядке естественной очередности с предоставлением одного экземпляра ее оттиска при получении положительной рецензии производится для автора бесплатно. Оплата расходов за редактирование и полиграфию осуществляется за счет средств Фонда поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет».

В случае необходимости срочной публикации статьи Издательство может после получения положительной рецензии за отдельную плату реализовать определяемый автором ускоренный выход статьи в свет: один, полтора, два, два с половиной, три или три с половиной месяца после подписания журнала в печать.

В этом случае автор также компенсирует все затраты по выпуску его статьи. Автору предоставляется один экземпляр журнала с собственной статьей.

Плата за опубликование рукописей аспирантов не взимается.

По просьбе автора могут предоставляться дополнительные платные услуги:

1. Одно повторное рецензирование статьи, в случае неположительной первой рецензии.

2. Литературное редактирование.

3. Написание и перевод на английский язык текста аннотаций, перечня ключевых слов, затекстовых ссылок

4. Продажа дополнительных экземпляров журнала на льготных условиях.

5. Предоставление библиографического описания и электронной версии окончательного варианта статьи с указанием страниц в журнале сразу после появления оригинал-макета номера журнала.

Перечень обязательных и дополнительных услуг, а также полная стоимость публикации статьи в журнале определяется издательским договором.

Рукопись статьи и сопутствующие ей документы направляются на редактирование и в печать после поступления средств на счет по издательскому договору. Авторские гонорары не выплачиваются. Рукописи и сопутствующие материалы не возвращаются.

Материалы просим присылать по адресу:

Фонда поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет»
Редакция журнала «Юридическая наука: история и современность»,
198261, Санкт-Петербург, пр-т Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б
тел.: 8 (901) 370-00-25, тел./факс: 8 (812) 755-56-58
E-mail: fonduniver@bk.ru

www.fonduniver.ru

Федеральная служба
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

СВИДЕТЕЛЬСТВО

О РЕГИСТРАЦИИ СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

ПИ № ФС77-40503 *от 01 июля 2010 г.*

Название *Юридическая наука: история и современность*

Адрес редакции *198261, г. Санкт-Петербург, пр-т Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б*

Примерная тематика и (или) специализация *Научная; реклама не более 40 %*

Форма периодического распространения *журнал*

Язык(и) *русский*

Территория распространения *Российская Федерация*

Учредитель (соучредители) *Общество с ограниченной ответственностью "Образовательный центр «СоветникЪ" (198261, г. Санкт-Петербург, пр-т Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б)*

Заместитель Руководителя **Р.В. Шередин**

Начальник Управления разрешительной работы в сфере массовых коммуникаций **М.Ю. Ксензов**

Настоящее свидетельство выдано в соответствии с Законом Российской Федерации от 27 декабря 1991 года № 2124-1 "О средствах массовой информации".
Нарушение законодательства Российской Федерации о средствах массовой информации влечет ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации.

017612

Редактор О.П. Человечкова, к.ю.н.
Технический редактор Д.А. Ларин

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
«ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ»

2017, № 3

Выход в свет 29.03.2017. Формат 60 x 84 $^{1}/_{8}$. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Объем 18,5 уч.-изд. л.; 27,5 усл. печ. л. Тираж 500 экз. Заказ № 88.
Фонд поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет»

198261, Санкт-Петербург, пр. Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б
тел.: 8 (901) 370-00-25; E-mail: fonduniver@bk.ru